

Русские вне России. История пути

РУССКИЕ
ВНЕ РОССИИ.
История пути

Библиотека-фонд
«Русское Зарубежье» (Москва)
Русский Дом (Таллин)
Таллинский университет

Таллин
2008

«Русские вне России. История пути»

Редакционная коллегия:

И. Белобровцева (Таллин, Эстония)
Е. Душечкина (С.-Петербург, Россия)
О. Коростелев (Москва, Россия)
П. Лавринец (Вильнюс, Литва)
И. Лукшич (Загреб, Хорватия)
Л. Луцевич (Варшава, Польша)
Ф. Федоров (Даугвалпис, Латвия)

Ответственный редактор:

И. Белобровцева (Таллин, Эстония)

Корректор:

О. Стив

Фотографии:

Константин Буров

Архив Русского дома Эстонии

Архив Русского клуба Санкт-Петербурга

Архив объединения Светл.Кн.А.П.Ливена

Государственный архив Эстонии

Государственный эстонский музей военной

истории Й. Лайдонера

Семейный архив Т. Иосифовой

Частный архив А. Дормидонтова

Частные архивы авторов статей

Эстонская государственная национальная библиотека

www.samotur.ru

Консультанты по фотоиллюстрациям периода
гражданской войны

П. Лилленурм

Р. Розенталь

Книга издана при поддержке

Правительственной комиссии Российской
Федерации по делам соотечественников за
рубежом

ISBN 978-9949-18-096-7

© Русский дом. Эстония

Говоря о русском рассеянии, мы касаемся всех
пяти континентов нашей планеты.

В последние два десятилетия русское зарубежье интенсивно изучается историками, филологами, социологами, искусствоведами, психологами. В научный обиход вводится множество новых документов и материалов. Популярными стали такие труды, как «Русский Берлин» (Л. Флейшман, Р.Хьюз, О. Раевская-Хьюз), «Берлин, Восточный вокзал Европы» (К. Шлегель), «Русские в Англии» (О. Казнина), «Русская Швейцария» (М. Шишкин) и многие другие, воссоздающие среду обитания русского «исхода», его культурную и духовную жизнь, бережно воскрешающие имена и события, связанные с русскими в одной отдельно взятой стране.

Эта книга позволяет увидеть тему «Русские в Эстонии» в самых разных аспектах и с самых разных точек зрения. Это и рассказ о появлении в окраинной имперской губернии русских староверов, и история православия в Эстонии, и исследование мощного потока эмигрантов начиная с 1919 года. Речь идет и о феноменах русской культуры за все время ее существования на эстонской территории, и о сегодняшних насущных проблемах жизни русской общины.

Испокон века русские жили вне России, оставляя свой след и свои имена в истории страны проживания. Это знаменитые люди своего времени, общественные организации – от купеческих, коммерческих до социально-культурных, образовательных, православных и благотворительных. Богатейшим подарком мировой истории можно назвать многомиллионную эмиграцию русских в XX веке. Российские эмигранты того времени владели иностранными языками, ориентировались в европейской культуре, имели богатый багаж собственной русской культуры, потому сумели адаптироваться в жизненных условиях стран, куда занесла их судьба.

Весь XX век можно назвать русским исходом – послереволюционный период с 1917 года, исход после Второй мировой войны, времена «застоя» 1970–1980-х годов, роковой перестройки с 1990-х годов. И совершенно новое русское рассеяние – русские в республиках бывшего СССР.

Только в последние десятилетия в России и за рубежом активизировалась работа по изучению истории русской эмиграции. Наученные горьким опытом потерь информации о русском исходе в начале XX века, находятся энтузиасты-ученые, изучающие современное русское рассеяние.

Сборник «Русские вне России. История пути» - дополнительная возможность сохранить в истории имена и события.

Содержание

I. Русские в Эстонии. Страницы истории	11
Русские в Причудье. Кто они? <i>Федор Савихин, Арне Касиков (Тарту)</i>	13
Зарождение православия в Эстонии. <i>Сергей Мянник (Таллин)</i>	19
Русские военные в Эстонии 1920–30-х гг. <i>Роман Абисогомян (Тарту)</i>	34
Эмиграция из-под Петрограда в Эстонию в 1919 и начале 1920-х гг.: исторический, социальный и культурный фон. <i>Аурика Меймре (Таллин)</i>	86
Социальная структура и культурная ориентация русского меньшинства в Эстонской Республике (1918–1940). <i>Татьяна Шор (Тарту)</i>	94
Русский дом – общий кров: общий обзор. <i>Аурика Меймре (Таллин)</i>	106
Мультикультурный Таллинн. <i>Эне Воху(Таллин)</i>	122
«Таллинский текст» в русской культуре. <i>Ирина Белобровцева(Таллин)</i>	128
О памятниках больших и малых. <i>Май Левин (Таллин)</i>	134
II. Люди и судьбы	141
Актриса Стелла Арбенина. Опыт жизнеописания. <i>Сергей Исаков (Тарту), Андрей Рогачевский (Глазго)</i>	143
Славист Сергей Штейн и Тартуский университет (1919–1928). <i>Галина Пономарева (Таллин), Татьяна Шор (Тарту)</i>	163
Белый пастырь. (Судьба протоиерея о.Владимира Быстрякова). <i>Павел Лилленурм (Москва)</i>	174
Рожденная русской. <i>Ольга Гречишкина (Таллин)</i>	185
Архипелаг ГУЛАГ – эстонский остров. <i>Наталья Ликвинцева (Москва)</i>	204
III. Актуальные проблемы русских в Эстонии	207
Знать и помнить. <i>Олег Теэ (Таллин)</i>	209
Медийная дискуссия вокруг «Бронзового солдата»: попытка диалога. <i>Аида Хачатурян (Таллин)</i>	219
Помолчим по-русски. <i>Николай Кормашов (Таллин)</i>	229
Мы работаем на культуру Эстонии. <i>Игорь Ермаков (Таллин)</i>	232
«Русский Дом» – русское слово, русская мысль, русская душа. <i>Марина Тэе (Таллин)</i>	238
IV. Приложения: Русский Дом. След в истории	245
Русские дома вне России. <i>Татьяна Суродина (Санкт-Петербург)</i>	247
Как я захотела учить русский язык и что из этого получилось. Значение русского языка на Лазурном берегу. <i>Элен Метлов (Ницца)</i>	264
Русский исход в Китае. <i>Олег Карпухин (Москва)</i>	270
Традиционные Русские балы и благотворительность. <i>Ольга Косогор (Санкт-Петербург)</i>	280

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

**Обращение к читателям
Председателя Правительственной комиссии
по делам соотечественников за рубежом**

Вашему вниманию предлагается книга о российской диаспоре. Примечательно, что она подготовлена самими соотечественниками и рассказывает о том, как складывались их судьбы, формировалась диаспора. Ее лейтмотив в том, что, несмотря на различия, всех нас объединяет любовь к Отечеству, чувства сопричастности великой русской культуре, гордости за нашу страну.

Развитие отношений партнерства с зарубежными соотечественниками всегда будет среди приоритетов внешней политики России. Это также касается защиты их законных прав и интересов, укрепления позиций русского языка и культуры за рубежом.

Убежден, книга найдет своего заинтересованного читателя, будет востребована как убедительное подтверждение традиционно тесных связей соотечественников с исторической Родиной, объединяющей нас приверженности раскрытию колоссального созидательного потенциала «русского мира».

С. ЛАВРОВ

**Обращение
к читателям сборника
«Русские вне России. История пути»**

История русской общины в Эстонии насчитывает несколько сотен лет, а с конца XIX века русские стали играть значительную роль в общественной и культурной жизни этой страны. Между тем, история русской культуры, а также биографии русских деятелей Эстонии недостаточно изучены, многие из них незаслуженно забыты, несмотря на тот факт, что именно русские в странах Балтии и многих других странах Европы умело находили пути адаптации, оставаясь при этом верными своему Отечеству - России.

Ностальгия по Родине, постоянные мысли о ее судьбе обостряли национальное самосознание и в огромной степени стимулировали интеллектуально-культурную активность наших соотечественников. Как следствие к настоящему времени мы получили в наследство историю России вне России - в виде уникального культурного феномена "Русской Франции", "Русского Китая", "Русской Турции", "Русской Германии" и.д. В равной степени сегодня мы можем говорить и о русской Эстонии, историю которой отличают удивительные многогранность и мультикультурность. Наряду с развитием прибалтийской, шведской, немецкой и иных европейских культур здесь активно развивалась и русская культура.

Выход из печати сборника "Русские вне России. История пути" - шаг к открытию новых ярких и во многом неожиданных страниц русского пути в Эстонской Республике. В него вошли исследования ученых Тартуского и Таллинского университетов, работы отдельных авторов, воспоминания и наблюдения современников, вносящие неоценимый вклад в сохранение и развитие русского мира вне России.

Убежден, что материалы сборника вызовут живой интерес читателей не только в Эстонии и России, но и во многих странах Европы.

ПОСОЛ РОССИИ В ЭСТОНИИ

Н.УСПЕНСКИЙ

**Русские
в Эстонии.
Страницы
истории**

Русские в Причудье. Кто они?

Федор Савихин, Арне Касиков (Тарту)

В течение многих лет бытовало мнение, что распространение старообрядчества в Эстонии связано с переселением старообрядцев (староверов) из России после раскола православной церкви (1667 год), участие в этом православного населения, находившегося в Эстонии до раскола, исключалось. Это мнение основывалось на общеизвестном факте бегства старообрядцев на окраины России и за ее пределы из-за последовавших на них гонений. Переселение больших групп старообрядцев в Латвию и Литву подтверждено документами. Однако в случае Эстонии документы свидетельствуют о переселении сюда только небольших групп старообрядцев.

Второе важное отличие староверов Эстонии было обнаружено более 40 лет назад. А именно: говоры старообрядцев Литвы и Латвии оказались схожими с говорами в основном Новгородчины и Псковщины, но говоры староверов Эстонии сохранили более архаичные, более древние черты. Это означало, что предки староверов Эстонии длительное время прожили в изоляции от ближайших русских земель. Поэтому для раскрытия причин возникновения старообрядчества в Эстонии и образования русского населения в Причудье необходимо было проследить судьбу сельского православного населения, когда Западное Причудье находилось под Польшей, потом под Швецией (1582—1704 гг.). Более того, на основании данных ревизий эстонские ученые уже более 40 лет назад установили, что только те деревни Западного Причудья позже превратились в преимущественно русские и староверческие, в которых русское (точнее православное) население проживало до раскола. К тому же было выяснено, что численность русского населения в сельской местности, определенная по православным именам, с 1582 года по конец XVII в. изменялась так же, как и численность эстонского населения. Иначе говоря, в течение указанного периода существенный приток (отток) русских в область Западного Причудья документально не зафиксирован. Наиболее полную картину расселения русских в сельской местности вблизи Западного Причудья дает шведская ревизия 1638 года, в которой русские семьи отмечены. Из отмеченных русскими только четверть семей имела чисто православные имена, другие имели смешанные или полностью эстонские имена. Их корректнее называть русскоязычными (двуязычными) православными, потому что сейчас термин «русский» имеет другой смысл, чем в те времена. И в 1638 году в непосредственной близости к западному берегу Чудского и Теплого озер они проживали только в тех местах, где позднее прибрежные деревни превратились в преимущественно русские староверческие. Полные данные с картой расселения «русских» семей опубликованы в 1933 году. Всего здесь проживала 341 семья, или порядка 2000 человек, 10% от эстонского населения. По обычно принятым оценкам, к концу XVII в. численность потомков православных могла достигать 8000 человек, хотя,

повторяем, они проживали не непосредственно на берегу озера (для этого не было экономических условий). А поскольку документы фиксируют переселение в Причудье только небольших групп старообрядцев, то основными предками староверов Причудья могли являться только православные, проживавшие в Эстонии до раскола. По имеющимся данным, это ядро православных образовалось во времена вхождения Северного и Западного Причудья в состав России, то есть в 1563-1582 гг.

Нахождение православных, предков полуверцев, в Эстонии в этот период бесспорно. После завоевания Северной Эстонии шведами, а остальной части поляками в 1581-1582 гг. православные церкви, за исключением Таллинской, были закрыты, православные священники выдворены, проводилась политика перевода православных в лютеранство (католичество), но православие в частных домах не запрещалось. Поэтому православные сами проводили службы на дому, крестили детей, хоронили, то есть вынужденно обходились без попа за сто лет до возникновения беспоповского старообрядчества, в котором отсутствие попа «узаконено».

Для понимания вопроса необходимо проследить судьбу православных Эстонии в польско-шведский период.

После завоевания и остальной части Эстонии Швецией отношение власти к православным кардинально не изменилось. Поскольку Эстония не входила в состав России, то реформы Никона не отразились на положении дораскольных православных, но, автоматически оставшись на старой вере, они превратились в староверов. Таким естественным путем дораскольные православные Эстонии стали беспоповскими староверами–раскольниками, поэтому и в деревнях Причудья, в которых они проживали, оказались староверы–раскольники. Позже к ним подсеялись староверы как из внутренних областей Эстонии, так и из России. Наиболее интенсивные переселения из внутренних областей Эстонии на берег Чудского озера в конце XVII и со второй половины XVIII вв. были обусловлены нехваткой свободных земель вследствие увеличения плотности населения в Эстонии, а в самом конце XVII в. — и вследствие разразившегося голода.

Из вышесказанного становится понятным, почему старообрядчество распространилось только по тем деревням западного Причудья, в которых находилось православное население до раскола, почему отсутствуют документальные свидетельства о переселении заметного количества староверов из России в западное Причудье. Подчеркнем, что о появлении небольшой группы староверов из России в Северной Эстонии было широко известно, несмотря на их замкнутый образ жизни, тогда как о появлении значительных групп староверов из России в западном Причудье документальных данных нет. Переселению больших групп староверов из России в Эстляндию и эстонскую часть Лифляндии, несомненно, препятствовала проводимая шведами политика лютеранизации, приведшая, как хорошо известно, к массовому бегству православных из шведских владений в Россию.

Нет никаких разумных оснований считать, как полагают сторонники утвердившегося мнения, что в большом количестве староверы могли тайно от шведских властей, без чьего-

то разрешения переселиться из России на открытый берег озера. Напомним, что вплоть до середины XX в. Чудское озеро и река Эмайыги являлись основной связующей магистралью, а в шведские времена на Чудском озере действовала шведская военная эскадра. Более того, рыбаки и огородники в принципе не могли жить скрытно, так как рыбу и овощи необходимо было продать или обменять на другие товары.

Компактное проживание православных вблизи северного Причудья и проводившаяся с 1581 года политика лютеранизации привели к тому, что после присоединения Эстонии к России полуверцы северного Причудья не вернулись в лоно православной церкви и к концу XVIII в. окончательно перешли в лютеранство, а к середине XX в. — на эстонский язык. Вблизи западного Причудья политика лютеранизации начала проводиться на полвека позже. Но она осложнялась тем, что православное население проживало небольшими разрозненными группами. К тому же этот процесс затормозила и «священная» война, в результате которой Тарту и его окрестности оказались под контролем России в течение 5 лет. Поскольку оставшиеся в православии в течение длительного времени обходились без попа, после присоединения Эстонии к России им оказалось более близким и понятным беспоповское старообрядчество, и с появлением федосеевских проповедников они стали федосеевцами (рабскими). Этому содействовало и то обстоятельство, что после вхождения Эстонии в состав России немецкие помещики долгое время противодействовали распространению официального православия.

Образование русских старообрядческих деревень в Причудье в результате автоматического превращения проживавших в Эстонии задолго до раскола православных в староверов привело к ряду следствий. Поскольку по договорам 1617 и 1658 гг. обе стороны обязывались возвращать перебежчиков, то деревенька староверов из России, переселившихся в Причудье с разрешения хозяина мызы и не возвращенных назад шведской стороной, была сожжена Шереметевым, пойманные староверы — повешены. Но неизвестно ни об одной карательной операции, проведенной в староверческих деревнях Причудья.

Далее, в отличие от переселившихся в Северную Эстонию российских староверов, староверы западного Причудья не вели замкнутого образа жизни, владели эстонским языком и активно общались с эстонским населением, ограничивая контакты с иноверцами только в духовной сфере и в некоторых сферах быта.

Следует отметить, что религиозная ситуация и основные данные ревизий, на которые мы опирались, опубликованы эстонскими учеными в 1928–1962 гг. Мы их только собрали, проверили, уточнили и доработали. Поэтому мнение о том, что предки староверов Причудья являлись только переселенцами из России после раскола и с их переселением распространилось староверчество по Причудью, следовало переосмыслить с учетом изложенных выше данных. По этой причине в 2000 году мы отозвались на публикации о староверах Причудья как только о беглецах из России, не согласившись с этим. И это не было обусловлено нашей прихотью: поддержка утвердившегося мнения без его уточнения сказалась в том, что за многие годы не было определено, почему деревни именно в западном Причудье и на

острове Межа-Piirissaar, на котором находились и российские до 1920 года деревни Желачек (Saareküla) и Тони (Toonja), превратились в староверческие, откуда произошли и почему сохранились у причудцев с конца XVI в. русские названия рек и поселений, расположенных не только непосредственно на берегу, но и в глубине западного Причудья.

Кроме того, отсутствие исследований и понимания обнаруженных прибалтийскими филологами архаизмов в языке староверов Эстонии привело к тому, что выяснение особенностей языка причудцев в основном свелось к фиксации слов, которые в XIX в. были широко распространены по России и никакой информации об особенностях языка причудцев не несли. Но уходит поколение (к которому относится и один из нас), еще помнящее язык старшего поколения середины XX в., сохранявший следы древнего языка причудцев. Возникла реальная угроза потери следов древнего языка.

Хорошо известно, что язык меняется со временем. Мы, например, почти не испытываем трудностей в понимании текстов XIX в., но тексты XVII в. или тексты летописей уже вызывают трудности. При длительном проживании небольших групп в иноязычном окружении язык этих групп отстает в развитии, сохраняет старые черты. Иными словами, происходит консервация языка. Именно в таких условиях оказалось русскоязычное население, проживавшее в Эстонии в польско-шведский период и до середины XVIII в., когда переселение в Эстонию из России было возможно только по разрешению властей. Столь длительное проживание в иноязычной среде обязательно должно было привести к сохранению архаичных форм и слов в языке русского населения Причудья, что и обнаружили прибалтийские филологи 40 лет тому назад. Тем самым был интуитивно нащупан другой, независимый от данных ревизий, путь раскрытия корней староверческого населения Причудья. Он крайне важен, так как ревизии зачастую неполны, поэтому выводы из них в большой степени зависят от точки зрения исследователя. Этим путем мы и воспользовались при всесторонней помощи завкафедры славистики Тартуского университета, профессора А.Д. Дуличенко.

Мы задались целью выяснить, какие слова, характерные для каждого региона России, использовало старшее причудское население середины прошлого века. А поскольку эти слова могли попасть в Причудье вместе с их носителями, то по ним мы можно было бы судить, какие регионы России и в каком процентном соотношении участвовали в формировании русского населения Причудья. Причем для определения регионов России, характерные слова которых использовало старшее поколение причудцев в середине XX в., мы воспользовались как словарем В. Даля, собиравшего слова в первой половине XIX в., так и Словарем русских народных говоров, в который включены слова, зафиксированные в разных регионах России и в более позднее время. И в том, и в другом случае оказалось, что в основном причудцы использовали слова, характерные для Новгородчины, Псковщины, севера России и Сибири.

У причудцев слова, характерные для европейского Севера России и Сибири, составляли около половины от всех выделенных нами региональных слов. Но, по полученным нами

данным, в общих региональных словах староверов Латвии, Литвы и Эстонии присутствовали только слова в основном из Новгородчины и Псковщины, характерные же для Севера России и Сибири слова практически отсутствовали. Эти факты однозначно свидетельствуют о том, что за время проживания части предков староверов в Эстонии «северные» и «сибирские» слова исчезли из широкого употребления на Новгородчине и Псковщине, откуда в основном переселялись староверы в Прибалтику после раскола. Почему мы так уверенно говорим об исчезновении этих слов? Если посмотреть карты XIV–XV вв., то оказывается, что основная масса причудских слов распределена в границах земель Новгорода Великого, когда Север входил в их состав. Образно говоря, еще в прошлом веке язык старшего поколения причудцев «помнил» о границах земель Новгорода Великого, растерзанного войсками Ивана III в конце XV в. ужаснее, чем позже Иваном IV Казань. Более того, он «помнил» и о морских, и о сухопутных путях освоения Сибири в XVI веке.

Таким путем мы установили, что «северные» и «сибирские» слова в языке причудцев являлись остатками старого к XIX веку языка в основном Новгородчины, и по их процентному содержанию можно судить о доле потомков дораскольных православных в русском населении Причудья.

Конечно, язык не меняется в одночасье. Обнаруженные нами столь существенные изменения в составе языка потомков переселенцев в Прибалтику в основном второй половины XVIII века по сравнению с составом языка староверов Эстонии потребовали несомненно более столетия и происходили постепенно. Поэтому временные рамки языка (XVI в.) мы установили по времени интенсивного заселения новгородцами Севера (XIV–XVI вв.), по зарегистрированным, общим с Причудьем, следам языка XVI в. у поселенцев устья реки Индигирки в Сибири, обосновавшихся там в XVII в. потомков поморцев Белого моря (новгородцев), по схожести особенностей языка русских Западного Причудья с особенностями языка полуверцев Северного Причудья.

Время распространения элементов русского языка и слов по Западному Причудью мы можем установить по датам упоминаний названий местностей и поселений в ревизиях, в летописях. Так, еще в прошлом веке на острове Межа — Piirissaar поселение Kastre называли и Кастирию (от эст. Kaster), и Костром или Кострами. Название Костер фигурирует в летописях за XV в., а в польских ревизиях конца XVI в. Старый Костер (Vana Kastre) обозначен как Stary Kostr. Произведение названия Kaster или Kastre от русского Костер (крепостица) общепризнано эстонскими исследователями, отнесено к XIV в. и связано с водью, финно-угорским племенем, издревле проживавшим вокруг Чудского озера и в VI–XIV вв. хоронившим умерших в песчаных курганах, как и ближайшие славяне (словене и кривичи). Дань этому культу мы отдаем и сейчас, насыпая над могилой невысокий холмик, а кладбище по старинке называем могилами, домонгольским названием курганов. В давние времена водь вошла в контакт со славянами, часть из них преобразовалась в русских.

Названия большинства поселений Причудья и реки с русскими названиями зафиксированы в польских ревизиях конца XVI в. Особенно важно, что названия речек Коса

(Koosa jõgi) и Косовка (Koosa jõgi), с середины XIX в. Карговка (Kargaja), Ротша (Rotzi), позже Alatskivi, Омут (Omuth), позже Omedu, первично русские: названия реки Коса и Косовка получили по косе, песчаному мысу вблизи общего устья этих рек, Ротша — по ротшам, сараям на берегу озера вблизи устья этой реки для хранения запаса (набора сетей) и временного проживания рыбаков, Омут — по омуту в устье этой реки. Характерно, что все эти реки названы по особенностям в их устьях, а названия были распространены вплоть до верховий. Однако хорошо известно, что реки недавно пришедшим населением не переименовываются. Впервые название Вороний Камень упоминается в летописях в связи с Ледовым побоищем. Вороний камень у причудцев означал просто торчащий над поверхностью озера камень, черный на фоне озера. Поэтому он вряд ли был столь высоким, каким его представляют в фильме о Ледовом побоище... Можно было бы продолжить этот перечень сотнями собранных нами любопытных слов старого к XIX в. для ближних губерний языка, часть из которых содержится в Словаре древнерусского языка XI–XVII вв.

Несмотря на активные контакты с жителями близлежащих русских земель, вплоть до переселения части их в Причудье с третьей четверти XVIII в., отходничество, рыболовство в других водоемах, начальное образование, тесную связь с Тарту и Таллином, сохранение до середины XX в. причудцами не менее 700 слов (из всего массива в 1700), которые вышли к XIX в. из широкого употребления на Новгородчине и Псковщине, у староверов Латвии и Литвы и у переселенцев в Эстонию того же времени говорит о том, что существенную часть русских Причудья составили потомки православных, проживавших в Эстонии задолго до раскола. Это означает, что задолго до реформ Никона представители славян, части эстов и води (точнее, смешанное славяно-финское население), использовавшие характерные для старон Новгородского языка слова, объединенные православием, сохранили это единение по сей день в лице основных потомков русских староверов Причудья. Подчеркнем, что в XVII в. это сообщество еще, вероятно, некорректно называть русским в нашем сегодняшнем понимании, но и некорректно расчленять, выделяя из него эстонцев и русских по именам. (По сегодняшнему положению мы знаем, что имена и фамилии не всегда говорят о национальности носителя.)

С другой стороны, и из документов, и из независимых от документов особенностей языка мы получаем взаимодополняющую, научно обоснованную картину формирования русского населения в Причудье, в которой существенную роль играли дораскольные православные. Более того, и основные виды хозяйства (рыболовство, огороды) сложились до конца XVI в.: как особенность края поляки отмечают «ogrod przī domu...», на самых старых сохранившихся картах эти огороды изображены. Таким образом, единственно эта картина в состоянии объяснить все имеющиеся факты без необходимости привлечения каких-либо неаргументированных предположений. Мнение о том, что предками староверов Причудья являлись только староверы из России, после 1963 года вошло в противоречие с опубликованными эстонскими учеными фактами и, в принципе, с тех пор не могло рассматриваться в качестве научной гипотезы.

Зарождение православия в Эстонии

Сергей Мянник (Таллин)

История не сохранила подробных сведений о том, как и когда зародилось в Эстонии и вообще в Прибалтийском крае христианство. Близость Руси, таких городов, как Новгород, Псков, Полоцк и других, оказывала просветительное влияние на пребывавших в язычестве и идолопоклонничестве жителей побережья Балтийского моря. Первые письменные свидетельства о распространении православия на эстонской земле относятся к XII веку, но, несомненно, оно утвердилось уже с основанием в 1030 году князем Ярославом Мудрым города Юрьева (Тарту). «Сем лете иде Ярослав на чудь, и победи я, и постави град Юрьев», – гласит Лаврентьевская летопись. По какому поводу русскими был предпринят поход, в летописи не говорится, но, вероятнее всего, он был совершен с целью обложить данью чудь, как тогда называли эстонские племена. Русские князья неоднократно предпринимали такие походы, но, налагая дань, они не затрагивали религиозной и внутренней жизни эстов.

Православие не распространялось насильно, оно всегда оставалось тем учением, которое несло мир и братство, к нему присоединялись только те местные жители, кто сам изъявлял желание принять Святое Крещение. Известно, что уже в первой половине XII века в Новгородской и Псковской епархиях существовали правила, какими следовало руководствоваться при оглашении новокрещенных эстов. Так, епископом Новгородским Нифонтом (1130–1156) предписывалось начать оглашение чужина за 40 дней до крещения. Распространению православия на юге Эстонии способствовало возникновение в Латвии на берегу Даугавы поселений с постоянным православным населением, не только купцов и дружинников, но и местных жителей. Генрих Латвийский упоминает, что в 1210 году русские крестили в Оденпе («Медвежья голова», современное название – Отепя) некоторых эстов и обещали прислать священников для крещения других жителей, но обещания по какой-то причине не выполнили.

Развитие тесных добрососедских отношений между эстонцами и русскими и распространение православной веры в Прибалтике были прерваны вторжением в начале XIII века немецких рыцарей. Среди местного населения крестом и мечом стал насаждаться католицизм. Для захватчиков было важно не обращение язычников к христианству, а захват земель и власти. Об этом свидетельствуют и методы, к которым прибегали миссионеры: публичные казни, насильственное крещение, зачастую даже тех, кто уже был крещен в православии. Религиозное насилие стало неотъемлемой частью политики немецких рыцарских орденов. Именно это сыграло решающую роль через три столетия, когда идеи реформаторства одержали убедительную победу и установилось господство евангелическо-лютеранского вероисповедания, более близкого и понятного простому народу.

Но все же православие не могло исчезнуть совершенно. Во второй половине XIII века

начали устанавливаться торговые связи между Востоком и Западом. Русские купцы оседали в городах Ливонии, устраивали свои конторы. Непременным условием при заключении торговых договоров было строительство православных храмов.

В Ревеле русский конец с православным храмом находился на Морской улице у малых Морских ворот. В начале XV века, в связи с оживлением торговли, численность русского населения в городе значительно выросла и купцы из Пскова и Новгорода селились в районе улицы Вене, где был построен храм во имя святителя Николая.

В Дерпте были две православные церкви: св. Николая и великомученика Георгия, одна для новгородцев, другая для псковичей. Георгиевский храм, несмотря на противодействие немецких властей и католического духовенства, сохранил самоуправление и стал центром церковной жизни православного населения города. Но преследования католиков не прекращались: в 1472 году в реке Омвжа (Эмайыги) были утоплены в проруби священник Исидор и 72 православных за отказ принять католичество. «Не можешь ты отклонить нас от истинной веры христианской; твори над нами, что хочешь; вот мы перед тобой и повторяем тебе то же, что и прежде». Тогда епископ, «распалившись яростию», велел всех бросить в реку.

Священник церкви великомученика Георгия Победоносца Иоанн избежал участи своих единоверцев. Он удалился из города и основал Псково-Печерский монастырь, став его игуменом с именем Иона. Обитель оказывала в дальнейшем большое влияние на распространение православия в юго-западной части Эстонии, особенно при игумне Корнилии. Слава о подвижниках Псково-Печерского монастыря приводила жителей побережья Чудского озера в обитель. По возвращении домой рассказывали о Святой вере, чудесах и строгой жизни отшельников. Некоторые крестьяне убегали от жестокости и произвола своих господ, находили здесь свое убежище и приют, принимая православие и оставаясь при монастыре.

В середине XVI века разразилась Ливонская война: Российское государство пыталось выйти к Балтийскому морю. В результате военных действий почти вся территория Эстонии подпала под власть русских. На захваченных землях устраивались новые храмы. В Нарве было построено два: в крепости и в городе, и в 1570 году была учреждена епископская кафедра с центром в Юрьеве (Тарту). «Приехал в Новгород владыка с Москвы Корнилий новый с города Юрьева Ливонского». Эти сведения сохранились как в Новгородской летописи, так и в записках легата папы Григория XIII иезуита Антония Поссевина. Известно, сколько лет пробыл на кафедре епископ Корнилий. В синодике Псково-Печерского монастыря указан день его преставления - 5 февраля, с титулом священноепископа Юрьевского и Вельядского (Феллинского или Вильяндиского). Преемником его считают епископа Савву.

Итоги Ливонской войны были неудачны для России. Ливонский орден прекратил свое существование, его земли были поделены между Швецией и Польшей. Русское население, согласно мирным договорам, покинуло Ливонию. С поселенцами и войсками уезжало и духовенство, увозя иконы и утварь. Епископ Юрьевский и Вельядский покинул Дерпт в

1582 году, а его кафедра была упразднена. Православные храмы пришли в запустение, и к началу XVIII века на территории Эстонии остался только храм св. Николая в Ревеле, да и тот действовал с перерывами, в основном его посещали русские купцы и те немногие православные, которые жили в это время в городе.

В составе Российской империи

Северная война сыграла огромную роль в жизни Прибалтийского края и привела к большим переменам. Еще до заключения мирного договора 1721 года начали вновь устраиваться православные церкви для нужд как коренного населения, так и для военных. К моменту взятия Тарту русскими войсками в 1704 году православных храмов в городе не оставалось, и по приказу графа Шереметева православным была передана кирха св. Иоанна, где совершили торжественное богослужение в присутствии императора Петра I по случаю победы русского оружия. В Ревеле по распоряжению генерал-губернатора Эстляндии и Лифляндии фельдмаршала Александра Даниловича Меншикова им была передана шведская гарнизонная кирха св. Михаила, располагавшаяся в бывшем женском цистерцианском монастыре. В храм был поставлен образ вмч. Феодора Стратилата, и церковь стала именоваться Феодоровская.

Для сухопутных частей в 1721 году в Таллине построили деревянную церковь Рождества Пресвятой Богородицы. В храм были перенесены из Санкт-Петербурга список с чтимой Казанской иконы Божией Матери и древний воинский складень с тем же изображением. По наименованию иконы храм в народе стал именоваться Казанским. Для военных моряков в порту по указу императрицы Анны Иоановны была построена деревянная церковь. Ее освятили в честь небесной покровительницы императрицы свв. Анны пророчицы и Симеона Богоприимца. Средства на строительство собирались матросами, и по преданию храм был поставлен на днище корабля, выброшенного на берег моря.

Казалось, что после присоединения Эстонии к Российской империи православие должно было стать, опираясь на поддержку государства, господствующей религией, но ни сама церковь не стремилась к насилию, ни государство не оказывало зачастую даже необходимой помощи православной церкви. Напротив, в угоду политическим целям прибалтийскому немецкому дворянству были даны исключительные привилегии.

Православные храмы в первые годы после Северной войны подчинялись Патриаршему местоблюстителю митрополиту Стефану (Яворскому), однако в марте 1725 года управление приходами Лифляндии и Эстляндии было передано псковской епархии, во главе которой в то время стоял архиепископ Феофан (Прокопович), но отдаленность епархиального центра и особенности положения православных в среде иноверных сильно осложняло руководство отдаленными приходами. В Прибалтике ощущался острый недостаток священнослужителей, знающих местные языки. Уровень подготовки тех, кто служил в храмах, был весьма

низким. Псковские архиереи часто, во избежание недоразумений, были вынуждены писать подробные инструкции по самым разнообразным вопросам, а иногда и специально выезжать на места для наставлений.

В 1764 году приходы Эстляндской губернии были переведены в подчинение Петербургского митрополита. Для непосредственного руководства было создано Эстляндское духовное правление. Санкт-Петербургские митрополиты, занятые столичными делами, бывали в Эстляндии только дважды: в 1783 году митрополит Гавриил (Петров) и в 1863 году митрополит Исидор (Никольский), который 8 сентября освятил новый храм в Вейсенштейне (Пайде) и 10 сентября совершил литургию в Преображенском соборе Ревеля.

В 1817 году было учреждено Ревельское викариатство Санкт-Петербургской епархии. Викарные архиереи непосредственно управляли православными приходами в северной Эстонии, но они постоянно проживали в столице и посещали викариатство крайне редко.

Из ревельских преосвященных хотелось бы выделить таких выдающихся иерархов, как святитель Филарет (Дроздов), впоследствии митрополит Московский, проповедник и ученый богослов, государственный деятель и подвижник благочестия, а также митрополиты Санкт-Петербургские Григорий (Постников) и Никанор (Клементьевский).

Образование Рижского викариатства

С восшествием на престол императора Николая I правительство России стало проявлять большое внимание к активной деятельности в Прибалтике старообрядческих общин. Члену Святейшего Синода митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Серафиму (Глаголевский) было поручено рассмотреть вопрос об образовании на территории Лифляндской и Курляндской губерний новой епархии с архиерейской кафедрой в Риге. У Псковского архиерея епископа Нафаила были запрошены сведения о положении и количестве православных в губерниях. Из-за небольшого числа православных приходов, отсутствия монастыря и недостатка денежных средств Св.Синод через своего обер-прокурора Н.А. Протасова обратился к царю с просьбой учредить в Риге не самостоятельную кафедру, а только Рижское викариатство Псковской епархии, на что Николай I дал свое согласие.

Первый Рижский епископ Иринарх (Попов, 1790–1877) был широко эрудированным человеком: знал несколько иностранных языков, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью магистра богословия. Служил при российских посольствах в Милане, Флоренции, Риме и Афинах. При назначении на кафедру архиерея Святейший Синод обычно подготавливал специальную инструкцию – руководство для дальнейшей деятельности. Была написана такая инструкция и для епископа Иринарха. В ней были выделены те параграфы, которые касались старообрядцев, а также общения с иноверцами: рижский викарий должен был стать главным миссионером.

Епископ Иринарх прибыл в Ригу 6 ноября 1836 года, и после официальной части приема на новом месте началась деятельность Рижского викариатства. В первую очередь самое пристальное внимание владыка уделил совершению богослужений, требовал ревностного отношения к своим обязанностям, считая, что проповедь и молитва могут убедить колеблющихся. По отношению к старообрядцам архиерей вел осторожную политику, считая, что излишний шум и радикальные меры могут только усилить отрицательное отношение к православной церкви. При преосвященном Иринархе началось и первое движение из лютеранства в православие крестьян латышского и эстонского происхождения. Основной причиной этого движения было тяжелое положение в крае из-за неурожаев 1838-1840 гг. Безучастное отношение к голодающим помещиков и местных властей, слухи о возможности переселения в другие губернии России привели к тому, что люди стали обращаться к епископу Иринарху за помощью. Владыка выслушивал просителей, помогал неимущим. Видя ласковый прием православного архиерея, число крестьян-просителей увеличилось. Они начали подавать ему прошения о желании переселиться и присоединиться к православию. Все это было настороженно встречено местным начальством во главе с генерал-губернатором бароном Паленом. Действия крестьян были восприняты как бунт, и генерал-губернатор Пален обвинил в подстрекательстве к этому епископа Иринарха и в 1841 году начал ходатайствовать о перемещении владыки из Риги, видя именно в нем угрозу лютеранству и власти немецкого дворянства в Прибалтийском крае. Ходатайство было удовлетворено, и епископ Иринарх покинул Ригу.

4 октября 1841 года епископом Рижским был назначен ректор Московской духовной академии архимандрит Филарет (Гумилевский, 1805-1866).

Несмотря на осторожность епископа Филарета, напряженность в отношениях с властями появилась сразу: генерал-губернатор Пален и шеф корпуса жандармов Бенкендорф боялись повторения событий 1841 года. Рижский викарий, учитывая возможность расширения своей паствы, выступил с инициативой перевода ряда богослужебных книг на латышский и эстонский языки. Знание местных языков священнослужителями находилось под пристальным вниманием владыки: в самые сжатые сроки их надо было изучить и уметь совершать богослужения. Несомненно, епископ Филарет сам овладел эстонским и латышским: он лично участвовал в редактировании переводов богослужебных книг, принимал участие в проверке знаний священников. В 1846 году Николай I утвердил решение Св. Синода об учреждении в Риге духовного училища, которое должно было готовить кадры для Рижского викариатства.

В 1844 году Лифляндию и Эстляндию постиг очередной неурожай. Это вновь подтолкнуло крестьян к переходу из лютеранства в православие. В 1845–1846 гг. епископ Филарет и духовенство викариатства действовали решительно и, как только в какой-то местности появлялись просители о переходе, туда сразу же отправляли походную церковь, священника, чтеца и певчих. С октября 1845 года центром присоединения крестьян стал город Дерпт (Тарту), где контроль со стороны местных властей был значительно слабее, чем в

Риге. С 19 сентября по 11 октября 2533 эстонских крестьянина подали прошения на присоединение к православию. С прибытием в Дерпт второго священника, о. Павла Невдачина, начались богослужения на эстонском языке. Движение крестьян в православие охватило многие районы, и на местах начали совершать богослужения на эстонском языке: в 1845 году в Ряпина и Муствез, в 1846 году в Выру, Сангасте, Пыльтсамаа и Вильянди. Всего в Лифляндской губернии в 1845 году перешло в православие 9519 крестьян. Епископ Филарет предпринимал меры к поиску подходящих кандидатов для священнослужения среди эстонцев. Первыми такими священниками стали Иоанн Колон и Киприан Сарнет.

К ноябрю 1848 года действовало 48 православных приходов. За период 1845-1848 гг. в православие перешло почти 64 тыс. крестьян, или 17% населения эстонской части Лифляндской губернии. В то же время движение в православие крестьян южной Эстонии не распространилось на ее северную часть – Эстляндскую губернию, где напуганные событиями в Лифляндии помещики и пасторы приняли меры по улучшению положения крестьян. Под давлением местных властей Санкт-Петербургский митрополит не разрешил переход в православие в подвластной ему в церковном отношении губернии.

Образование самостоятельной Рижской епархии

После Рижских епископов Иринарха (Попова) и Филарета (Гумилевского), викариев Псковской епархии, третьим архипастырем и первым самостоятельным и независимым от Псковского архиепископа стал Платон (Городецкий).

Самоотверженная деятельность Рижских преосвященных подготовила условия для создания в Лифляндии самостоятельной епархии. Преосвященный Филарет, а затем и владыка Платон убеждали власти в необходимости такого шага для защиты православия в Прибалтийском крае. Создание епархии было поддержано и генерал-губернатором Суворовым. 25 февраля 1850 года Николай I утвердил доклад Святейшего Синода о преобразовании Рижского викариатства в самостоятельную епархию, которой был присужден 2-й класс. В юрисдикцию новообразованной епархии вошли Курляндская и Лифляндская, а с 1865 года и Эстляндская губернии. В 1850 году на территории епархии проживало почти 146 тыс. православных, было 109 храмов и 2 монастыря.

Главной задачей архипастырской деятельности архиепископа Платона было не только удержание в православии эстонцев и латышей, но и их увеличение присоединением новых членов из лютеран. Для выполнения этих задач, а также с целью расширения и качественного улучшения подготовки кадров священнослужителей Рижское духовное училище было преобразовано в духовную семинарию с усиленным преподаванием латышского и эстонского языков. Необходимо было заняться строительством и благоустройством храмов. Сельские церкви в 1950-х гг. XIX века большей частью располагались в малоприспособленных зданиях, во многих не хватало церковной утвари и облачений, иконостасы были

из простой перегородки, на которой развешивались значительно утратившие свой вид иконы, пожертвованные из других епархий, разной величины и письма. Преосвященный Платон хлопотал о том, чтобы каждый сельский приход имел свою постоянную церковь, снабженную всем необходимым. Его заботами в епархии было построено 44 новых храма, и это несмотря на то, что помещики-немцы отказывались продавать землю под строительство, даже по самой высокой цене.

Тем не менее, к 1866 году, последнему году управления Рижской епархией архиепископом Платоном, число православных достигло 180 тысяч, паства возросла более чем на 40 тысяч.

В марте 1867 года архиепископ Платон был назначен на Донскую кафедру. В Риге владыка пробыл 18 лет и очень много сделал для утверждения православия в Прибалтийском крае. «Не год за год, месяц за год должно считать многотрудную там службу Богу и Царю», – так высказался депутат от Рижской епархии на одном из юбилеев владыки, и нельзя не признать справедливости этих слов. Высоко была оценена деятельность архиепископа Платона на Рижской кафедре Святейшим Синодом и государственной властью: ордена Св. Владимира и Александра Невского, алмазный крест на клобук, панагия, украшенная драгоценными камнями – вот далеко не полный перечень его наград. В 1882 году владыка Платон был назначен митрополитом Киевским и Галицким, где и скончался 1 октября 1891 года.

Архиепископ Арсений (Брянцев)

В истории православия Эстонии видное место занимает разносторонняя, неутомимая и самоотверженная деятельность архиепископа Арсения (Брянцева). С чувством покорности и страха встретил владыка в 1887 году известие о своем назначении на Рижскую кафедру: покорности, потому что усматривал в этом волю Господа, а страха – потому что эта кафедра в разном крае требовала осмотрительности, равноапостольской ревности и больших трудов. Кажется, не было ни одной области в церковной жизни, которой не коснулось бы бдительное око архипастыря. Ярким свидетельством плодотворных трудов владыки и по сегодняшний день являются многочисленные храмы, построенные при его управлении у нас в Эстонии. Он освятил 7 сентября 1889 года храм Рождества Пресвятой Богородицы в Алайэ на берегу Чудского озера, 17 августа 1893 года – Князь-Владимирский храм в Нарва-Йыэсуу, к сожалению, разрушенный в годы Второй мировой войны, 13 августа 1895 года – Богоявленский храм в Йыхви и многие другие. Всего на территории Эстонии в период архипастырства владыки Арсения было построено 22 храма.

Совместно с Эстляндским губернатором князем С.В. Шаховским владыка Арсений был инициатором создания Пюхтицкого Успенского женского монастыря, который был торжественно открыт в 1891 году на Успение Пресвятой Богородицы.

Наряду с постройкой новых храмов много времени уделялось ремонту и приведению в благолепный вид обветшалых. Создание и благоустройство храмов, несомненно, способствовали более тесному объединению православных и оживлению приходской жизни.

Много важного и полезного сделал архиепископ Арсений для православия в Рижской епархии и в частности в Эстонии. За это время Православная церковь окрепла, возмужала и приумножилась.

Губернатор Эстляндии князь Шаховской

Большое значение в истории православия Эстонии имела деятельность губернатора князя Шаховского. Князь был переведен в Эстляндию в 1885 году, и здесь в полной мере раскрылся его талант администратора, проявились редкое трудолюбие и целеустремленность, ясное понимание государственных потребностей России. Он был назначен в Эстляндию в то время, когда правительство, по твердо выраженной воле императора Александра III, решило положить конец различиям в законодательстве и системе управления Прибалтийских губерний и Российской империи проведением судебной, полицейской и школьной реформ.

Большой интерес в этом отношении представляет деятельность губернатора, направленная на укрепление и распространение православия среди местного населения. Прибытие князя Шаховского в Ревель совпало по времени с новым подъемом перехода эстонских крестьян из лютеранства в православие. Притом просители объясняли свое желание тем, «что ищут новой веры не по каким-либо мирским выводам, а по собственному убеждению в истинности учения православной религии, которую исповедает сам Всемилоостивейший монарх и русские». Среди населения начиналось массовое движение и, понимая всю важность происходящих событий, князь Шаховской считал своим долгом оказывать содействие возможно более широкому развитию православия в Эстляндии. По его ходатайству правительство выделило на нужды церковного строительства весьма значительную по тем временам сумму - 420 тыс. рублей.

Одной из основных задач князь Сергей Владимирович считал строительство Александро-Невского собора в Ревеле. В апреле 1888 года был создан комитет под председательством губернатора, и через пять лет в его распоряжении был значительный капитал, но Сергей Владимирович успел отпраздновать только освящение места собора. Ему не было суждено участвовать в торжествах по освящению храма: он скончался до начала работ по его сооружению, подготовив однако все необходимое, начиная с изыскания материальных средств и до приобретения наиболее подходящего для собора места на Вышгороде.

Неоднократно Эстляндский губернатор ходатайствовал об открытии в Ревеле архиепископской кафедры и назначении на нее архиерея эстонца. «За время моего управления Эстляндской губернией я имел возможность усмотреть, насколько решение самых насущных

вопросов, связанных с устройством новооткрываемых в Эстляндии приходов, и удовлетворение самых неотложных нужд нередко неизбежно замедляется вследствие отдаленности епископской кафедры», – писал князь Шаховской обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву 18 февраля 1887 года. Первоначально Синод и обер-прокурор благосклонно встретили это предложение. Рассматривалась кандидатура во епископы Пярнуского благочинного протоиерея Дионисия Тамма, но впоследствии между заинтересованными сторонами возникло множество разногласий и по кандидатам на предполагаемую кафедру, и по возможности вообще открытия епископской кафедры в Ревеле. Надо отметить и то обстоятельство, что Рижское епархиальное начальство не поддержало губернатора и решение этого вопроса было отодвинуто на долгое время.

Много сил отдал Сергей Владимирович организации Пюхтицкого Успенского женского монастыря. Губернатор считал, что создание обители на Святой горе повлияет на объединение эстонцев и русских под покровом православия. Около монастыря находилась и летняя резиденция Эстляндского губернатора, где согласно завещанию губернатора похоронили после скорострительной кончины 12 октября 1894 года. Через год над его могилой был сооружен храм во имя преподобного Сергия Радонежского – небесного покровителя князя, построенный его супругой Елизаветой Дмитриевной.

Митрополит Агафангел (Преображенский)

В октябре 1897 года на кафедру епископов Рижских и Митавских был назначен епископ Агафангел (Преображенский). Владыка Агафангел с любовью, энергией и отеческим попечением продолжал многотрудное дело своих предшественников по насаждению православной веры и укреплению ее основ среди пасомых. Его стараниями в Эстонии были обновлены и построены многие храмы: в 1898 году он освятил храмы в Силламяэ и Валга, в 1900 – возглавил торжества по случаю освящения в Таллине Александро-Невского кафедрального собора и освятил церковь Рождества Богородицы в Раквере, в 1902 – подворье Пюхтицкого Успенского женского монастыря (к сожалению, этот прекрасный храм был безжалостно снесен в январе 1960 года), в 1904 – храм в Тапа. В 1910 году он освятил соборный храм Пюхтицкого женского монастыря в честь Успения Пресвятой Богородицы.

Во владыке сочетались высокий ум, отчетливое понимание новых задач, новых общественно-политических течений. За это многие, особенно из правящих кругов, считали его «либеральным архиереем», хотя в то же время от всякой политической деятельности он воздерживался, не любил банкетов, чествований, в печати не выступал совсем, питал большое влечение к вопросам просвещения, культуры, современным техническим завоеваниям.

Мудрость, тактичность и благожелательность к эстонцам и латышам проявил владыка в трудные дни революции 1905-1906 гг. Он являлся защитником местного населения от карательных экспедиций, не разбирая ни вероисповедания, ни национальности гонимых.

Как известно, ликвидация революции производилась суровыми мерами, причем иногда страдали неповинные люди. Архиепископ Агафангел основал комитет «По оказанию помощи православным семьям, пострадавшим от беспорядков в Прибалтийском крае», под покровом которого от петли и расстрела, помимо православных, было спасено много лютеран и католиков.

Такая гуманная деятельность на пользу эстонского и латышского населения не только привлекала к нему народ, но и способствовала укреплению и поднятию престижа православия в Прибалтике. Симпатии всего населения к архиепископу Агафангелу особенно проявились во время проводов при перемещении его в 1910 году на Литовскую кафедру. Никогда еще Рига не видела таких сердечных и многолюдных проводов православного архиерея.

Хочется кратко рассказать о деятельности архиепископа, а впоследствии митрополита во время революции 1917 года и последующих гонений на церковь. В этот период владыка находился на кафедре Ярославских и Ростовских святителей. Он принимал активное участие в Поместном Соборе Российской православной церкви, был членом Высшего Церковного Управления при Патриархе Тихоне. После убийства в Киеве митрополита Владимира на своем закрытом заседании Собор вынес экстренное постановление о том, чтобы «на случай болезни, смерти и других печальных для Патриарха возможностей предложить ему избрать несколько блюстителей Патриаршего Престола, которые в порядке старшинства и будут блюсти власть Патриарха и преемствовать ему». На втором закрытом специальном заседании Собора Патриарх доложил, что постановление им выполнено. После кончины Патриарха Тихона оно послужило спасительным средством для сохранения канонического преемства Первосвятительского служения. Одним из таких кандидатов был митрополит Агафангел.

В мае 1922 года Патриарх Тихон был привлечен к судебной ответственности по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей. В связи с этим Патриарх «ввиду крайней затруднительности в церковном управлении», как он писал в письме, поставил временно, до созыва Собора, во главе Церковного Управления митрополита Ярославского Агафангела. Но власти, стремясь разгромить Церковь, за антисоветскую деятельность выслали Владыку Агафангела в Нарымский край. В этих условиях митрополит Агафангел, в качестве заместителя Патриарха, обратился с посланием к архипастырям и всем чадам Русской православной церкви. Он призвал епископат управлять епархиями самостоятельно, «сообразуясь с Писанием, священными канонами и обычным церковным правом, по совести и архиерейской присяге, впредь до восстановления высшей церковной власти».

По окончании срока ссылки, в августе 1925 года, митрополит Агафангел получил возможность вернуться в Ярославль. Как второй кандидат на должность Местоблюстителя Патриаршего Престола он попытался возглавить церковное управление, но под давлением обстоятельств и ради церковного мира отказался от этого. Тюрьма, ссылка, угроза церковных расколов подорвали здоровье митрополита Агафангела. Свое последнее богослужение

он совершил 30 января 1928 года в Ярославском Свято-Духовом храме. Владыка чувствовал себя плохо, его мучили постоянные сердечные приступы. Утром 16 октября 1928 года митрополит Агафангел мирно отошел ко Господу.

Решением Архиерейского собора Русской православной церкви в августе 2000 года митрополит Агафангел был прославлен в сонме новомучеников и исповедников российских.

Образование Автономной Православной Церкви в Эстонии

Мысли губернатора Эстляндии князя Шаховского об учреждении в Ревеле епископской кафедры воплотились в жизнь в 1917 году, когда состоялась епископская хиротония благочинного эстонских приходов Санкт-Петербургской епархии протоиерея Павла (в монашестве Платона) Кульбуша. Решением Святейшего Патриарха Тихона он был назначен епископом Ревельским, викарием Рижской епархии. В январе 1918 года ему было поручено временное управление всей Рижской епархией. Владыка все силы прилагал на поддержание и восстановление разрушенной войной церковной жизни: за год своего епископского служения преосвященный Платон посетил более 70 приходов, где совершал богослужения.

В конце 1918 года владыка Платон заболел и находился в Тарту, где был арестован и, вместе с протоиереями Николаем Бежаницким и Михаилом Блейве, расстрелян в ночь с 14 на 15 января отступавшими из города красными.

10 мая 1920 года Священный Синод и Высший Церковный Совет Русской православной церкви, обсудив на совместном заседании каноническое положение части Псковской епархии и Ревельского викариатства, находящихся в пределах Эстонского государства, приняли постановление признать Эстонскую православную церковь автономной. В октябре 1920 года епископом Ревельским был избран священник Преображенского храма Пярну Александр Паулус. Это избрание было утверждено Патриархом Тихоном, и 5 декабря 1920 года в Александро-Невском соборе состоялась епископская хиротония.

В сентябре 1922 года собор Эстонской Апостольской православной церкви принял решение об обращении к Константинопольскому Патриарху Мелетию IV с прошением о принятии православной церкви Эстонии в юрисдикцию Константинопольского Патриархата и даровании ей автокефалии. Впоследствии митрополит Таллинский и всея Эстонии Александр писал, что это решение было принято под сильным политическим давлением государственной власти. 7 июля 1923 года Патриарх Мелетий IV вручил в Константинополе Томос о принятии православной церкви Эстонии в юрисдикцию Константинопольского Патриархата как отдельного церковного автономного округа «Эстонская православная митрополия».

По предложению Константинопольского Патриархата Эстония была разделена на три епархии: Таллинская, Нарвская и Печерская. На Нарвскую кафедру был назначен бывший Псковский архиепископ Евсевий (Гроздов). На кафедру епископа Печерского в 1926 году

был хиротонисан выпускник Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Иоанн (Булин), находившийся на этой кафедре до 1932 года и покинувший ее из-за разногласий, связанных с имуществом Псково-Печерского монастыря. Владыка Иоанн несколько лет провел в Югославии и вернулся в Эстонию в конце 1930-х гг. Он был активным сторонником возвращения православной церкви Эстонии в Московский Патриархат. 18 октября 1940 года епископ Иоанн был арестован НКВД в Печерах, обвинен в антисоветской агитации и пропаганде и расстрелян 30 июля 1941 года в Ленинграде.

Восстановление канонической юрисдикции Эстонской православной церкви

В соответствии с секретным протоколом между Советским Союзом и Германией о разграничении «сфер интересов» в состав СССР вошли Прибалтийские республики. 10 ноября 1940 года Синод Эстонской православной церкви Эстонии обратился к Патриаршему Местоблюстителю Блаженнейшему Сергию, митрополиту Московскому и Коломенскому, с прошением о восстановлении Эстонской православной церкви в юрисдикции Московского Патриархата. По определению Патриаршего Местоблюстителя Блаженнейшего Сергия, митрополита Московского и Коломенского, Эстонская православная церковь 28 февраля 1941 года была воссоединена с Матерью – Русской православной церковью. В кафедральном Богоявленском соборе в Москве была совершена Божественная литургия и все присутствующие подписали акт о воссоединении с Матерью-Церковью.

Вскоре митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский), назначенный экзархом Прибалтики, прибыл в Таллин и кульминацией его визита стала Божественная литургия, совершенная в Симеоновском храме митрополитом Сергием, митрополитом Александром и епископом Нарвским Павлом (Дмитровским).

Через несколько месяцев началась война и митрополит Александр заявил о своем разрыве с Матерью-Церковью и о повторном переходе в юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Епископ Нарвский Павел остался верен Матери-Церкви. После оккупации Эстонии немецкие власти не препятствовали ни митрополиту Александру руководить жизнью приходов, оставшихся в его подчинении, ни епископу Павлу управлять русской Нарвской епархией и многими другими приходами, сохранившими верность Русской православной церкви.

Незадолго до освобождения Таллина от немецкой оккупации митрополит Александр покинул Эстонию, а Синод ЭАПЦ обратился к Местоблюстителю Патриаршего Престола митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексию (Симанскому) с прошением клира и мирян в каноническое подчинение Московского Патриархата.

Эстонская епархия в составе Московского Патриархата

После воссоединения православной церкви в Эстонии с Московским Патриархатом перед правящим архиереем архиепископом Павлом (Дмитровским) и его преемниками по Таллинской и Эстонской кафедре епископом Исидором (Богоявленским) и Романом (Тангом) встала задача упорядочения церковной жизни в епархии, восстановления и реставрации разрушенных войной храмов. Преосвященные архипастыри не оставляли заботу о Пюхтицком Успенском женском монастыре, особо нуждавшемся тогда в помощи. Большим подспорьем было освобождение епархии от установленных священноначалием денежных взносов на общецерковные нужды, введение бесплатного обучения в духовных семинариях и академиях для кандидатов из Эстонии, по окончании принимавших священный сан, а также выплаты пенсий из центрального пенсионного фонда Церкви.

В декабре 1955 года на Таллинскую кафедру был назначен настоятель Таллинского Александро-Невского собора протоиерей Георгий Алексеев, принявший в монашестве имя Иоанн. Архипастырское служение преосвященного епископа Иоанна в Эстонии проходило в период гонений на Русскую православную церковь, развернутых властями под руководством Н.С. Хрущева. Под любыми предлогами власти стремились распускать органы управления приходами, запрещали крестить и причащать детей, не допускали проведения крестных ходов. Все это относилось и к Эстонской епархии: здесь также закрывались и разрушались храмы, недвижимое имущество было национализировано. Угроза нависла над Александро-Невским кафедральным собором и Пюхтицким женским монастырем.

Архипастырское попечение владыки Иоанна о Таллинской и Эстонской епархии продолжалось до 14 августа 1961 года, когда Священный Синод переместил его на Горьковскую кафедру с возведением в сан архиепископа, а епископом Таллинским и Эстонским был назначен священник А. Ридигер. На период его архипастырства выпали и гонения на Церковь, и период «застоя», и «религиозная оттепель» после 1000-летия Крещения Руси. Он управлял епархией 29 лет (1961 – 1990, т.е. дольше всех эстонских архипастырей) и сумел отстоять, спасти от закрытия и Таллинский Александро-Невский кафедральный собор, и Пюхтицкий Успенский женский монастырь.

Современное положение Эстонской православной церкви Московского Патриархата

За последние десять лет, несмотря на трудности, которые возникали в жизни Эстонской православной церкви Московского Патриархата, были возведены новые храмы: в 1995 году было завершено строительство храма во имя Казанской иконы Божией Матери в Силламяэ, в 1998 году был освящен храм во имя Михаила Архангела в Маарду, в мае 2003 года был освящен храм во имя Нарвской иконы Божией Матери. Построен храм во имя

святого праведного Иоанна Кронштадского в Локса, совершаются богослужения в храме во имя целителя Пантелеимона в Палдиски. В 2003 году Святейший Патриарх Алексий совершил молебен и освятил камень на месте строительства храма в Таллинском районе Ласнамяэ - церковь во имя иконы Божией Матери «Скоропослушница» начали сооружать в конце 2006 года.

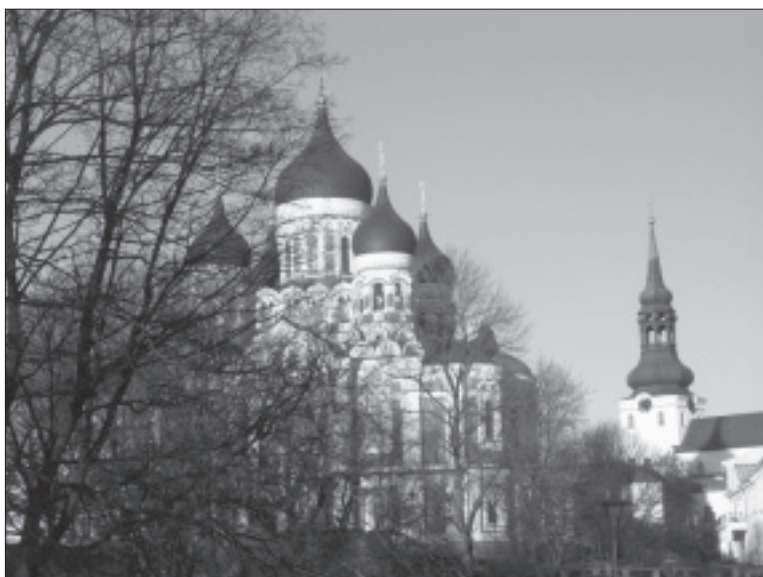
Все трудные годы для православия в Эстонии церковь возглавляет Высокопреосвященнейший Корнилий митрополит Таллинский и всея Эстонии. Под его святительским омофором находятся 34 прихода, где совершают свое пастырское служение более 40 священников и 15 диаконов. По оценкам специалистов, храмы Эстонской православной церкви Московского Патриархата посещают более 200 тысяч верующих.

Литература

- Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917-1943/ Сост. М.Губонин. М., 1994.
- Алексий II, Патриарх. Православие в Эстонии. М., 1999.
- Гаврилин А. Очерки истории Рижской епархии (XIX век). Рига, 1999.
- Дамаскин (Орловский), иером. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: жизнеописания и материалы. Тверь, 1996.
- Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943 – 2002 годах. М., 2002.
- Из архива князя С.В.Шаховского. Материалы для истории недавнего прошлого Прибалтийской окраины (1885-1894). Т.1. СПб, 1909; Т.3. СПб, 1910.
- Из истории православия к северу и западу от Великого Новгорода. Сборник статей. Л., 1989.
- Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Рига, 1893.
- Карамзин Н.М. История государства Российского в 3-х книгах, заключающих в себе 12 т. с полными примечаниями. Репринт. М., 1988.
- Кумыш В., свящ. Жизнеописание священномученика Платона, епископа Ревельского (1869-1919). СПб, 1999
- Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1996.
- Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб, 1994.
- Православный храм св. Николая в Ревеле. М., 1914.
- Прекуп И., свящ. Православие в Эстонии. (Краткий исторический очерк). Таллин, 1998.
- Польский М., протопр. Новые мученики Российские. Jordanvill, 1957.
- Пятидесятилетний юбилей Рижской духовной семинарии (1851г. – 1901г.). Рига, 1902.
- Рижские Епархиальные Ведомости. 1887-1917 гг.
- Сахаров С.П. Рижские православные архипастыри за сто лет (1836-1936). Краслава, 1937.
- Тизик К., свящ. История Ревельского Преображенского собора. Ревель, 1896.
- Тизик К., свящ. Ревельский Александро-Невский собор на Вышгороде. Ревель, 1900.
- Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700 – 1917). М., 2003.
- Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви 1917-1990. М., 1994.
- Eesti Apostlik Ortodoksne Kirik eksilis. 1944 – 1960, Stockholm, 1961.
- Kaljukosk, A., üpr. Piiskop Platon. Päevastik, Tallinn, 1994.
- Kaljukosk A., ürp. Metropoliit Aleksander. Päevastik, Tallinn, 1995.
- Koger N., preester. Tartu püha Georgi (Jüri) kiriku 100. a. juubeliks. Tartu, 1945.
- Poska, J. Piiskop Platooni martüürium. 1994.
- Õigeusu Kirik Eestimaal. XIX sajand, Tallinn, 1999

Псково-Печерский монастырь. 1926 г.

Александро-Невский кафедральный собор в Таллине. 2007 г.

Русские военные в Эстонии 1920–30-х гг.

Роман Абисогомян (Тарту)

История русского военного присутствия на территории Эстонии берет свое начало с момента основания князем Ярославом Мудрым в 1030 году крепости Юрьев (Тарту), гарнизон которой продержался в ее стенах до 1061 года. В дальнейшем, в ходе войн с Тевтонским и Ливонским орденами, с Польшей и Швецией, русские войска неоднократно вторгались в пределы Эстонии, однако местом постоянной дислокации российских войск территория Эстонии стала лишь в начале XVIII в., когда в результате Северной войны она вошла в состав Российской империи. После заключения Ништадтского мира в 1721 году большая часть российских сухопутных войск и флота, находившихся в Остзейском крае, была размещена в Ревеле (Таллин) и его уезде.¹ Постоянные гарнизоны сухопутных войск кроме Ревеля находились также в Дерпте (Тарту), Пернове (Пярну) и Нарве. Все сухопутные войска входили в состав корпусов, расположенных в Лифляндской и Петербургской губерниях. Число, состав и размещение войск вследствие войн и других причин часто менялись. Основной военно-морской базой русского флота в Эстонии был Ревель, другой важной базой являлся Рогервикский порт (Балтийский порт, Палдиски). Стабильность в дислоцировании сухопутных частей на территории Эстонии стала наблюдаться лишь к концу XIX – началу XX вв. С этого времени в Ревеле были расквартированы 89-й пехотный Беломорский полк, 90-й пехотный Онежский полк, 91-й пехотный Двинский полк и штаб 23-й пехотной дивизии; в Нарве — 92-й пехотный Печорский полк и в Юрьеве — 95-й пехотный Красноярский полк со штабом 18-го армейского корпуса. Общая численность воинского состава этих частей в начале XX в. не превышала 10 тысяч человек².

С началом Первой мировой войны все названные части были отправлены на фронт, а их место заняли запасные полки второй и третьей очередей, некоторые из них, как, например, части 118-й пехотной дивизии, были сформированы непосредственно в Эстонии.³ К октябрю 1917 года общая численность российских войск в Эстонии составляла приблизительно 200 тысяч человек.⁴ В результате последующих событий, сопровождавшихся полной деморализацией и развалом армии, большая часть русского военного контингента покинула Эстонию⁵. Кроме того, в Эстонии проживали и некоторые отставные военные (например,

1 Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VII. Ч. 3. Эстляндская губерния / Сост. Гвардейск. Ген. шт. полковник Минквиц. СПб, 1852. С. 331.

2 Karjahärm, T. Ida ja Lääne vahel. Eesti-vene suhted 1850–1917, Tallinn, 1998, lk. 47.

3 Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 184.

4 Сийливаск К. Организация вооруженного восстания в Эстонии. - Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии (1917–1920). Таллин, 1988. С. 257.

5 Сводка материалов по истории Ревельского укрепленного района. - Архив русской революции. Т. XIII. Берлин, 1924. С. 155–196.

полковники Э.А. Геннингс, П.Д. Троицкий и др.). После октябрьского переворота на родину вернулись многие военные российской армии из местных немцев, в том числе полные генералы П.П. фон Баранов (генерал-адъютант), А.А. фон Гринвальд (генерал-адъютант), Н.Ф. фон Крузенштерн и К.К. фон Штакельберг (генерал-адъютант). Возвратились в Эстонию также многие военные, служившие здесь до начала войны.

Дальнейший период деятельности русских военных формирований в Эстонии связан с судьбой Северо-Западной армии, чья трагическая эпопея стала началом нового этапа в истории русской общины на эстонской земле. Судьба Северо-Западной армии была поистине трагичной: начав борьбу с большевизмом с основания в Пскове в сентябре 1918 года Псковского добровольческого корпуса в 1 500 человек, армия к октябрю 1919 года уже состояла из двух армейских корпусов, шести пехотных дивизий и ряда отдельных полков и частей⁶ с общей численностью личного состава на ноябрь 1919 года свыше 54 000 человек, в том числе 2 666 офицеров, 51 057 солдат и унтер-офицеров и 540 военных чиновников и представителей духовенства; общее же количество числившихся на довольствии армии доходило до 80 000–90 000 человек.⁷ В своем последнем походе на Петроград Северо-Западная армия почти достигла заветной цели, но в решающий момент в силу ряда роковых обстоятельств была вынуждена отступить к границам Эстонии. Перед отступавшими войсками стоял суровый выбор: продолжать сражаться с превосходящими силами противника или переходить на территорию Эстонии с обязательным условием сдачи оружия. И, хотя в постановлении эстонского правительства от 11 ноября 1919 года начальникам эстонских войск вменялось, памятуя о том, что Северо-Западная армия являлась союзником и сражалась бок о бок с эстонской армией, проводить разоружение как можно более корректно и гуманно⁸, случаи откровенного произвола и грабежа со стороны эстонских солдат не были единичными.⁹ Первыми на эстонскую территорию перешли тыловые учреждения армии, обозы, запасные части и военнопленные.¹⁰ 20 ноября 1919 года на западный берег реки Наровы перешли части 1-й и 6-й дивизий Северо-Западной армии.¹¹ В течение декабря 1919 и января 1920 года на территории Эстонии оказалась большая часть армии, но некоторые части (до 6000 человек) продолжали сражаться до конца войны¹² Все разоруженные части армии были переданы в ведение министерства внутренних дел, а российские военные рассматривались эстонской стороной как иностранцы, которые «при известных условиях»

6 Волков С.В. Белое движение. - Энциклопедия гражданской войны. СПб.; М., 2003. С. 447, 505.

7 Rosenthal, R. Loodearmee. Tallinn, 2006, lk. 524–525.

8 Mattisen E. Tartu rahu, Tallinn, 1988, lk. 332.

9 См., напр.: Государственный архив Эстонии (ГАЭ). Ф. 646. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 68–70; Ган Г. Из записной книжки. - Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003. С. 518; Дыдоров К. Ливенцы в Северо-Западной армии. - Там же. С. 566; Бойков В. А. Агония Северо-Западной армии. - Бойков В. А. Два десятилетия русской культуры в Эстонии (1918–1940). Таллин, 2005. С. 74–76.

10 О Северо-Западной Армии - Свобода России (СР). 1919. 27 нояб. № 60. С. 3.

11 Rosenthal, R. Loodearmee...lk. 544.

12 Tõnisson, A. Visked vabadussõja mälestustest. - Mälestused iseseisvuse võitluspäevilt. Kõide II, Tallinn, 1930, lk. 59; Brüggemann K. Defending National Sovereignty against Two Russias: Estonia in the Russian Civil War, 1918–1920. - Journal of Baltic Studies, Volume XXXIV, 2003, P. 43.

оказались на территории Эстонии.¹³ Первое время некоторая часть разоруженных солдат и офицеров армии использовалась на работах по возведению и укреплению оборонительных сооружений и рытью окопов на нарвском фронте,¹⁴ но большая часть переправлялась дальше и размещалась в основном в районе населенных пунктов около Чудского озера, Йыхви, Аувере, Куремяэ и Иизаку; беженцы преимущественно расселялись в районах Тойла, Сонда и Азери.¹⁵

Представляется весьма проблематичным определение более или менее точного числа личного состава Северо-Западной армии, оказавшегося на территории Эстонии. Согласно данным эстонского Генерального штаба, направленным в министерство иностранных дел, на 31 декабря 1919 года численность Северо-Западной армии в Эстонии определялась в количестве 22 160 человек, из которых 1 442 человека составляли офицеры и 20 718 — нижние чины.¹⁶ Подобной статистики придерживались и составители истории эстонской Освободительной войны.¹⁷ Приблизительно такое же число (20 000–25 000 человек) приводят в своих работах Ю. Ант¹⁸ и И. Раясалу.¹⁹ Однако эти данные нельзя считать точными, так как в них не отражена численность, например, штабов армии, резервных частей, интендантства и т. д.

Как уже упоминалось выше, в ноябре 1919 года личный состав Северо-Западной армии доходил до 54 000 человек, при общем количестве числившихся на довольствии 80 000–90 000 человек. В дальнейшем это число, несомненно, стало сокращаться.²⁰ Причиной тому были людские потери убитыми, попавшими в плен и перешедшими на сторону противника. Ко всему прочему, многие из перешедших эстонскую границу самовольно оставляли свои части и разбредались в неизвестных направлениях.

Большое число жизней, как воинских чинов армии, так и гражданских беженцев, унесла эпидемия тифа. Количество жертв этой трагедии также не поддается точному исчислению. По данным штаба 1-й эстонской дивизии, общее число погибших от эпидемии тифа могло составлять от 10 000 до 12 000 человек, свыше 6 000 из которых погибло в Нарве.²¹ По другим данным, только в Нарве к лету 1920 года умерло до 7 000 человек.²² К. Брюггеманн пола-

13 О Северо-Западной Армии. - СР. 1919. 27 нояб. № 60. С. 3.

14 *Rosenthal, R. Loodearmee...lk. 573.*

15 *Tõnisson, A. Visked vabadussõja mälestustest...lk. 333.*

16 ГАЭ. Ф. 957. Оп. 11. Ед. хр. 137. Л. 34 об.

17 *Eesti Vabadussõda 1918–1920. Köide II, Tallinn, 1997, lk. 369.*

18 *Ant, J. Eesti 1920. Iseseisvuse esimene rahuaasta, Tallinn, 1990, lk.31.*

19 *Раясалу. И. Русские в Эстонии 1918–1940. Общий обзор. - Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Под ред. проф. С. Г. Исакова. Тарту; СПб., 2001. С. 23.*

20 По данным генерала Б.В. Геруа, приводимым в книге А. В. Смолина, на 15 января 1920 г. в рядах армии было около 13 000 здоровых солдат и офицеров, 18 000 больных и раненых и 18 000 человек нестроевого состава (Смолин А.В. Белое движение на северо-западе России. 1918–1920. СПб., 1999. С. 405), то есть, даже не учитывая нестроевой состав, где большую часть составляли невоенные, получается, что численность военного контингента армии составляла свыше 31 000 человек.

21 *Rosenthal, R. Loodearmee...lk. 600–601.*

22 *Tõnisson, A. Visked vabadussõja mälestustest...lk. 414.*

гает, что число умерших колебалось от 8 000 до 12 000.²³ По оценке Ю.П. Мальцева, число умерших от тифа в среднем составляло 8 500 человек, хотя и эта цифра приближительна и допускает погрешность до 20%.²⁴

Ужасы эпидемии тифа и чувство отчаяния, которое испытывали бывшие воины Северо-Западной армии и беженцы в связи с дальнейшей судьбой в изгнании, вынудили свыше 7 500 солдат вернуться домой, о чем некоторые из них информировали главнокомандующего эстонской армией генерала Й. Лайдонера в коллективном письме.²⁵ По данным эстонского комитета по составлению истории Освободительной войны, до 21 марта 1920 года из Эстонии в Россию ушло порядка 13 700 человек, а к концу года число вернувшихся в Россию составляло порядка 20 000 человек.²⁶ Во многом этому способствовали обращения штаба 7-й Красной Армии, распространявшиеся среди северозападников²⁷ и беженцев в виде листовок с призывом о возвращении на родину.²⁸ Однако определяющую роль сыграли листовки, сфабрикованные штабом 1-й эстонской дивизии, обещавшие вернувшимся землю и материальную поддержку. Об удаче данной «операции», позволившей Эстонии избавиться от десятков тысяч русских, позднее не без гордости писали ее авторы А. Хеллат²⁹ и А. Тыниссон.³⁰

Весьма примечательным явлением стало появление в последнее время работ эстонских историков, в которых показывается, насколько весомым был вклад Северо-Западной армии в борьбе Эстонии за независимость, и в то же время приводятся факты «некорректного» поведения эстонской армии и властей по отношению к своим бывшим союзникам.³¹ Историк Я. Валге даже считает, что Эстония и эстонцы должны принести извинения северозападникам за свою «неблагодарность».³²

23 *Brüggemann, K.* Die Gründung der Republik Estland und das Ende des „Einen und Unteilbaren Russland“. Die Petrograder Front des Russischen Bürgerkriegs, 1918–1920. Wiesbaden, 2002. S. 391; *Brüggemann, K.* Vom Ende eines Krieges: Die Typhusepidemie in Narva 1919/20. - Acta et commentationes collegii Narovensis = Tartu Ülikooli Narva Kolledži toimetised. Narva, 2002. S. 21.

24 *Мальцев Ю.П.* Захоронения на территории Эстонии воинов Псковского корпуса и наследовавших ему формирований. - Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Сборник статей. Псков, 2004. С. 93–94.

25 *Brüggemann, K.* Defending National Sovereignty... P. 43.

26 *Rosenthal, R.* Loodearmee...lk. 591.

27 Несмотря на некоторую «странность», это слово широко использовалось и в повседневном быту, и в прессе Эстонии в 1920–30-х гг. Его употребление прочно устоялось и в исследовательской литературе, поэтому мы тоже будем его использовать в данной работе.

28 *Дюшен Б.* Гарантий нет. - СР. 1920. 27 марта. № 70. С. 1. Известно также, что за возвращение в Россию с обещаниями полной амнистии и предложениями для белогвардейских офицеров поступать на службу в Красную армию активно агитировали представители советской торговой делегации, посещавшие таллинские лазареты, где находились на лечении больные и раненые северо-западники (Вербовка большевиками. - Ревельские новости (РН). 1920. 9 марта. № 5. С. 2.).

29 *Hellat, A.* Tallinna raatuses ja Toompeal. - Mälestused iseseisvuse võitluspäevilt. K. II, Tallinn, 1930, lk. 266–267.

30 *Tõnisson, A.* Visked vabadussõja mälestustest...lk. 61–62.

31 *Rosenthal, R.* Loodearmee... Tallinn, 2006.

32 *Valge, J.* 20. sajand: Kas Eesti peaks vabandust paluma? - Postimees. Arvamus. Kultur. 2007. 24. märts. Nr. 11. Lk. 2.

И все-таки Северо-Западная в сравнении с другими белыми армиями в некотором смысле оказалась в более благоприятном положении, так как только ее солдаты и офицеры были обеспечены денежным расчетом. Выплатами расчетов занималась Ликвидационная комиссия армии, работа которой завершилась 1 июня 1920 года. В докладе на Русском беженском съезде, проходившем в Таллине с 21 по 30 марта 1920 года³³, юриконсульт Ликвидационной комиссии Б. Е. Агапов, отмечал, что к моменту ликвидации Северо-Западной армии официально было зарегистрировано 9 836 здоровых и порядка 16 000 больных и раненых чинов армии. К концу марта в большей степени расчет был произведен среди обер-офицеров, в меньшей степени денежные выплаты получили солдаты и штаб-офицеры.³⁴ Как видно из приведенных в докладе цифр, комиссия не имела точных данных о количестве военнослужащих армии. Вероятно, данные, которыми оперировал Б.Е. Агапов, отражали преимущественно число северозападников, находившихся в Таллине и других крупных населенных пунктах. Однако даже данные по количеству чинов армии в Нарве, которыми располагала комиссия, не соответствовали их реальному числу. Так, в соответствии с имевшимися списками, для расчета с северозападниками в Нарве было выделено 3 миллиона эстонских марок, однако командированный в Нарву для производства расчета полковник К.Я. Колзаков обнаружил, что на самом деле требуется сумма в 8 миллионов эстонских марок.³⁵

Вообще недовольство среди северозападников работой Ликвидационной комиссии было очень велико, поскольку многие считали себя обделенными выплатами, в некоторых случаях в силу разного рода обстоятельств комиссия была вовсе не в состоянии выплатить некоторым чинам армии полагавшееся им содержание. Особое негодование как северозападников, так и беженцев вызывал факт обесценивания денежных знаков Северо-Западной армии, которые Ликвидационная комиссия не имела возможности обменять в полном объеме на эстонские марки. Поэтому в среде военных возникали серьезные сомнения в честности и добросовестности комиссии, в связи с чем на Русском беженском съезде была организована ревизионно-контрольная комиссия, в которую вошли П.А. Быстров, В.В. Дейрих, Г.И. Гроссен (Нео-Сильвестр) и полковник К. Г.Бадендик.³⁶ Озлобленность военных была направлена в первую очередь на Б.Е. Агапова, хотя, как позднее признавался один из членов ревизионно-контрольной комиссии Г.И. Гроссен, лично на него Агапов производил впечатление порядочного человека, пытавшегося сделать все, что было в его силах.³⁷ В некоторых и, увы, не единичных случаях северозападники сами не отличались добропорядочностью и честностью, обманывая и Ликвидационную комиссию, и своих бывших соратников. Дело в том, что практически сразу после ликвидации армии среди ее чинов началась регистрация желающих отправиться на другие фронты Гражданской

33 Смолин А. В. Белое движение на северо-западе России...С. 413–414.

34 Заседание русского съезда. - СР. 1920. 30 марта. № 72. С. 2.

35 Нарвская трагедия. - СР. 1920. 30 марта. № 72. С. 3.

36 Гроссен Г.И. (Нео-Сильвестр). Агония Северо-Западной армии. - Историк и современник. V. Берлин, 1924. С. 163.

37 Там же. С. 161.

войны. По результатам январского опроса, в армию генерала А.И. Деникина пожелали отбыть 1 176 офицеров, 3 794 солдата и 285 семей военнослужащих, в армию генерала Е.К. Миллера — 25 офицеров, 108 солдат и 6 семей военнослужащих. В конце апреля общее число желающих уехать на фронт снизилось приблизительно до 1 000 человек.³⁸ Всем добровольцам Ликвидационная комиссия выплачивала дорожное пособие в размере 10 фунтов стерлингов,³⁹ однако очень скоро обнаружилось, что многие получали пособие, но никуда не собирались ехать.⁴⁰

Впрочем, пособие выдавалось только тем, кто действительно мог встать в строй, то есть физически здоровым военнослужащим, а такие в сравнении с общей массой бывших северозападников в Эстонии составляли меньшую часть. К тому же на тот момент массовые переброски русских военных из пределов Эстонии были невозможны, поэтому добираться до места назначения нужно было на свой страх и риск и небольшими группами.⁴¹

К началу июня 1920 года эстонское правительство решилось помочь в организации переброски русских белогвардейцев из Эстонии в Польшу, в ряды Русской народной армии С.Н. Булак-Балаховича и 3-й Русской армии П.В. Глазенапа. Эстонская сторона выделила представителям этих армий, осуществлявшим свою деятельность в основном под прикрытием вывески бюро по вербовке рабочих на лесные работы,⁴² транспортные средства, доставлявшие добровольцев до Риги, откуда эшелоны пароходами переправлялись в Данциг (Гданьск). Первый эшелон в 120 человек был отправлен 3 июня, большую часть группы составляли офицеры во главе с полковником П.А. Рогожинским.⁴³ Приблизительно за две недели из Эстонии было отправлено 22 эшелона, после чего перевозки были прекращены.⁴⁴ Точное число уехавших неизвестно, но можно предположить, что уехало не менее нескольких тысяч человек. После отъезда первых эшелонов желающих отправиться вслед за ними было по-прежнему много - по разным источникам от 5 000 до 7 000 человек.⁴⁵ Вероятно, последняя крупная группа добровольцев (около 3 000 человек) выехала из Эстонии в октябре 1920 года.⁴⁶ В дальнейшем, в связи с поражением белых армий в гражданской войне и ликвидацией их фронтов, потребность в переброске военных кадров с территории Эстонии исчезла.

Некоторая часть воинов Северо-Западной армии была не в состоянии отправиться в очередной поход, так как многие были больны тифом, другие - ослаблены перенесенной

38 Смалин А. В. Белое движение на северо-западе России ... С. 405.

39 Ликвидация Северо-Западной Армии. - РН. 1920. 9 марта. № 5. С. 2.

40 В ликвидационной комиссии бывшей Северо-Западной Армии. - РН. 1920. 14 марта. № 10. С. 2.

41 Судьба разоруженных. - РН. 1920. 4 марта. № 1. С. 2.

42 Имеются сведения о вербовочных бюро полковника Смирнова в Таллине и Пайде (Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1959. С. 27), генерала Д.Р. Ветренко (Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. Т. I. Кн. I. М., 1998. С. 131–132). В Таллине отправкой добровольцев занимался также полковник Р.В. Садовский (Там же. С. 142).

43 Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1959. С. 27.

44 Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. Т. I. Кн. I. М., 1998. С. 99.

45 Там же. С. 99, 140.

46 Там же. С. 185.

болезнью. В целом остатки армии были весьма деморализованы вследствие понесенного поражения, поэтому всем оставшимся в Эстонии северозападникам приходилось решать вопросы, связанные с поиском работы, которая могла бы прокормить и их самих, и их семьи.

Такого же рода проблема стояла и перед руководством молодой Эстонской Республики, которая определенно не знала, что делать с такой значительной, по меркам Эстонии, массой инородцев. Кроме того из-за их пребывания на территории Эстонии страна испытывала политическое давление со стороны восточного соседа. Решением проблемы явилось постановление эстонского Учредительного собрания от 2 марта «О принудительных лесных работах». В соответствии с ним к работе предполагалось в течение 1920 года привлечь до 15 000 трудоспособных, но не имевших определенного места работы мужчин в возрасте от 18 до 50 лет, невзирая на их гражданство или отсутствие такового. Длительность работ определялась в 2 месяца. За уклонение от работы или ее самовольное оставление предусматривались наказания в административном порядке в виде заключения в тюрьму сроком до одного года или штрафа в размере до 100 000 эстонских марок.⁴⁷

В действительности вместо предполагавшихся 15 000 человек на работы было привлечено около 5 000, большую часть из которых составляли северо-западники.⁴⁸ Все собранные для этих работ северозападники были организованы в артели и распределены по лесным и торфяным делянкам по всей Эстонии. Первое время артели возглавляли в основном бывшие предприниматели из Пскова, Гдова и Луги⁴⁹, но вскоре к ним прибавился ряд офицеров Северо-Западной армии. Известно, например, что под началом бывшего прапорщика В.В. Малкова-Панина на лесных заготовках в районах Валга, Тарту и Пярну в марте 1920 года работало около 400 человек, большую часть которых составляли северозападники, завербованные в Нарве и Йыхви.⁵⁰ Артели капитана В.В. Стрекопытова работали под Тарту, Пярну и в районе Сонда.⁵¹ Под Таллином работала артель генерала Д.Р. Ветренко, состоявшая преимущественно из офицеров его дивизии.⁵² В начале 1921 года в районе Сонда работала большая артель, подрядчиками которой были бывшие офицеры и члены Ликвидационной комиссии Северо-Западной армии во главе с полковником К. Я. Колзаковым.⁵³ Писатель, журналист, адвокат и известный общественный деятель А.В. Чернявский, занимавший какой-то пост по судебному ведомству Северо-Западной армии, был организатором лесных работ на трех участках, один из которых находился в районе Пярну. Общее число рабочих составляло приблизительно 100 человек.⁵⁴

47 Asutava Kogu poolt 2. märtsil 1920. a. vastu võetud "Määrus sundluslikkude metsatööde" kohta. - Riigi Teataja, 1920, 10. Märtsil, Nr. 35/36, lk. 274.

48 Гроссен Г.И. (Нео-Сильвестр). Агония Северо-Западной армии ... С. 151–157.

49 От редакции. - Народное дело (НД). 1920. 27 авг. № 23. С. 4.

50 Н. Лесные заготовки. - Мир. 1920. 17 марта. № 2. С. 3.

51 Объявление. - СР. 1920. 11 мая. № 104. С. 3.

52 А. Л. Офицерская артель на лесных заготовках. - СР. 1920. 18 июня. № 134. С. 3.

53 Письмо с лесных заготовок. - НД. 1921. 19 февр. № 39. С. 3.

54 Чернявский А. Письмо в редакцию. - Вечерняя почта. 1920. 28 мая. № 6. С. 2.

Хотя первоначально принудительные работы по заготовке дров и торфа были запланированы только на два месяца, в действительности они затянулись на более продолжительный срок. Известно, например, что к марту 1921 года в окрестностях Тарту продолжали работать 12 артелей общей численностью до 500 человек — все исключительно северо-западники.⁵⁵ Всего, по результатам инспекции члена Комитета эмигрантов в Эстонии И.Ф. Евсеева на 1 августа 1920 года, в Эстонии существовало 12 районов с расположенными на их территории 54 заготовительными участками, на которых работало около 3 000 человек, подавляющее большинство которых составляли бывшие военные Северо-Западной армии.⁵⁶ Условия труда, гигиены и питания на заготовительных участках в большинстве случаев были весьма плачевными, не говоря уже о том, что многим северозападникам, перенесшим до этого заболевание тифом, тяжелый физический труд был не под силу, а некоторые из них вообще не были к нему приучены. Рабочим зачастую приходилось жить в землянках, одежда очень быстро приходила в негодность, а приобрести новую из-за дороговизны не представлялось возможным; заработанных денег хватало в основном только на питание, да и то только в объеме очень скромного рациона.⁵⁷ Во многом тяжелое положение рабочих было следствием корыстного желания некоторых подрядчиков-офицеров подзаработать, поэтому многие, невзирая на суровые репрессивные санкции, предусмотренные законом, покидали свои места работы. Так, из-за невыносимых условий труда спустя лишь неделю на лесных заготовках в начале марта артель, работавшая в районе Йыгева, с 200 человек сократилась вдвое.⁵⁸ Разбежалась почти вся артель генерала Д.Р. Ветренко, и к середине июня 1920 года в ней оставалось всего около 25 человек.⁵⁹ По той же причине уменьшилась численность артели А.В. Чернявского, работники которой скрылись в Латвии, прихватив с собой инструмент и провиант.⁶⁰ Вследствие низкой оплаты труда рабочая артель, состоявшая из солдат Ливенской дивизии Северо-Западной армии, покинула завод барона Штакельберга в Пагари.⁶¹ Правда, было бы несправедливо утверждать, что эксплуатация солдат подрядчиками и десятниками из офицеров имела повсеместный характер — были и исключения, о чем свидетельствует коллективное письмо 35 рабочих-солдат одной из артелей В.В. Стрекопытова, в котором они возражали против критики Б.Е. Агапова, сравнивавшего работу некоторых офицеров-десятников с жандармским надзором за рабочими. Рабочие указанной артели утверждали, что их офицеры, наоборот, всячески

55 Юрьевское отделение Белого Креста. - Последние известия (ПИ). 1921. 2 марта. № 48. С. 3.

56 *Зирин С.Г.* Объединения и судьбы северо-западников на чужбине. - Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Сборник статей. Псков, 2004. С. 110–111.

57 *Холтукин А.* Вопрос председателю Центрального комитета эмигрантов в Эстии проф. Рогожникову. - НД. 1920. 11 сент. № 36. С. 4; Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Кн. 1. М., 1998. С. 137.

58 *Баширов К.* На лесных заготовках. - СР. 1920. 13 марта. № 59. С. 2.

59 *А. А.* Офицерская артель на лесных заготовках. - СР. 1920. 18 июня. № 134. С. 3.

60 *Чернявский А.* Письмо в редакцию - Вечерняя почта. 1920. 28 мая. № 6. С. 2.

61 [Заметка]. - НД. 1920. 7 авг. № 8. С. 3.

помогают им.⁶²

Положение северозападников осложнялось еще и тем, что поначалу они обладали особым статусом, отличающимся от статуса беженцев. На деле это проявлялось в частности в том, что по распоряжению эстонских властей, отданному в конце июля 1920 года, они были лишены права в получении хлебного пайка и иной материальной и правовой помощи. Хотя, как отмечалось в прессе, на практике очень трудно было определить, кого следует считать северозападником, а кого беженцем.⁶³

Первоначально со стороны эстонских властей особый статус бывших военных Северо-Западной армии объяснялся тем, что их судьба зависела от решения Великобритании, Франции и Соединенных штатов - именно эти страны поддерживали и снабжали Северо-Западную армию.⁶⁴ Однако иностранные благотворительные миссии, по всей видимости, не придерживались такого рода разделения и предпочитали сотрудничать с конкретными организациями, чей правовой статус был определенным. В Эстонии такой организацией был Комитет русских эмигрантов, оказывавший помощь русским беженцам. После расформирования Северо-Западной армии единственным учреждением, которое могло представлять интересы северозападников, была Ликвидационная комиссия, но она, как уже говорилось выше, закончила свою деятельность 1 июня 1920 года, поэтому в дальнейшем никакого официального представительства чинов Северо-Западной армии в Эстонии не было.

Тем не менее, разделение эмигрантов на беженцев и северозападников просуществовало до 1921 года, когда последние оказались в уже совсем плачевном положении: с одной стороны, они не получали помощи от Комитета русских эмигрантов, поскольку не имели статуса беженцев; с другой стороны, обещанная помощь от американской благотворительной миссии была к тому времени внезапно прекращена.⁶⁵ В ответ на многочисленные запросы с просьбами разъяснить суть разделения русских эмигрантов на два лагеря министр внутренних дел выступил с весьма странными объяснениями, смысл которых заключался в том, что, в отличие от беженцев, северозападники якобы пришли в Эстонию с обозами, запасами провианта, ценностями и т. д., поэтому, по мнению министра, они не нуждаются в помощи.⁶⁶ Абсурд данного умозаключения состоял в том, что те чины Северо-Западной армии, которые, действительно, пришли в Эстонию с какими-либо ценностями, вывезенными из России, либо через какое-то время покинули Эстонию, либо получили эстонское гражданство, либо пользовались помощью Комитета русских эмигрантов. Статус же северозападников распространялся, прежде всего, на тех, кто работал на рубке леса, заготовках торфа, на добыче сланца и иных видах работ, связанных с тяжелым физическим трудом, где люди, как известно, находились на грани нищеты и голода.

Откровенное бесправие и отчаянная нужда северозападников заставили обществен-

62 Письмо в редакцию. - СР. 1920. 13 мая. № 106. С. 4.

63 Наконец-то зашевелились - НД. 1920. 7 авг. № 8. С. 3.

64 О Северо-Западной Армии. - СР. 1919. 27 нояб. № 60. С. 3.

65 А. В. «Помощь» семьям северо-западников - ПИ. 1920. 23 марта. № 68. С. 3.

66 Смирнов Ф. Письмо в редакцию - НД. 1921. 4 янв. № 1. С. 3.

ность принять меры для оказания им помощи. Так, 18 октября 1920 года в Таллине было открыто благотворительное общество «Белый крест», ставившее целью оказание помощи нуждавшимся северозападникам. Постепенно отделения общества были открыты в Нарве, Тарту, Йыхви, Пярну и Вильянди. В феврале 1921 года в Тарту был открыт патронат общества для инвалидов. Благодаря работе общества, выражавшейся, прежде всего, в предоставлении одежды и обуви, печальная участь многих воинов Северо-Западной армии стала, несомненно, менее тяжелой.⁶⁷ Привлечение северозападников на принудительные работы представляло собой лишь временное решение проблемы с их трудоустройством, так как уже к концу апреля 1921 года на некоторых лесозаготовках работы были прекращены, и многие северозападники стали безработными; некоторые нанимались на сельскохозяйственные работы на эстонские хутора.⁶⁸ Однако часть бывших российских военных в поисках работы бесконтрольно кочевала по всей Эстонии, и вместе с теми, кто самовольно уходил с принудительных работ, они представляли определенную проблему для эстонских властей. Дело было не только в русофобии эстонских верхов, как это иногда преподносится в работах некоторых российских исследователей,⁶⁹ но и в том, что после многолетних военных потрясений страна, действительно, находилась в весьма трудном экономическом положении, и обеспечить работой всех жителей государства было проблематично. Особенно сложно дело обстояло с беженцами и остатками армии Н.Н. Юденича, так как большинство из них никак не было связано с Эстонией, многие и в дальнейшем не собирались связывать свою судьбу с этой страной, в целом же среди них было мало тех, кто имел определенные планы в отношении своего будущего. Еще раз подчеркнем, что в данной связи следует учитывать и тот факт, что из-за находящегося на эстонской территории большого числа бывших чинов Северо-Западной армии Эстония постоянно испытывала давление со стороны Советской России.

Возможно, именно в силу названных причин, эстонское правительство постоянно испытывало некоторое раздражение и неудовольствие по поводу присутствия в стране большого числа пришедшего элемента. Если на встрече с членом Комитета эмигрантов А.А. Горцевым 16 августа 1920 года министр внутренних дел К.А. Эйнбунд лишь высказывал пожелание, чтобы русские беженцы постепенно покидали Эстонию, так как в стране было тяжелое экономическое и продовольственное положение⁷⁰, то через некоторое время

67 О деятельности общества «Белый Крест» см.: *И. М. Ревельское общество Белого Креста*. - ПИ. 1921. 16 марта. № 62. С. 3; *Деятельность комитета общества Белого Креста*. - ПИ. 1922. 17 марта. № 62. С. 3; *Л. Белый Крест*. - ПИ. 1926. 8 окт. № 227. С. 4; *Общество «Белый крест»*. - Вести дня (ВД). 1930. 7 окт. № 270. С. 1; *А. С. Письмо из Тарту*. - Русский вестник (РВ). 1936. 12 февр. № 12. С. 3; *Бойков В. Благотворительная организация «Белый крест» (1920–1940)*. - Труды Русского исследовательского центра в Эстонии (РИЦЭ). Вып. 1 / Сост. В. Бойков. Таллин, 2001. С. 54–57; *Шор Т. К. Общественная жизнь. - Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940)*. Тарту; СПб., 2001. С. 103.

68 *Хроника*. - Свободное слово (СС). 1921. 24 апр. № 7. С. 4.

69 *Смолин А. В. Белое движение на северо-западе России...* С. 414; *Зирин С. Г. Объединения и судьбы северо-западников на чужбине ...* С. 109–111.

70 *Н. С. Дела беженские. Заседание Комитета русских эмигрантов*. - ПИ. 1920. 24 авг. № 10. С. 3–4.

правительство предприняло уже ряд конкретных мер. Так, уже в конце августа по распоряжению того же министра внутренних дел из Таллина выселили много иностранцев, в числе которых были в основном евреи и северозападники. Министерство объясняло эти меры тем, что высланные якобы окольными путями добывали себе разрешения на право жительства в столице и занимались спекуляцией, что очень негативно сказывалось на курсе эстонской марки. Также сообщалось, что многие из них сбежали с лесозаготовок, нарушив тем самым закон.⁷¹ На заседании эстонского правительства 17 сентября было принято решение, касающееся практически всех русских эмигрантов: по этому постановлению все бывшие чины Северо-Западной армии, русские беженцы и военнопленные, являющиеся работоспособными, но по каким-то причинам не работающие, лишались права получать какую-либо помощь от эстонских и иностранных организаций. Министр внутренних дел лично от себя настоятельно предложил всем перечисленным категориям лиц срочно покинуть Эстонию.⁷²

Между тем к концу 1920 года большая часть из тех, кто не собирался надолго задерживаться в Эстонии, уже покинула страну.⁷³ Оставшиеся в Эстонии русские беженцы и военные старались по возможности найти хотя бы временную работу и как-то обустроиться. Среди бывших военных легче было найти работу солдатам, так как на рынке труда, прежде всего, были востребованы наемные рабочие, приспособленные к физическому труду и обладающие определенными навыками. Сложнее всего приходилось бывшим офицерам, поскольку многие из них имели только военное образование. Исключение составляли лишь военные с техническим образованием, чьи знания и умения были востребованы. Некоторой части русских военных удавалось устроиться по специальности, поступив на службу в эстонские вооруженные силы. Первое время число русских офицеров в эстонской армии и флоте было значительным. Согласно донесению резидента Особого отдела ВЧК в Финляндии от 20 апреля 1920 года, к тому моменту эстонская армия состояла на 8 % из бывших русских офицеров.⁷⁴ По подсчетам Н.А. Кузнецова, в общей сложности в 1918–1940 гг. только в военно-морских силах Эстонии в разные периоды служило до 658 русских офицеров и военных чиновников;⁷⁵ что касается сухопутных родов войск, то предположительно их число там было значительно больше. Другой сферой применения профессиональных знаний русских офицеров была преподавательская деятельность в

71 Высылака иностранцев. - ПИ. 1920. 25 авг. № 11. С. 4.

72 Эстония. - НД. 1920. 22 сент. № 45. С. 3.

73 Впрочем, известен еще один случай значительного по численности возвращения в Россию бывших воинов Северо-Западной армии: 7 июля 1923 г. из Нарвы в СССР было отправлено 10 вагонов-теплушек с пожелавшими вернуться на родину, большую часть из которых составляли северозападники (Эшелон в Россию. - Нарвский листок (НЛ). 1923. 10 июля. № 26. С. 1). Вероятно, это был последний массовый исход северозападников из Эстонии.

74 Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. Т. I. Кн. 1. М., 1998. С. 75.

75 Кузнецов Н.А. Роль офицеров Российского флота в создании военно-морских сил Прибалтийских государств (1918–1940 гг.). - Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников: Материалы Второй международной научно-исторической конференции в г. Пскове / Сост. О. А. Калкин, Н. А. Горбачев. Псков, 2005. С. 185.

военных учебных заведениях Эстонской Республики.

В качестве преподавателей Военного училища и Курсов Генерального штаба были приглашены на службу лекторы и профессора бывших российских высших военных учебных заведений. Среди таковых были профессора: генерал-лейтенант Г.М. Ванновский, читавший лекции по тактике кавалерии (с практическими занятиями) и по службе Генерального штаба; полковник П.П. Маресев, преподававший военно-инженерное дело (с практическими занятиями) и проводивший занятия по рассмотрению тактико-стратегических задач; генерал-лейтенант Генерального штаба А.К. Баиов, читавший лекции по истории военного искусства, истории Первой мировой войны, военной статистике, стратегии и военной географии соседних с Эстонией государств; генерал-майор Генерального штаба Д.К. Лебедев (тактика пехоты, военно-техническая тактика, военная администрация и практические занятия по данным предметам). Должности лекторов также занимал и ряд других военных специалистов: генерал-майор Генерального штаба А.А. Зальф (тактика); генерал-майор В.Л. Драке (артиллерийское дело и тактика артиллерии), полковник Генерального штаба А.В. Кушелевский (практические занятия по тактике, военной статистике и рассмотрению тактико-стратегических задач по статистике и военной администрации); занятия по медицине проводил военный врач профессор С.А. Острогорский, по юриспруденции - подполковник В.Н. Рославлев.⁷⁶

Со временем по причине незнания государственного языка численность русских военных в эстонских вооруженных силах и военных учебных заведениях сильно уменьшилась, и продолжить военную карьеру смогли немногие. К середине 1920-х гг. большая часть русских военных специалистов покинула службу. К этому времени в эстонской армии уже появилось новое поколение офицеров, получивших военное образование в училищах и академиях Франции, Финляндии, Польши, Бельгии, Великобритании и Германии. По возвращении на родину они сразу же замещали специалистов неэстонской национальности.⁷⁷

С начала Первой мировой войны в ряды армии было призвано много людей разных сословий и социального уровня. В частности офицерский корпус русской армии за годы войны пополнился представителями разного рода интеллигентских профессий. В книге авторитетного ученого-историка С.В. Волкова «Трагедия русского офицерства» отмечено, что русский офицерский корпус к концу войны «включал в себя всех образованных людей в России, поскольку практически все лица, имевшие образование в объеме гимназии, реального училища и им равных учебных заведений и годные по состоянию здоровья, были произведены в офицеры».⁷⁸ Среди русских офицеров в Эстонии таких было немало. Многие из них устраивались учителями в школы и гимназии. Особенно много учителей школ из

76 ГАЭ. Ф. 646. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 1–1об.; Kõrgem Sõjakool 1921–1931. Tallinn, 1931. Lk. 54–55, 60; Абисогомян Р. Преподавательская деятельность русских военных специалистов в военных учебных заведениях Эстонской Республики (20-е годы XX века). - Humanitārās fakultātes XIII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture VII. Daugavpils, 2004. С. 7–12.

77 Pajur A. Eesti Riigikaitsepoliitika aastail 1918–1934. Tallinn, 1999, lk. 153.

78 Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2001. С. 12.

бывших офицеров было в Печорском уезде. О.А. Калкин в своей работе приводит свидетельство уроженки Печорского края И.А. Отто, утверждавшей, что бывшие офицеры русской императорской и белых армий составляли не менее половины всех школьных учителей уезда.⁷⁹ Из их числа нам известны имена С.К. Сергеева, Н.И. Блинова, Г.А. Батарина, К.М. Шнейдера, В.К. Любомирского, А. М. Максимова, А.А. Гессе. О своем первом учителе, бывшем офицере А. И. Шкультине, работавшем в четырехклассной школе в деревне Авдошово недалеко от Изборска, очень тепло вспоминала в своей книге К. Хлебникова-Смирнова.⁸⁰

В начале 1920 года значительное количество русских офицеров работало в Таллине на Русско-Балтийском судостроительном заводе и грузчиками в порту, но после того, как многих из них выселили в Пярну, их численность в столице сократилась втрое.⁸¹ Много русских офицеров и солдат работало на сланцевых разработках и цементных заводах в Ида-Вирумаа.⁸² В Нарве большое число русских военных работало на заводах Кренгольмской мануфактуры. Однако получить рабочее место на каком-либо предприятии было для большинства эмигрантов большим счастьем. В ряде случаев против массового приема на работу русских эмигрантов выступала эстонская общественность. Так, в 1925 году после громкой критики на страницах нарвской газеты «Rõhja Kodu» своих мест на Кренгольмской мануфактуре лишились многие русские рабочие, в числе которых были и военные П. П. Зубов, В.А. Карамзин, Б.М. Севастьянов и другие. Главная претензия газеты «Rõhja Kodu» заключалась в том, что очень много рабочих мест на Кренгольмской мануфактуре были заняты русскими эмигрантами, не владеющими эстонским языком, в то время как многие эстонцы оставались безработными.⁸³

В целом большинству русских военных для того, чтобы выжить, пришлось осваивать ряд новых профессий: генерал Э.А. Верцинский работал страховым агентом; генерал В.Е. Дмитриев зарабатывал на жизнь переплетом книг; генерал В.И. Чижов служил сторожем, генерал Ф.А. Георг - контролером на железной дороге; полковник Э.А. Геннингс занимался продажей газет. Некоторые офицеры весьма успешно занимались кустарным производством. Среди них был поручик Е.Н. Гаусман, изготавливавший игрушки, которые со временем стали выставлять в Таллине, Тарту, Нарве, Вильянди и Йыхви. На этих выставках его изделия восемь раз получали первую премию. Не меньшей известностью в Нарве пользовалась небольшая лавка офицера Г. Иосифова, где изготавливались художественно оформленные шкатулки, сумочки, блокноты, а также ремонтировались зонтики и другие мелкие вещицы.⁸⁴

Свое частное дело открывали и высшие офицерские чины: полковник А.Е. Кудрявцев

79 Калкин О. Участники Белого движения в Печорском крае (1920–1940 гг.). - Труды РИЦЭ. Вып. 3 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2004. С. 27.

80 Хлебникова-Смирнова К. Мои воспоминания. Таллин, 1994. С. 6.

81 Л. Т. Чины Сев.-Зап. Армии на работе. - СР. 1920. 20 марта. № 65. С. 1.

82 Исаков С. Г. Из истории русской общины в эстонском сланцевом бассейне в 1920–1930-е годы. – Радуга. 2001. Апрель–июнь. № 2. С. 91–106.

83 Из местной эстонской печати. - Русский голос (РГ). 1925. 17 июля. № 16. С. 4.

84 Беседа с инженером Е. Гаусманом. - ВД. 1936. 17 февр. № 39. С. 2.

являлся владельцем платной публичной библиотеки, генерал А.К. Баиов содержал книжный магазин, который так же функционировал как библиотека, а с 1934 года и как издательство.⁸⁵ Свою табачную лавку имел полковник Я. М. Корецкий. Бóльшими возможностями, по вполне понятным причинам, обладали офицеры из местных немцев. Семейный бизнес по продаже резиновых изделий был у полковника К.Г. Бадендика, генерал О.А. фон Крузенштерн занимался коммерческой деятельностью, организовав рекламное бюро «IRA». Много бывших офицеров работало в торговых предприятиях «BIM», «Promit», «Linda». В частности во главе «BIM» стояли ротмистры гвардейских кавалерийских полков П.П. фон Баранов (кавалергард), С.Л. Ионин (лейб-драгун) и А.Э. фон Мантейфель (конногвардеец), а также капитан гвардейского Саперного батальона В.И. Балбашевский и полковник А.А. фон Бенкендорф (2-й лейб-драгунский Псковский полк). Эти предприятия достаточно успешно осуществляли свои торговые операции: например, в конце мая 1920 года «BIM» заключил очень выгодный договор с Советской Россией о поставке 2 миллионов пудов картофеля, что принесло фирме весьма солидную прибыль.⁸⁶ Очень удачно развивался и бизнес генерала О.П. Васильковского, организовавшего фирму «Нептун», обслуживавшую морские суда в таллинском порту.

Однако большинство бывших русских офицеров не были столь удачливы и предприимчивы и с радостью довольствовались любой, даже грязной и тяжелой работой. Столь разительный поворот судьбы русского офицерства не без иронии описывал в своих зарисовках Б.В. Свободин: «В первые годы эмиграции, с ликвидацией армии Юденича, этнографической особенностью Коппеля являлись так называемые эрзац-полковники и маргаиновые ротмистры. Имя же им было легион. Но с течением времени, когда жизненная разруха стабилизировалась, — всяк сверчок сел, так сказать, на свой шесток. Все эти эрзацы, зачастую малограмотные, пришли в первобытное свое состояние и превратились в Петек, Сашек, Митек и Гришек».⁸⁷

Конечно, некоторые бывшие военные сумели достичь значительного карьерного роста. Например, Н. Хельк (Чистяков), начав в 1916 году военную карьеру прапорщиком, за годы Эстонской Республики дослужился до чина генерал-майора и должности председателя Военно-окружного суда республики.⁸⁸ Подполковник артиллерии В.Н. Рославлев, прекрасно изучив государственный язык, более 10 лет работал в Министерстве народного хозяйства и в налоговом управлении. По делам налогообложения он неоднократно выступал как в Государственном Суде, так и в парламентских комиссиях. В течение 5 лет Рославлев читал лекции по законоведению в Военном училище, а также работал по юридическим вопросам в военном отделе государственного контроля. Участвовал в работе совета

85 *Абисогомян Р.* Деятельность А. К. Баиова в Эстонии. - Труды РИЦЭ. Вып. 2 / Сост. В. Бойков. Таллинн, 2003. С. 67.

86 -*vr. Vene monarhistid enamlastega äri tegemas.* - Vaba Maa. 1920. 22. mai. № 129. Lk. 4.

87 *Свободин Б.* Стекланный городок (Коппельские картинки). - Таллинский русский голос. 1933. 26 февр. № 16. С. 3.

88 *Õnn M.* Eesti Vabariigi kindralid ja admiralid. 2., parand. ja täiend. tr. Tallinn, 2001, lk. 15.

Русского Национального Союза, а в 1938 году был избран в эстонский парламент.⁸⁹ Капитан А. Е. Осипов принимал активное участие в деятельности Нарвского городского собрания, в 1932 году был избран в эстонский парламент, в 1937 состоял председателем комитета по проведению первого всегосударственного русского певческого праздника в Нарве.⁹⁰ Однако такие случаи были единичны, для большинства бывших военнослужащих русской армии жизнь складывалась менее удачно: новая жизнь диктовала свои условия, и к ним приходилось приспосабливаться, задумываясь в первую очередь о хлебе насущном.

Отдельно стоит остановиться на вопросе о качественном и количественном составе русских военных в Эстонии 1920–30-х гг. По определению профессора С. Г. Исакова, «предыстория русской общины в Эстонии 1920–1930-х гг. — это трагедия белой Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича в 1919–1920-х гг. Именно бывшие воины Северо-Западной армии с отступившими вместе с ней на территорию Эстонии беженцами составили костяк русского эмигрантского общества в первой Эстонской Республике».⁹¹ Действительно, остатки Северо-Западной армии были основой в формировании как русской эмиграции в целом, так и сообщества русских военных в Эстонии в частности. В общем же состав русского офицерского корпуса в Эстонии был несколько шире: в 1920–30-х гг. помимо бывших военнослужащих Северо-Западной армии, военная часть русской диаспоры состояла и из военных других белых армий, военных пенсионеров, ряда военных чиновников, а также военных, не принимавших участие в белом движении и прибывших в Эстонию по оптации или как эмигранты. Однако на территории Эстонии проживала еще одна категория бывших русских военных, которых назвать эмигрантами вряд ли было бы правильным: она состояла из уроженцев Эстонии (точнее — Эстляндской и части Лифляндской губерний), которые после многолетних военных скитаний вернулись домой, на родину. Среди них были и русские, и эстонцы, но большую часть составляли прибалтийские немцы, — все они естественным образом не причисляли себя к эмигрантам. Однако, вернувшись на родину, местные немцы и русские вынуждены были смириться с утратой былых привилегий: теперь их положение в Эстонии определялось статусом национального меньшинства, что во многом сближало их с общей массой российской эмиграции. Все же, учитывая этот момент, в нашем случае было бы не совсем корректным употребление термина «русская (российская) военная эмиграция».

Некоторых пояснений требует и первая составляющая этого термина — «русская», так как по национальному признаку, как уже было сказано, состав бывших военных российской армии в Эстонии был разнороден. Под определением «русский» стоит понимать

89 Русские дела. - ВД. 1934. 3 янв. № 2. С. 1; Исаков С. Г. Извлечения из показаний Богданова 12–31 июля 1940 года. - Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. IV. Рига, 1999. С. 76.

90 Бойков В. Мартиролог. Перечень деятелей русской культуры в Эстонии, подвергшихся репрессиям после установления советской власти. - Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. II. Таллин, [1996]. С. 9–10.

91 Исаков С. Г. Введение. - Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Под ред. проф. С. Г. Исакова. Тарту; СПб., 2001. С. 9.

не этническую, а в большей степени и в широком смысле культурную принадлежность. Среди бывших русских военнослужащих в Эстонии в 1920–30-е гг. были и эстонцы, и те, кто имел эстонские корни (Д.К. Лебедев, Л.Г. Аллик, Р.В. Франк, Г.Р. Ребане, Р.А. Раудсепп и др.), а также представители немецкой национальности, как из местных уроженцев, так и из уроженцев других губерний Российской империи (Н.Ф. фон Крузенштерн, А.О. фон Штубендорф, Б.В. Энгельгардт, К.Г. Бадендик, Э.Г. фон Валь, К.К. Гершельман и др.), и ряд представителей других национальностей. Все они осознавали свою причастность не только к своей национальной культуре, но и — во многих случаях даже преимущественно — к русской культуре и к традициям российской императорской армии в частности. Поэтому, например, генерал Д.К. Лебедев, несмотря на свое эстонское происхождение и высокий пост в эстонской армии, позиционировал себя, прежде всего, как офицера бывшей русской армии и поддерживал отношения с другими русскими офицерами в Эстонии. Не случайно генерал А.К. Баиов в некрологе на Д.К. Лебедева писал, что тот, «будучи русским человеком до мозга костей, оставался всегда и русским офицером, гордясь своей принадлежностью к Великой Русской Армии».⁹² Многие бывшие офицеры из немцев также ощущали себя людьми русской культуры. К примеру, капитан П.А. фон Цур-Мюлен в ответ на обвинения в том, что членами Союза русских увечных воинов-эмигрантов являются и немцы, писал, что он, хотя и был родом из прибалтийских немцев, но по культуре считал себя русским.⁹³ В своих мемуарах М.С. Плюханова говорила о капитане 2-го ранга императорского флота бароне О.Б. Фитингофе как о человеке «русской культуры, русского образа мыслей, русских привычек».⁹⁴ Т. Александер в своих воспоминаниях характеризовала своего дядю, полковника А.А. фон Бенкендорфа, так же как человека, беззаветно преданного идеалам бывшей Российской империи, который даже свою службу в гитлеровской армии рассматривал, «как бы наивно это теперь ни казалось, как единственный способ возвращения в Россию, полагая, что таким образом ускорит победу над коммунистами и будет способствовать возрождению былой славы России, а вовсе не Гитлеру».⁹⁵ Такая позиция была характерна вообще для многих немцев, служивших в российской императорской армии. Как отмечает в своей книге М. Назаров, «такие офицеры, как Н. фон Гроте, считали себя представителями русских интересов у немцев, а не наоборот; некоторые как барон Э.К. фон Деллингсгаузен и православный С.Б. Фрелих, продолжали считать себя «русскими офицерами немецкого происхождения» и пытались делать все возможное против антиславянской политики Гитлера».⁹⁶

В общем, несмотря на некоторые различия национального, социально-политического и экономического характера, между проживавшими в Эстонии офицерами бывшей российской армии существовало много точек соприкосновения как корпоративного, так

92 Баиов А. † Генерал-майор Д. К. Лебедев. - Часовой. 1935. 15 февр. № 144. С. 20.

93 Письма в редакцию. - Нарвский листок (НЛ). 1925. 9 июня. № 60. С. 2.

94 Плюханова М. С. Мне кажется, что мы не расставались... Таллин, 1999. С. 27.

95 Александер Т. Эстонское детство. Воспоминания. М., 1999. С. 109.

96 Назаров М. Миссия русской эмиграции. Том 1. М., 1994. С. 330–331.

и идеологического характера. Дух корпоративного единства проявлялся, прежде всего, в поддержании личных связей и участии в общественных организациях, объединявших бывших военных. Общность идеологического плана заключалась в категорическом неприятии большевизма и убежденном монархизме, в стремлении сохранить и передать подрастающему поколению традиции дореволюционной русской культуры.

Преданность традициям старой русской армии и монархизм были, пожалуй, самыми сильными и основополагающими принципами, объединявшими большую часть русских военных в Эстонии. Этим они отличались от эстонских военных, среди которых также было немало офицеров бывшей российской армии, но для которых традиции русской императорской армии были не столь релевантны, а в некоторых случаях и весьма сомнительны.⁹⁷ Более существенными для эстонского офицерского корпуса были традиции, которые они создавали сами, закладывая основы своего национального военного искусства.

Затруднительно определить точное количество русских военных в Эстонии, проживавших на ее территории в период независимости. Согласно приблизительному подсчету Ю.П. Мальцева, только бывших северозападников в Эстонии осталось около 2 700 человек.⁹⁸ Можно предположить, что более трети из них составляли офицеры. Известно, что, например, к 1 мая 1923 года из 9681 человека, зарегистрированного Комитетом русских эмигрантов русских беженцев, 243 человека составляли кадровые офицеры⁹⁹, то есть те, кто получил полное военное образование в объеме программы военного училища и был произведен в офицеры до войны. То есть, в это число не входили офицеры производства военного времени, а такие, по данным С.В. Волкова, составляли только к концу Первой мировой войны 7/8 всего офицерского корпуса российской армии.¹⁰⁰ Если к тому же учесть, что Комитет эмигрантов не регистрировал эстонских граждан и граждан других стран, а также тех, кто в силу каких-то причин не смог или не пожелал зарегистрироваться, то вполне оправданно полагать, что численность русских офицеров в Эстонии составляла более тысячи.

Объединяющим фактором для всех русских военных, оставшихся за пределами России, явилось полное неприятие установившейся там власти. Именно офицерский корпус российской армии стал первой жертвой развернутого большевиками кровавого террора, именно русское офицерство было основой белого движения, и именно оно представляло собой ту силу, которая даже после поражения в гражданской войне продолжала борьбу.

После расформирования Северо-Западной армии группа офицеров из отдела разведывательной службы армии, во главе которой стоял генерал А.В. Владимиров, по его поручению продолжила свою деятельность. Работа этой группы, в которую входили поручик А.Н. Берн, ротмистр Л. Ленц, полковник В.В. фон Валь и поручик Покровский, проводилась

97 *Pajur A. Eesti Riigikaitsepoliitika aastail 1918–1934... lk. 139–153.*

98 *Мальцев Ю. Северо-Западная армия. Опыт хронологии. - Таллин. 1999. № 15. С. 140.*

99 *Отчет Комитета русских эмигрантов в Эстонии за три года его деятельности (С 1 апреля 1920 г. по 1 апреля 1923 г.). Нарва, 1923. С. 40.*

100 *Волков С. В. Трагедия русского офицерства... С. 11.*

в согласии с эстонским Генеральным штабом,¹⁰¹ ею была налажена связь с подпольной тайной организацией в Петрограде. Кроме этой группы, в Эстонии существовала также организация генерала Н.Н. Гоерца, которая тоже занималась сбором информации разведывательного характера в России, но, судя по отзыву полковника В.В. фон Валя, ее деятельность осуществлялась весьма дилетантски.¹⁰² Еще одна подобная организация была создана бывшим начальником контрразведки Северо-Западной армии Г.Г. Кромелем (Кроммелем). По всей видимости, на территории Эстонии кроме этих организаций существовали и другие, но четкой координации действий между ними не существовало, и каждая действовала самостоятельно.

Активизация этих организаций особенно проявилась во время Кронштадтского восстания 28 февраля – 18 марта 1921 года. В ночь с 9-го на 10-е марта со здания советского посольства в Таллине был сорван флаг,¹⁰³ а в официальной ноте полномочного представителя РСФСР в Эстонии министру иностранных дел Эстонии А. Пийпу от 10 марта сообщалось, что у советского правительства имеются точные сведения о формировании на территории Эстонии воинских частей из остатков Северо-Западной армии для их дальнейшей переброски в Кронштадт.¹⁰⁴ В своем ответе от 11 марта А. Пийп заверил советскую сторону, что никаких белогвардейских формирований в Эстонии не будет допущено.¹⁰⁵ Были приняты меры по выявлению тех, кто активно занимался антисоветской деятельностью в Эстонии, и в результате «разоблаченной» оказалась организация Г.Г. Кромеля.

Организация Г.Г. Кромеля, носившая название «Северная боевая дружина», с самого начала носила провокационный характер, хотя, по-видимому, никто из ее членов кроме Кромеля об этом не догадывался. Дело в том, что Кромель изначально вел двойную или даже тройную игру, работая на германскую, эстонскую и польскую разведки, имея при этом связи с советским посольством в Эстонии. Все операции, проведенные Кромелем, по сути дела, заканчивались полным провалом. Посылаемые им группы агентов в Россию каждый раз при пересечении границы натывались на усиленные кордоны советских пограничников, а один раз все закончилось кровавой перестрелкой с людскими жертвами со стороны диверсантов. В конечном счете Кромель стал терять доверие как среди своих сторонников, так и со стороны иностранных разведок. 8 марта 1921 года собравшиеся на квартире бывшего присяжного поверенного Н.Н. Иванова члены этой организации были арестованы эстонской полицией и преданы суду.¹⁰⁶ Среди арестованных был ряд офицеров северозападников: полковники П.П. Хвальнский, В.К. Видякин, подполковник Б. Е. Агапов и капитан 2-го ранга К.Е. Введенский. Как сообщалось в печати, ввиду того, что их активные действия во время Кронштадтского

101 Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. Т. I. Кн. 1. М., 1998. С. 138–143.

102 Там же. С. 141.

103 *Почк К. Я.* «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английско-го и французского империализма (1921–1929 гг.). Рига, 1985. С. 20.

104 Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1959. С. 586–587.

105 Там же. С. 587.

106 *Мейтре А.* «За веру, царя и отечество»: Эпизод из деятельности русских монархистов в Эстонии. – Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. СПб., 2002. С. 269–271.

восстания могли привести к осложнению отношений с Россией, всем им было предложено покинуть Эстонию в кратчайшие сроки.¹⁰⁷ Однако судебное разбирательство затянулось надолго. Спустя год, в апреле 1922 года, по этому делу было осуждено еще десять человек и тринадцать подлежали высылке из страны.¹⁰⁸ В августе того же года в прессе сообщалось, что расследование по этому делу продолжается.¹⁰⁹ В целом складывается впечатление, что судебный процесс носил в большей степени демонстративно-показательный характер, чтобы приструнить местных белогвардейцев и успокоить советское правительство. Основные обвиняемые Г. Г. Кромель и начальник Охранной полиции (Kaitsepolitsei) капитан Г. Веэм были освобождены; часть заговорщиков (В.К. Видякин, К.Е. Введенский, Б.Е. Агапов и др.) временно были выселены в Пярну и Хаапсалу.¹¹⁰ Точно неизвестно, были ли депортированы все подлежавшие выселению лица, определенно лишь можно сказать, что Эстонию покинул Н.Н. Иванов¹¹¹ и, видимо, полковник П.П. Хвалынский, так как в дальнейшем о нем нигде не упоминалось.

О реальных действиях этой организации в дни Кронштадтского восстания сведений нет. Однако известно об активной деятельности эсеров под руководством В. Чернова. Оказывается, между организацией эсеров и министром иностранных дел А. Пийпом существовала договоренность о переправке некоторых сумм эсеровской организации в Эстонию через эстонское консульство в Берлине, а также об упрощении въезда в Эстонию некоторого контингента русских военных, которые должны были потом принять участие в выступлении против большевиков.¹¹² В своей корреспонденции В. Чернов утверждал, что был в состоянии сформировать три отряда по 300 человек каждый и выступить в направлении Ямбурга, Пскова и Гдова. Главе кронштадтских мятежников С. Петриченко Чернов также предлагал помощь в 600 человек.¹¹³ Вероятно, деятельность эсеров в Эстонии осуществлялась без помощи генерала А.В. Владимирова и его сотрудников. О связи в тот период генерала Владимирова с эсерами можно утверждать на основе документов, приводимых в книге Н.Н. Рутыча, которые свидетельствуют о том, что от эсеров генералами Глазенапом и Владимировым были получены средства на ведение работы, а во время событий в Кронштадте Владимиров активно поддерживал связь с подпольной организацией в Петрограде.¹¹⁴

Кронштадтский мятеж был подавлен, а выступление белогвардейских отрядов из Эстонии не состоялось. Однако это не означало прекращения деятельности антибольшевистских организаций в Эстонии. К концу 1922 – началу 1923 гг. эстонская политическая полиция имела серьезные основания для начала масштабного расследования деятельности многочисленных групп монархистов, существовавших во многих городах республики. По

107 Выселение белых. - За народное дело. 1921. 1 апр. № 12. С. 4.

108 Дело о раскрытии конспиративной организации Кроммеля. - Жизнь. 1922. 20 апр. № 1. С. 4.

109 Хроника. - Жизнь. 1922. 4 авг. № 80. С. 4.

110 Хроника. - СС. 1921. 21 апр. № 4. С. 3.

111 Меймре А. «За веру, царя и отечество»...С. 271.

112 Почс К. Я. «Санитарный кордон»... С. 19.

113 Там же. С. 19–20.

114 Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича...С. 181–182.

наблюдениям полиции в Эстонии существовало два лагеря монархистов — немецкие и русские. Первые, хотя и имели определенную политическую программу, согласно которой Эстония рассматривалась как часть Германской империи, на практике больше были заняты решением своих экономических проблем. Несмотря на то, что для независимости Эстонии большую опасность представляла политическая программа немецких монархистов¹¹⁵, органы эстонской Охранной полиции в большей степени занимались изучением деятельности русских монархистов.

С точки зрения полиции, русские монархисты также разделялись на две группы — активные и пассивные. К пассивным относились монархисты, объединившиеся вокруг благотворительного общества «Белый крест».¹¹⁶ Обвинения в адрес этого общества в скрытой монархической деятельности начались сразу же после его образования: в обличительной статье газеты «Vaba Maa» говорилось о том, что общество преследует реакционные цели, имеет связи с монархической организацией Н.Е. Маркова и является непримиримым врагом эстонской независимости, что его деятельность создает угрозу дружеским отношениям между Эстонией и Россией.¹¹⁷ На шквал этих обвинений «Белый крест» был вынужден ответить опровержением, начисто отвергавшим обвинения и подчеркивавшим исключительно благотворительные цели общества.¹¹⁸ Если рассматривать деятельность общества в целом, то оно, действительно, стояло вне политики и занималось только помощью нуждавшимся северозападникам, хотя направления деятельности отдельных его членов назвать аполитичными нельзя. Активная группа русских монархистов объединилась вокруг «Союза верных»¹¹⁹, тщательно законспирированной организации, начавшей деятельность еще до 1919 года. Во главе его стоял бывший член Государственной Думы Н.Е. Марков, а членами были многие видные политики и военные, в том числе князь А.А. Ширинский-Шихматов, сенатор А.А. Римский-Корсаков, Б.П. Баранский (Соколов), генералы П.Н. Краснов и В.И. Гурко. Креатурой союза была Северо-Западная армия, все высшее руководство которой состояло из его членов. Целью этой организации являлось восстановление в России законной монархии путем внедрения своих членов в Красную Армию и осуществления переворота изнутри. К 1920 году «Союз верных» образовал сеть своих ячеек по всей Европе и внутри России.¹²⁰ Официальным прикрытием союза стал Высший монархический совет, созданный на Съезде хозяйственного восстановления России, который состоялся в период с 29 мая по 7 июня 1921 года в Бад-Рейхенгалле. В основных положениях, принятых съездом, провозглашалось объединение на основе идеи монархии и православия, признавалась необходимой всемерная поддержка всего офицерского состава «бывшей и будущей Русской

115 Меймре А. «За веру, царя и отечество»...С. 277.

116 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 15; Меймре А. «За веру, царя и отечество»...С. 275–276.

117 И. В. «Valge Rist» uuesti tegevuses. - Vaba Maa. 1920. 20. nov. № 274. Lk. 2.

118 Шидловский С. Белый крест. - ПИ. 1920. 2 дек. № 95. С. 2.

119 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 15.

120 Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. Т. I. Кн. 1. М., 1998. С. 392–393.

Армии» и организация на местах офицерских союзов взаимопомощи.¹²¹

По мнению эстонской Охранной полиции, «Союз верных» окутал своей сетью всю Эстонию, создав монархические ячейки во всех крупных населенных пунктах, где проживало местное русское население и русские эмигранты. Такие ячейки существовали в Таллине, Тарту, Нарве, Пярну, Вильянди, Выру.¹²² В их задачи входили «подготовка и направление деятельности просветительных, агитационных, трудовых и боевых отрядов».¹²³ Охранная полиция полагала, что все подобного рода действия со стороны русских монархистов были очевидны, но на самом деле в большинстве случаев она не располагала достоверными и подробными сведениями, подтверждавшими причастность того или иного лица к деятельности конспиративных организаций. Поэтому в число подозреваемых попадали все, кто состоял в разного рода эмигрантских организациях и русских общественных собраниях, кто в силу своего высокого положения в дореволюционной России априори считался монархистом; все бывшие русские военные, особенно северозападники, также считались потенциальными подпольщиками. В результате, к 26 января 1923 года список наиболее видных монархистов, составленный полицией на основе донесений своих тайных агентов, включал в себя 23 имени: Б.Е. Агапов, О.П. Васильковский, В.В. Валь, О.А. Крузенштерн, К.И. Нотбек, А.Н. Игнатъев, А.Ф. Гирс, А.К. Баиов, Г.М. Ванновский, А.В. Кушелевский, В.Н. Горбатовский, В.Н. Подозеров, В.В. Стрекопытов, Б.Г. Бояринцев, П.П. Баранов, В.И. Чернозерский, В.А. Бармин, И.И. Голенщев-Кутузов, К. Соболев, Н.К. Вольф, С.С. Шереметьев, А.И. Иванов и Р.В. Садовский.¹²⁴

Реально же перечень имен проходивших по этому делу был в несколько раз больше. Прямых доказательств каких-либо противоправных действий со стороны подозреваемых у полиции не было, не принесли результатов обыски и допросы некоторых из них. Однако постановлением министра внутренних дел от 9 марта 1923 года О.П. Васильковскому, Б.Г. Бояринцеву, А.И. Иванову, А.Н. Игнатъеву, Н.К. Вольфу, В.А. Карамзину, П.П. Зубову, А.П. Аристову и Н.В. Васильеву было предписано в течение месяца покинуть Эстонию, а Б.Е. Агапов, В.А. Чумиков, А.Д. Сепп, В.В. Валь и О.А. Крузенштерн выслались из мест, объявленных на военном положении.¹²⁵ На самом деле, кажется, никто из тех, кому было предписано покинуть страну, из пределов Эстонии не был выслан, — всех их отправили в ссылку в Пярну или другие места, не находившиеся на военном положении.¹²⁶

121 Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы / Под ред. А. Ф. Киселева. М., 1999. С. 115–117. Возможно, в Эстонии первым таким союзом стало зарегистрированное в 1921 г. Общество помощи бывшим военнослужащим, почетным председателем которого был генерал-от-кавалерии Н. Ф. Крузенштерн. К сожалению, более никаких сведений об этом обществе нам не известно (см.: *Шор Т. К.* Общественная жизнь. - Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940). Тарту; СПб., 2001. С.105).

122 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 147–151, 158–158 об., 161–161 об., 172–172 об.

123 Там же. Л. 211.

124 Там же. Л. 42.

125 Хроника. - ПИ. 1923. 14 марта. № 68. С. 3.

126 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 30; Хроника. - ПИ. 1923. 14 апр. № 92. С. 3.

Репрессивные меры эстонских властей по отношению к активной части русских монархистов не стали помехой в продолжении их деятельности. В частности Б. Е. Агапов, прибыв в ссылку в Пярну, сразу же включился в общественную работу среди местного русского населения: еще в первую ссылку в 1921 году он состоял членом местного Русского общественного собрания¹²⁷, во время второй ссылки он продолжал агитировать проживавших здесь северозападников вступать в «Союз верных».¹²⁸ Агапов отличался чрезвычайной активностью еще со времен работы в Ликвидационной комиссии Северо-Западной армии, после завершения работы которой он принял эстонское гражданство и активно включился в общественную деятельность, став членом Комитета русских эмигрантов, товарищем председателя Таллинского русского общественного собрания, председателем приходского совета Александро-Невского собора, членом, а потом и председателем духовного совета русских приходов. Он также входил в комитет по созданию объединения выпускников Санкт-Петербургского университета в Эстонии. Справедливо утверждение А. Меймре о том, что Агапов продолжал свою деятельность вполне открыто, не без основания полагая, что его, как эстонского гражданина, «выдворить из страны все равно не могут».¹²⁹ Однако мириться с проявлениями деятельности Агапова эстонские власти были не намерены, и в мае 1924 года было сфабриковано дело по обвинению бывшего поставщика Северо-Западной армии В. Юшкевича, который осенью 1920 года продал государству 11 000 пар ботинок, хотя по договору между Эстонией и Северо-Западной армией все имущество армии после ее расформирования должно было быть передано эстонской стороне. Постановлением суда Юшкевич был приговорен к полутора годам тюрьмы, а привлеченные к суду заместитель начальника снабжения Северо-Западной армии Дементьев и юриконсульт Ликвидационной комиссии Агапов были взяты под стражу до внесения залога в сумме 100 000 эстонских марок.¹³⁰ Через какое-то время сумма залога была увеличена до 200 000 эстонских марок, а 18 июля Агапов исчез из Эстонии.¹³¹

Энергичная деятельность Б.Е. Агапова заставила эстонские власти полагать, что именно он являлся главой эстонского отдела «Союза верных».¹³² Однако для руководителя столь законспирированной организации, как «Союз верных», Агапов был слишком на виду, к тому же среди русских монархистов были люди и по чину, и по статусу, и по связям выше. Скорее всего, он был, так сказать, «локомотивом» союза, выполняя всю организационную работу по вербовке новых членов и агитации. Более вероятно, что реальным главой союза и всех русских монархистов в Эстонии был генерал-от-инфантерии В.Н. Горбатовский. Именно он имел непосредственные связи с Высшим монархическим советом в Германии, куда ездил

127 Исторический архив Эстонии (ИАЭ). Ф. 4541. Оп. 1. Ед. хр. 30. Л. 10.

128 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 172.

129 Меймре А. «За веру, царя и отечество»...С. 278.

130 Приговор по делу В. Юшкевича. - Былой нарвский листок (БНЛ). 1924. 22 мая. № 30. С. 3.

131 Хроника. - ПИ. 1924. 27 июля. № 192. С. 4.

132 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 15.

каждое лето¹³³, он же состоял членом Совещания при Высшем монархическом совете.¹³⁴ У Горбатовского были связи и в России, и среди эстонского дипломатического корпуса, он вел регистрацию всех русских офицеров в Эстонии, пользовался большим авторитетом среди русских эмигрантских организаций, но постоянно оставался в тени.¹³⁵ Только в мае 1924 года Охранная полиция стала располагать сведениями, что Горбатовский возглавлял некий «Союз взаимопомощи офицеров» и поддерживал связь со многими организациями русских военных в Европе.¹³⁶

К этому времени монархические ячейки в разных городах Эстонии активизировались. Самой многочисленной и активной была монархическая организация в Нарве, монархические кружки действовали также в Печорском районе, в Тарту, в Вильянди и в Пярну.¹³⁷ Кроме главы эстонского отдела Высшего Монархического совета В.Н. Горбатовского в состав центрального правления входили А.К. Баиов, Г.Г. Кромель, П.Н. Яхонтов, А.Ф. Штакельберг, Л.К. Гейман, П.И. Большечев, А. Д. Сепп и с 1922 года — А.О. Штубендорф.¹³⁸

Весьма большая монархическая организация была создана в середине 1921 года в эстонском сланцевом бассейне. В нее по большей части входили бывшие офицеры Северо-Западной армии. Первоначально она называлась «Монархическое объединение во имя святых апостолов Петра и Павла», и ее возглавлял М.М. Казаринов, который через какое-то время уехал в Южную Америку, и его сменил Н. И. Куликов. В конце 1925 года председателем организации стал бывший жандармский зауряд-прапорщик Ф.С. Добровидов. В 1930 году она стала называться «Легитимно-монархический союз» и имела свои ячейки в Азери, Кунда, Кивиыли, Кютте-Йыу. После переезда в 1935 году Ф.С. Добровидова в Нарву организацию возглавил штабс-капитан Н.А. Смирнов. Ее активными членами были также А.И. Леонтьев, Л.В. Дор-Бек, И.С. Соколов, Н.В. Катугин, И.С. Светлов, С.В. Адрик (Мудролюбов), А.М. Чугунов, И.М. Селецкий, А.В. Быстров и П.С. Миронов. До 1929 года организация примыкала к сторонникам великого князя Николая Николаевича и поддерживала связь с центральным таллинским отделом монархической организации, который сначала возглавлял В.Н. Горбатовский, а затем А.К. Баиов. После смерти в 1929 году великого князя местные монархисты примкнули к «кирилловцам» и установили связь с представителем великого князя Кирилла Владимировича в Эстонии адмиралом П.П. Левицким. После смерти в 1938 году великого князя и адмирала П.П. Левицкого организация стала постепенно распадаться.¹³⁹

В Таллине русские монархисты зачастую не скрывали своей деятельности. С конца 1923 года в таллинском районе Копли, где проживала основная часть русских военных и

133 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 134.

134 Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. Т. II. М., 2001. С. 276.

135 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 133 об.–134 об.

136 Там же. Л. 139–140 об.

137 Там же. Л. 148–148 об., 150–151, 158–158 об., 161–161 об., 172–172 об.

138 Филиал Государственного архива Эстонии (ФГАЭ). Ф. 130. Д. 11566. Т. I. Л. 103–104.

139 Исаков С. Г. Из истории русской общины в эстонском сланцевом бассейне в 1920–1930-е годы. - Радуга. 2001. Апрель–июнь. № 2. С. 96–99; ФГАЭ. Ф. 130. Д. 14114. Т. I.

русских эмигрантов вообще, стали проводиться концерты-митинги под названием «Русские национальные вечера». Кроме развлекательной программы эти вечера включали в себя также и выступления местных монархистов - чаще других А.В. Чернявского и полковника Б. В. Энгельгардта. Уже на первом вечере А.В. Чернявский предложил послать приветственную телеграмму великому князю Николаю Николаевичу и собрать пожертвования по 20 эстонских марок в пользу фонда великого князя. Об этом открыто сообщалось в прессе, а представители советского торгового флота уволили со своих работ в гавани Русско-Балтийского завода всех рабочих, участвовавших в этом митинге.¹⁴⁰

К 1924 году таллинское Русское общественное собрание, известное больше как Русский клуб, стало центром местных монархистов. В совет старейшин клуба входили князь С.П. Мансырев, К.Ю. Амелунг, полковники К.Г. Бадендик, В.А. Верцинский, Б.В. Энгельгардт, штабс-капитан И.В. Ковешников и другие.¹⁴¹ После переизбрания совета старейшин 2 апреля 1924 года его председателем стал А.К. Баиов.¹⁴² В апреле вышел первый номер журнала «Эмигрант», ставшего фактически рупором местных монархистов: из номера в номер на его страницах публиковались статьи А.В. Чернявского и А.К. Баиова, в которых провозглашалось возрождение былого величия России под сенью монархии и православной веры; вождем русского национального движения сотрудники журнала безусловно признавали великого князя Николая Николаевича.¹⁴³

В мае в Таллине местные монархисты распространили среди эмигрантов листовки. Как сообщал корреспондент газеты «Päevaleht», листовки содержали призыв жертвовать деньги в фонд великого князя Николая Николаевича и участвовать в совместной работе по восстановлению России. По мнению того же корреспондента, монархические девизы этих листовок не содержали в себе чего-либо нового и заканчивались двумя четверостишиями с проклятиями в адрес большевиков. Стихотворный опус сопровождался нотами, мелодия была выдержана в стиле русских народных песен, что, вероятно, свидетельствовало о том, что листовки предполагалось распространять и в Советской России. В конце заметки добавлялось, что их распространяли и среди русских школьников.¹⁴⁴ Стоит добавить, что эти листовки имели хождение по всей Эстонии и носили название «Призывная труба», в них также от имени некоего Начального совета в Москве говорилось, что в 1924 году режим «коммунистов-жидов» падет, и будет восстановлена исконно русская власть.¹⁴⁵

Ко всему прочему активность русских монархистов подогревалась и внутренней борьбой между сторонниками великого князя Николая Николаевича и великого князя Кирилла

140 *Коптелец*. Забавная история. - РГ. 1924. 24 янв. № 1. С. 3; История одного вечера. - РГ. 1924. 19 марта. № 17. С. 2–3; ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 144–144 об.

141 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 185.

142 Хроника // ПИ. 1924. 5 апр. № 91. С. 3.

143 См., напр.: *Чернявский А.* Наше лицо. - Эмигрант. 1924. № 1. С. 5–6; *Чернявский А.* За кем идти. - Эмигрант. 1924. № 2. С. 6; Национальная Россия и Эстония. Беседа с проф. А. К. Баиовым. - Экстренный выпуск журнала «Эмигрант». 1925. 10 марта. С. 1.

144 *Vene monarhistide kihutustöö Tallinnas.* - Päevaleht. 1924. 14. mail. № 128. Lk. 3.

145 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 162, 164–164 об.

Владимировича, особенно усилившаяся после известного манифеста Кирилла Владимировича от 31 августа 1924 года, в котором он объявил себя императором российским.¹⁴⁶ С 1924 года сторонников великого князя Кирилла Владимировича в Эстонии возглавлял адмирал П.П. Левицкий.¹⁴⁷ В основном «кирилловцы» - бывшие русские морские офицеры, входившие в нелегальное Объединение бывших русских моряков, которое легально существовало под вывеской Кассы взаимопомощи моряков, последняя в свою очередь начала свою деятельность с февраля 1924 года. Активными деятелями объединения «кирилловцев» были Н.Я. Павлинов, С.Б. Жирмундский, К.И. Нотбек и др. После смерти в 1938 году П.П. Левицкого «кирилловцев» возглавил К.И. Нотбек.¹⁴⁸ Кроме морских офицеров среди «кирилловцев» были и некоторые офицеры сухопутных родов войск. Так, в материалах политической полиции по делу монархистов в Эстонии имеется удостоверение прапорщика С.А. Самсониевского о зачислении его в Корпус офицеров императорской армии и флота и о приеме его на учет при представителе великого князя Кирилла Владимировича в Эстонии.¹⁴⁹ В Нарве к «кирилловцам» принадлежали штабс-капитан Н.Н. Четвериков, капитан Н.Н. Подмошенский (с 1931 года) и Казин.¹⁵⁰ Как сказано выше, после 1929 года к «кирилловцам» примкнула значительная по составу монархическая организация эстонского сланцевого бассейна, но все же большая часть русских военных состояла из сторонников великого князя Николая Николаевича, предводителем которых в Эстонии был генерал В.Н. Горбатовский.

Однако 30 июля 1924 года генерал В.Н. Горбатовский скончался, и место предводителя местных русских монархистов стало вакантным. На тот момент в среде русских военных были две возможные кандидатуры, обладавшие достаточным авторитетом, связями и чином — это генералы О.П. Васильковский и А.К. Баиов, во многом представлявшие собой полную противоположность.

Генерал О.П. Васильковский был на 7 лет моложе. В 1915 году он был произведен в генерал-майоры, и в свои 34 года «стал самым молодым генералом русской армии того времени».¹⁵¹ Как боевой генерал Васильковский был, несомненно, человеком решительным, волевым и напористым, ордена и чины, которыми его награждали, он получал за боевые подвиги на полях сражений Русско-Японской и Первой мировой войн. Единственным «пятном» в биографии была его причастность к подавлению Корниловского мятежа: вся русская военная эмиграция ставила ему в вину то, что, находясь на должности начальника Петроградского военного округа, Васильковский участвовал в его подавлении. На самом деле роль Васильковского в этой истории была, по справедливому утверждению С.Г. Исакова,

146 Политическая история русской эмиграции... С. 72–74.

147 *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М., 2002. С. 173.

148 *Бойков В., Исаков С., Раясалу И.* Политическая жизнь. - Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Под ред. проф. С. Г. Исакова. Тарту; СПб., 2001. С. 79–80.

149 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 166.

150 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 25445. Л. 25.

151 *Бойков В.* Честь имею... - Таллин. 1998. № 10. С. 173.

достаточно двусмысленной: с одной стороны, он по приказу А.Ф. Керенского занимался подавлением мятежа, с другой стороны поддерживал отношения с А.Г. Корниловым.¹⁵² Позднее Васильковский пытался объяснить, утверждая, что с его стороны было сделано все, чтобы предотвратить распространение влияния большевиков в Петрограде, что между ним и А.Г. Корниловым было полное единомыслие и одинаковое понимание обстановки. Однако по поводу своей роли в деле Корнилова он ничего конкретного не писал, ограничиваясь общими фразами о двойной игре Керенского, и о том, что лично он, Васильковский, был бессилён что-либо сделать, так как был «у власти, но без власти».¹⁵³

Выявление исторической правды по этому вопросу еще предстоит, пока отметим лишь, что после августовских событий 1917 года Васильковский был почетно отправлен в отставку с производством в чин генерал-лейтенанта. После этого он вовсе не стремился хоть как-то «загладить вину» перед товарищами, не вступил ни в какой-либо подпольный офицерский кружок. На следствии в 1931 году полковник Ф.И. Балабин, прекрасно знавший офицерскую среду Петрограда того времени, рассказывал, что Васильковский занимался спасением товара из суконной лавки своего покойного тестя и скупкой бриллиантов и драгоценностей; среди офицеров он авторитетом не пользовался, и многие считали вообще зазорным иметь с ним какие-либо дела.¹⁵⁴

Несомненно, Васильковский был весьма предприимчивым человеком, и, поселившись в Эстонии, успешно занимался бизнесом, что давало ему возможность быть во многих отношениях независимым человеком и, следовательно, играть самостоятельную роль в русском эмигрантском обществе. Однако в белогвардейском стане он был изгоем, и общественное мнение было против него, поэтому среди монархистов, как в Эстонии, так и за рубежом, он не пользовался большой поддержкой. Между тем Васильковский был очень амбициозным, честолюбивым и в то же время энергичным человеком. Почти сразу после прибытия он становится белорусским представителем в Эстонии.¹⁵⁵ В это же время он посещает министра А. Хеллата, где отмежевывается от всех русских генералов в Эстонии, давая им такие определения, как «шваль» и «старые бабы».¹⁵⁶

Тогда же он предпринимает ряд поездок в Берлин и Прагу, где ему удается получить определенную поддержку и санкционирование своей конспиративной деятельности в Эстонии,¹⁵⁷ где ему удается сформировать группу сторонников, разработать план ведения военных действий против Советской России и даже начать формирование отрядов.¹⁵⁸ В

152 *Исаков С. Г.* Обзор Г. И. Тарасова «Русские в Эстонии. 1927». - Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. VI. Рига, 2000. С. 163–164.

153 *Васильковский О.П.* Жестокая правда — лучше красивой лжи. Из воспоминаний ген. Васильковского. - ПИ. 1921. 9 июня. № 137. С. 2–3.

154 Последние страницы истории русской армии (документы и материалы Ленинградского дела). - www.auditorium.ru/books.

155 Хроника. - СС. 1921. 15 июля. № 73. С. 4.

156 Hellat A. Tallinna raatuses ja Toompeal...lk. 271–272.

157 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 14, 16 об.

158 Там же. Л. 69.

целях пропаганды своих идей группа Васильковского, куда входили М. Земелев, доктор П. Степанов, полковник Б.Г. Бояринцев, юрист А. И. Иванов и профессор П.М. Шелоуов, в 1922 году издала две брошюры – «В единении сила» и «Кто наш главный враг?». Последняя была посвящена отстаиванию той мысли, что Россию погубили немцы, при поддержке которых большевики пришли к власти и предали национальные интересы России и союзников. Сборник статей «В единении сила» включал в себя своего рода манифест группы Васильковского, провозглашавшей себя «Русским национальным объединением». Теперь к антинемецким выпадам добавились и антиеврейские, причем зловещая роль немцев и евреев усматривалась не только в развале России, но и в событиях, связанных с Эстонией: по мнению авторов сборника, деятельность представителей этих национальностей погубила Северо-Западную армию, где большая часть военного руководства состояла из немцев, а в Северо-Западном правительстве было чрезмерно много евреев, как и в Комитете русских эмигрантов. Поэтому, по мысли авторов манифеста, в Эстонии до сих пор не существовало ни одного русского национального объединения¹⁵⁹, ввиду чего авторы сборника предлагали всем русским людям объединиться под их знаменами.

Очень важно подчеркнуть, что, хотя Васильковский и поддерживал связи со многими другими группировками русских монархистов, все же действовать он предпочитал самостоятельно, стремясь постепенно стать единственным представителем русских монархистов в Эстонии и, в конечном счете, их единственным предводителем.¹⁶⁰ Арест и ссылка в Пярну в 1923 году нарушили его планы.¹⁶¹

В отличие от Васильковского, А.К. Баиов был штабным генералом, человеком гуманитарного склада ума. Военный историк, профессор Николаевской академии Генерального штаба, он по характеру был человеком спокойным, уравновешенным, но деятельным: на протяжении всей жизни он постоянно участвовал в деятельности разного рода обществ, комиссий, комитетов; читал лекции, доклады, писал и издавал книги и учебные пособия. Баиов представлял собой исключительный образец человека, преданного своим идеалам: он был истовым поборником православия и непреклонным сторонником российской монархии; оставаясь верным раз данной присяге, он не изменил ей до конца своих дней, отказавшись присягать на верность сначала Временному правительству, потом Республике Советов, затем эстонскому государству.¹⁶²

По прибытии в Эстонию Баиов занял должность председателя Ревизионной комиссии Северо-Западной армии. Затем в качестве профессора читал лекции в эстонских военных учебных заведениях. В 1920 году был в числе учредителей Русской академической группы в Эстонии, в рамках которой выступал с докладами. Постепенно Баиов включился и в

159 Русское национальное объединение. - В единении сила. Таллинн, 1922. С. 1–8.

160 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 14, 16 об.

161 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 30.

162 [Штубендорф А.О.] Памяти генерал-лейтенанта Алексея Константиновича Баиова. Таллин, 1935. С. 8; Штейфон Б.А. Национальная военная доктрина: Профессор генерал А. К. Баиов и его творчество. Таллин, 1937. С. 219.

местную общественную жизнь, принимая участие в деятельности таллинского Русского клуба, на одном из собраний которого в 1922 году он выступил с обличительной речью по поводу снятия памятника Петру I, что вызвало негодование в эстонской прессе и чуть было не послужило причиной его увольнения со службы в военных учебных заведениях.¹⁶³ Уже, видимо, к этому времени Баиов, как упоминалось выше, состоял в местном отделении Высшего монархического совета во главе с генералом В.Н. Горбатовским. Можно предположить, что одной из возможных причин открытия Баиовым в 1923 году своего книжного магазина являлось прикрытие конспиративной деятельности. Очевидно, что большого дохода магазин не приносил, к тому же жалование, которое Баиов получал за работу в военных учебных заведениях и гонорар за написание учебных пособий, позволяли жить сравнительно безбедно. Однако в магазине мог под видом посетителей собираться определенный круг единомышленников и агентов, можно было также получать и отправлять необходимую литературу. После того, как Баиов в 1924 году принял активное участие в издании журнала «Эмигрант», его общественно-политическая позиция стала очевидной не только для работников эстонской Охранной полиции, но и для широкого круга общественности.

Таким образом, в 1924 году, после смерти В.Н. Горбатовского, среди русских военных в Эстонии наиболее значительными и яркими фигурами были О.П. Васильковский и А.К. Баиов. Первый, хотя и не пользовался большим авторитетом, но все-таки имел некоторое число сторонников и, что самое главное, - материальную базу. Второй, оставаясь несколько в тени, обладал авторитетом среди русских и эстонских военных, имел определенные связи за рубежом и в Эстонии. Оба были активны и, не скрывая, претендовали на руководящую роль в среде русских военных и эмигрантов. Участие и выступление Баиова на похоронах В.Н. Горбатовского свидетельствовало о том, что Баиов позиционировал себя в качестве преемника почившего. Во-первых, об этом говорил тот факт, что Баиов был единственным из высших военных чинов, кто выступил с речью. Во-вторых, если в русской прессе сообщалось лишь о том, что речи выступавших «были посвящены памяти покойного как начальника и человека, и светлому значению его личности в жизни русского Ревеля»,¹⁶⁴ то в эстонской прессе внимание было сконцентрировано исключительно на выступлении Баиова, представлявшем собой некую программную речь и характеризовавшем его как человека, прежде всего, монархических убеждений.¹⁶⁵ Фигура Васильковского также становилась все более заметна: осенью 1924 года за его счет на могилах северозападников на Коппельском кладбище было поставлено 45 новых деревянных крестов, что, несомненно, повысило его авторитет в глазах русской военной эмиграции.¹⁶⁶ В том же году он стал инициатором проведения встреч кавалеров ордена Святого Георгия Победоносца и Георгиевского оружия. На первом таком собрании он единогласно был избран главой георгиевских

163 *Абисогомян Р.* Деятельность А. К. Баиова в Эстонии...С. 54–55.

164 Похороны ген. Горбатовского. - ПИ. 1924. 4 авг. № 200. С. 4.

165 «Usu, keisri ja isamaa eest!» Monarhistlised matusekõned kindral Gorbatowski matusel. - Vaba Maa. 1924. 6. aug. № 176. lk. 1.

166 *Бакструб А.* [Доль А.] На братских могилах. - ПИ. 1924. 9 сент. № 234. С. 3.

кавалеров в Эстонии.¹⁶⁷

Судя по архивным материалам, в 1924 году между Васильковским и Баиовым состоялась встреча, на которой было решено объединить их группы и работать сообща.¹⁶⁸ По обоюдной договоренности они поделили между собой круг обязанностей: штабную работу и поддержание связей с монархическими и воинскими организациями за границей и с великим князем Николаем Николаевичем взял на себя Баиов, оперативная работа, связанная с пропагандой, объединением местного офицерства, и налаживанием разведывательной деятельности выпала на долю Васильковского.¹⁶⁹

Как известно, приказом генерала П.Н. Врангеля от 1 сентября 1924 года был создан Русский Обще-Воинский союз (РОВС).¹⁷⁰ 16 ноября того же года великий князь Николай Николаевич в результате переговоров с П.Н. Врангелем подписал негласное заявление о принятии на себя верховного руководства всеми военными организациями за рубежом.¹⁷¹ Назначение руководством РОВС'а начальника эстонского отдела состоялось не сразу, так как, во-первых, деятельность подобного рода белогвардейских организаций была запрещена в Эстонии, во-вторых, руководству союза нужно было выбирать из двух кандидатур. Если верить сообщению агента иностранной резидентуры ОГПУ, то назначение состоялось не без интриги со стороны А. К. Баиова: «За спиной Васильковского Баиов использовал свое положение начальника местного штаба для переговоров с Врангелем и ген. Кондзеровским, в результате которых был в приказе по армии назначен «генеральным представителем» для Эстонии».¹⁷² Учитывая, что генерал П.К. Кондзеровский занял должность начальника канцелярии в самом конце 1924 года,¹⁷³ и то, что сама переписка и уточнение деталей требовали какого-то времени, можно утверждать, что назначение Баиова начальником эстонского отдела РОВС'а состоялось в 1925 году, хотя и неизвестно, когда именно. Оно послужило первой причиной раздора с Васильковским.

Кажется, в начале 1925 года никаких признаков конфликта не было, хотя нельзя сказать, что действия Баиова и Васильковского были едины и согласованы. В феврале Васильковский посетил Нарву и материально принял участие в организации Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии. Видимо, в этот же приезд он договорился с полковником Н.А. Яковлевым об издании газеты «Русский голос», первый номер которой вышел 19 мая. Газета носила ярко выраженный монархический характер, на ее страницах пропагандировалось объединение вокруг великого князя Николая Николаевича и популяризировалась фигура Васильковского.

В это время Баиов тоже активно сотрудничает с местными монархическими издани-

167 *И. Р.* Генерал-лейтенант О. П. Васильковский. - РГ. 1925. 27 июня. № 12. С. 3; ФГАЭ. Ф. 130. Д. 15093. Л. 76–77.

168 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28198. Л. 19; Д. 28966. Л. 49–50.

169 ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 53; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28966. Л. 51–52.

170 Политическая история... С. 10–11.

171 *Рутыч Н.Н.* Белый фронт генерала Юденича...С. 242–243.

172 ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 53.

173 *Рутыч Н.Н.* Белый фронт генерала Юденича...С. 242–243.

ями. В апреле, через месяц после закрытия эстонскими властями журнала «Эмигрант» за монархическую пропаганду, Баиов начинает издавать на свои деньги газету «Ревельское время»,¹⁷⁴ которая после закрытия в августе по той же причине, что и «Эмигрант», продолжила существование под названием «Ревельское слово». Подобно Васильковскому Баиов проявил интерес к организованному в Нарве Союзу русских увечных воинов. Можно предположить, что он пожертвовал союзу солидную сумму, так как 28 июня на общем собрании союза был избран его почетным председателем.¹⁷⁵ Есть основания предполагать, что именно к этому времени состоялось официальное назначение Баиова главой РОВС'а в Эстонии, и он на правах предводителя всех местных русских военных установил свое влияние и в нарвской организации.

Так или иначе, но именно с этого момента в газетах начинают появляться заметки, содержание которых свидетельствовало о том, что между генералами произошел разлад. 30 июня в 145-м номере газеты «Последние известия» была опубликована статья, посвященная 10-летию юбилею производства О.П. Васильковского в генеральский чин.¹⁷⁶ Спустя пять номеров в той же газете появилась другая статья с нападками на газету «Ревельское время»,¹⁷⁷ а в следующем номере Васильковский опубликовал письмо, в котором с возмущением писал, что на страницах рижской газеты «Сегодня» была помещена корреспонденция из Таллина, где указывалось, что он якобы состоит в числе сотрудников «Ревельского времени», что не соответствует действительности.¹⁷⁸

Однако это были лишь первые приметы шумного скандала, разразившегося между генералами и их сторонниками вокруг выборов делегатов от Эстонии на Зарубежный эмигрантский съезд.

Официальное приглашение на съезд А.К. Баиов, как начальник эстонского отдела РОВС'а, получил от своего однокашника по Николаевской академии Генерального штаба и начальника 1-го отдела РОВС'а генерала И.А. Хольмсена в августе 1925 года. Первое же организационное собрание представителей военной части русской эмиграции в Эстонии состоялось 28 октября в Копли. Баиов выступил перед собравшимися с речью, в которой подчеркнул значение Зарубежного съезда для будущего возрождения национальной России, и предложил вручить великому князю Николаю Николаевичу «всю полноту диктаторской власти». В своей речи он также отметил, что по причине больших расходов на дорогу придется выбрать лишь 1–2 депутатов в качестве кандидатов на съезд. Так как собрание было организовано сторонниками Баиова, то, естественно, что единогласно было решено избрать кандидатом на съезд Баиова.¹⁷⁹

174 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28198. Л. 71.

175 Т. Собрание инвалидов. - НЛ. 1925. 2 июля. № 69. С. 1.

176 Греков С. Ген. О. П. Васильковский. 1915–VI–1925. - ПИ. 1925. 30 июня. № 145. С. 3.

177 К общественному мнению. - ПИ. 1925. 6 июля. № 150. С. 2.

178 Васильковский О. Письмо в редакцию. - ПИ. 1925. 7 июля. № 151. С. 4.

179 С-ев Н. Собрание группы эмигрантов. - ПИ. 1925. 30 окт. № 250. С. 3; Оклик. - Ревельское слово (РСЛ). 1925. 2 нояб. № 17. С. 1; Vene mustasajaliste tulevikulootused. - Päevaleht. 1925. 30. okt. Nr. 294. Lk. 3.

Однако сторонники генерала О. П. Васильковского и он сам были не согласны с таким решением, и поэтому в конце ноября состоялось еще одно собрание русских эмигрантов на заводе Лютера. Сторонники Васильковского опротестовали предварительные выборы Баиова, но его группа проигнорировала этот протест. Как сообщалось в газете «Ревельское слово», «после обсуждения была принята резолюция, признающая выборы вполне правильными, а протест необоснованным».¹⁸⁰ Предварительные выборы делегатов от группы Баиова на Зарубежный съезд прошли 17 декабря, по результатам голосования, делегатами от Эстонии были избраны В.А. Рогожников и А.К. Баиов, «последний на дорогу получил 100 тысяч эстонских марок».¹⁸¹ По свидетельству того же источника, поездка Баиова оплачивалась его единомышленниками путем принудительных сборов.¹⁸²

Основные события, связанные с определением кандидатов на Зарубежный съезд, происходили в начале 1926 года. Так, 28 февраля состоялось собрание инициативной группы во главе с Баиовым, взявшей на себя организацию и проведение выборов на Зарубежный съезд. Основными кандидатами являлись А.К. Баиов, Н.И. Крамарев, П.Н. Яхонтов, Е.М. Тихомиров, Е.И. Никифоров и М.Г. Перион. На этом же собрании нарвские сторонники Васильковского выразили протест по поводу избрания данных лиц и «вообще методов ведения выборов».¹⁸³ Инициаторами проведения очередного собрания 8 марта вновь были сторонники Баиова. Группа Васильковского вновь выразила несогласие с результатами выборов 28 февраля. Полковник Б.В. Энгельгардт по этому поводу заметил, что выборы уже проведены и оспорить результаты невозможно и что на съезд поедет, скорее всего, только один человек ввиду нехватки средств. Также Энгельгардт подчеркнул, что данное собрание «чисто информативное», и оно «не имеет право ни отменять, ни санкционировать выборы».¹⁸⁴

Зарубежный съезд начал работу в начале апреля 1926 года. В качестве делегатов от Эстонии на съезде присутствовали П.Н. Яхонтов, М.Г. Перион, генералы А.К. Баиов, Н.И. Крамарев, А.А. Траилин и морской офицер А.О. Гадд.¹⁸⁵ При этом последние два делегата в Эстонии не проживали, и их там никто не знал, это свидетельствует, что О.П. Васильковский не был допущен на съезд умышленно и не без поддержки определенных сил из центра. 2 апреля Баиов был принят великим князем Николаем Николаевичем в его резиденции в Шуаньи, о чем сообщалось в газете «Час».¹⁸⁶ По словам Баиова, он был принят великим князем дважды: первый раз вместе со всеми делегатами съезда, второй раз на личной

180 Хроника. - РСЛ. 1925. 30 нояб. № 20. С. 4.

181 ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 9.

182 Там же. Л. 27.

183 Хроника. - Час (Ч). 1926. 15 марта. № 15. С. 4.

184 ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 27.

185 Российский Зарубежный съезд. 1926. Париж: Документы и материалы. М., 2006. С. 461.

186 Проф. А. К. Баиов в Шуаньи. - Ч. 1926. 12 апр. № 19. С. 1; Проф. А. К. Баиов в Шуаньи. - Ч. 1926. 19 апр. № 20. С. 1.

аудиенции.¹⁸⁷ 8 мая 1926 года Баиов вернулся в Эстонию¹⁸⁸ и 19 мая выступил с докладом о Зарубежном съезде. Кратко охарактеризовав программу съезда и его проведение, Баиов подробно остановился на его заключительном этапе, когда великий князь Николай Николаевич был провозглашен национальным вождем.¹⁸⁹

С 22 мая 1926 года генерал Васильковский начал размещать в различных газетах объявления, суть которых заключалась в опровержении заявления Баиова, согласно которому Васильковский послал письмо к съезду, где просил признать его делегатом от Эстонии. В заключение Васильковский обвинил Баиова в клевете.¹⁹⁰ Обвинение Васильковского было опубликовано не единожды в нескольких газетах.¹⁹¹ Примечательно, что в большинстве случаев публикация сопровождалась размещением в этих газетах рекламы фирмы «Нептун», принадлежавшей Васильковскому¹⁹², что свидетельствовало о том, что данная кампания хорошо им оплачивалась. На обвинения Васильковского Баиов ответил нежеланием вступить в пререкания и что-либо объяснять.¹⁹³

В споре генералов, как уже говорилось, Васильковского поддерживала группа нарвских северозападников. По их утверждению, именно они собрали 2 107 подписей в поддержку кандидатуры Васильковского на съезде, составили обращение к съезду и отправили его в Париж.¹⁹⁴ Постепенно в печати стали появляться подробности того, как собирались эти подписи. К примеру, штабс-капитан Н.Н. Четвериков сообщал, что один его знакомый из группы Васильковского как-то попросил его подписать обращение к Зарубежному съезду в пользу генерала. Четвериков был не в курсе событий и совершенно ничего не слышал о генерале Васильковском, но, учитывая его высокий чин, предположил, что тот является достойной кандидатурой, и подписал бумагу. После этого знакомый попросил его поставить подпись и за свою жену. На вопрос Четверикова, будет ли это прилично делать, ему было заявлено, что это совсем безразлично, и он подписал второй раз.¹⁹⁵

Сам тон обвинений Васильковского и его сторонников вызвал среди русских военных возмущение. Некий аноним, скрывшийся под псевдонимом «Бывший юнкер», писал, что употребление в полемике выражений наподобие «ложь профессора Баиова» является нарушением воинской дисциплины.¹⁹⁶ С осуждением содержания и формы выпада Василь-

187 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 189.

188 [Объявление] - Ч. 1926. 10 мая. № 23. С. 4.

189 [Объявление] - Ч. 1926. 17 мая. № 24. С. 1; Российский Зарубежный съезд. - Ч. 25–26 мая. № 25. С. 2.

190 *Васильковский О.П.* Письмо в редакцию. - НЛ. 1926. 22 мая. № 40. С. 2–3; *Васильковский О.П.* Письмо в редакцию. - ПИ. 1926. 27 мая. № 113. С. 4.

191 Объявление генерала О.П. Васильковского. - Ч. 1926. 1 июня. № 26. С. 2; *Васильковский О.П.* [Объявление] - ПИ. 1926. 9 июня. № 124. С. 1; *Васильковский О.П.* [Объявление] - НЛ. 1926. 12 июня. № 45. С. 1.

192 См., напр.: [Реклама] - НЛ. 1926. 22 мая. № 40. С. 4 – 29 июня. № 50. С. 4.

193 Ответ А. Баиова // Ч. 1926. 8 июня. № 27. С. 4; Баиов А. Письмо в редакцию. - ПИ. 1926. 7 июня. № 122. С. 4.

194 Избрание генерала О. П. Васильковского. - НЛ. 1926. 3 апр. № 27. С. 3; Письма в редакцию. - НЛ. 1926. 1 июня. № 42. С. 2–3.

195 *Четвериков Н.* Письмо в редакцию. - Старый нарвский листок (СНЛ). 1926. 17 июня. № 65. С. 1.

196 Бывший юнкер - СНЛ. 1926. 10 июня. № 62. С. 1.

ковского против Баиова выступила группа генералов, в которую вошли Н.Ф. Крузенштерн, Г.М. Ванновский, А.Е. Вандам, Э.А. Верцинский, В.А. Драке, А.О. Штубендорф, А.А. Ден и адмирал П.П. Левицкий.¹⁹⁷ Это же письмо было опубликовано в журнале «Русский военный вестник»¹⁹⁸, выходившем в Белграде, то есть, о поступке Васильковского было сообщено всей русской военной эмиграции и руководству РОВС'а в том числе. Письмо, по сути дела, представляло собой вердикт суда чести и наносило репутации Васильковского весомый урон.

В своем ответе Васильковский писал, что все выступившие против него генералы являются коллегами Баиова по академии и потому защищают его, к тому же среди них много нерусских. По мнению Васильковского, его оппоненты сами по себе ничего не представляют и до сих пор никакого участия в делах русской эмиграции не принимали. В отличие от них он защищал честь родины кровью на полях сражений и как лейб-казак сможет защитить свою честь. Свое письмо Васильковский заканчивал тем, что отныне он с этими генералами не считается и в полемику не вступает.¹⁹⁹

Инцидент вызвал серьезную озабоченность в руководстве РОВС'а, и генерал П.К. Кондзеровский в особом письме, направленном в Таллин, предложил принять меры по прекращению конфликта и примирению генералов. С этой целью к Васильковскому была отправлена специальная депутация в составе одного генерала, двух полковников и еще четырех офицеров. Васильковскому от имени П.Н. Врангеля было предложено примириться с Баиовым и подчиниться ему, но он в грубой форме ответил категорическим отказом.²⁰⁰ Таким образом, конфликт не был улажен, что стало причиной раскола среди русских военных в Эстонии вплоть до конца 1930-х годов.

Во время поездки на Зарубежный съезд Баиов встречался со многими высшими чинами русской армии и членами руководства РОВС'а - генералами А.А. фон Лампе, А.И. Деникиным, И.Г. Эрдели и Н.Н. Головиным.²⁰¹ По указанию РОВС'а Баиову было поручено создать на местах различные общества и организации, которые объединяли бы офицеров русской армии и служили основой для формирования воинских подразделений на случай войны с СССР.²⁰²

После возвращения с Зарубежного съезда Баиов начал активную работу по объединению русской эмиграции, и в первую очередь ее военной части. До конца 1926 года ему удалось организовать комитет «Дня русского инвалида», открыть таллинский отдел Союза русских увечных воинов-эмигрантов в Эстонии и, устранив Васильковского, возглавить Объединение георгиевских кавалеров в Эстонии. С 1926 года Баиов начал процесс объ-

197 Письмо в редакцию. - СНЛ. 1926. 22 июня. № 67. С. 3.

198 Письмо в редакцию ген.-от.кав. И. Ф. Крузенштерна и др. - Русский военный вестник. Белград, 1926. 27 июня.

199 *Васильковский О.П.* Письмо в редакцию. - СНЛ. 1926. 3 июля. № 72. С. 4.

200 ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 53.

201 ФГАЭ. Ф. 130. Д. 1663. Л. 120.

202 Там же. Л. 118.

единения русских скаутов в Эстонии и в 1927 году, после интриги, подобной истории с Васильковским, возглавил Отдел русских скаутов в Эстонии.²⁰³ Баиов поддерживал связь с местными «кирилловцами» во главе с адмиралом П.П. Левицким, который участвовал в организационном собрании комитета «Дня русского инвалида»,²⁰⁴ а в 1931 году был председателем его ревизионной комиссии,²⁰⁵ во время ссоры Баиова с Васильковским П.П. Левицкий принял сторону Баиова. По словам его сына, старшего лейтенанта А.П. Левицкого, адмирал Левицкий часто вступал в конфронтацию с Васильковским, так как тот претендовал на руководство всеми монархистами в Эстонии.²⁰⁶

Вероятно, еще до 1926 года в Эстонии были созданы некоторые полковые объединения. Главой объединения лейб-гвардии Егерского полка был Баиов. Кроме этого объединения в Эстонии также существовали объединения лейб-гвардии Семеновского, Павловского, Преображенского, Кавалергардского, 2-го стрелкового Царскосельского полков, лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и объединения воспитанников кадетских корпусов, училищ и академий. В 1931 году Баиов был инициатором создания Союза русских военных инвалидов в Эстонии и Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии. Создание этих организаций, так же, как и, в определенной мере, создание комитета «Дня русского инвалида» и таллинского отдела Союза русских увечных воинов, было результатом противостояния Баиова и Васильковского, под опекой и контролем которого были Союз русских увечных воинов в Нарве и созданный в 1931 году Союз взаимопомощи чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии.

По некоторым сведениям, к 1927 году в среде русских военных существовал «Союз молодежи», объединявший молодых офицеров производства военного времени и гражданской войны. Причиной его создания стало постановление о регистрации в союзы офицеров при РОВС'е только кадровых офицеров, офицеры же позднего производства должны были состоять при одном из кадровых офицеров наряду с нижними чинами. В Эстонии союз возглавляли полковник Р.В. Садовский и прапорщик И.К. Антонов. Союз занимал нейтральную позицию, не поддерживая ни «николаевцев», ни «кирилловцев»; видимо, и в конфликте двух генералов его члены старались держаться в стороне.²⁰⁷

Все объединения и союзы, находившиеся под руководством Баиова, стали основой и прикрытием деятельности РОВСа в Эстонии. Стоит отметить, что эстонское отделение РОВСа состояло практически только из членов объединений военных, входивших в юрисдикцию А.К. Баиова. Известно, например, что Союз северозападников в Эстонии не входил в РОВС,²⁰⁸ хотя некоторые члены этого союза и других организаций в Эстонии состояли в РОВСе на основе персонального членства. В целях расширения деятельности РОВСа в

203 *Абисогомян Р.* Деятельность А. К. Баиова в Эстонии... С. 53–54.

204 Баиов А. «День русского инвалида» . - ПИ. 1926. 5 сент. № 199. С. 3.

205 Комитет Дня Русского инвалида в Эстонии. - РВ. 1931. 1 июля. № 37. С. 3.

206 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26759. Л. 73 (приложение).

207 ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 54; *Бойков В., Исаков С., Раясалу И.* Политическая жизнь... С. 80.

208 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28966. Л. 59.

Эстонии Баиовым планировалось открыть отделения в Нарве и Тарту²⁰⁹, но, кажется, эта идея в силу каких-то неизвестных нам причин осталась нереализованной.

В 1926 году согласно директиве, полученной из Центрального комитета РОВСа, Баиов провел пробную мобилизацию и выработал мобилизационный план. Эстонское правительство и военные не препятствовали деятельности Баиова, вероятно, рассчитывая в случае нападения СССР на Эстонию, на непосредственное участие военных кадров Баиова в защите государственных интересов страны.²¹⁰ Разрешение на проведение мобилизации было получено Баиовым от министра внутренних дел Эстонии.²¹¹ Согласно ее результатам, в распоряжении Баиова было 18 генералов, 12 штаб-офицеров Генерального штаба, 141 штаб-офицер, 604 обер-офицера и 83 артиллерийских офицера.²¹² Штаб Баиова состоял из начальника штаба, генерала А.О. Штубендорфа, начальника оперативного отделения генерала А.Е. Вандама, начальника контрразведки полковника Б.В. Энгельгардта и адъютанта командующего есаула В.Г. Елисеева.

В рамках этого мероприятия Баиовым были организованы офицерские курсы, которые проводились на квартире капитана Н.И. Иванова в Копли в районе Русско-Балтийского завода. На курсах преподавали генералы А.К. Баиов, А.О. Штубендорф, В.Л. Драке, капитаны Н.И. Иванов, В.В. Нотбек и другие.²¹³ В начале 1930-х гг. при созданном Баиовым Обществе помощи бывшим военным служащим в Эстонии были организованы курсы унтер-офицеров, на которых обучались некоторые активисты из эмигрантской молодежи: В. Виноградов, Б. Виноградов, С. Ходаровский, В. Заркевич и другие.²¹⁴

Обычно на собраниях членов РОВСа зачитывались доклады, сводки, циркуляры и директивы, присылаемые из Парижа.²¹⁵ Однако это была внешняя сторона деятельности РОВСа, наиболее серьезная и скрытая работа этой организации заключалась в получении разведанных из СССР, осуществлении там террористических актов и подготовке повстанческих отрядов.

Как уже было отмечено, разведывательная деятельность осуществлялась русскими военными из числа северозападников с самого начала 1920 года, причем она велась с ведома и при поддержке эстонской разведки. А.К. Баиов не без оснований полагал, что со стратегической точки зрения у Эстонии очень выгодное географическое положение, а поэтому эстонское отделение РОВСа должно было занимать привилегированное положение в общей структуре союза.²¹⁶ Важность стратегического положения Эстонии осознавало и руководство РОВСа. Так, еще в 1921 году для ведения разведывательной работы штаб

209 *Бойков В.* Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) и Эстония. - Русские в Эстонии на пороге XXI века: прошлое, настоящее, будущее. Сборник статей / Сост. В. Бойков, Н. Бассель. Таллин, 2000. С. 70.

210 Там же. С. 71.

211 ГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед хр. 47. Л. 185.

212 Там же. Л. 89.

213 ГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед хр. 47. Л. 89.

214 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 25 373. Л. 84–85.

215 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28 198, 82–85; Ф. 130. Д. 1663. Л. 49 об.

216 ФГАЭ. Ф. 130. Д. 11 566. Т. II. Л. 53–54.

П.Н. Врангеля командировал в Таллин капитана В.И. Щелгачева.²¹⁷ В 1923 году к нему из Сербии был послан жандармский полковник Н.В. Самохвалов.²¹⁸

Весной 1922 года по поручению правления Высшего монархического совета в Эстонию с каким-то тайным заданием прибыл полковник А.С. Гершельман. В Таллине он остановился у однополчанина полковника К.Я. Колзакова, встретался с генералом В.Н. Горбатовским, полковником Б.В. Энгельгардтом, пажом Засядко, Ю.А. Артамоновым. Во время своего пребывания в Эстонии он ознакомился с деятельностью групп русских монархистов в Тарту, Кивиыли и Нарве.²¹⁹ Какую-то конспиративную работу на советско-эстонской границе проводил генерал И.Е. Эрдели, прибывший в Эстонию приблизительно в начале марта 1923 года. Здесь он встречался с генералом Я. Соотсом и около двух месяцев провел в районах, расположенных на границе с Россией. В середине мая он был арестован в районе Раквере, затем сослан на остров Хийумаа, после чего получил разрешение на выезд в Париж.²²⁰

По-видимому, все это было связано с деятельностью «Треста» — самой громкой и известной операцией советских разведорганов в борьбе с белой эмиграцией. Собственно, само зарождение «Треста» было напрямую связано с Эстонией: именно через агента бело-гвардейской разведки поручика лейб-гвардии Конного полка Ю.А. Артамонова будущий провокатор и главное действующее лицо операции А.А. Якушев (Федоров) в ноябре 1921 года пытался наладить связь с Высшим монархическим советом, а после того, как он был завербован ГПУ, к Артамонову и Щелгачеву был подослан от его имени агент П.П. Колесников, и механизм «Треста» был запущен.²²¹ В дальнейшем Эстония стала одной из основных баз переброски в СССР боевиков А.П. Кутепова, которых приезжавший в 1922 году Гершельман готовил лично.²²²

Как известно, в сети «Треста» попали многие белогвардейские эмигрантские организации и многие значительные фигуры (например, генерал Кутепов). «На крючке» у чекистов находились многие иностранные разведки, в том числе и эстонская. Все забрасываемые в СССР диверсионные группы Кутепова и отдельные русские монархисты находились под непрерывным контролем ГПУ-ОГПУ, и во многих случаях участь их была весьма печальна. У нас нет прямых доказательств сопричастности к «Тресту» деятельности местных конспиративных организаций. Известно, например, что Гершельман во время своего пребывания в Эстонии, следуя полученным инструкциям, всячески старался избегать разговоров с местными белогвардейцами на тему деятельности разведгрупп генерала Кутепова.²²³ В своих

217 ГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 89.

218 Никулин Л. Мертвая зыбь. М., 1965. С. 108.

219 Полковник А. С. Гершельман. - Михайлов день 1-й: Журнал исторической России. Ямбург [Кингисепп], 2005. С. 151.

220 Хроника - ПИ. 1923. 15 мая. № 117. С. 3; Бойков В. Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) и Эстония... С. 72.

221 Никулин Л. Мертвая зыбь... С. 13, 83–89; Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003. С. 284.

222 Полковник А. С. Гершельман... С. 152.

223 Там же.

показаниях Б.В. Энгельгардт рассказывал, что встречался с М.В. Захарченко-Шульц, Г.Н. Радкевичем и П.С. Араповым, но о том, что выполнял какие-то поручения, не проронил ни слова.²²⁴

Тем не менее, известно, что переброска на территорию СССР диверсантов и агентов осуществлялась самостоятельно и местными организациями. Еще в 1924 году О.П. Васильковский через А.И. Иванова пригласил в Таллин группу нарвских монархистов в составе Н.А. Яковлева, Н.А. Подмошенского, П.И. Косова, И.И. Антонова, М. Балабоскина и братьев Петуховых и предложил им создать в Нарве организацию с целью ведения разведывательной работы на территории СССР. Организация этой работы была поручена полковнику Яковлеву, который также должен был установить связь с отделом разведки штаба 1-й эстонской дивизии в Нарве.²²⁵ Осенью 1925 года Яковлев установил связь с начальником штаба 1-й дивизии колонелем (полковником) Трийком и начальником отдела разведки штаба дивизии капитаном Томсоном, и был принят на службу в качестве вербовщика и старшего агента разведки.²²⁶ Для переброски в СССР в качестве разведчика Яковлев предложил поручика команды пеших разведчиков Талабского полка Северо-Западной армии И.И. Антонова. В ноябре 1925 года Антонов был переправлен через границу и через три недели вернулся с выполненным заданием. В чем конкретно заключалось это задание, неизвестно. По словам Яковлева, с Антоновым он вскоре разругался и сотрудничать перестал.²²⁷

Однако Антонов продолжил работать с эстонской разведкой и в 1925 году был послан с заданием снова. На этот раз он был схвачен советскими пограничниками и приговорен к 10 годам каторжных работ (информация об этом якобы появилась в советских газетах). В конце ноября 1926 года он неожиданно появился в Нарве: по его словам, ему удалось бежать. Почти сразу же он был арестован эстонской полицией и исчез.²²⁸ Вместо Антонова Яковлев предложил эстонской разведке нового агента — унтер-офицера и георгиевского кавалера Н. Богданова — он был послан с заданием в 1926 году, но тоже был схвачен.²²⁹ После этого, со слов Яковлева, его отношения с Трийком испортились и он прекратил работу с эстонской разведкой.²³⁰

Параллельно с организацией О.П. Васильковского с 1924 года разведывательная деятельность была налажена и А.К. Баиовым. Отправкой агентов ведал полковник Р.В. Франк, который так же как и Н. А. Яковлев, сотрудничал со штабом 1-й эстонской дивизии в Нарве.²³¹ Однако в большинстве случаев его агенты также попадали в руки ОГПУ. Так, в 1925 году на территории СССР были задержаны 9 человек, посланные полковником Франком:

224 *Исаков С.Г.* Б. В. Энгельгардт. Опыт жизнеописания. - Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века / Сост. и отв. ред. проф. С. Исаков. Тарту, 2005. С. 210.

225 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28966. Л. 18–20.

226 Там же. Л. 27–28; ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 220.

227 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28966. Л. 18–20.

228 Там же. Л. 30–31; ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 219–220; Нарва. - ВД. 1926. 2 дек. № 63. С. 2.

229 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28966. Л. 31, 33; Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 220.

230 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28966. Л. 33–34.

231 Там же. Л. 52.

штабс-капитан Н.И. Падера, М.С. Иванов, братья Д.А. и Н.А. Гоканнены, А.Л. Снарский, Н.Г. Гусев, М.А. Николаев, В.А. Григорьев и Н.С. Вархин. В задачи этой диверсионной группы входил поджог гатчинского аэродрома и минирование железнодорожных путей. Весной 1926 года был схвачен подполковник И.А. Гринев, также агент полковника Франка.²³²

Кроме Нарвы Баиовым были созданы специальные перевалочные пункты в Сыренце, Изборске и Печорах и установлена связь со штабом 2-й эстонской дивизии в Тарту, где отправкой агентов занимался белогвардейский офицер Фальберг, чьи агенты тоже неоднократно ловились чекистами. В 1927 году в Гдовском уезде был арестован В. Морозов, в том же году были схвачены полковник Э.Э. Бушман, Н. Ильин, К. Бессонов, А. Борисов, Скворцов и Лаусман.²³³ Все же надо полагать, что некоторые агенты благополучно выполняли свои задачи и возвращались. Как уже отмечалось выше, информация, добываемая на территории СССР, предоставлялась также эстонской и иностранным разведкам. Имеются сведения, что на иностранные разведки работали некоторые русские офицеры, которые также посылали своих агентов в СССР с целью получения информации военного значения. В числе таких сотрудников иностранных разведок были жандармский полковник Б.М. Севастьянов, старший лейтенант А.Ф. Жидков, полковник Н.В. Васильев, работавшие на английскую разведку; агентом французской разведки был служивший в посольстве Франции в Таллине Л.К. Гейман.²³⁴ Однако есть все основания предполагать, что объем добываемой информации был невелик, и зачастую местные белогвардейцы занимались фабрикацией разного рода советских и коминтерновских документов.²³⁵

В 1927 году в связи с ухудшением англо-советских отношений, закончившихся 27 мая разрывом со стороны Великобритании торговых и дипломатических отношений с СССР, в среде русской военной эмиграции наблюдался всплеск активности, связанный с надеждами на начало новой масштабной интервенции против советской власти. Эстонии в этих планах отводилась особенная роль.

В конце февраля 1927 года в Эстонию приехал видный эмигрантский деятель Б.А. Суворин, который встречался с руководителями отдела РОВС'а в Эстонии А.К. Баиовым и Б.В. Энгельгардтом, а также с министром иностранных дел Эстонии. По сообщению агента Иностранного отдела ОГПУ СССР, одной из основных задач посещения Сувориным Эстонии было «зондирование почвы Балтийских государств в целях их использования в качестве базы для предполагаемой интервенции против СССР».²³⁶

Радикальная часть РОВС'а во главе с А.П. Кутеповым стремилась использовать скла-

232 ФГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 220–221.

233 Там же. 219–221.

234 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26759. Л. 119; Д. 28966. Л. 62–63; *Исаков С.Г.* Извлечения из показаний Богданова 12–31 июля 1940 года ... С. 68; *Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы.* Т. II. М., 2001. С. 430–435.

235 *Гордиевский О., Эндрю К.* КГБ — разведывательные операции от Ленина до Горбачева. М., 1999. С. 96–97.

236 *Бойков В.* Русские в Эстонии (по материалам ОГПУ СССР). - Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. V. Рига, 1999. С. 77.

дывавшуюся, как казалось, отрицательно для СССР международную обстановку и обострившийся внутривнутрипартийный конфликт в СССР. Однако Кутепов считал, что иностранные правительства окажут материальную поддержку «только в том случае, если белая эмиграция докажет свою жизнеспособность тем, что будет активно бороться с Советской властью».²³⁷ Он был убежден, что наиболее эффективным методом такой борьбы является террор, поэтому на совещании со своими сотрудниками в марте 1927 года в Териоках Кутепов предложил приступить к активным террористическим действиям. С начала июня его боевики провели ряд диверсий и покушений. Если попытка группы М.В. Захарченко-Шульц в Москве не увенчалась успехом, то взрыв в ленинградском партийном клубе был осуществлен. Последовавшие за тем убийства посла СССР в Польше П.А. Войкова и белорусского чекиста И. Опанского произвели определенный эффект и вызвали международный резонанс.

Однако разоблачения бежавшего из СССР в Финляндию Стауница-Опперпута, свидетельствовавшие о том, что «Трест» является ни чем иным, как грандиозной мистификацией советских спецслужб, нанесли серьезный удар по всей белой эмиграции и в первую очередь по деятельности и репутации Кутепова. Вероятно, еще до июньских терактов он стал активно вовлекать в свои планы и эстонское отделение РОВСа, которое до этого, кажется, выполняло лишь вспомогательные задания, связанные с переброской его боевых групп. Известно, что в 1927 году Кутепов встречался в Риге с Энгельгардтом.²³⁸ Когда точно состоялась эта встреча и о чем на ней шла речь, неизвестно, но можно предположить, что Кутепов дал инструкции по осуществлению террористической деятельности против представителей СССР в Эстонии и в самом СССР.

Активизация русских монархистов в Эстонии была очевидна и для полиции, и для общественности. Эстонская полиция неустанно следила за их действиями с начала 1920-х гг. Так же внимательно следила за ними и советская разведка и неоднократно через полномочного представителя СССР в Эстонии осуществляла по этому вопросу давление на эстонское правительство.²³⁹ Определенную озабоченность эстонских властей вызвало выступление русских монархистов на лекции П.Н. Милюкова 19 мая 1927 года в концертном зале «Эстония». На лекции присутствовало много эстонских государственных, политических и военных деятелей, и потому обструкция, устроенная Милюкову местными монархистами, не могла остаться незамеченной.²⁴⁰ Постановлением исполняющего обязанности министра внутренних дел Н.Реэка все участники этого выступления (А.В. Чернявский, А.А. Кулицкий, С.Н. Ивков, Г.А. Тальма и С.В. Заркевич) должны были покинуть Эстонию, но на самом деле уехал только полковник Кулицкий, так как являлся гражданином Литвы; остальные, как не имеющие никакого гражданства, были сосланы на остров Кихну.²⁴¹

237 Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 155.

238 Исаков С.Г. Б. В. Энгельгардт... С. 210.

239 Документы внешней политики СССР. Т. X. М., 1965. С. 581.

240 Бойков В. Русские в Эстонии ... С. 79.

241 Постановление и. о. министра внутренних дел Реэка. - Наша газета (НГ). 1927. 21 мая. № 50. С. 4.; Кулицкий едет во Францию. - ВД. 1927. 15 июля. № 187. С. 1.

Почти сразу после этих событий с военной службы был уволен генерал Д.К. Лебедев. Официальное объяснение причины его отставки было весьма странным: Лебедев якобы послал официальное письмо в Финляндию на шведском языке, хотя должен был писать по-эстонски.²⁴² По информации советской разведки в Эстонии его уволили «за монархизм».²⁴³ По аналогичной причине еще в феврале того же года из страны был выслан член местного отдела Высшего монархического совета и один из делегатов от Эстонии на Зарубежном съезде 1926 года П.Н. Яхонтов. В печати сообщалось, что причиной высылки тоже являлось письмо — точнее, его содержание, — которое он отправил видному монархисту герцогу Г.Н. Лейхтенбергскому.²⁴⁴

После убийства 7 июня в Варшаве посла СССР Войкова в эстонских газетах стали писать о том, что таллинский Русский клуб превратился в «гнездо монархистов» и на одном из его собраний якобы обсуждался вопрос о выступлении против советских представителей в Таллине.²⁴⁵ 15 июня 1927 года А.К. Баиов, как председатель совета старшин Русского клуба, был вызван в отделение эстонской политической полиции, где состоялся допрос на предмет его участия в монархических организациях. На допросе он всячески отрицал факт существования в Эстонии монархической организации, хотя честно заявлял, что сам он является убежденным монархистом.²⁴⁶ Видимо, никаких репрессивных мер не было принято и дело закрыли. Если Баиову, ввиду наличия среди высшего военного руководства страны покровителей и заступников, каждый раз удавалось избежать высылки из страны или другого вида наказания, то генералу Васильковскому явно не везло, так как он был в определенной степени изгоем и среди русских военных в Эстонии, и среди эстонских военных, и среди русских военных за рубежом. Не успела еще утихнуть молва о русских монархистах в Русском клубе, как в газетах появилось сообщение о том, что арестован генерал Васильковский. Ему было предъявлено обвинение «в проявлении деятельности, угрожающей миру и безопасности Эстонского государства»; реально же вина Васильковского заключалась в укрытии у себя нелегально прибывшего из Ленинграда некоего Н.А. Вольского, который, вероятно, был одним из его агентов. По постановлению министра внутренних дел И. Гюнерсона Васильковский приговаривался к штрафу в 50 000 эстонских марок или одному месяцу тюрьмы и высылке из Эстонии. В результате он отсидел в тюрьме положенный срок и в августе был выслан на остров Хийумаа, откуда вернулся лишь летом 1928 года.²⁴⁷

242 Уход со службы ген. Лебедева. - НГ. 1927. 24 мая. № 53. С. 4.

243 *Бойков В.* Русские в Эстонии... С. 84.

244 П.Н. Яхонтов уехал в Париж. - ВД. 1927. 14 февр. № 44. С. 1.

245 К уходу совета старейшин Русского клуба. - НГ. 1927. 18 июня. № 73. С. 3; Слухи о готовящемся выступлении монархистов ложны. - ВД. 1927. 18 июня. № 161. С. 1.

246 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 28. Л. 189–189 об.

247 Новая высылка русских эмигрантов. - ВД. 1927. 29 июня. № 171. С. 1; Подробности причин высылки О. П. Васильковского и других. - ВД. 1927. 30 июня. № 172. С. 1; Мин. И. Гюнерсон о высылке четырех. - ВД. 1927. 1 июля. № 173. С. 1; Ген. Васильковский уезжает из Ревеля в четверг. - ВД. 1927. 9 авг. № 212. С. 1; ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28966. Д. 58.

Есть основания полагать, что местное отделение РОВСа готовило покушение на советского полпреда. В материалах Иностранного отдела ОГПУ СССР в Эстонии содержатся сведения о том, что по указанию из центра местные монархисты должны были совершить теракт сразу же после убийства Войкова, то есть после 7 июня. Монархистам удалось даже завербовать эстонского полицейского, стоявшего на посту недалеко от советского посольства. От него они получали сведения о том, когда уезжает и приезжает машина полпреда, кто, когда и приблизительно в какое время выезжает и приезжает в посольство. Однако по каким-то причинам покушение сорвалось.²⁴⁸ Можно предположить, что советская разведка ввиду хорошей осведомленности о планах монархистов сумела предупредить их действия, пустив информацию об их приготовлениях в прессу. Таким образом, шумный скандал и разбирательство вокруг собраний русских монархистов в Русском клубе нарушили их планы.

Но Баиов и его группа продолжили подготовку к покушению, и после некоторых подготовительных работ было решено произвести теракт в конце октября – начале ноября 1927 года. С докладом о результатах подготовительной работы и для получения дальнейших инструкций в Париж к Кутепову был отправлен капитан лейб-гвардии Измайловского полка Н.А. Байков.²⁴⁹ Но еще до его возвращения, кажется, опять-таки не без помощи советской разведки, дело получило огласку.²⁵⁰

Просочившаяся в эстонскую печать информация о том, что русские монархисты готовили покушение на советского полномочного представителя в Эстонии, стала очередной сенсацией.²⁵¹ Сообщалось, что некий эмигрант А.С. Луковский вместе с В.Г. Елисеевым и студентом Феофановым получили задание от местного руководства монархической организации совершить покушение.²⁵² После этого, 24 октября эстонская полиция произвела обыски в Комитете русских эмигрантов, у А.К. Баиова, С.П. Мансырева, Б.В. Энгельгардта, А.В. Иксуля и др. В результате была конфискована переписка и монархическая литература. У эстонской полиции имелись подозрения, что монархисты создали весьма серьезную организацию, обладавшую солидной материальной базой.²⁵³ От имени подозреваемых с опровержением подобного рода толков в печати выступил Энгельгардт²⁵⁴, но, кажется, разубедить общественность ему не удалось.

На самом деле история была весьма туманна и противоречива. Эстонская печать по этому делу никаких подробностей не сообщала, а зарубежная путалась в догадках, выдви-

248 ГАЭ. Ф. 138. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 183.

249 Там же.

250 Высланный из Ревеля Н. А. Байков выехал в Юрьев. - ВД. 1927. 26 нояб. № 321. С. 1; Документы внешней политики СССР. Т. X. М., 1965. С. 581.

251 *Pagulaste salasepitsuste tähe all.* - *Päevaleht.* 1927. 25 okt. № 291. Lk. 4; Сенсационные слухи. - НГ. 1927. 1 нояб. № 187. С. 3.

252 Новые подробности об обысках и арестах в Ревеле. - НГ. 1927. 3 нояб. № 189. С. 2.

253 Обыски в Ревеле. - ВД. 1927. 26 окт. № 290. С. 1; У кого были произведены обыски в Ревеле. - Сегодня. 1927. 28 окт. № 244. С. 4.

254 *Энгельгардт Б.* Письмо в редакцию. - НГ. 1927. 29 окт. № 185. С. 4.

гая две возможные версии: в рижской газете «Сегодня», со ссылкой на финскую прессу, сообщалось, что по одной из версий Луковский был, вероятно, агентом ГПУ, в задание которого входило скомпрометировать русских монархистов и вызвать осложнения в эстонско-советских отношениях; по другой версии Луковский якобы явился к эстонским властям с заявлением о том, что местные монархисты его уговаривают совершить теракт в отношении советского полпреда.²⁵⁵ Так или иначе, обе версии свидетельствовали о провокаторской роли Луковского. Весьма примечательно, что к такому же заключению пришел министр внутренних дел Эстонии Я.Я. Темант, который в одном из интервью утверждал, что Луковский получил задание от второго секретаря советского посольства в Таллине Таранова.²⁵⁶ На это заявление советское посольство отреагировало нотой протеста, требуя опровержений,²⁵⁷ но эстонское правительство оставило ноту без внимания,²⁵⁸ после чего в советских «Известиях» была опубликована резкая статья об открытой враждебности Эстонии по отношению к СССР, которая особенно усилилась после разрыва англо-советских отношений, и о поддержке эстонским правительством деятельности русских белогвардейцев.²⁵⁹

В 1927 году в среде русской эмиграции приобрела громкую известность весьма законспирированная и радикальная организация «Братство Русской Правды»,²⁶⁰ основанная в 1921 году герцогом Г.Н. Лейхтенбергским, публицистом С.А. Соколовым-Кречетовым и генералом П.Н. Красновым и действовавшая с одобрения великого князя Николая Николаевича и благословения митрополита Антония. «Братство Русской Правды» состояло из автономных отрядов, которые вели партизанскую борьбу и, ввиду строгой конспирации, не сообщали детали своей деятельности даже в центр. Основными кадрами для отрядов Братства служили остатки отрядов так называемой «Дружины зеленого дуба», действовавшей в Белоруссии, отрядов С.Н. Булак-Балаховича и Б.В. Савинкова. В своих отчетах Братство утверждало, что развернуло колоссальную партизанскую войну в западных и южных районах СССР и на Дальнем Востоке. В начале 1930 г. ОГПУ сумело внедрить своего провокатора Н. Кольберга в латвийский отдел организации, и в 1932 или 1933 году «Братство Русской Правды» распалось.²⁶¹

В Эстонии «Братство Русской Правды» начало свою деятельность в 1921 году в Нарве, где небольшую группу возглавил ротмистр Б.А. Тишнер.²⁶² В Нарве существовало несколько небольших групп Братства, и очень часто члены одной группы лишь смутно догадывались о существовании другой. Членами разных групп Братства в Нарве были штабс-капитан Н.Н. Четвериков, капитан П.Н. Максимов, капитан Н.А. Подмошенский, прапорщик В.С.

255 Темная история или новая провокация ГПУ. - Сегодня. 1927. 3 окт. № 246. С. 5.

256 Эстонская печать возмущена «ТАСС'ом». - Сегодня. 1927. 17 нояб. № 260. С. 4.

257 Петровский требует опровержений. - Сегодня. 1927. 20 нояб. № 262. С. 10.

258 Документы внешней политики СССР. Т. X. М., 1965. С. 582.

259 СССР и Эстония. - Сегодня. 1927. 22 нояб. № 263. С. 1.

260 Флейшман А. В тисках провокации...С. 233.

261 Назаров М. Миссия русской эмиграции... С. 232–233.

262 Бойков В., Исаков С., Раясалу И. Политическая жизнь...С. 79.

Волков, смотритель Нарвской эмигрантской гимназии Б. Петров, Е.И. Орнатский и ученики Нарвской эмигрантской гимназии.²⁶³ В основном деятельность нарвской группы Братства заключалась в переправке в СССР пропагандистской литературы, которую доставляли почтой, рассовывали по поездам, следовавшим в СССР, и переправляли через рыбаков и ходоков; в планах было даже наладить радиовещание на СССР.²⁶⁴ Нарвские группы поддерживали тесную связь с отделом Братства в Латвии во главе со светлейшим князем полковником А.П. Ливеном. В 1930–1931 гг. от Ливена в Нарву приезжали В.С. Столыгво и Н.Н. Лишин с листовками Братства, печатавшимися в Латвии.²⁶⁵ Столыгво и Лишин были очень недовольны работой Тишнера, который любил выпить и вообще вел разгульный образ жизни, поэтому в 1931 году он был смещен, и его пост занял Волков.²⁶⁶ После развала «Братства Русской Правды» молодые члены организации в основном перешли в Национально-трудовой союз нового поколения.²⁶⁷

Известно, что группы Братства существовали также в Таллине и Печорском уезде. В Таллине деятельностью местного филиала Братства руководил А. К. Баиов.²⁶⁸ Членом одной из групп был штаб-ротмистр А.В. Ефремов, завербованный, по его словам, Лишиным.²⁶⁹ В Печорском уезде деятельность групп Братства курировал капитан К.Д. Мерказин. Печорские группы просуществовали дольше остальных, пережив распад Братства в 1932–1933 гг., и продолжали действовать примерно до 1937 года.²⁷⁰ Подробности деятельности этих групп неизвестны, скорее всего, они, так же как и нарвские объединения, занимались распространением литературы Братства. Вообще в первой половине 1930-х гг. деятельность РОВС'а в Эстонии под руководством Баиова становится менее активной. Некоторые его ближайшие сотрудники были недовольны пассивностью своего руководителя. Так, Энгельгардт часто ссорился с Баиовым по этому поводу и предлагал, в частности, провести ряд террористических актов, ссылаясь на пример Кутепова и его группы.²⁷¹ Именно поэтому Энгельгардт повел деятельность по линии РОВС'а независимо от своего начальника, что вызывало недовольство Баиова. Энгельгардт установил непосредственную связь с ключевыми фигурами РОВС'а - полковником А.А. Зайцевым, генералами А.А. Лампе и А.М. Драгомировым, а также с эстонской, немецкой, английской и французской разведками. Благодаря поддержке эстонской полиции и разведки Энгельгардт неоднократно осуществлял переброску своих агентов в СССР.²⁷²

263 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 25445. Л. 25; Д. 26756. Л. 16–17, 23, 92, 94, 177; Ф. 130. Д. 15096. Л. 22 об.–23.

264 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 26756. Л. 16–17; Ф. 130. Д. 9056. Л. 19 об., 21.

265 ФГАЭ. Ф. 130. Д. 9056. Л. 18–18 об., 21.

266 Там же. Л. 17 об., 18 об.; *Бойков В.* Позволено распечатать. - Вышгород. 1998. № 1–2. С. 131.

267 *Бойков В.* Позволено распечатать... С. 131.

268 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28198. Л. 23.

269 ФГАЭ. Ф. 130. Д. 11566. Т. II. Л. 51.

270 *Бойков В., Исаков С., Раясалу И.* Политическая жизнь... С. 79; *Калкин О.* На мятежных рубежах России. Очерки о псковичах-участниках Белого движения на Северо-Западе в 1918–1922 гг. Псков, 2003. С. 152.

271 ФГАЭ. Ф. 129. Д. 28 198. Л. 72 об.

272 *Исаков С.Г.* Б. В. Энгельгардт. ... С. 211–213.

Однако самым значительным достижением Энгельгардта как начальника разведки и контрразведки отделения РОВСа в Эстонии надо считать осуществленный им блестящий развал резидентуры советской разведки в Эстонии. С 1932 по 1936 год Энгельгардт сумел обмануть бдительность советских разведчиков, притворившись искренне верящим в то, что он был завербован для работы на немецкую разведку, и не подозревающим, что завербовавший его Н. Шедлих является агентом советской разведки. За 4 года виртуозной работы Энгельгардт смог не только полностью дезинформировать советскую разведку, но и внедрить в ее ряды своих агентов и устранить многих советских, что, в конечном счете, свело практически к нулю всю разведывательную и агентурную деятельность советской разведки в Эстонии.²⁷³

После смерти Баиова Энгельгардт возглавил эстонское отделение РОВСа и созданный Баиовым в 1931 году Союз русских военных инвалидов в Эстонии, а также вошел в состав правления Общества помощи бывшим русским военнослужащим в Эстонии. Это позволило ему продолжить работу, начатую Баиовым по объединению и сплочению рядов русских военных в Эстонии.²⁷⁴ После закрытия в 1936 году Союза взаимного вспомоществования бывших чинов Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии Энгельгардт, желая максимального объединения всех русских военных в Эстонии, ходатайствовал перед генералом Э.А. Верцинским, возглавлявшим Общество помощи бывшим русским военнослужащим, о вхождении в него членов закрытого союза. Но Верцинский был категорически против, так как считал невозможным прием солдат и унтер-офицеров в исключительно офицерское по своему составу общество.²⁷⁵

Между тем именно при Союзе северозападников с 1931 года была неплохо организована агентурная и диверсионная деятельность на территории СССР. Со слов одного из активных членов этой организации П.А. Горбовского, в 1931 году О. П. Васильковский ездил в Париж, где встречался с генералом П.Н. Шатиловым, который поручил ему организовать на территории СССР повстанческие группы и снабжать их агитационной литературой для ведения среди населения антисоветской пропаганды.²⁷⁶

Если верить Горбовскому, такие отряды действительно были созданы. Блилежащая к Нарве советская территория была поделена на секторы, и каждому члену организации было поручено руководить работой в одном из них: Горбовский руководил работой в районе Порхова и частично в Псковском районе, по Лужскому и Кингисепскому району ответственными были Д.А. Гаврилов и Н.Д. Гужавин, а в районе Острова работу курировали Н.А. Подмошенский и С.А. Кудрявцев. Горбовский утверждал, что в его районе действовало до пяти групп, численность которых доходила до 200 человек.²⁷⁷ Наиболее активной была

273 Подробнее см.: *Иконников А.* Своя среди чужих. - Вести Неделя плюс. 2000. 6 окт. № 40. С. 10; 20 окт. № 42. С. 24; 27 окт. № 43. С. 16–17; *Исаков С.Г. Б. В.* Энгельгардт. ... С. 215–223.

274 *Исаков С.Г. Б. В.* Энгельгардт. ... С. 225–226.

275 Там же С. 227.

276 ФГАЭ. Ф. 130. Д. 6122. Л. 34.

277 Там же. Л. 38.

группа Сорокинского, имевшая в своем распоряжении большие запасы оружия и взрывчатых веществ. В числе «подвигов» этой группы была организация нескольких крушений поездов на железнодорожной линии Порхов-Псков.²⁷⁸

Васильковский был очень недоволен действиями группы Сорокинского, так как считал, что столь масштабные теракты могут привести к гибели всей подпольной организации. Он предлагал осуществлять покушения на отдельных партийных деятелей и функционеров. Однако это предприятие потерпело неудачу — все посланные в СССР с этим заданием люди не возвращались и, видимо, сами гибли от рук тех, кого собирались ликвидировать.²⁷⁹

К сожалению, ни опровергнуть, ни дополнить эти свидетельства не представляется возможным, так как все остальные участники этой организации на следствии ни словом не обмолвились о ее существовании. Существуют также не совсем достоверные сведения, что в 1933–1934 гг. прибалтийским отделом Российского имперского союза, центр которого находился в Париже (во главе с Н.Н. Рузским, а в Эстонии его представителем был А.С. Гущин), были подготовлены диверсионные группы для переброски в СССР.²⁸⁰ Однако какой-либо дополнительной информации, подтверждающей этот факт, пока не обнаружено.

Тем не менее, на основе ставших в последнее время известными документах ОГПУ можно утверждать, что, благодаря работе разного рода белогвардейских организаций, в конце 1920-х–начале 1930-х гг. на территории СССР деятельность конспиративных и повстанческих групп приняла невиданный размах. Если по официальным данным ОГПУ в 1929 году через судебные «тройки» прошли 5 885 человек, то в 1930 суду были преданы 179 620 человек, из которых 18 966 человек были приговорены к расстрелу. За 1930 год чекисты зафиксировали по СССР 13 754 массовых выступлений против советской власти, включая 176 повстанческих. Известно, что с января по апрель 1930 года прошло 6 117 крестьянских выступлений, в которых участвовало около 1,8 миллиона человек! За 1932 год было зафиксировано более 5 000 высказываний откровенно повстанческого характера со стороны красноармейцев и командного состава армии.²⁸¹

Что касается общего характера деятельности русских военных в Эстонии в 1930-е гг., то можно сказать, что в сравнении с 1920-ми гг. их активность явно пошла на убыль. Это была общая тенденция, характерная как для всего Русского Зарубежья, так и для Эстонии, где, особенно после установления диктатуры Пятса-Лайдонера, наступило время общественно-политического застоя и стагнации. В 1936 году был закрыт Союз вспомоществования чинов бывшей Северо-Западной армии и русских эмигрантов в Эстонии. Организация русских скаутов в Эстонии была включена в общеэстонскую организацию, лишившись в результате и части своих членов, и своей автономии, а русские утратили былой контроль и влияние в организации. Хотя до прихода советской власти в Эстонии продолжали действовать Союз

278 Там же. Л. 34.

279 Там же. Л. 34–36.

280 Бойков В., Исаков С., Раясалу И. Политическая жизнь ... С. 90.

281 Александров К.М. Белая военная эмиграция в Европе 1930–1945 гг. Новые документы, материалы, суждения. - Зарубежная Россия. 1917–1945. Сборник статей. Кн. 3. СПб., 2004. С. 40–41.

русских увечных воинов-эмигрантов, комитет «Дня русского инвалида», Союз русских военных инвалидов, Общество помощи бывшим русским военнослужащим и Касса взаимопомощи моряков; во многом не безуспешно продолжало функционировать эстонское отделение РОВСа, но все же уровень их активности был уже не тот. К тому же с течением времени контингент русских военных неуклонно старел и по причине естественной убыли сокращался, многие в поисках лучшей жизни покидали Эстонию. За редким исключением все оставшиеся к 1940 году в Эстонии русские военные были схвачены органами НКВД и расстреляны или погибли в лагерях.

Обозы Северо-Западной армии в районе Мустйе. Ноябрь 1919 г.

Интернированные северо-западники в Вайвара. Декабрь 1919 г.

Переговоры в Тарту между Эстонией и РСФСР. Декабрь 1919 г.

Советско-эстонская граница. Дубровка. Январь 1920 г.

“Возвращенцы” в Советскую Россию. Февраль 1920 г.

Северо-западники вместе с российскими беженцами в районе Йыхви.
8 января 1920 г.

Северо-западники в тифозном бараке. 1919 – 1920 гг.

Жертвы тифа. Военно-Покровское (Сиверсгаузенское) кладбище. Нарва, 1920 г.

Первый памятник северозападникам. Сийверсти, Нарва. 1921 г.

Эмиграция из-под Петрограда в Эстонию в 1919 и начале 1920-х годов: исторический, социальный и культурный фон

Аурика Меймре (Таллин)

В настоящей статье будут рассмотрены, с одной стороны, многие, на первый взгляд, известные факты, с другой же – в обиход будут введены материалы, которые были доступны в свое время, но к настоящему моменту еще не републикованы, хотя представляют интерес и сегодня, а также целый ряд архивных документов, в прошлом не доступных и ранее не изучавшихся.

Большая часть русских эмигрантов первой волны оказалась в Эстонии вместе с отступающей армией генерала Юденича в конце 1919 - начале 1920 года, т.е. до конца военных действий на эстонском фронте, но появлялись они и позже, после подписания мирного договора, т.н. Тартуского мира, между Эстонией и Советской Россией 2 февраля 1920 года. Среди сопровождавших армию беженцев было немало представителей русской дореволюционной интеллигенции - деятелей общественной и культурной жизни.

10 июня 1919 года приказом Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака генерал от инфантерии Н.Н. Юденич был назначен главнокомандующим Северо-Западным фронтом. В августе того же года Юденич начал подготовку к нападению на Петроград, мобилизуя русских из Прибалтийских государств, Финляндии и др. стран. Вскоре командованием Северо-Западной армии были разработаны два варианта наступления: 1. План самого генерала Юденича, предусматривавший прямой штурм Петрограда с проходом через Нарву, Ямбург, Гатчину; 2. План прогермански настроенной части командного состава армии, согласно которому сначала следовало взятие Пскова и только затем Петрограда. При этом, по плану Юденича, армию должны были поддержать английский морской флот и эстонские сухопутные войска, которые, однако, не оказали ожидавшейся от них помощи и тем самым не оправдали надежд Юденича. В планы руководителей второго варианта входило объединение с войсковыми частями генерал-майора П.Р. Бермондта-Авалова, но последний отказался перевезти свои войска из Риги под Нарву в распоряжение Юденича. В результате Бермондт-Авалов приказом Юденича был объявлен изменником и исключен из списков Северо-Западной армии.

Действительное наступление на Петроград началось 10 октября 1919 года, при этом первая неделя атаки была настолько успешной, что уже 16 октября армия Юденича оказалась под Гатчиной. Дойдя к 21 октября, когда началось контр наступление 7-й Красной Армии, до Павловска, Северо-Западная армия начинает сдавать свои позиции и к середине ноября того же года отходит к границе Эстонии. В результате генерал Юденич вынужден был обратиться к главнокомандующему Эстонской армией Й. Лайдонеру с просьбой разрешить переход границы обозам, беженцам, пленным красноармейцам и в крайних обстоятель-

ствах – полевым частям, обещая поставить свои войска в прямое подчинение эстонскому военному руководству. Разрешение эстонского правительства на переход границы пленным красноармейцам, запасным частям и некоторым группам беженцев последовало 16 ноября 1919 года. Вскоре был издан приказ Лайдонера о разоружении армии Юденича, при этом, пропуская небольшими группами войска, «эстонские солдаты производили форменный грабеж солдат и офицеров армии, отнимая у них обмундирование, обувь, ценности».¹ Факт подобного обращения с остатками армии Юденича описан не только в разного рода воспоминаниях самих северо-западников, русских беженцев, но и в воспоминаниях эстонских воинов. Так, например, Э. Гроссшмидт, один из офицеров эстонского партизанского отряда Ю. Куперьянова, принимавшего участие в походе на Петроград, в своих мемуарах пишет, как трудно было с теми русскими, «которых во время разоружения немного обидели, отнимая у них вместе с оружием и более приличные шинели и сапоги».² Подобное отношение к воинам-северо-западникам оправдывалось якобы неверной трактовкой приказа об их разоружении эстонскими солдатами.

Страдала не только Северо-Западная армия, но и беженцы, среди которых большую часть составляли семьи военнослужащих и интеллигенция, отошедшая из-под Петрограда, Павловска, Царского Села, Гатчины и окрестностей. Их страдания усугубила рано наступившая зима – уже в начале ноября 1919 года по ночам стояли морозы в 10-15, иногда 20 градусов. Практически все время, пока люди ждали перехода через границу, они находились на улице, согреваясь у костров. Лишь детям была предусмотрена скромная продовольственная помощь американской миссии. Отчитываясь о своей деятельности в Ямбурге в отношении положения беженцев на границе, консул А. Плоом писал: «Перо отказывается описать все эти беды и отчаянья, которые животным, людям, особенно маленьким детям, а также больным пришлось пережить до получения разрешения на въезд в Эстонию <...> где в помещения, рассчитанные на сто человек, приходилось размещать по 500-600. В честь беженцам, надо признаться, что все это они пережили без жалоб».³

Разрешение на въезд в Эстонию было дано, но переход границы осуществлялся намного медленнее, чем хотелось бы всем причастным к нему лицам, последствием чего были голод, холод и болезни беженцев, находящихся как за пределами Эстонии, так и в пределах страны.

По данным МВД Эстонии, во второй половине ноября в день через пограничные пункты Эстонии официально проходило по 300-500 беженцев, к декабрю это число стало постепенно сокращаться. По данным Военного министерства Эстонии, к 1920 году на территорию страны впустили около 100 тысяч бывших военных северо-западников, красных военнопленных и беженцев, которые, вопреки своим надеждам попасть в человеческие

1 Цитируется по: Интервенция на Северо-западе России 1917-1920 гг. СПб, 1995. С. 361.

2 См.: Grossschmidt, E. Pealuu märgi all. Mälestusi Kuperjanovi partisanide sõjaretkilt. Tallinn, 1995. Lk. 164. (Перевод с эстонского языка на русский здесь и далее – автора настоящей статьи).

3 См. ГАЭ. Ф. 957. Оп. 11. Ед. хр.103. Л. 27.

условия, опять оказались в лесах, поскольку находиться в глубине страны им (особенно бывшим военным) было запрещено.

В итоге, по требованию американской миссии беженцам было отведено несколько имений в Нарвском уезде. Перешедшие границу Эстонии беженцы в обязательном порядке направлялись в карантин, который в периодике нередко называется «концентрационным лагерем», без медицинских средств и одежды.

В связи с продовольственным и жилищным кризисом 7 февраля 1920 года Министерством внутренних дел был принят закон о высылке иностранных подданных за пределы Эстонии. Однако, к счастью, только что перешедших восточную границу Эстонии беженцев этот закон не касался, а относился ко всем, кто въехал в Эстонию после 1 января 1915 года. По предписанию эти иностранцы были вынуждены покинуть республику в течение месяца, при этом каждый отдельный случай рассматривался лично министром внутренних дел.⁴ По поводу этого закона появились и негодующие статьи, напоминающие правительству Эстонии, что в указанный ими срок никакой Эстонской Республики не было, а была Эстляндская губерния Российской Империи и эти люди передвигались по территории единого государства. Было ясно, что этот закон направлен исключительно против русской части населения Эстонии. Однако опротестовать подобный закон никто из «иностранцев» не осмелился: «... если бы нашелся такой наивный мечтатель из русских по крови и по подданству людей, который отважился бы пойти к эстонскому министру внутренних дел с доводами юридической логики, то он в лучшем случае оказался бы в тюрьме, а в худшем, пожалуй, за проволочным ограждением, где его ждут пытки и расстрел. И, наоборот, датчане, персы, афганцы и китайцы - если таковые имеются в Эстонии - само собою разумеется, могут ни о чем не тревожиться: надлежащие разрешения для них, наверное, уже подготовлены...».⁵

Жизнь без малейших удобств, в отсутствие нормального существования и на границе, и в пределах Эстонии вызвала эпидемию тифа, от которого умерло более двадцати тысяч бывших военных и беженцев. Статьи и разного рода другие материалы, свидетельствующие о подобном положении беженцев в Эстонии, вскоре начали появляться на страницах местной и зарубежной периодики. Так, например, в финской ежедневной русскоязычной газете «Новая русская жизнь» от 26 февраля 1920 года было опубликовано письмо бывшего северозападника В. Марцышевского, в котором он описывал условия размещения беженцев и бывших военных в Нарве: «в <...> полутемной комнате в ужасной грязи, часто без всякой подстилки лежат 12 человек, рядом в еще меньшей комнатке с совершенно занесенным снегом окном лежат семейные. <...> Еще три-четыре (в темноте не разобрать) не то тела, не то трупы лежат, раскинувшись без всяких, по-видимому, признаков жизни. Перед дверью баррикада из человеческих отбросов. Больные уже не в состоянии выходить во двор (уборная в доме давно уже заполнена). Рядом в ванной – семья из 5 человек. <...> Место это – конурка-квартира при заводе Зиновьева. А вот еще картина: 4 барака, в которых скучено

4 См. об этом: ГАЭ. Ф. 1. Оп. 9. Ед. хр. 443. Л. 22.

5 См. <Передовая статья> - Новая русская жизнь. (Хельсинки). №41, 20 февраля 1920. С. 1.

800 человек солдат и офицеров. Это Т<алабск>ий полк; командир его разделяет печальную участь всей своей команды. Вместе воевали – вместе и умирают. На всех 800 человек осталось лишь 3 выздоравливающих офицера, которые самоотверженно ухаживают за своими товарищами. <...> Нет врачей, нет санитаров, нет средств, нет и людей, желающих хотя бы несколько скрасить последние минуты умирающих бойцов».⁶ Некто S.M. еще в конце января привел в той же газете несколько красноречивых цифр: «Больных сыпным тифом в армии чуть не 90 процентов. Есть части, где попадаются такие цифры: 2.500 больных влещку, 1.560 выздоравливающих, едва влачащих ноги 520 здоровых. <...> На 800 больных – 1 врач и 2 сестры. <...> В госпитале на 200 человек лежит 800 и больше».⁷

Довольно большому количеству беженцев и бывших северозападников все же удалось добраться до столицы Эстонии Таллина, где, как им казалось, жить будет немного легче, чем в пограничном нарвском регионе. Однако жизнь в столице оказалась такой же сложной. Основными местами проживания беженцев в Таллине стали гостиница «Петроград», где останавливались бывшие чины Северо-Западной армии. Однако большая часть беженцев находилась в одном из таллинских районов: «Возникнув на полуострове Таллинской бухты на базе судостроительных заводов Русско-Балтийского и Беккера – еще в период царской России, поселок Копли разделялся на три колонии: Верхнюю, где жили семьи технического и управленческого персонала, Среднюю, где обосновались служащие, рабочие и другой обслуживающий персонал, и Нижнюю, в которой рядом с отдельными двухэтажными деревянными домами теснились бараки с безработными, бывшими военными Северо-Западной армии, брошенными их начальниками на произвол судьбы, людьми из разных уголков России. Некоторые из этих бараков со временем превратились в настоящие рассадники тифа. Трупы умерших от болезней и голода жителей Копли еженедельно под траурное пение и аккомпанемент взрывающихся мин, оставшихся в воде со времен войны и нет-нет да приплывающих к берегу, отвозились на недалекое кладбище, позднее превращенное в прах».⁸

Но не только болезни и квартирные неудобства, карантин и пр. являются историческим и социальным фоном русской эмиграции в Эстонии. Остатки Северо-Западной армии были постоянной мишенью нападков не только в Нарвском регионе, но и в других городах. К тому же в их отношении действовали дискриминационные законы. Например, по сообщению эстонской ежедневной газеты «Vaba Maa» («Свободная страна»), всем парикмахерским был отдан приказ о том, что бритье и стрижка чинов бывшей Северо-Западной армии должны производиться только по медицинским свидетельствам.

2 марта того же 1920 года Учредительным собранием Эстонской Республики был издан приказ о принудительных лесных работах, куда в течение года должны были направиться

6 *Марцусевский В.* Спасите – помогите. – Новая русская жизнь. (Хельсинки). №46. 26.02.1920.

7 *S.M.* Санитарное положение Северо-Западной армии. – Новая русская жизнь. (Хельсинки). №17. 23.01.1920.

8 *Губин Вс.* Времена не выбирают... Таллин: Александра, 1995. С. 8.

15 тысяч мужчин. Как правило, на лесные работы, к которым приравнивались также резка торфа и ломка горючего сланца, направлялись бывшие военные и большая часть беженцев со сроком в два месяца или на неопределенный срок, до выполнения рабочей нормы. Не явившиеся, согласно закону, подвергались аресту или заключению в тюрьму до одного года, или штрафу до 100 тысяч марок, после чего виновных все равно отправляли под конвоем на принудительные работы. Наряду с этим в постановлении говорилось и о том, что находящимся на принудительных лесных работах выдается солдатский паек, а оплата производится по системе сдельной работы.

Каково же было положение бывших воинов на лесных заготовках? «... они разбросаны мелкими группами по лесной глуши – пильщики. У них тоже есть „право жительства“, но только на заготовках. Дальше ни-ни... Они – „белые рабы“ демократической республики. Ждут, когда можно вернуться на родину, и пилят, пилят, пилят – это их „право на жительство“», - так охарактеризовал лесные разработки еще в 1921 году некий А. Неверов.⁹

К 1 августа 1920 года, когда Комитет русских эмигрантов Эстонии отправил «Записку о положении рабочих на лесных работах» одновременно в МВД и Министерство труда и социального обеспечения, стало понятно, что многие пункты приказа о принудительных работах, в том числе срок продолжительности работы, не выполнялись. В «Записке» говорится о правовом положении рабочих: у них отняты все документы, удостоверяющие личность, из-за чего они лишены права свободного передвижения, рабочие не могут переходить к другому лицу на другой участок или на другие работы и т.д. При этом следует отметить, что права рабочих нарушались подрядчиками как эстонского, так и русского происхождения. Так, например, «подрядчик Ульянов заявляет, что сохранение наличного состава рабочей силы возложено Комитетом на подрядчика. Из такого правового состояния (вернее сказать, бесправного) рабочих совершенно естественно вытекает возможность применения к ним репрессивных мер со стороны администрации работ как средства, обеспечивающего в каждом данном месте постоянный необходимый контингент рабочей силы».¹⁰ Члены Комитета русских эмигрантов Эстонии, составившие эту «Записку», справедливости ради отмечают, что большинство подрядчиков все же отпускают рабочих беспрепятственно, но с условием уплаты всех долгов и возвращения рабочих инструментов. В конце описания правового статуса рабочих комитет выдвигает целый ряд пунктов, призванных улучшить их положение: «1. Право свободного передвижения. 2. Право свободного выбора труда. 3. Обязательное введение письменных договоров коллективных между подрядчиком и рабочим. 4. Распространение действия закона об охране труда на лесных рабочих. 5. Право защиты интересов рабочих при возникновении конфликтов между рабочими и предпринимателями через особые Комиссии и Орган М<инистерст>ва труда».¹¹

9 Неверов А. На чужбине: Очерки из жизни русских в Эстонии. – Голос России. (Берлин). №4, 6 января 1921.

10 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 9. Ед. хр. 437. Л. 122.

11 ГАЭ. Ф. 1. Оп. 9. Ед. хр. 437. Л. 122 об.

Наряду с правовым статусом «Записка» концентрировала свое внимание также на экономическом и врачебно-санитарном положении рабочих, которое было не намного лучше описанного выше положения в карантинах в начале 1920 года. Нередко рабочим приходилось жить в нежилых помещениях типа сараев, товарных вагонов и т.п., при этом спали они чаще всего прямо на полу. По мнению Комитета эмигрантов, рабочим необходимо было срочно предоставить медицинскую помощь, снабдить их кипяtilьниками и посудой, поскольку нередко им приходилось пить сырую, речную воду, а на работе – какую приходилось. Кроме того, необходимо было снабдить их дезинфекционными средствами и мылом, а также дать возможность ежедневно пользоваться банями.

Без внимания не остались и культурно-просветительные нужды рабочих, при этом в «Записке» говорилось о полном отсутствии книг и нерегулярном поступлении газет, а о посещении рабочими театров и концертов или, наоборот, гастролей актеров у рабочих говорить вообще не приходилось.

Целью «Записки» Комитета эмигрантов скорее всего, судя по содержанию и представленным там предложениям, было улучшение положения рабочих, но Министерство труда и социального обеспечения дало им короткий ответ: «Лучшие условия для работы будут достигнуты лишь в том случае, когда бывшие северозападники смогут сами выбирать работодателя, что, однако, из-за отсутствия у них документов и свободы передвижения не возможно». Все остальные предложения относительно улучшения положения рабочих, а также приведенные Комитетом эмигрантов факты о самом положении рабочих остались Министерством незамеченными.¹²

Официальные запросы, жалобы и открытые письма, статьи в периодике имели свои последствия. Так, например, после публикации в лондонском еженедельнике «The New Russia»¹³ нескольких статей-писем, рассказывающих о положении беженцев, в том числе детей и женщин, а также бывших северозападников в Эстонии, в частности о «белых рабах» на лесных работах, МИД Эстонии запросил отчет у начальника Первой эстонской дивизии Я. Тыниссона, отвечающего за положение на Вирусском фронте, т.е. в северо-восточной части Эстонии. В своем отчете Я. Тыниссон не скрывает бедственного положения, но указанные им цифры кардинально отличаются от данных, приведенных в статье. Сравним: по данным «The New Russia» – больных сыпным и др. видами тифа к 30 января 1920 года около 20 000, у Тыниссона – немногим более 7 000, а общее количество больных 10 261 человек. Далее, в «The New Russia» – из 115 русских докторов, ухаживающих за больными беженцами по всей Эстонии, осталось 47, несколько сестер и санитаров; Тыниссон на те же самые числа указывает, что врачей было 69, сестер – 177 и санитаров – 2118. Из первоапрельского отчета Тыниссона следует, что во всех бедах беженцев и бывших северозападников виноваты они же сами, зато после перехода всех дел в руки эстонцев в начале марта вдруг все изменилось к лучшему: за больными начали ухаживать эстонские врачи,

12 См. об этом: ГАЭ. Ф.1. Оп.9. Ед.хр.437. Лл.120-126.

13 См.: «The New Russia» №№ 10 и 13 от 8 и 29 апреля 1920 года.

сестры, их начали лечить, благодаря чему уменьшилась смертность. Тыниссон пишет, что до марта 1920 года умирало не менее 50 человек в день, а со второй половины марта – по 5 человек; понятно, что большая часть больных тифом к моменту написания генералом отчета успели умереть.

В начале мая Тыниссон подает следующий отчет, который вместе с сопроводительным объяснительным письмом министра внутренних дел был отправлен в МИД для его перевода и дальнейшей рассылки по консульствам и посольствам Эстонии в Хельсинки, Стокгольме, Лондоне, Париже и столицах других стран со следующим заключением: «Русские сами не сумели навести порядок, и только благодаря усилиям наших общественных деятелей беженцам было обеспечено питание и квартирные условия». Относительно «белых рабов» последовало категорическое заявление: «Союзники наши, от единого до последнего, постоянно говорят, что русские должны работать, что Эстония не должна терпеть паразитов на своей земле. Это, и только это нами и выполняется».¹⁴

Положение русских беженцев оставалось примерно таким же в течение еще нескольких лет. В апреле 1922 года местная газета «Нарова» опубликовала статью, полученную редакцией с мест лесных заготовок, где описывались «первобытные условия, в которых приходится коротать свою скитальческую жизнь не одной тысяче страдальцев-эмигрантов».¹⁵ В статье говорится главным образом о положении «детей леса»: «Дети леса живут в лесу, и эта жизнь наложила на них особый отпечаток: они мало смеются, потому что их жизнь среди сугробов и лесной глуши не располагает к смеху. Черные от дыма и копоти, нечесанные и небритые, совершенно обросшие волосами и в ужасных отрепьях, висящих густыми косами на их согбенных фигурах, они напоминают собою тех обитателей тропических лесов, которых вы называете обезьянами, но вместе с тем это не обезьяны, а настоящие, даже культурные люди... На их бледных и задумчивых лицах изобразится весь ужас безвыходного положения, а на покрасневших от ветра и стужи глазах порою блеснут мучительные слезы, которые они украдкой утирают».¹⁶ Кончается же статья вопросом к Комитету эмигрантов, почему он не ходатайствует перед властями об улучшении положения «детей леса», но Комитет едва ли мог бороться против принятых в Эстонии дискриминационных законов. Многие беженцы не выдержали и уехали на поиски лучшей доли в другие страны Европы и Америки, часть предпочла вернуться на родину. Некоторые бывшие воины поддались агитации «монархистов» и погибли в «боях за родину». Люди продолжали умирать от болезней и голода еще и в середине 1920-х гг. (наиболее яркий пример – смерть известной оккультной писательницы В.И. Крыжановской-Рочестер в конце 1924 года). По данным переписи населения к 1922 году в Эстонии оставалось всего около 20 тысяч эмигрантов, тогда как вся русская община состояла из 91 тысячи человек.

При всем этом Эстонии принадлежал мировой приоритет в вопросе о национальных

14 См. об этом: ГАЭ. Ф. 957. Оп. 1. Ед. хр. 48.

15 <От редакции>. – Нарова. №9. 2 апреля 1922. С. 1.

16 А. Дети леса. – Нарова. №9. 2 апреля 1922. С. 2.

меньшинствах, права которых защищались шестью статьями Основного закона (т.е. Конституции) Эстонии, принятого 15 июня 1920 года: статья шестая – равноправие представителей всех национальностей; статья двенадцатая – обучение на родном языке; статья двадцатая – свобода выбора национальности; статья двадцать первая – возможность культурного самоуправления; статьи двадцать вторая и двадцать третья – возможность общения на языках национальных меньшинств в делопроизводстве (последняя относилась к немецкому, русскому и шведскому меньшинствам). В 1925 году был принят закон о культурной автономии национальных меньшинств, которым, по мнению писателя и общественного деятеля Эстонии К. Аста-Румора, русское меньшинство не воспользовалось из-за малой образованности, потому что «русские перегрузили пограничные районы, где они сами составляли национальное большинство».¹⁷ В то же время Румор гордился тем, что самостоятельная Эстонская Республика была одной из тех счастливых стран Европы, которые вообще не знали, что такое межнациональная вражда, - в Иерусалиме Эстония была внесена в так называемую Золотую книгу евреев.

17 Ast, K. R. Kahe tule vahel. Tartu, 1999. Lk. 59.

Социальная структура и культурная ориентация русского меньшинства в Эстонской Республике (1918–1940)

Татьяна Шор (Тарту)

Особенностью социальной «биографии» эстонских русских в условиях возникновения и развития нового национального европейского государства является попытка законсервировать накопленные культурные ценности развалившейся Российской империи. Юридически Эстонская Республика (ЭР) была провозглашена 24 февраля 1918 года, однако становление эстонского государства не явилось единовременным актом, наблюдался трудный и длительный процесс утверждения новых демократических основ.¹ Провозглашение первой Конституции ЭР 15 июня 1920 года Эстонским Учредительным собранием было первым значимым шагом в деле признания национальных меньшинств как граждан, равных перед законом. Объявленные национальными меньшинствами, наравне со шведами, латышами и евреями, ранее господствующие нации – немцы и русские – принуждены были пересмотреть свои позиции в поисках социальной ниши и национальной идентичности. Если на экономическом уровне больше всего пострадали немцы, потерявшие свои земельные владения и капиталы, то в политическом и социально-культурном отношении потери русских оказались более значительными.

Национальные меньшинства ЭР. По данным переписи населения 1922 года в ЭР из общего числа жителей 1 107 059 человек неэстонцы составляли 12,3 %, или 137 083 человек. На долю неграждан приходилась 21 000 человек, или 1,9 %, т. е. собственно национальными меньшинствами считались 10,4 % населения.² По переписи 1934 года из 1 117 369 жителей республики неэстонцев было 11,8 %, причем в это число входили представители 51 национальности.³ Хотя процентуально доля неэстонцев за прошедшие 12 лет в целом уменьшилась на 0,5 %, в абсолютных числах все же наблюдался существенный прирост этой группы населения, причем, не в последнюю очередь, за счет высокой рождаемости русских на восточных окраинах ЭР. Этот фактор оказал существенное влияние на изменение национальной политики эстонского государства во второй половине 1930-х годов. Например, в докладе доктора Вольдемара Юпруса (1902–1956) перед абитуриентами Пайдеской гимназии 30 мая 1937 года были приведены демографические данные, которые показывали соотношение рождаемости, поколений и полов у русского меньшинства и у титульной нации. Поскольку соотношение вырисовывалось не в пользу последней, в этом виделась угроза национальным основам государства, даже несмотря на то, что из

1 Valge, J. Kuidas periodiseerida Eesti aeg. - Tuna, 2004, nr. 1, 124–125.

2 Kõbarsepp, Ed. Vähemusrahvused Eestis. - Eesti. Maa. Rahvas. Kultuur. Tartu, 1926.

3 Reiman, H. Rahvused Eestis. - Eesti Statistika, 1935, nr. 6 (164), lk.353.

политической сферы русские были полностью вытеснены.⁴

Национальными меньшинствами, имевшими право на культурное самоуправление и начальное образование на родном языке по закону о культурной автономии 1925 года, считались эстонские граждане, число которых достигало 3000 человек, которые имели места компактного проживания. Таковыми в Эстонии являлись русские, немцы, шведы, латыши и евреи (табл. 1).

Таблица 1. Данные о количестве меньшинств и меньшинственных учебных заведениях в Эстонской Республике 1922–1934 гг.

	Данные переписи 1922 г.	% от общего числа населения, % от нац. меньш.	Данные переписи 1934 г.	% от общего числа населения	Количество меньшинственных учебных заведений			
					1927/28		1934	
					Чел.	%	Чел.	%
Русские	91109	8,2 / 70	92656	8,2	104	3 гос. / 6 частных	97	5
Немцы*	18 319	1,7 / 13,4	16346	1,5	5 гос. / 14 частных	3 гос. / 11 частных	8	11
Шведы	7 566	0,7 / 5,5	7641	0,7	са 15	–	15	2
Латыши	са. 6 000	0,64 / 4,3	5435	0,5	7	1	4	1
Евреи*	4 516	0,4 / 3,3	4434	0,4	2 гос. / 1 частное	2 частных	1	2 частных

*Национальные меньшинства, добившиеся права на легальное культурное самоуправление.⁵

Самым крупным национальным меньшинством были русские, их удельный вес составлял 70 % от всего инонационального населения Эстонии. Затем следовали немцы (13,4 %), шведы (5,5%), латыши (4,3%) и евреи (3,3%) (см. табл. 1). По Тартускому мирному договору к Эстонии отошли территории с коренным русским населением. Таким образом, оказалось, что Печорский край, Причудье и Принаровье, приграничные с Советской Россией территории, были почти сплошь заселены русскими со своими школами, церквями, монастырями,

4 *Üprus, V. Väljavaateid rahvusriigi püsimiseks Eestis rahvusbioloogilisel kaalutlusel. - Akadeemia, 1937, nr. 2, lk. 80-93.*

5 Данные для таблицы взяты: *Kübarsepp, Ed. Vähemusrahvused Eestis. – lk. 1251; Reiman, H. Rahvused Eestis, lk.353; Vähemusrahvuste kultuurielu Eesti Vabariigis 1918–1940. Dokumente ja materjale, koost. A. Matsulevitš. - Tallinn, 1993, lk.47; Haridusametused Eestis 1919-1940, Tallinn, 1989, lk. 22-107.*

памятниками древнерусской старины и архитектуры. В остальных уездах Эстонии процент русского населения не превышал 2,2%.

Образовательный уровень. По закону ЭР правом на получение начального образования на родном языке обладали все национальные меньшинства, имевшие места компактного проживания. В 1918 году работало 75 русских публичных (государственных) школ, к 1922 году их число достигло 112, из них 100 начальных и 12 средних школ и курсов, причем 9 частных.⁶ К концу 1920-х гг. в Эстонии работали 104 русские начальные школы, причем их средняя наполняемость равнялась 86 ученикам, а в целом по Эстонии этот показатель был 76 (см. табл. 1). В начале 1930-х гг. на одну государственную русскую школу выделялось 5694 кроны, в то время как на эстонские, немецкие, еврейские и шведские школы в среднем приходилось по 6272 кроны при меньшей наполняемости классов. С конца 1920-х гг. наметилась тенденция к введению смешанных национальных школ.⁷

Число средних школ с русским языком обучения к 1928 году достигло 9, из них частных – 6 (см. табл.1). У немцев средних школ было 14 (11 частных), у евреев – 2, обе частные. На уменьшение количества русских гимназий со второй половины 1920-х гг. и далее, несомненно, повлиял фактор роста престижа эстонского языка и перехода детей оптантов⁸ в эстонские школы, а еврейских и немецких детей в свои национальные учебные заведения, организованные на средства культурного самоуправления. Уменьшению числа средних школ для русских с середины 1930-х гг. способствовало также предписание Министерства просвещения направлять в обязательном порядке детей из смешанных семей в эстонские школы.

Высшее образование на русском языке молодые люди могли получить на открытых в 1923 году при Русской академической группе Высших политехнических курсах.⁹ Кроме того, небольшой процент русских учился в государственных высших учебных заведениях. Так, в Тартуском университете с 1918 по 1940 год получил образование 821 русский студент. Заметим, что в этот же период здесь обучалось примерно столько же евреев – 835 человек и почти вдвое больше немцев – 1602¹⁰ (*Album Academicum* 1994: 98).

Из таблицы 2 - «Количественная характеристика числа учащихся эстонцев и национальных меньшинств на 1933/1934 гг.» - явствует, что русские значительно уступали в образовательном уровне почти на всех ступенях как титульной нации, так и малочисленным, но более сплоченным национальным меньшинствам, в особенности немцам и евреям. Их можно сравнить лишь с малочисленной группой эстонских шведов, которые также не смогли добиться культурного самоуправления. Неслучайно только евреи и немцы, имев-

6 Vähemusrahvuste kultuurielu Eesti Vabariigis 1918–1940. Dokumente ja materjale, koost. A. Matsulevitš. - Tallinn, 1993, lk.123-126.

7 Haridusasutused Eestis 1919-1940, lk.30, 48, 84, 87.

8 Оптантами называли эстонцев, вернувшихся на родину по договору с Россией в Эстонию после 1919 г.

9 Шор Т. Общественная жизнь. Высшее образование. - Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / под ред. С.Г. Исакова. СПб.; Тарту, 2001. С. 206–207.

10 Album Academicum universitatis Tartuensis 1918–1944, I, Tartu, 1994, S. 98.

щие в своей среде наибольший процент образованных людей, значительно превышающий образовательный уровень эстонцев, единственные из всех меньшинств, сумели добиться для своих общин культурной автономии.

Таблица 2. Количественная характеристика числа учащихся эстонцев и национальных меньшинств на 1933/1934 гг.

	Элементарные школы Человек / % от общего числа учеников	Общеобразовательные школы Человек / % от общего числа учеников	Профессиональные школы Человек / % от общего числа учеников	Тартуский университет и Таллинский политехникум
Эстонцы	96015 / 88,2 из них 1278 в смешанных и 297 в национальных школах	10690 / 82,5%	1969 / 94, 1%	2811 0, 2 % от всего числа эстонского населения
Русские	9766* / 9, 1 из них 795 в эст. и 1123 в смешанных эст.-рус. и рус.-латыш. школах	724 / 5, 9	23 / 1,1%	167 0,18 % от всего числа русского населения
Немцы	1261 / 1, 1	822 / 7,9	82 / 3, 9%	142 0, 87 % от общего числа немецкого населения
Шведы	833 / 0, 8 из них 180 в смешанных эстонишвед. школах	48 / 0,6	Нет данных	11 0,14 % от числа шведского населения
Латыши	293 / 0, 2 из них 56 в эстонских и 40 в смешанных эст.-латыш. и русско-латышских школах	60 / 0,6	Нет данных	16 0, 3% от числа латышского населения
Евреи	340 / 0, 3 из них 53 в немецких национальных школах	230 / 2,0	Нет данных	96 2,2 % от числа еврейского населения

* Без учета лиц без гражданства.

Конфессиональная структура. Духовной основой единения русских как внутри общины, так и во взаимоотношениях с титульной нацией, должно было бы стать единство вероисповедания. Однако на деле русские православные и старообрядческие приходы были разобщены, лишь изредка выступая единым фронтом.

По данным переписи 1922 года конфессиональная структура эстонского общества представлялась в таком виде:

Таблица 3. Конфессиональная структура населения Эстонской Республики по переписи 1922 года

- *Лютеране* – 867 137 (78,3% всего населения Эстонии). В национальном плане эта группа охватывала значительную часть эстонцев, немцев, шведов, латышей и др. национальных групп (по данным 1934 года лютеран было 874 026 (78, 2 %).
- *Православные* – 209 094 (19,0 %). Здесь картина была также довольно пестрой, хотя численно преобладали эстонцы и русские; (по данным 1934 года – 212 764 (19, 0%), включая старообрядцев).
- *Иные христианские вероисповедания* – 10 867 (1%). В это число вошли русские старообрядцы, поэтому в национальном отношении эта конфессиональная группа была наиболее гомогенной, хотя и здесь все же было незначительное число эстонцев, вошедших сюда через смешанные браки и другие формы контактов.
- *Баттисты* – 5 214 (0,5 %). В национальном отношении эта группа представляла собой смешанный состав, включая и шведов.
- *Евреи* – 4 639 (0, 4%). Как и старообрядцы, эта часть населения Эстонии уже конфессиональной принадлежностью к иудаизму определяла свою национальность.
- *Католики* – 2 536 (0,2 %). Основу данной конфессии составляли поляки, хотя среди католиков были и литовцы, немцы и другие национальности.
- *Другие конфессии*. К этой группе принадлежали атеисты или лица, чья конфессия не была выяснена – 7354 (0,6 %).

Из таблицы 3 можно заметить, что почти ни одна из конфессий, за исключением евреев и старообрядцев, не являлась доминантой в определении национальной принадлежности. В целом соотношение конфессионального и национального представляло собой очень сложную структуру, в которой, наряду с положительными объединяющими тенденциями в духовной сфере, нередко возникали внутриконтрфессиональные конфликты на почве бытовой и политической. Например, дебаты и «информационная война», разгоревшиеся в русской печати в связи с назначением русского национального секретаря в 1927 году, обнаружили противостояние старообрядцев и православных. Это крайне ослабило движение русских за установление культурной автономии и явилось одной из причин их неудачи на выборах в Государственное собрание в 1929 году.¹¹ Превращение православной церкви во вторую народную эстонскую церковь и конкуренция между русскими и эстонцами в деле руководства православной церковью порождали множество конфликтных ситуаций, задевавших национальные чувства русских. Наиболее авторитетные и образованные православные цер-

11 Шор Т. Проблемы культурной автономии на страницах русской периодики в Эстонии 1925–1930 гг. - На перекрестке культур. Часть 2. Калининград, 2004. С.128–130; Шор Т. Педагог Григорий Васильевич Бархов. - Биографика I. Русские деятели в Эстонии XX века / под ред. С.Г. Исакова. Tartu, 2005. С.135–139.

ковные деятели, не владевшие государственным языком, были устранены от руководства церковными делами.¹² На 16 июня 1940 года в Константинопольской патриархии Эстонской православной церкви числилось 156 приходов, из них к русской Нарвской епархии принадлежали – 29.¹³ Старообрядцы, образовав свой центральный старообрядческий совет, концентрировались в 12 общинах.¹⁴ Несмотря на трудности и неурядицы, приходы оставались естественными прибежищами для русских и пользовались авторитетом. Показательно, что в период резкой конфронтации двух наиболее влиятельных русских обществ – Русского национального союза (РНС) и Союза Русских просветительных и благотворительных обществ (Союз РПБО) – во второй половине 1920-х гг., в Государственное собрание IV созыва были избраны только духовные лица – епископ Печерский Иоанн (Николай Булин) и священник Печорского прихода Лисье Валентин Смирнов.¹⁵

Особенности культурной ориентации русского населения. Вытесненные из политической сферы жизнедеятельности, русские видели особую миссию в сохранении и развитии русскоязычной культурной традиции дореволюционной России. Единая культура стала тем идейным стержнем, вокруг которого объединялись разные в социальном, половом и возрастном отношении слои русских, формируя новую общность «эстонские русские». И это в условиях, когда с середины 1930-х гг. сфера применения русского языка постоянно сужалась, а правительство всячески поддерживало и стимулировало процесс эстонизации русского населения. С другой стороны, активно работала советская пропаганда, распространяя идеи коммунизма, атеизма и интернационализма, которые находили отклик у определенной части русского населения ЭР, преимущественно в городах.

Компактно расселенные на восточной окраине Эстонии русские составляли 8,5% всего сельского населения Эстонии. Половина русского населения (51%) была занята в сельском хозяйстве, в то время как по данным переписи 1934 года немцев и евреев проживало в волостях соответственно 0,3% и 0,01%. Экономическая отсталость, обделенность землей и бедность сказывались на культурно-образовательном уровне русской деревни, который был значительно ниже, чем у эстонцев-хуторян. Это осознавалось как правительством, так и образованной частью русского общества. Для русских селян основной формой самоусовершенствования было получение начального образования на родном языке и усвоение начал христианства при сельских приходах, православных и старообрядческих. Учителя и священники находились на высшем уровне в просветительной иерархии, воспитывая новое поколение более образованных сельских русских, способных интегрироваться в эстонское общество.

12 *Исаков С.Г.* К истории конфликта в православной церкви Эстонии в 1920 г. - Балтийский архив. Т. IX. Vilnius, 2005 134–156.

13 *Sytšov, A.* Eesti õigeusu piiskopkonna halduskorraldus ja vaimulikud aastail 1945-1953 = Administration and Clergy of the Estonian Orthodox Eparchy 1945-1953. Magistritöö. Tartu, 2004.

14 *Пономарева Г., Шор Т.* Eesti vanausulised. Väike kirikulooteatmik. – Староверы Эстонии. – The Old Believers of Estonia / Toim. M. Grishakova, Z. Lampmann, O. Rovnova, P. Varunin. Tartu, 2006.

15 *Lõina, K.* Usuküsimus Petserimaal 1920.-30.aastatel ja kloostriisõda. - Ajalooline Ajakiri, 1999, ¾, lk. 57– 69.

Важно отметить, что деревенская культура живших в Эстонии с середины XVII в. старообрядцев и мало затронутых революционными идеями крестьян и рыбаков восточных окраин являла собой феномен уникальной этнографической консервации народных традиций, русских говоров и ремесел, катастрофически быстро исчезающих в метрополии. Начиная с 1929 года ежегодно в Причудье приезжали студенческие фольклорные и диалектологические экспедиции из Тартуского университета. Пауль Аристе вспоминал об одной из поездок в прибрежную деревню Варнья: «В Варнья было два конца: Мааотс и Венеотс. Мы остановились в школьном здании. Русские были по вере старообрядцами, но встретили нас очень радушно. Все же мы должны были все время быть начеку, чтобы не оскорбить их религиозных традиций. Нельзя было трогать у них ничего из посуды. Я как православный, входя в комнату, кланялся на икону и осенял себя крестом».¹⁶ Этот этнографический материал хранится в Литературном музее Эстонии в Тарту, часть опубликована недавно в фольклорном сборнике «Чудное Причудье».¹⁷ В Причудье и в Печорском крае, в этих заповедниках старой провинциальной Руси, черпали для себя материал оторванные от России литераторы и художники не только самой Эстонии, но и приезжие из других стран. Так, выпускник Рижской Академии художеств Е.Е. Климов (1901–1990), эмигрировавший после войны из Латвии и долгое время живший в Канаде, в своем многогранном творчестве коснулся и непосредственно Эстонии. В 1935 году он посетил Печорский край, запечатлев в своих работах Печерский монастырь, его окрестности и старый Изборск. В течение 1928–1937 гг. Климов издал три альбома литографий, посвященных Прибалтике, последний из которых, «По Печорскому краю», с предисловием известного местного учителя-краеведа А.И. Макаровского был издан в Риге в количестве 300 экземпляров. Один из них хранится в библиотеке Колумбийского университета в США. Альбом получил широкий отклик в среде русской эмиграции, о нем писал И.С. Шмелев, сам побывавший в Печорах в 1936 году.¹⁸ Весьма положительно о творчестве Климова отзывался культуролог и литературный критик профессор И.А. Ильин (Берлин), выступавший с лекциями во всех городах Эстонии.¹⁹ Своими впечатлениями от видов старого Изборска делились исследователь Печорского края писатель Л.Ф. Зуров и знаменитый русский художник, автор алтарной картины в церкви св. Николая в Нарва-Йыэсуу А.Н. Бенуа.²⁰

Частым гостем в Причудье был известный старообрядец из Латвии И.Н. Заволоко, собиравший здесь старинные духовные песни, утварь и иконы, выступавший с популярными лекциями о древнерусской культуре и народном творчестве.²¹ Часть собранных им

16 Ariste, P. Mälestusi / Toim. Mart Orav. Tartu, 2008, lk. 172.

17 Морозова Н., Новиков Ю. Чудное Причудье. Фольклор староверов Эстонии. Тарту, 2007. С.6.

18 Писатель И. Шмелев в Петсери. - *Вести дня*. 1936. 4 сент. № 200. С.2.

19 Завтра – доклад проф. И. Ильина в Тарту. - *Вести Дня*. 1937. 13 февр. № 36. С.2

20 Полчанинов Р. Художник Е.Е. Климов. - Евгений Евгеньевич Климов, художник, искусствовед, педагог / Сост. М. В. Салтупе, Л. А. Рудзите, Т. Д. Фейгмане. Рига, 2002. 45–46.

21 Пономарева Г. П.М. Сафронов и И. Н. Заволоко. - Международные Заволокинские чтения. I. Рига. 2006. С.175-177.

древнерусских сокровищ Причудья хранится в настоящее время в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге.²²

До 1930 года в Раюшах Тартуского уезда продолжала работу иконописная мастерская Г.Е. Фролова, и это в то время, когда в России искусство иконописи чуть ли не полностью было искоренено. В Раюшской мастерской получил образование иконописец с мировым именем П.М. Софронов. Успешно работали в иконописном жанре местные художники М.Г. Солнцев, Ф.А. Мызников, Н.И. Глухов. Вершиной иконописного творчества причудских мастеров стал старообрядческий храм в Рая, построенный, в основном, на средства Г.Е. Фролова и расписанный им совместно с учениками. Около 200 икон были размещены в многоярусном иконостасе раюшской старообрядческой церкви. Храм сгорел 30 августа 1944 года. Пропали древние иконы «Воскресение» московского письма, поморские «Деисус», «Тихвинская», «Вход в Иерусалим», «Богоявление», а также многие труды самого Фролова.²³ Русская молодежь живо интересовалась искусством иконописи: были образованы иконописный кружок Русского студенческого христианского движения в Тарту и иконописное отделение при кружке любителей старины в Печорах.

Культуртрегерскую работу среди русского населения в городах и селах Эстонии вели многочисленные культурно-просветительные, благотворительные, профессиональные, спортивные и прочие общества, возникавшие повсеместно. Всего в 1920-1940 гг. было зафиксировано более 650 различных обществ.²⁴ Возглавлял движение Союз русских просветительных и благотворительных обществ (Союз РПБО), образованный на демократической основе в 1923 году. Экономической базой деятельности Союза являлись суммы из государственного бюджета, Министерства народного образования, Культурного капитала, а также членские взносы, доходы от организации публичных мероприятий и издательства. Начав со сметы в 180 крон (527000 марок), Союз РПБО наращивал свой бюджет вплоть до 1930–1931 гг. В этот период он приблизился к максимуму, когда общая смета составила 18850 крон. Затем наступил спад, и в 1936 году смета снизилась до 7030 крон в год и далее держалась в этих пределах. Расходование этих небольших средств было организовано весьма рационально, содержался немногочисленный административный аппарат инструкторов–специалистов по сельскому хозяйству, театральному и ремесленному делу, а также библиотека с богатейшим собранием русских театральных пьес (350 наименований) и нот. Из общественных средств обществам, входящим в Союз, выдавались долгосрочные ссуды на строительство народных домов и содержание летних детских площадок, на которых в каникулярное время работали студентки Тартуского университета и Таллинского педагогиче-

22 *Бегунов Ю.К.* Древнерусская книжно-рукописная традиция Причудья (обзор). - Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 381.

23 *Исаков С.Г.* Русские в Эстонии (1918–1940). Историко-культурные очерки. Тарту, 1996. С.351-355; 363-366; *Erikson, K.* Ikoonimaalija Gavriil Frolov (1854–1950) ja Peipsiäärsed Rajaküla ikoonimaalijakoda. Magistritöö. Tartu, 2003, lisa I – 63.

24 *Shor T.* Russian public organizations in Estonia 1802–1940: from separate cell to a system structure. - Kyoto Institute of Economic Research, No 7. 2003. Discussion Paper No. 3004, Kyoto University. P.9-10.

ума. Союз организовывал многочисленные курсы, а также такие крупные культурные акции, как ежегодные Дни русского просвещения, Дни русской культуры, хоровые праздники и другие широкомасштабные культурные акции.²⁵ Деятельность и экономическое положение Союза РПБО вызвала живой интерес эстонского общества, о чем свидетельствуют материалы эстонской прессы.²⁶

Направления и формы работы Союза РПБО были очень разнообразны. Сотрудники экономического отдела А. Булатов и П. Богданов занимались экономическим просвещением в Причудье, Принаровье и Петсеримаа. Постоянно устраивались профессионально-технические курсы. Среди активистов Союза отметим ученого-агронома Н.П. Епифанова, много сделавшего для подъема культуры земледелия в Принаровье. Председатель спортивного отдела В.С. Утехин активно пропагандировал массовый спорт и спортивные игры, интересные для сельской молодежи. Огромную работу вел театральный отдел, регулируя репертуар любителей, проводя курсы декораторов, прививая вкус к любительским постановкам на русских окраинах Эстонии. В «Хронике литературной жизни русских Эстонии 1918–1940», помимо почти ежедневных спектаклей русских профессиональных театров, отмечены сотни любительских спектаклей из русской классики во всех уголках, где только ни селились русские.²⁷ К 1934 году была создана культурная сеть из 20 народных домов. (Народные дома стали образовываться в законодательном порядке с 1931 года и находились в ведении местных самоуправлений и школьных управлений. Надзор над ними осуществляло министерство народного просвещения и социального обеспечения.) В Печорском крае русские народные дома с театральными сценами действовали в Изборске, Кулье, Лисье, Декшино, Лаврах, Сенно, Печках, Зимнем Борке и в Печерах. В Причудье они были построены в Красных горах, Логозу, Казапели, в посаде Черном и Воронье, в Принаровье – в Олешницах, Криушах, Низах, Омуте, Скарятине и Ямах. На их сценах регулярно осуществлялись драматические постановки, о которых тут же сообщали столичные и местные русские газеты.

Демонстрацией возможностей русского населения Эстонии стала знаменитая I Русская выставка, организованная силами просветительных обществ в 1931 году в здании Таллинской биржи под руководством А.А. Булатова (1877–1941). В 1922 году он оказался в числе двухсот русских общественных деятелей и ученых, высланных из России по инициативе В.И. Ленина. В Эстонии сторонник кооперации Булатов стал одной из виднейших фигур русского просветительного движения: он редактировал журнал «Вестник Союза РПБО» (1931–1940), ежегодник «Русский календарь» (1933–1940) и ежемесячник «Сельское

25 *Исаков С.Г.* Очерки истории русской культуры в Эстонии. - С.Г. Исаков ; Русский исследовательский центр в Эстонии, Ассоциация русских национальных культурных обществ в Эстонии. Таллин, 2005. С.263-295.

26 *Kapitali asutamine Vene kultuuriliste tarviduste jaoks.* - Postimees, 1924, 28. märts, nr. 86, lk.6.

27 *Исаков С.Г.* Хроника русской литературной жизни в Эстонии (1918– 1925). - Литературоведческий журнал. 2005. С. 370–418; Хроника литературной жизни русского зарубежья. Эстония (1925–1940) / Сост. Т. Шор, Р. Абисогмян, Е. Шувалова, Г. Пономарева – Литературоведческий журнал. 2007. № 21. 265–346.

хозяйство» (1936–1940), а также являлся литературным сотрудником почти всех крупнейших издававшихся на территории Эстонии русских газет. Он занимался собирательской деятельностью и был представителем Пражского заграничного архива в Эстонии. С установлением советской власти в Эстонии Булатов был немедленно репрессирован и расстрелян в застенках НКВД в Ленинграде.²⁸

По словам русского национального секретаря Е.И. Гильдебрандта, I Русская выставка «объединила вокруг общего дела лиц различной идеологической окраски и воочию показала, что сотрудничество их не исключено там, где национально-культурный момент выдвигается над всем остальным. <...> Эта форма национально-культурного выявления себя оправдала».²⁹ На выставке работало нескольких отделов. Ретроспективно и в произведениях современных художников были представлены живопись, графика и архитектура. Свои работы выставили русские художники Эстонии, при всей своей индивидуальности сохранявшие в своих работах национальные традиции – А.А. Егоров, О.В. Обольянинова–Криммер, А.П. Калашникова, А.Д. Кайгородов, Н.Ф. Роот, К.К. Гершельман, архитекторы старшего поколения А.И. Владовский, А.А. Подчекаев, а также талантливая молодежь – Е. Бенар и В. Третьякевич. Главным оформителем выставки был художник-прикладник С.С. Сластников.³⁰

Целый отдел был посвящен церковно-археологическим экспонатам. Его помогали оформлять сотрудники семинарии имени Н.П. Кондакова в Праге. Древнюю церковную утварь, изготовленную безвестными мастерами, редкие рукописные книги и Острожскую библию (1581) дали для выставки Печерский монастырь, Таллинская Никольская церковь, Пярнуская Екатерининская церковь, Криушская церковь. Экспонаты для выставки предоставили краевед А.И. Макаровский, иконописец П.М. Софронов, коллекционеры М.С. Кулжинский, Ф.А. Орлов, И.А. Крючков, Г.С. Самойлова и др. Было выставлено пять икон «фряжского письма», иконы Корсунской и Казанской Божьей матери, некоторые образцы набросков и прориси (иконописный шаблон) из собрания П.М. Софрова.

В отделе кустарных изделий находились предметы хозяйственного и промыслового обихода, художественные изделия и учебные пособия. Наибольшим успехом здесь пользовались стенды с оригинальными образцами местных русских кружевниц из Печорского края и Обозерья, выполнявших заказы не только для внутреннего рынка, но и для Швеции, Швейцарии, Германии и даже Туниса. С 1926 года женским отделом Союза РПБО в деревнях Сенно, Луки, Медово, Будовиже, Кулье и Лисье под руководством Н.П. Булычевой были открыты первые бесплатные курсы кружевоплетения, на которых за год прошло обучение около 75 человек. Наиболее успешно этот промысел стал развиваться в Луки (В. Логинова, М. Сереброва, А. Демкина) и Сенно (А. Невлянинова).³¹

28 *Исаков С.Г.* Русские в Эстонии (1918–1940). Историко-культурные очерки. Тарту, 1996. С.309-312.

29 *Гильдебранд Е.* Передовая. - Вестник Союза Русских Просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. 1931. № 3–7. 36–37.

30 *Хайн Ю.* Изобразительное искусство. - Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918-1940) / под ред. С.Г. Исакова. СПб.; Тарту, 2001. С.382.

31 *Булычева Н.* Кружевной промысел. - Вестник Союза Русских Просветительных и благотворительных

Большим успехом пользовалась во время проведения I Русской выставки этнографическая инсценировка старинной печорской народной свадьбы в исполнении слушательниц русского отделения Таллинского педагогического университета. Таллинская инициатива нашла отклик на местах: уже в 1934 году подобная русская выставка, на которой демонстрировались рукописные журналы молодежи деревень Венкуль, Загривье и Кароль, была организована в Нарве. Кроме всего прочего, I Русская выставка в Таллине имела и финансовый успех. Согласно денежному отчету Союза РПБО за 1930–1931 гг. доход от нее составил 2558,82 кроны. Чуть большие суммы Союз получил на устройство детских площадок из государственной казны (2850 крон) и ассигновку от пограничного капитала за два года (3000 крон).³²

Характерной особенностью жизни русского меньшинства был постоянный и неутолимый интерес к родной литературе и театру. За весь период существования первой Эстонской Республики появилось более 500 наименований русских книг, газет и журналов. Во всех крупных городах Эстонии действовали литературные кружки, постоянно устраивались литературные конкурсы, в которых могли участвовать все желающие. Например, в 1935 году к Дням русской культуры Обществом русских студентов при Тартуском университете был объявлен литературный конкурс, в котором приняли участие жители Таллина, Пярну, Тарту, Нарвы, Кохтла-Ярве, Старого Изборска, деревень Вяйкюль (Принаровье), Топсино и Куля (Печорский край). Конкурсное жюри в составе приват-доцента И.Д. Гримма, лектора русского языка и поэта Б.В. Правдина, студентов В.С. Соколова, А.Н. Соколова и Е.И. Шоттер присудило первую премию рассказу «На лету» П.К. Харченко из Тарту, вторую – деревенской картинке «На сенокосе» Александра Кокерова из Старого Изборска и третью – рассказу «Есть польза» М. Черновой из Кохтла-Ярве. Папка с материалами этого конкурса хранится в Историческом архиве Эстонии (ИАЭ) в фонде Общества русских студентов Тартуского (Дерптского) университета. Среди бумаг конкурса находится автограф рассказа В. А. Никифорова-Волгина «Вечерний звон».

Благодаря немногочисленной, но весьма активной интеллектуальной элите, русскому меньшинству удалось наладить даже такие сложные области культурного бытия, как книжно-издательское дело. В 1920-е гг., наряду с выпуском русских книг в государственных и частных эстонских издательствах, заметную роль в книжно-издательском мире русских Эстонии играли литераторы-эмигранты. В начале 1930-х гг. в этой сфере возникла парадоксальная ситуация: в то время как в других странах русского рассеяния число выпускаемых книг все время сокращалось, в Эстонии оно достигло своего пика ко второй половине 1930-х гг.³³

И все-таки далеко не все ресурсы, таившиеся в недрах интернациональной по своей сути культуре русского меньшинства Эстонии, проявились в полную меру. Известная в русском

обществ в Эстонии, 1931. № 3–7. С.50–52.

32 Денежный отчет Союза Русских просветительных и благотворительных обществ. - Вестник Союза Русских Просветительных и благотворительных обществ в Эстонии. 1931. № 8–10. С.140.

33 *Исаков С.Г.* 2001 Книгоиздательское дело. - Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / под ред. С. Г. Исакова, СПб.; Тарту. С. 221–226. С.224.

зарубежье писательница Зинаида Шаховская, побывавшая в 1932 году на литературном вечере в Таллинском литературном кружке, имела все основания в беседе с председателем кружка Павлом Иртелем воскликнуть: «...здесь большие возможности и так мало культурного напряжения...».³⁴ И хотя у эстонских русских не найти высших художественных достижений мирового масштаба, тем не менее, основным достижением русского меньшинства в Эстонской республике 1918–1940 гг. следует считать сохранение и развитие периферийного очага русской культуры на границе с метрополией в условиях реального и духовного пограничья.

34 П. И. [Павел Иртель]. Литературные доклады. - Таллинский русский голос. 1932. 18 декабря. № 6. С.4.

«Русский дом – общий кров»: общий обзор¹

Аурика Меймре (Таллин)

27 мая 1927 года в таллинской ежедневной газете «Наша газета» была опубликована статья известного литературного и театрального критика Петра Мосеевича Пильского ««Русский дом» – общий кров». В своей статье он пытался достучаться до каждого русского жителя Эстонии, будь то коренной житель или эмигрант, напоминая им о бездомности, а вместе с тем необходимости «вечно скитаться, слоняться <...> каждую минуту трястись за свою участь, свое бытие и свой завтрашний день», говоря, что всем русским «давно <...> пора расстаться с нашей зависимостью от чужих прихотей».²

Все это он писал для того, чтобы все русские объединились, стали единомышленными в постройке «общего крова» для всех русских общественных организаций, школ, разного рода курсов, которые могла бы постичь участь Ревельской русской гимназии, оставшейся по прихоти домовладельца без здания. В отличие от ревельской «Нашей газеты», в распространявшейся в Эстонии рижской ежедневной газете «Сегодня», Пильский опубликовал свое «Письмо из Эстонии», где среди прочего говорил и о том, что весь этот процесс постройки может оказаться долгим, а также и о том, что толк может и не выйти: «Проект волнует. Он в самом деле прекрасен. Но четвертая поговорка давно нас предостерегала о вислогубой, ленивой Улите, которая все едет, никак не доедет, а когда будет, никто не знает».³ Как время и показало, «вислогубая и ленивая Улита» была действительно медлительной и так и не доехала!

Движущей силой идеи, а затем и создания общества для постройки «общего крова» – «Русского дома» – стал очередной (весной 1927 года) серьезный отказ Ревельской русской гимназии в дальнейшей аренде помещений, в которых занималась гимназия, а также находили себе место многие русские общества, по тогдашнему адресу Нарвская улица, дом 6А. Следует отметить, что проблема с арендой помещения для Русской гимназии в столице Эстонии возникла не в 1927 году, а существовала уже и ранее.

Впервые о постройке собственного здания для гимназии заговорили осенью 1922 года, когда обществу «Русская школа в Эстонии» впервые было отказано в дальнейшей аренде помещения, тогда же был образован и комитет по сбору средств на постройку здания гимназии. Весной 1923 года три русские общественные организации – Русская школа в Эстонии, Ревельский союз русских учителей и Общество вспомоществования бедствующих детей Ревельских русских гимназий – подали ходатайство на разрешение собрать соответствующую

1 Статья написана в рамках проекта SF013126s08

2 Трубников П. <Пильский П.> «Русский дом» - общий кров. – Наша газета. №56. 27 мая.1927. С. 3.

3 Пильский П. Письмо из Эстонии. – Сегодня. №123. 3 июня 1927. С. 4.

щие деньги.⁴ По словам педагога и директора (с 1928 года) Ревельской городской русской гимназии Александра Симоновича Пешкова, им удалось собрать около 150 тысяч марок, главным образом, за счет пожертвований видных деятелей русской культуры и членских взносов самих учителей. Однако в 1923 году Русская гимназия перешла на бюджет города Ревеля, из-за чего отпала и вопиющая необходимость в собственном школьном здании.

Вновь этот же вопрос встал на повестку дня в 1925 году. Тогда же был избран и новый комитет по сбору денег. На этот раз во главе комитета встал А.С. Пешков, товарищем председателя был назначен А.А. Горцев, казначеем - Р.Я. Хохлов и секретарем - В.П. Болбуков (он входил также в состав предыдущего комитета). Кроме того, членами комитета стали еще Л.А. Андрушкевич, А.К. Баиов, А.И. Горбачев и Н.Н. Голицынский. Почти все упомянутые лица вскоре становятся активными членами «Русского дома». Часть денег (пока не удалось установить, какая именно), собранных предыдущим комитетом, была переведена на соответствующий счет в городском банке. Известно лишь, что по поводу 93100 эстонских марок весной 1927 года в Таллинско-Харьюском мировом суде было возбуждено уголовное дело против бывшего казначея «первого» комитета З.Г. Бурцевой. Она, впрочем, доказала, что все наличные деньги передала председателю комитета Р.М. Ловягину, который к моменту возбуждения судебного дела успел покинуть пределы Эстонии.

Бог любит трицу! Как уже ранее было сказано, причиной возникновения будущего общества «Русский дом» стал очередной, третий отказ Л.Н. Беяевой в дальнейшей аренде помещений своего дома под Русскую гимназию. Следует отметить, что сама Беяева не была далека от школьного дела человеком: в 1907 году в Ревеле она основала Частную женскую гимназию своего имени, которая просуществовала до ее эвакуации в Кострому в 1918 году.

Итак, 21 июня 1927 года один из активнейших членов Русского национального союза, гласный Ревельской городской думы А.А. Егоров с помощью русской прессы Эстонии созвал первое собрание по поводу постройки «Русского дома». На нем присутствовали 60 человек, главным образом, представители русских организаций Ревеля, а также все, кому этот вопрос «казался насущным и не вызывал никаких возражений».

В результате на собрании была избрана особая комиссия, которой предстояло заняться разработкой устава нового общества. Избранными оказались: сам А.А. Егоров, член правления Русских просветительных и благотворительных обществ Г.И. Чупилин, профессор, генерал А.К. Баиов, член государственного собрания П.П. Баранин, директор русской городской гимназии Г.В. Бархов, директор гимназии общества Русская школа в Эстонии Л.А. Андрушкевич, владелец ресторанов, член разных обществ и союзов Ф.И. Иванов, купец Р.Я. Хохлов.⁵

Второе собрание представителей общественных организаций и частных лиц состоялось 8 июля 1927 года. На нем была описана структура будущего общества, которое должно было

4 См. об этом: ГАЭ. Ф. 1356. Оп. 3. Ед.хр. 390. Л. 6.

5 См. об этом: <Б.п.> От слов пора перейти к делу. – Вести дня. №166, 23 июня 1927. С. 1.

состоять из: 1) паевого общества, т.е. будущего собственника «Русского дома» и 2) особого общества содействия постройке «Русского дома», которое условно должно было называться Общество по сбору средств для постройки «Русского дома». Подобная структура, конечно, понравилась не всем участникам собрания, поскольку костяк второго общества составил «по образному выражению одного из ораторов, наряду с горячим сердцем – очень тощий кошелек».⁶ Кроме того, на собрании была оглашена сумма, необходимая для постройки соответствующего дома – 15-20 миллионов марок, хотя еще 26 июня архитектор А. Владовский высказал мнение, что дом, даже без залов театра и клуба, будет стоить не менее 27 миллионов марок.⁷

Этот многомиллионный дом, по общественному мнению, оглашенному П. Пильским, должен был быть домом для всех, где на первом и наиболее важном месте должны были быть гимназия и все остальные учебные заведения и курсы, школьные организации и разного рода кружки. Там должны были «найти приют» все русские союзы, общественные организации, русская библиотека. Кроме того, там должны были быть отдельные номера для общественных деятелей и делегатов, приезжающих из провинции. Предполагались также помещения для Русского Собрания, т.е. «столовая с хорошим залом, с читальней, бильярдом, шахматами и пр.».

Иными словами, «Русский дом» должен был иметь классные помещения, спортивные залы, физический кабинет, химическую лабораторию, зал педагогического совещания, помещение для библиотеки и т.д. По словам Пильского, все это не должно было приносить дохода. В задачи будущих архитекторов должно было входить составление такого проекта, чтобы на нижнем этаже Дома могли расположиться торговые ряды. Нельзя было забывать и о театре и кинематографе, которые должны были выполнять двойную, даже тройную роль – культурную, образовательную и доходную.⁸

После этого собрания в деле по организации общества «Русский дом» и сбору соответствующих денег наступил примерно трех-четырёхмесячный период затишья, о чем русской общественности напоминает газета «Вести дня» от 19 октября 1927 года. В статье «В каком положении вопрос о постройке „Русского дома“» читателям напоминают, на чем остановилась эта деятельность. Среди прочего газета заявила, что «русское общество хочет и вправе знать, чем вызвана такая продолжительная задержка <...> комиссии надлежало бы официально осведомить общество тем или иным способом о совершенной до сих пор работе».⁹ Поскольку никаких внятных объяснений со стороны организаторов общества не последовало, то 1 ноября того же 1927 года фельетонист Андрей Климов в «<Своей> пятой газете»

6 <Б.п.> Второе собрание по вопросам о постройке «Русского дома». – Вести дня. №182, 10 июня 1927. С. 1.

7 Следует отметить, что с приходом нового 1928 г. в Эстонию пришли и новые деньги – кроны и сенты. Согласно денежной реформе одна марка приравнялась одному сенту. Соответственно, вместо прежних подсчетов стоимость «Русского дома» в новой валюте (без учета инфляции) составляла 150-200 тысяч крон.

8 Трубников П. <Пильский П.> Каким мы должны представлять себе «Русский Дом»? Русский Дом – общий кров. – Наша газета. №70. 15 июня 1927. С. 3.

9 В каком положении вопрос о постройке «Русского Дома» - Вести дня. №283. 19 октября 1927. С.

писал следующее: «По-моему, все идет более чем мило и нормально. Так, усердием и стараниями одной нашей газеты¹⁰, страдающей иногда пароксизмами <...> давно уже воздвигнут солидный, высоченный, чуть ли не до крыши «словесный» фундамент; дело за каким-нибудь одним, другим этажом, то тогда... останется лишь чем-нибудь или кого-нибудь «покрыть», а на это они – мастера. И - «valmis maja» (дом готов)<...> Гораздо важнее выяснить путем анкеты, во-первых, чем на будущем банкете при освящении «Дома» прослоить пирог – одной капустой или с севрюжиной, и, во-вторых, под каким соусом подать баранину, кого назначить смотрителем этого дома, принимая во внимание, что отопление будет весьма выгодное – центральное...».¹¹

Однако, несмотря на уколы «Вестей дня» и, в некотором смысле, их подрывную работу в достижении общего результата, устав Общества «Русский дом» был утвержден и зарегистрирован в МВД Эстонии 22 ноября 1927 года. Согласно уставу, целью общества было «содействовать находящимся в Эстонии русским гимназиям и другим общественным, культурно-просветительным и благотворительным организациям предоставлением им необходимых помещений в городе Таллине». Для выполнения поставленной цели общество имело право «приобретать (в гор. Таллине), с соблюдением соответствующих законов и правил, недвижимость, покупать, строить и арендовать дома, квартиры и другие помещения; участвовать в учреждении особого паевого товарищества, цель которого однородна с целью настоящего Общества, и подписываться и приобретать паи такого товарищества; заключать всякого рода договоры и предпринимать всякие законные действия, могущие способствовать достижению его цели».¹²

Учредительное собрание «Русского дома», на котором присутствовало свыше 70 человек, состоялось 11 декабря 1927 года. На собрании был зачитан полный текст устава общества, а также был избран состав правления общества в следующем составе: А.А. Егоров, Ф.И. Иванов, Г.И. Чупилин, Н.Н. Голицинский, А.А. Горцев. Кроме того, были избраны кандидаты в члены комитета общества: М.Ф. Тихонов и П.Г. Осипов. Членами ревизионной комиссии стали А.К. Баиов, А.Я. Хохлов и П.И. Васьков, кандидатами - П.М. Васильев и К.Х. Бадендик.

Особый интерес собравшихся вызвали прения вокруг размера членских взносов, которые в итоге были утверждены в размере 300 марок в год или по 25 марок в месяц. При этом «пожизненным членом общества можно было стать при единовременной выплате взноса в 5000 марок».¹³

Через два дня, 13 декабря 1927 года, на собрании правления и ревизионной комиссии общества «Русский дом» были распределены должности членов правления: председателем стал гласный Ревельской городской думы Егоров, его заместителем, т.е. товарищем

10 Имеется в виду «Наша газета».

11 Климов А. «Моя пятая газета». – Вести дня. №296, 1 ноября 1927. С. 3.

12 Полный текст устава см.: Приложение 1.

13 <Б.п.> Основа «Русского дома» заложена. – Вести дня. №338. 13 декабря. 1927. С. 1.

председателя, - Чупилин, секретарем – инженер Голицинский, казначеем –Иванов. Как показало время, Егоров, Иванов и Голицинский пробыли на своих должностях бессменно, до последнего дня существования общества «Русский дом».

С этого времени началась активная работа комитета общества, который периодически собирается и обсуждает планы деятельности. Так, уже 21 декабря того же 1927 года состоялось очередное заседание, на котором комитет постановил «образовать агитационную и финансовую комиссии».¹⁴ Финансовая комиссия, в свою очередь, должна была созвать общее с русскими общественными организациями собрание, участвовать в котором предстояло Союзу русских просветительских обществ, Обществу русских врачей, Обществу русских инженеров, Русскому купеческому благотворительному обществу, Русскому ревельскому учительскому союзу, Кассе взаимопомощи бывших русских моряков. Следует отметить, что к концу 1920-х гг. в Ревеле действовало несколько десятков общественных организаций, союзов, обществ, клубов и т.д. В список объединенного собрания были включены, в первую очередь, те из них, чьи члены составляли ядро свежееобразованного общества «Русский дом». Если же смотреть на список наиболее активных членов этого общества, то в него вошли, в первую очередь, купцы, владельцы разных магазинов, ресторанов, инженеры, врачи, бывшие военные, главным образом северозападники.

На очередном заседании комитета общества «Русский дом», состоявшемся 19 января 1928 года, среди прочего сообщалось, что оно имеет уже около 280 членов с 500 кронами на текущем счету в банке. Меньше чем за год работы общества, к середине октября 1928 года, в нем насчитывалось уже около 1200 членов, с которых было собрано около 428 000 центов.¹⁵ На чрезвычайном общем собрании членов общества, состоявшемся 4 ноября 1928 года под председательством доктора Г.Э. Модерова (член вспомогательной комиссии), уточнялось, что «до сего времени собрано несколько более 4 640 крон». При этом, согласно годовому отчету за 1928 год, основной доход, примерно 3/4 от общей суммы обществу приносят пожертвования.¹⁶ Этот же годовой отчет стал явным показателем того, что оптимизм 1927 года относительно 40% основного капитала за год (20 000 крон), не оправдался. Реально удалось собрать всего четверть этой суммы. В конце 1928 года Комитет общества решил создать вспомогательную комиссию, в задачу которой входил сбор членских взносов и привлечение новых членов, однако в реальности комиссия служила также связующим звеном между рядовыми членами и Комитетом общества, хотя требовалось от них лишь «пройти два-три километра в месяц, лишь бы они исполняли взятую на себя работу аккуратно».¹⁷

Результаты годовой деятельности общества не могли никого удовлетворить, поэтому на собрании, созванном вспомогательной комиссией 20 февраля 1929 года, говорилось о необходимости придумать разные способы привлечения новых членов. В своем докладе

14 <Б.п.> Работа комитета общества «Русский Дом». – Вести дня. №348. 23 декабря 1927. С.1.

15 <Б.п.> В обществе «Русский дом». – Вести дня. №281. 18 октября 1928. С. 1.

16 <Б.п.> К общему собранию членов об-ва «Русский дом». – Вести дня. №57. 27 февраля 1929. С. 1.

17 <Б.п.> Работа комитета и вспомогательной комиссии общества «Русский дом». – Русский дом. Сборник статей, посвященных идее «Русского дома». Таллин, 1929. С. 5.

доктор Модеров сообщил, что в обществе числится немногим более 1400 членов, причем четверть из них уклоняется от уплаты взносов.¹⁸ При этом причин для «уклонения» от уплаты могло быть несколько. Прежде всего, нельзя забывать о том, что русское население Эстонии было самым бедным. Далее, уже на втором собрании представителей общественных организаций в июле 1927 года высказывалось опасение, что «беспроцентность паев, по которым не будет уплачиваться дивиденд, может стать причиной непопулярности паев среди более состоятельной части русского общества, имеющей возможность гораздо выгоднее поместить свой капитал».¹⁹

К концу 1929 года стало понятно, что работа членов вспомогательной комиссии дело, действительно, «неблагодарное и нередко сопряженное с неприятностями». Председатель общества А.А. Егоров в беседе с журналистом газеты «Вести дня» отметил, что довольно часто приходится к одному и тому же члену общества заходить не раз, «прежде чем заставить его не только дома, но и при деньгах и в подходящем настроении».²⁰ Следует отметить, что деятельность, энергия этой комиссии к лету 1931 года была сведена почти на нет: члены комиссии, работавшие безвозмездно, только лишь во благо достижения общей конечной цели, – постройки дома, почти все разошлись. В одной из заметок за июль 1931 года причина распада вспомогательной комиссии объясняется тем, что «со временем пропала энергия, утомило инертное и вялое отношение общества к идее».²¹ К началу 1932 года из более чем 50 членов вспомогательной комиссии осталось всего 7 человек.

Однако, несмотря на это, руководители общества продолжали развивать деятельность, конечной целью которой должна была стать постройка «общего крова». В мае 1929 года общество выпустило сборник статей, посвященных идее «Русского дома» как «очага национальной культуры». Открывает эту, по сути, газету редакционная статья, где читателям напоминают, почему подобная идея возникла и с чем она была связана. Авторы передовицы пишут также о положении русской культуры в Эстонии как меньшинственной (что отчасти актуально и сегодня): «русские в Эстонии, как в иных отошедших от России окраинах, волею судеб оказались в положении меньшинства со всеми вытекающими из этого положения последствиями. Правда, в свое время русские в Прибалтике не пользовались никакими особыми льготами по сравнению с другими населяющими эти места бывшей России национальностями, но, вместе с тем, принадлежность русских к большинству в государстве создавала для них то, в сущности, неуловимое привилегированное положение, когда они не чувствовали себя как бы обособленными и находящимися вне общего течения жизни. Указанное обстоятельство имело, между тем, и свою отрицательную сторону в том, что мы прежде не придавали никакого особого значения принадлежности своей к русской национальности и культуре <...> Этот вольный или невольный наш русский грех сказался

18 См.: <Б.п.> Как привлечь больше членов в «Русский дом». – Вести дня. №52. 22 февраля 1929. С. 1.

19 <Б.п.> Второе собрание по вопросу о постройке «Русского дома». – Вести дня. №182. 10 июля 1927. С. 1.

20 <Б.п.> Недоверие должно быть изжито. Беседа с А.А. Егоровым. – Вести дня. №328. 02 декабря 1929. С. 1.

21 <Б.п.> Об-во «Русский дом» устраивает большую экскурсию. – Вести дня. №175. 04 июля 1931. С. 1.

особенно ярко и чувствительно в настоящее время, когда мы перешли на положение меньшинства. Мы теперь особенно стали чувствовать, что мы – русские – принадлежим к национальности, занявшей в Эстонии особое и менее выгодное положение меньшинства, и осознали себя людьми русской национальности и культуры, русского духа и воспитания. Переход на положение меньшинства в государстве обязывает нас с особой чуткостью относиться к сохранению своей национальности и родной культуры и ограждению детей наших от денационализации. Мы должны, таким образом, старательно вершить свое русское дело и особенно внимательно относиться к исполнению своих национальных обязанностей».²² При этом авторы передовой статьи напоминают читателям, что объединение русских вокруг идеи создания «общего крова» должно быть внепартийным и строиться исключительно на почве национальной культуры.

Художник Н. Роот в своей статье «Русский культурный дом» продолжает мысль относительно меньшинственного положения русских в Эстонии, а также их относительного равнодушия к новым начинаниям: «русское национальное меньшинство в Эстонии, в большей части своей еще не изжившее привычки и взгляды эпохи до образования самостоятельной Эстонской республики, встретило идею создания Русского Дома меланхолически-снисходительно, как слишком растяжимую в масштабе прошлого и утопичную для современного меньшинства». Он пытается достучаться до самосознания русских: «год от года, в ассимиляции и нивелировке с эстонской культурной жизнью, теряются русскими не только свои национальные характерные черты, но, самое главное, потребности и запросы, свойственные душевным качествам русского человека».²³

Любопытно, что в первые три года существования общества «Русский дом» количество членов постоянно растет: по отчету за 1930 год в обществе насчитывалось 1954 члена, однако доход общества все время падает – в 1928 году поступило более 4600 крон, тогда как в 1930 году – немногим более 3100 крон.

В начале августа 1931 года комитет общества пытается «реанимировать» свою деятельность, устраивая членам общества, их семьям и гостям экскурсию в окрестности Ревеля. Основной целью экскурсии должно было быть знакомство и сближение членов общества. Это не принесло ожидаемых результатов: согласно отчету о деятельности общества за 1931 год количество членов с каждым годом становится все меньше, соответственно, уменьшился доход от их взносов.²⁴

22 <Б.п.> <Передовая> Таллин, 1929 год. – Русский дом. Сборник статей, посвященных идее «Русского дома». Таллин, 1929. С. 1.

23 Роот Н. Русский культурный дом. – Русский дом. Сборник статей, посвященных идее «Русского дома». Таллин, 1929. С. 1.

24 Ср.: в 1929 г. членские взносы составили 2.722,15 крон, в 1930 – 2.020,78 крон, в 1931 – 846,50 крон (См. об этом: <Б.п.> Годовое общее собрание об-ва «Русский дом» - 24 апреля. – Вести дня. №93. 22 апреля 1932. С. 1.), в 1932 – 478,75 крон (см. <Б.п.> Общее собрание общества «Русский дом» в марте. – Вести дня. №4. 5 января 1933. С. 1.), в 1933 году – 328,75 крон (см.: <Б.п.> В об-ве «Русский дом». – Русский вестник. №5. 24 марта 1934. С. 2.) и т.д.

Рисунок 1.

Как для эстонского общества в целом, так и для общества «Русский дом» 1933 год был особенно тяжелым. В период экономического кризиса и дефолта эстонской кроны в августе 1933 года многие русские общества, объединения и союзы, не говоря уже о самом русском населении, оказались в тяжелом материальном положении.

Так, к обществу «Русский дом» обратились центральное правление Русского национального союза, ревельское отделение РНС, Общество русских врачей, центральный Русский учительский союз и общество «Русская школа в Эстонии» с просьбой выделить им от получаемых обществом процентов 1200 крон в год. Комитет общества «Русский дом» решил созвать 17 сентября внеочередное общее собрание, на котором предполагалось решить вопрос «о расходовании денег общества для оплаты помещений нуждающихся русских организаций».²⁵ После бурных прений по этому вопросу общее собрание членов «Русского дома» приняло решение не ассигновать денег никому. Следует отметить, что после долгого перерыва на общем собрании присутствовало 150 членов (например, в марте того же 1933 года на общее собрание пришло около 30 человек, в 1932 году – 40 человек, в 1931 году – около ста человек).

В результате 22 сентября 1933 года в «Вестях дня» появилась заметка о том, что члены комитета общества П. Бабаев, А. Гликберг-Горцев и Г. Модеров подали заявления о выходе из состава членов комитета. Из предыдущих материалов, связанных с внеочередным общим собранием, следует, что ушли названные три члена комитета общества в знак протеста против того, что общее собрание не поддержало ходатайств вышеупомянутых обществ. Доктор Модеров в своем выступлении на собрании сравнил весь проект «Русского дома»

25 <Б.п.> Необходимо осуществить идею постройки Русского дома. Беседа с председателем комитета общества «Русский дом» А.А. Егоровым. – Вести дня. №214. 13 сентября 1933. С. 1.

с трупом, «который уже разлагается».²⁶

Новая жизнь в обществе начинается осенью 1934 года: устраиваются костюмированный вечер в доме Братства черноголовых, «чай» в Белом зале Эстонии. Оба мероприятия приносят в общую кассу доход по несколько сот крон. Подобные вечера устраивались и позже. К концу 1935 года лидеры общества во главе с Егоровым начинают понимать, что не так уж и важно заниматься популяризацией идеи «Русского дома», - главное, чтобы «была небольшая компактная группа, идейно преданная этой общерусской мечте и стремящаяся к ее осуществлению». Не нужно иметь тысячи членов, которые начинают «тянуть одеяло на себя» и вносить в деловую обстановку сумятицу.²⁷

За двумя годами активной деятельности опять последовал период постоянных споров о том, надо ли арендовать какое-нибудь здание, надо ли купить недвижимость и потом сдавать ее в аренду и т.д. Дело дошло до того, что в 1939 году в газете «Вести дня» появляется первоапрельская шутка: городская управа согласна отдать обществу здание старой важни на Ратушной площади, которое следует объединить галереями с домом купца И. Егорова и в таком варианте эти объединенные дома будут называться домом имени Ивана Егорова.

В 1940 году у общества появился реальный шанс приобрести у Немецкого доверительного управления дом в Старом Таллине - дом барона Таубе по улице Лай, номер 34. В связи с этим 21 апреля было созвано общее собрание членов Общества «Русский дом», постановившее: «1. Поручить комитету совместно с тремя избранными на собрании лицами купить этот дом; 2. На подписание соответствующих документов уполномочить А. Егорова, Н. Голицына и Ф. Иванова; 3. Дать право комитету заключить заем под недвижимость на Лай ул, 34, на сумму не свыше 30.000 кр.».²⁸ Последнее общеизвестное сообщение о деле купли-продажи будущего «Русского дома» относится к 17 мая 1940 года, когда всем заинтересованным в продвижении дела «общего крова» лицам сообщалось, что задаток для приобретения вышеупомянутого дома уже внесен, составление соответствующего договора завершается и в ближайшие недели акт купли-продажи должен быть совершен. Общее собрание должно было собраться в конце июня 1940 года для утверждения отчета по приобретению своего дома. Однако, как показала история, это внеочередное общее собрание созвано не было, а с конца июня 1940 года лидеры и многие члены общества начали исчезать из публичной жизни – вначале в подвалы известных учреждений, а затем – в могилы.

26 <Б.п.> Русский дом должен быть построен. – Вести дня. №219. 19 сентября 1933. С. 1.

27 <Б.п.> Вести дня спрашивают: будет ли осуществлена идея создания «Русского дома»? Беседа с председателем об-ва «Русский дом» А. Егоровым. – Вести дня. №296. 17 декабря 1935. С. 2.

28 <Б.п.> Чрезвычайное собрание членов об-ва «Русский дом» единогласно постановило приобрести дом № 34 на Лай улице. – Вести дня. №90, 22.04.1940. С. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.
УСТАВ Общества «Русский дом»
Зарегистрирован МВД 22 ноября 1927 года за №579.

§ 1.

Общество «Русский дом» имеет целью содействовать находящимся в Эстонии русским гимназиям и другим общественным, культурно-просветительным и благотворительным организациям предоставлением им необходимых помещений в городе Таллине.

§ 2.

Для постижения указанной в предыдущем параграфе цели Общество пользуется всеми правами юридического лица. В частности оно имеет право приобретать (в гор. Таллине), с соблюдением соответствующих законов и правил, недвижимости, покупать, строить и арендовать дома, квартиры и другие помещения; участвовать в учреждении особого паевого товарищества, цель которого однородна с целью настоящего Общества, и подписываться и приобретать паи такого товарищества; заключать всякого рода договоры и предпринимать всякие законные действия, могущие способствовать достижению его цели.

§ 3.

Для создания капитала, необходимого для осуществления поставленной себе цели, Общество, с особого разрешения подлежащих властей, имеет право производить денежные сборы, устраивать лотереи, базары, вечера, лекции, концерты и т.п.

§ 4.

Общество составляют: а) члены учредители, приглашаемые подписавшими настоящий устав для участия в первом учредительном собрании, б) действительные члены и в) пожизненные члены. Действительные и пожизненные члены избираются Комитетом Общества, согласно соответственного заявления из числа лиц, имеющих право, согласно действующим законам, участвовать в обществах. Члены учредители и действительные члены уплачивают ежегодно в пользу Общества, а пожизненные – единовременно, - членские взносы, в размере, устанавливаемом общим собранием.

§ 5.

Члены Общества, не внесшие членского взноса в срок, определенный Комитетом, считаются выбывшими из состава Общества и принимаются вновь лишь на общих основаниях. Выбывшими из состава Общества считаются также и те члены, которые подадут на имя Комитета соответствующее заявление, причем внесенный членский взнос ни в коем случае не возвращается. Вредные для Общества члены могут быть исключены из числа членов Общества по предложению Комитета общим собранием большинством 2/3 голосов, участвующих в общем собрании.

§ 6.

Общество имеет право открывать свои отделения везде в пределах Республики, порядком, устанавливаемым Комитетом Общества; отделения руководствуются настоящим Уставом и соответствующими инструкциями, утверждаемыми общим собранием Общества.

§ 7.

Средства Общества состояются из: членских взносов, пожертвований, пожизненных и посмертных дарений, сборов от устройства базаров, лотерей, вечеров, лекций, концертов и срочных ссуд, вносимых на достижение цели Общества.

§ 8.

Управление делами Общества принадлежит: а) Общему собранию членов Общества, б) Комитету Общества, имеющему местопребывание в городе Таллине, и в) ревизионной комиссии.

§ 9.

Очередные общие собрания созываются Комитетом в городе Таллине ежегодно по окончании отчетного года, но не позднее 1-го апреля. Ведению общего собрания подлежат: рассмотрение и утверждение представляемых Комитетом годового отчета за истекший год и сметы на предстоящий, выборы Комитета и ревизионной комиссии, изменение настоящего устава, ликвидация дел Общества, приобретение, отчуждение и заклад недвижимости, исключение членов Общества и разрешение других вопросов, представляемых на разрешение общего собрания Комитетом Общества.

Примечание: Отчетный год кончается 31 декабря.

§ 10.

По мере надобности созываются внеочередные общие собрания по постановлению Комитета или по письменному заявлению ревизионной комиссии или 15 членов Общества.

§ 11.

Для действительности общих собраний необходимо присутствие на них не менее 1/4 всех членов Общества или их представителей, проживающих в городе Таллине. Для решения же вопросов по приобретению, продаже или залогу недвижимости и ликвидации деятельности Общества необходимо присутствие 2/3 всех членов Общества. В случае отсутствия законного числа членов не позднее чем 7 дней созывается вторичное собрание с тем же порядком вопросов. Вторичное собрание является правомочным при любом числе членов.

§ 12.

Все вопросы на общих собраниях решаются простым большинством голосов. Для решения вопроса о ликвидации деятельности Общества требуется большинство 2/3 присутствующих на собрании членов.

§ 13.

О времени, месте и порядке дня общего собрания Комитет сообщает членам письменно за неделю до общего собрания или же публикует в тот же срок сообщение в местных русских газетах.

§ 14.

Комитет Общества состоит из пяти членов и двух кандидатов, избираемых закрытой баллотировкой общим собранием сроком на 1 год. Комитет из своей среды избирает председателя, его заместителя, казначея и секретаря. Местопробывание комитета в городе Таллине.

§ 15.

Внутренний порядок дел, время и место заседаний Комитета устанавливается по его усмотрению. Все вопросы решаются простым большинством голосов. При равенстве голосов голос председателя дает перевес.

§ 16.

Ревизионная комиссия избирается общим собранием закрытой баллотировкой в составе 3-х членов и 2-х кандидатов, не состоявших ни в каких должностях Общества, сроком на 1 год.

§ 17.

На обязанности Ревизионной комиссии лежит проверка деятельности Комитета, денежной и материальной отчетности и рассмотрение представляемых Комитетом общему собранию отчетов и смет с представлением своих заключений.

§ 18.

Общество имеет печать со своим наименованием.

§ 19.

При ликвидации деятельности Общества ликвидационное общее собрание дает назначение оставшемуся имуществу.

§ 20.

Для ликвидации Общества общее собрание избирает из своей среды 3-членную ликвидационную комиссию, которая действует сообразно с указаниями общего собрания и, по окончании ликвидации, представляет общему собранию отчет.

Открытка с изображением «Русского Дома-мечты».
Архитектор-художник А.Владовский, 1930-е гг.

Письмо-рассылка русским общественным деятелям, 1930-е гг.

Мультикультурный Таллин

Эне Воху (Таллин)

В 1248 году Таллину было даровано Любекское городское право и город самоопределился как принадлежащий к Европе. Мы расположены на границе различных миров, на европейском перекрестке.

В памяти эстонцев сохраняются воспоминания о датских, шведских, царских, немецких и советских временах, что уже само по себе является большим потенциалом для понимания других народов, живущих рядом с нами.

В то же время в эстонцах было достаточно упорства, чтобы на всем протяжении истории народа противостоять силам, пытавшимся нас культурно растворить. Эстонцы представляют собой пример умения выжить, умения, всегда предполагающего созидание и смелость. Эта созидательная сила нужна всем нам и сегодня.

Общеизвестно, что культурные, а особенно религиозные традиции формируют поведение, общность, способность адаптироваться к нововведениям и – в конечном счете – успех.

Но мы всё еще измеряем успешность Эстонии только экономическим мерилom и не замечаем другой стороны медали – социальной и культурной проблематики. Глобальная свобода рынка не является преимуществом, если мы не способны контролировать косвенные результаты влияния рынка: изменения жизненной среды, экологические риски, социальную интеграцию и возможности сохранения национальных культур. Чтобы жить нормальной, успешной жизнью, помимо имущества и денег, человек в той же мере нуждается в умениях, знаниях и многосторонней сети общения.

В Таллине живет 49% эстонцев, 37% русских, 4% украинцев, 2% белорусов, 3% других народов. Это мультикультурный город. В начале 2000-х гг. здесь детям чаще всего давали следующие имена: Даниель, Маркус, Александр, Никита, Дмитрий, Илья, Артём, Мартин, Расмус, Максим. Анастасия, Мария, Полина, Вероника, Анна, Дарья, Кристина, Лаура, Алина, Арина.

Роль этнических меньшинств Эстонии в процессе воссоздания государства свелась к пассивному послушанию и приспособлению к доминирующей власти эстонцев. Это обстоятельство отражается в большей дистанцированности неэстонцев от государства, меньшей заинтересованности в деятельности органов власти и большем безразличии к стратегическим выборам направлений развития Эстонии.

Долг Эстонского государства – на государственном уровне защищать в Эстонии эстонскую культуру. Титульная культура должна была бы устанавливаться через законы и институты. Однако в сегодняшней Эстонии дела обстоят несколько по-иному: народная культура Эстонии и все с ней связанное не отрегулировано законами. Сегодня народная культура Эстонии все более смещается в периферийную сферу занятий по интересам, в

которой человек должен справляться сам и насущная, всеобъемлющая забота общества о которой отсутствует. Народная культура стала слабо финансируемой сферой культуры, для которой характерна неурегулированность, неценность и скромное положение народной культуры как сферы в системе финансирования фондом Капитал культуры.

Культура и занятия по интересам сместились в систему финансирования по проектам. По своей же внутренней сути организация культуры ориентирована на логику процесса, а не на логику проекта. От этого противоречия страдает как сама эстонская культура, так и культурная деятельность живущих здесь национальных меньшинств. Финансирование по проектам все чаще толкает национальные культурные общества к концертной или зрелищной деятельности и приводит ко все большему отходу в деятельности обществ от своей изначальной сути.

И эстонская народная культура в результате такой модели финансирования все больше выходит на подмостки сцены, что никогда не было для нее естественной средой. Таким образом, мы все вместе развиваем показушную, псевдонародную культуру.

Нашими общими проблемами является то, что:

- Нет защиты и регуляции эстонской народной культуры и традиций;
- Отсутствует внедренная в жизнь политика культуры национальных меньшинств;
- Ослабевает роль семьи и дома как главных очагов культуры;
- Нет сотрудничества между системами образования и культуры;
- Система отслеживания и исследование культурных процессов носит случайный характер;
- Сильны разногласия между поколениями в вопросах национальной культуры;
- В воспитании молодежи недостаточно политики здравого патриотизма.

Многие молодые неэстонцы в результате происшедших за последние пятнадцать лет перемен выросли в неопределенном статусе: они родились в Эстонии, но являются здесь инородцами. В то время как молодые эстонцы выросли в атмосфере духовного подъема поющей революции, с воспоминаниями о ночных праздниках песни и стоянии рядом с родителями в Балтийской цепи, для многих молодых неэстонцев последнее десятилетие прошло в атмосфере неопределенности.

Социализация молодого человека происходит через значимых для него людей и через родителей. Именно они являются для юных проводниками в окружающем мире. Понятия, ценности и образ жизни, которому дети учатся у родителей, – для них единственно правильные и истинные. Вместе с социальными ролями и отношениями молодежь перенимает мир своих родителей.

Социологические исследования показывают, что в самооценке неэстонцев очень силен мотив отторженности и несправедливого отношения. Для неэстонцев большая успешность эстонцев выглядит как привилегия, обусловленная национальностью. Поэтому во многих

проблемах они ощущают свою беспомощность в силу обстоятельств, которые изменить не могут – поскольку успехи не достигаются, а даются эстонцам как привилегия.

Так же для многих неэстонцев характерно убеждение, что и на работе, и при общении с органами власти к ним относятся несправедливо из-за их родного языка или национальности. Молодежь, окончившая среднюю школу с русским языком обучения, сталкивалась с трудностями, конкурируя в эстонские вузы. В свою очередь, уровень образования влияет на получение места работы. Успешность же на рынке труда все больше влияет на успешность в других сферах. Концентрация менее обеспеченных жителей в определенных районах вызывает культурное разделение.

Исследования, проведенные накануне референдума о вступлении в Евросоюз, показали, что только треть молодых неэстонцев выбрали бы для продолжения обучения местные вузы и почти четверть (24%) не остались бы в условиях Европейского Союза работать в Эстонии.

Вхождение в Евросоюз и англоязычное культурное пространство стало одной из причин, почему здешние неэстонцы не выучивают эстонский язык.

В сегодняшнем мире значение государственных границ снижается. В условиях глобализации трудно самоопределиться: в разных концах света смотрят одни и те же фильмы, пьют и едят одно и то же и пользуются одинаковыми «фирменными знаками». Мобильные телефоны и Интернет дают возможность находиться в постоянном контакте с друзьями и знакомыми во всем мире. По оценке исследователей, сегодняшние молодые по своему настрою гораздо большие космополиты, чем предыдущие поколения.

Сохранение культуры основано на воспитании, важной частью которого в наши дни являются образование, традиции, обычаи и праздники. С помощью праздников и обычаев члены общества периодически вновь ощущают свою связанность с основными ценностями и чувство стабильности, преемственности. Соблюдение праздников помогает внутреннему упорядочиванию человека. Когда праздники и содержательные ритуалы теряют свой первоначальный смысл, они превращаются в церемонии. Многие государственные знаменательные даты для эстонцев сейчас лишь церемония. Путь к тому, чтобы превратить эти даты в настоящие праздники для нас самих и живущих здесь национальных меньшинств, еще долог.

Существенной ступенью на пути самоидентификации является идентификация местная (по месту обитания), которая, однако, современной региональной политикой не особенно поддерживается.

В эстонском внутреннем культурном разнообразии в виде культур Сету, Выру, Кихну, Мульги отражается богатство нашей культуры. Это богатство следовало бы хранить гораздо бережнее, своеобразие этих культурных явлений нуждается в изучении, к ним должно привлекаться внимание. Но и в этой сфере легче получить признание в мире, чем дома: культурное пространство Кихну и традиция прибалтийских певческих праздников включены в список мирового наследия ЮНЕСКО. Это, наверное, следует расценивать как сигнал:

значимые для нас культурные ценности требуют государственной помощи и поддержки

Город Таллин по мере возможности оказывает поддержку досуговой деятельности горожан.

Из бюджета Таллинского Департамента культурных ценностей 2007 года на организацию мероприятий и поддержку недоходной деятельности использовано 17,660 миллионов крон. Организации городских фестивалей и традиционных мероприятий (Jazzkaag, кинофестиваль Темных ночей, фестиваль уличных театров и т.д.) оказана поддержка в сумме 7,52 млн. крон; на культурные проекты обществ культуры национальных меньшинств выделено 4,6 млн крон;

Из городского бюджета на 2008 год на поддержку недоходной деятельности выделено 17,308 млн крон.

В поддержке культурной деятельности русской общины очень большую роль играет муниципальное учреждение Центр русской культуры.

Поддержку деятельности кружков по интересам национальных меньшинств оказывают и расположенные в частях города центры культуры, поскольку главной задачей этих центров является организация деятельности жителей своего района в свободное время. В 2008 году из городского бюджета центрам культуры выделено 36,705 млн крон:

Центр культуры Линдакиви в Ласнамяэ – 5,251 млн крон (и 6 млн крон не из городского бюджета, а из инвестиций пойдут на ремонт помещений)

Центр культуры Сальме в части города Пыхья-Таллин – 8,237 млн крон (и 12 млн крон не из городского бюджета, а из инвестиций пойдут на ремонт помещений)

Центр культуры Кая в Мустамяэ – 1,889 млн

Центр свободного времени в Пирита – 2,557 млн

Ныммеский Центр культуры – 3,246 млн

Пельгулиннаский Народный дом – 2,430 млн

Тоомклуби в части города Кесклинн – 2,087 млн

В бюджете 2008 года предусмотрено выделить 1 млн крон в распоряжение недоходной организации Русский музей.

В бюджете 2008 года Таллинское городское собрание выделило 500 тысяч крон в поддержку Объединения национальных меньшинств «Лира».

Мультикультурный Таллин является нашим общим богатством. К сожалению, у города не было достаточных средств для раскрытия этого богатства.

Чем более открыта культура, тем больше она воспринимает извне, тем быстрее видоизменяется, развивается, но зачастую и делается более похожей на другие. Чем короче традиции, история, корни такой культуры, тем больше может быть опасность потерять свое лицо и своеобразие. Это большое искусство – остаться открытой, но сохранить свою сущность.

Цивилизационный конфликт возникает во всех нас, тех, кто должен приспособливаться к новым ценностям и нормам.

Может быть, умение и опыт дружелюбно жить с большим числом людей другой национальности и культуры и есть одно из самых ценных качеств, которые мы можем привнести в Европейский Союз. Думаю, что у Эстонии есть в этой сфере свой положительный опыт, а наши социологи могут успешно поделиться результатами своих исследований с Европейским Союзом.

Бюджет учреждений культуры города Таллина в 2001-2008 гг.

Распределение бюджета 2008 года Таллинского департамента культурных ценностей между учреждениями культуры

Распределение бюджета городской кассы 2008 года между центрами культуры и народными домами, находящимися в подчинении Департамента культурных ценностей и частей города:

Учреждение	2002	2005	2008	2008 Всего
Центр досуга Хааберсти		1190	1900	2 150
Народный дом Пельгулинна	1 122	1505	2225	2430
Инфоцентр культурных организаций		477	619	619
Тоомклуби	1 050	1135	1972	2087
Культурный центр Линдакиви	2 785	2920	4751	5251
Культурный центр Сальме	4 300	4780	6237	8237
Культурный центр Нымме	1 588	2050	2366	3246
Центр досуга Пирита	1 333	1681	2282	2557
Культурный центр Мустамяэ	1 509	1357	1449	1889
Русский культурный центр	5 200	5270	10055	10555

Бюджет Таллинского департамента культурных ценностей на поддержку недоходной деятельности в 2001-2008 гг.

«Таллинский текст» в русской культуре

Ирина Белобровцева (Таллин)

Понятие «городской текст», которое ввел в научный оборот в 1970-х гг. В.Н. Топоров, оказалось чрезвычайно продуктивным для исследования такого сложного организма, каким является город. Впервые это понятие было конкретизировано в трудах самого Топорова и многих других исследователей как «петербургский текст», объясняемый, в свою очередь, как «некий синтетический свертхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели».¹ Топоров рассматривал «городской текст» как совокупность текстов, в которых создается не эмпирический, но символический образ города - миф о Петербурге. «Петербургский текст» создавался на протяжении полутора столетий в творчестве писателей, композиторов, архитекторов, художников и, однажды названный уче ным, открылся как великолепное сочетание преемственности и обновления.

В то же время открытие В.Н. Топорова вызвало справедливый вопрос: уникально ли это понятие? Ведь многие города имеют свой набор легендарных событий и свои неслучайные черты, различимые многими. Так, в последнее время много говорят о «московском тексте», не так давно, хотя и с некоторыми оговорками, в русской культуре был заявлен «пермский текст», исследователь которого, Владимир Абашев, считает его частным случаем обширного «провинциального текста», существующего в русской культуре.

Таллин также вполне может претендовать на свой «городской текст», так как история столицы Эстонии напоминает слоеный пирог, все слои которого (датский, шведский, немецкий, русский) отлично сохранились, так что «Таллинский текст» как вещь в себе, как самодостаточный городской текст ждет своих исследователей.

Тема «Таллинский текст в русской культуре» вполне правомерна, поскольку связи Таллина с Россией уходят корнями в далекое прошлое, когда город посещали русские купцы. В 1570 году войска Ивана IV, мечтавшего о выходе к Балтийскому морю, дважды штурмовали Таллин, но мощные городские укрепления выдержали. После осады в память об этом событии в стены крепостной башни Кик-ин-де-Кек вмуровали чугунные ядра. После церковного раскола 1666 года в Эстонию бежали от расправы русские староверы, поселившиеся на берегах Чудского озера и в Таллине. В результате поражения шведов в Северной войне Таллин отходит к России, и его названием надолго становится Ревель. Впервые Эстония становится независимой в 1918 году, и уже в 1940 этот статус прерывает установление советской власти, затем следует немецкая оккупация и вновь советская власть до 1991 года, когда восстанавливается независимость Эстонской Республики.

Специфика нашего подхода к «таллинскому тексту» состоит в том, что объектом изу-

1 Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: (Введение в тему). – В.Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Москва, 1995. С. 275.

чения в данном случае является не целокупный «Таллинский текст», но его существование в русской культуре. Более или менее системная модель Таллина в русской культуре начала складываться примерно тогда же, когда Пушкиным был написан «Медный всадник». Разумеется, и до начала XIX века русские определенным образом воспринимали этот город под разными названиями. Свидетельства об этом есть в русском фольклоре; в средние века Таллин, конечно же, был в сфере геополитических интересов России.

Таллин в этом смысле город промежуточной судьбы: он не был задуманным и расчисленным, как соседний Петербург, - само его имя не перестает быть предметом обсуждений, так же, впрочем, как и место, на котором он возник. Первое название города в модификации Кольвань повторяется в связи с Таллином и в русских хрониках, и в русской литературе XIII-XVIII вв. Его наименование в северных странах - Lindanas (Lyndanese) - отозвалось в русской форме Леденец, встречающейся, между прочим, в «Слове о полку Игореве» и в былинах «Соловей Будимирович» из сборника Кирши Данилова, откуда она перекечевала в «Сказку о царе Салтане» А.С. Пушкина.

Названия Ревель и Таллин воспринимались русскими по-разному. В начале века этот город не был еще осмыслен русскими в историческом и научном аспектах. Оставалось непроясненным происхождение его имени. Так, автор брошюры «Царские дни в Ревеле», посвященной приезду в город Николая II, приводит наивную, т. н. народную этимологию: «Свое название Ревель получил, вероятно, от множества камней, заграждавших вход в его бухту. Ревель по-датски значит Риф, т. е. подводные камни». ² Название Ревель было принято русскими в противовес имени Таллин, осмыслявшемуся как эстонское. ³

В дни царского посещения Ревеля он не воспринимается как сколько-нибудь заметный своей красотой, архитектурой, мощью и т. п. город, хотя некоторые сдвиги за последние почти 50 лет брошюра все же отмечает: «Почти столетия прошло с тех пор, как Ревель имел счастье принимать Царя. В последний раз это было в 1856 году, когда Ревель посетил Император Александр II в сопровождении Великого Князя Константина Николаевича. Благодаря милостям и попечениям Монархов, Ревель с тех пор из крепости превратился в значительный торгово-промышленный центр, и население его утроилось». ⁴

Но и в 1920 году Ревель (который теперь официально называется Таллин, но русские продолжают величать его по-старому) не кажется притягательным русскому наблюдателю: «Ревель, по теперешнему Таллин, - столица Эстонии. Город не большой, не уютный, с узенькими улочками и с крайне однообразным населением». ⁵

Огромная популярность приходит к Таллину уже после Второй мировой войны. Горький парадокс заключается в том, что Таллин оказался значительно менее разрушен войной, нежели многие европейские города, сохранявшие свое готическое очарование с эпохи

2 Царские дни в Ревеле. 23-26 июля 1902 г. Ревель, 1903. С. 1.

3 «< ... > По-эстонски Ревель называется «Танилина», т. е. датский город» (Царские дни в Ревеле. 23-26 июля 1902 г. С. 1).

4 Царские дни в Ревеле. 23-26 июля 1902 г. С. 3.

5 *Владимиров С.* Путевые наброски. - Воля России. 1920. 4 декабря. №70.

Средних веков. Вторым парадоксом стал его статус «советской заграницы», «своего среди чужих» (об этом чуть ниже).

Таллин представлял и представляет собой гетерогенное явление, где одновременно сосуществуют различные жизненные уклады и традиции, а следовательно, возникает и перекрестье культур. Русская культура, включающая в себя также духовную информацию – поэзию, музыку, архитектуру, была и есть одна из составных частей этого феномена.

Остзейский порядок в Эстонии, установленный как привилегии для немецких дворян еще во времена шведского правления, продлился почти до конца XIX века, когда Александр III начал русификацию края. Гармония готического облика старого города была нарушена православным собором Александра Невского, нарочито построенным на Вышгороде, напротив замка Тоомпеа.

Еще одна достопримечательность Таллина связана с русской историей: в 1902 году здесь был открыт памятник броненосцу «Русалка», затонувшему при переходе из Ревеля в Кронштадт в 1894 году. Этот монумент представляет собой наглядный пример актуальной ныне в Эстонии темы интеграции эстонской и русской общин: он поставлен русскому военному кораблю и его экипажу, а создан эстонским скульптором Амантусом Адамсоном, выпускником Петербургской Академии Художеств, впоследствии российским академиком.

В 1918 году Эстония обрела независимость, и Таллин быстро изменил свой облик. В культуре Русского зарубежья он становится известен в 1923 году, когда именно здесь была выдвинута идея учреждения единого для всей русской эмиграции Дня Русской Культуры, приуроченного ко дню рождения Пушкина.⁶

В то же время присутствие современной русской культуры в эти годы здесь почти не ощущается. В 1930 году в Москве была издана книга эмигрантского писателя и публициста Андрея Седых «Там, где была Россия» (отметим попутно, что издание в Советском Союзе того времени эмигрантских авторов - явление редкое). Это описание своего рода паломничества в Мекку - поездки в Прибалтику, которая теперь стала чужой, эстонской и латышской. В Таллине А. Седых ищет (и почти не находит) следов «своего» в «чужом»: «Бродил по городу, отыскивал следы России. Их было мало, гораздо меньше, чем в Риге».⁷

Восприятие Таллина Советской Россией начиная с 1920-х гг. проявляется в семантическом поле «своя земля» *versus* «заграница». В советском общественном мнении, в советской литературе и публицистике 1920-1930-х гг. Ревель (так вопреки историческому факту смены названия города на Таллин продолжают его называть русские и советские люди) предстает как центр контрреволюции; гнездо шпионов, диверсантов, террористов: «Советская граница с буржуазной Эстонией образовалась сразу после окончания гражданской войны. Протяженность ее была небольшая, но в смысле засылки к нам шпионов, диверсантов, террористов она становилась с каждым годом все более опасной. < ... > Мно-

6 Кстати, имя Пушкина косвенным образом также связано с Таллином: военным комендантом этого города был «арап Петра Великого», прадед Пушкина Абрам Петрович Ганнибал.

7 Седых А. Там, где была Россия. М., 1931. С. 137.

жество иностранных представительств и разведок находилось и в столице буржуазной Эстонии Таллине. А надо сказать, что в те времена иностранные консульства зачастую играли роль центров разведывательной службы».⁸

Вначале он, да и Эстония в целом, осмысляются безусловно как заграница, хотя подобное понимание осложнено той самой двойственностью - взглядом изнутри (русских, эмигрантов первой волны, которые пытались вжиться в новое пространство)⁹ и взглядом извне, зафиксированным, например, в романе А. Н. Толстого «Эмигранты».

С 1941 года наметилась новая линия: Таллин - один из завоеванных городов, он (вновь наряду со всей Эстонией) не является чем-то самоценным и должен восприниматься как продолжение Советского Союза. В это время, условно с 1945 до 1991 года, когда была восстановлена независимость Эстонии, обозначились две линии, по которым в русской культуре шло «осмысление» и «у-своение» Таллина, воспринимавшегося, конечно же, и как символ Эстонии в целом. Именно это поколение, чье представление о Таллине складывалось под воздействием идеологических стереотипов советской пропаганды, было готово отождествить его с любым другим советским городом, признать «своим» пространством.

В семантическое поле «своего» входило и парадоксальное предложение снести маленькие и покривившиеся дома в Старом городе, выровнять улицы и построить хороший жилой район для трудящихся, как и в других городах Советского Союза (этот культурный нигилизм объяснялся гуманными соображениями - жилой фонд Таллина сильно пострадал во время Второй мировой войны).

Только с наступлением «оттепели», с приходом в советскую общественную жизнь, литературу и искусство конца 1950-х-начала 1960-х гг. молодого поколения, отношение к Таллину и сама семантика «Таллинского текста» меняются коренным образом. На смену «своему» приходит ощущение «чужого» и уж заведомо «другого» пространства. Сюда, в этот город, стремились отделенные железным занавесом от остального мира советские люди: побродить по тем самым «узеньким улочкам», которые не казались чем-то необычным приезжему из Праги, зато пленяли своей сказочностью, уютом кафе, вкусными запахами. Побывать на подступах к Европе и вдохнуть более свободный воздух.

Опоэтизированный Таллин предстал в советской литературе и публицистике как замок Фата-Морганы, видение наяву, как параллель романтическому образу алых парусов. Облик Таллина ассоциировался со старой сказкой, а, значит, и с детством, этим потерянным раем любого человека.

Скачок от приземленности в описании Таллина 1920-1930-х гг. к романтизму 1960-1980-х просматривается даже на фоне использования реалий быта: первые - это нечто приземленное (например, ревельские кильки у Булгакова); вторые - романтически-западные ликеры

8 Фомин Ф. Записки старого чекиста. М., 1964. С. 183.

9 Вживание происходило очень тяжело, так, в конце 1924 г. эмигранты из России в письмах жаловались на сокращения и отсутствие работы, дороговизну жизни: «< ... > Жалованья не хватает, живем точно в аду» (Измозик В. С. Письма российских эмигрантов середины 20-х гг. как исторический источник. - Из истории российских эмигрантов. СПб., 1992. С. 50).

с иноязычными названиями «Кяну Кукк» («Петух на пне») и «Вана Таллин», настоящий на семидесяти травах). Трансформация Таллина в русской культуре никак не зависела от изменений в облике города: это была трансформация восприятия. Характерно, что именно в русской, российской реальности Таллин смог стать притягательной силой, магнитом: его готический ансамбль, его непривычный, уникальный в советском пространстве облик воспринимался как «чужой» – одновременно как «другой». Таллин оказывался самым подходящим «другим»: традиционным средневековым северо- или западноевропейским городом (и потому не самым привлекательным для западных туристов – они к такому привыкли).

Социокультурная символика Таллина с 1960-х гг. и до 1991 года состоит в том, что он становится аналогом выключенности из ситуации «советская действительность», эмблематическим изображением свободного пространства, как это обозначил писатель и литературный критик А. Генис: «примерка эмиграции». ¹⁰ Литовско-американский поэт Томас Венцлова вторил ему, говоря о «разумеется, паллиативном, суррогатном, но Западе». ¹¹ В Таллине время от времени словно бы переставали действовать советские законы и правила; здесь возможным становилось невозможное в Москве. Вот всего лишь три примера: в 1968 году издательством «Ээсти раамат» было осуществлено первое в СССР издание отдельной книгой романа Булгакова «Мастер и Маргарита» (на эстонском языке); в 1978 – впервые в СССР была поставлена в Эстонском театре юного зрителя пьеса Л. Петрушевской («Чинзано»); многие до сих пор отлично помнят знаменитые таллинские джаз-фестивали конца 1960-х гг., которые в то время могли состояться только в этом полужужом пространстве.

Как это ни парадоксально (ведь официально город оставался «своим», «советским»), восприятие Таллина как подспудно «чужого», как советского Запада активизировалось благодаря кинематографу. В десятках кинофильмов старый город изображал Запад различных эпох, от средних веков до современности – Данию, Германию, Францию, Англию, Швейцарию и т. д.

Провозглашение независимости Эстонии в 1991 году и установление государственной границы между Эстонией и Россией сформировали в воспринимающем русском бытовом сознании некий водораздел. С одной стороны, возникло ретроспективное желание «усвоить» Прибалтику, обозначить ее как «свою», многократно виденную. С другой стороны, по-прежнему существуют честные признания российских жителей о том, что Таллин для русских всегда был за границей, потому что советскому режиму не удалось стереть с него западный колорит.

Прагматически настроенные туристические агентства и владельцы отелей сегодня эксплуатируют ностальгию россиян по былым поездкам в миниатюрный «городок – табакерку», и Россия после длительного перерыва в 1990-е гг. твердо заняла второе после Финляндии место в рейтинге стран, жители которых посещают Таллин. Популярнейшим мероприятием

10 Генис А. Довлаатов и окрестности, Tere-tere. - <http://www.svoboda.org/programs/cicles/Dovlatov/dovlatov.07.asp>

11 Венцлова Т. Литовский дивертимент Иосифа Бродского. - Третья волна. Ann Arbor, 1984. С. 196.

стал «русский новый год» – в нескольких крупнейших отелях – с широко известными в советскую эпоху эстонскими эстрадными певцами, роскошным праздничным ужином и – немаловажная реалия дня сегодняшнего - встречей нового года вначале в таллинскую полночь, а через час - под бой курантов московского Кремля, ведь Эстония и Россия живут по разному времени.

О памятниках больших и малых

Май Левин (Таллин)

Как в Интернете, так и в книгах, изданных за последнее время, например, в сборнике «Монументальный конфликт. Память, политика и идентитет в современной Эстонии» (Таллин, 2008), составленном Пилле Рехесоо и Марекком Таммом, рассматриваются, главным образом, большие и известные мемориалы погибшим во Второй мировой войне. Но вся Европа усеяна меньшими и более скромными памятниками на могилах миллионов солдат, которые, несмотря на отсутствие художественных и идеологических амбиций, также заслуживают интереса с точки зрения истории искусства. Они, может быть, даже точнее отражают местную общую эстетическую и этическую культуру. Эти памятники являются специфической частью такого огромного явления, как кладбищенская культура, хотя иногда находятся вне кладбищенских оград, на полях сражений или над братскими могилами. Принципы охраны памятников относятся и к ним, независимо от того, имеют ли государственные органы охраны памятников, обремененные различными обязанностями, реальные возможности ухода за ними.

Кладбищенская культура новейшего времени является областью, явно недостаточно исследованной. Внимания историков искусства удостоивались, главным образом, надгробные памятники, созданные известными мастерами знаменитым людям, но отнюдь не образно-стилевые изменения в общем облике памятников. Из немногих специальных изданий можно назвать, например, книгу Эрика Кьютса и Хейнца Валка «Крест и железо» (Таллин, 1998), посвященную кованым крестам на кладбищах Северной Эстонии. Ее авторы ставили себе целью пробудить интерес к более основательному исследованию этих крестов как одного из видов народного искусства. Но, кажется, их книга надолго останется основным материалом по данной теме. Точно так же группа энтузиастов, которая старается документировать и приводить, в случае надобности, в порядок надгробные памятники бойцов Красной Армии, павших в Эстонии, а также памятники жертвам фашизма в более широком смысле, должна полагаться в основном на себя и продолжать кропотливую работу по собиранию и уточнению данных. Установление заказчиков, которыми были государственные учреждения, самоуправления, в некоторых случаях и частные лица, может помочь выяснить исполнителей и даты возведения. Однако и уже собранный на сегодняшний день материал позволяет проследить изменения, происшедшие в данной области в течение десятилетий.

До нас не дошли многие первоначальные простые, созданные из самых доступных материалов обелиски и стелы - в 1960-1970-х гг. они были заменены памятниками из более устойчивых материалов и в более современном оформлении. С исторической точки зрения ценны и фотографии утраченных памятников, так как они отражают возможности тяжелого

послевоенного времени. Некоторые памятники сохранились, видимо, с начала 1950-х гг.: это находящаяся в сквере у Нарвской крепости восьмигранная колонна на украшенном волютами постаменте с рельефным декором в верхней части. Такого же типа памятник поставлен в 1952 году в Пикасилла; есть и другие примеры колонн-obelisks. Нарвская колонна является ярким примером советского неоклассицизма, опиравшегося не только на русский ампир, но и на неоклассицистические тенденции первой трети XX века, то есть эпохи стиля модерн и арт деко. Отсюда – сильное чувство стиля, его целостность. Колонны и обелиски того времени дополняют архитектурные памятники, создававшиеся вплоть до середины 1950-х гг.

Такое же чувство стиля проявляется в надгробных стелах на ступенчатых основах с расположенными перед ними гранитными плитами и рядами мемориальных плит. Их геометризированные верхушки сильно напоминают арт деко, и вообще их облик заставляет вспомнить надгробия 1930-х гг. на эстонских кладбищах, где традиции арт деко-неоклассицизма сохранялись до 1960-х гг. Из таких стел, поставленных советским бойцам, можно назвать памятники в Каарепере, Ааспере, Колга-Яани, на Реопалуском кладбище в Пайде и многие другие.

Неоклассицизм с сильным оттенком стиля арт деко характерен и для известняковых стен с мемориальными досками, расположенными симметрично, и со ступенчатыми завершениями, как, например, в Виру-Нигула. Подобные памятники явно следовали примеру Монумента освободителям в Таллине (1947, архитектор Арнольд Алас, скульптор Энн Роос) как общепризнанному достижению в этом жанре как с точки зрения пластического, так и архитектурного решения. Подобные стены-пилоны создавались на Синимяэском кладбище, на кладбище Ропка-Тамме в Тарту и многих других. Совершенно в духе арт деко создан великолепный мемориал казненным в 1941 году, в начале немецкой оккупации, на Метсакальмисту в Таллине.

Связь с довоенной традицией оборвалась в переломных 1960-х гг. Как и деревянные кресты послевоенного времени, исчезли с семейных могил камни, несущие отпечаток стелевого чувства «эстонского времени». И в этом жанре проявился так называемый суровый стиль с его направленностью на сильную экспрессию и острую ритмику, проявилась тенденция к асимметрии и свободной композиции отдельных объемов вместо компактности, характерной до сего времени. Если лейтмотивом памятников, возведенных после войны, был траур, то в 1960-х гг. им становится протест против войны. Учащаются монументы жертвам фашизма, часто с девизом Юлиуса Фучика: «Люди, будьте бдительны!» Одним из наиболее ранних и имевших влияние на последующие решения монументов является памятник жертвам фашизма недалеко от Тарту, в Лемматси (1964, архитектор Вяино Тамм, скульптор Эльмар Ребане). Примечательно использование доломита как для динамичной дугообразной стены, так и для экспрессивного рельефа.

Героический пафос и резкое выражение насильственности военных смертей в основном характерны именно для монументов 1960-1970-х гг. Примером здесь может послу-

жить полуфигура бронзового солдата, как бы уходящего в землю, стесненного гранитными глыбами, в памятнике на кладбище Раади в Тарту (1975, архитектор Рейн Лууп, скульптор Арсений Мельдер). Скульпторы и архитекторы стали именно тогда видеть в монументах, посвященных жертвам войны, возможности для выражения общечеловеческих идей, а также для воплощения своих пластически-образных замыслов. Многие работали в этом жанре весьма плодотворно, например скульптор Эндель Танилоо. Выдающуюся команду составили архитектор Аллан Мурдмаа, скульпторы Рихо Кульд и Мати Варик, создавшие обелиск битвы Техумарди (1967) и мемориал Маарьямяэ (1965–1975). Аллан Мурдмаа был также автором величественного гранитного надгробия на братской могиле в Йыгевесте, у мавзолея Баркляя де Толли (1973). Монументы 1960–1970-х гг. повествуют о том, что заказчик – государство – был тогда богат и щедр и считал возведение монументов нужным и важным делом. Но уже в ту пору на кладбищах и в парках начали ставить простые, почти природные камни-памятники, часто утопающие в декоративных растениях, родственные семейным надгробиям того же времени. Один такой памятник находится в Кейла. Это своеобразная «зеленая» и демократичная тенденция в мемориальной культуре: камни как будто знаменуют развитие этой культуры в сторону большей приватности, интимности, связанности скорее с определенной группой людей, нежели обращенности к общественности. Видимо, впредь будут ставиться именно такие памятники.

Значительные по величине и художественным достоинствам монументы достаточно хорошо отражены в искусствоведческой литературе. Например, исследователь скульптуры XX века Март Эллер составил альбом «Монументы» (Таллин, 1977). Подобные памятники вписались в контекст истории эстонского искусства, в них легче найти эстонские черты, хотя в них отражается и общее развитие монументальной скульптуры в СССР и социалистических странах, отчасти – в мире вообще. Но местный колорит, безусловно, выражен в более скромных памятниках; он проявляется в самом чувстве материала, в связанности памятника со средой и так далее. Иногда национальной особенностью памятников на эстонской земле считают эмоциональную сдержанность. Глядя на некоторые монументы 1960–1970-х гг., можно усомниться в этом утверждении. Национальная ментальность не является чем-то неизменным, она подвластна времени и развитию общества в целом. Но в историю и культуру Эстонии входят все названные выше виды памятников – от высоких обелисков до приземленных камней.

Братская могила в Раквере

Братская могила в Пикасилла

Братская могила в Синимяэ

Памятник жертвам фашизма в Лемматси

Братская могила в Тарту

Братская могила в Йыгевесте

Братская могила в Нарве

ЛЮДИ И
СУДЬБЫ

Актриса Стелла Арбенина. Опыт жизнеописания

Сергей Исаков (Тарту), Андрей Рогачевский (Глазго)

Еще А.С. Пушкин как-то заметил: «Мы ленивы и нелюбопытны». Увы, эти слова великого поэта звучат в наши дни не менее актуально, чем в пушкинские времена. Когда авторы этих строк заинтересовались Стеллой Романовной Арбениной, они, естественно, обратились, прежде всего, к русскоязычной справочной литературе, но ни в одном известном справочнике не нашли даже упоминания о С. Арбениной. Ничего не дало и обращение к эстонским биографическим словарям и энциклопедиям, хотя Арбенина несколько лет играла на сценах Эстонии. Между тем она была одной из уникальнейших актрис XX в. в Европе. Если выступления певцов на оперной сцене на многих языках – явление более или менее обычное, то в драматическом театре это редкость. Известно не так уж много актеров, с одинаковым успехом игравших, скажем, на русской и английской или эстонской и русской сценах, и крайне редки артисты, выступавшие на трех–четырёх языках. Арбенина же начинала как русская актриса, затем выступала в немецком театре и позже в течение многих лет играла в ведущих лондонских театрах, само собой разумеется, на английском языке. Кроме того, она вполне успешно выступала и по-французски, играла в немецких, английских и французских фильмах. Книга ее воспоминаний написана по-английски, но некоторые мемуарные очерки – по-русски. Для эстоноземельцев Стелла Арбенина представляет особый интерес хотя бы потому, что биографически она была довольно тесно связана с Эстонией, была гражданкой Эстонской Республики.

Стелла Арбенина – сценический псевдоним актрисы, под которым она стала известна в театральном мире. Настоящая ее фамилия – в девичестве Вишоу (Вишоу, Вишау; Whishaw), в замужестве – Мейендорф (Meyendorff). При желании уже в этом можно заподозрить некий намек на своеобразную «мультикультурность» и «многоязычность» Арбениной.

Стелла Вишоу родилась 14 сентября 1884 года¹ в Петербурге в семье осевших в России англичан. Ее дед по материнской линии в течение 40 лет был капелланом Английской церкви в С.–Петербурге, отец Роберт Каттли Вишоу – доктор права, принадлежавший к элите столичного общества. Род Whishaw – один из старейших в Англии, родословное древо которого восходит к эпохе Вильгельма Завоевателя. В роду были архиепископы, верховные судьи Англии, благородные рыцари, разбойники с большой дороги, писатели и предприниматели, но, как с иронией отмечала Арбенина в своих воспоминаниях, не было ни одного актера.²

1 В западной справочной литературе иногда можно встретить указание на другой год рождения – 1887, но более достоверным следует все же признать указанную здесь дату. См.: *Genealogisches Handbuch der estländischen Ritterschaft*. Bd. I. Görlitz, S. a. S. 519.

2 *Stella Arbenina (Baroness Meyendorff). Through Terror to Freedom: The Dramatic Story of an English Woman's Life and Adventures in Russia before, during and after the Revolution*. London: Hutchinson & Co, [1929].

Арбенина получила прекрасное домашнее образование, уже с детских лет свободно говорила не только по-английски и по-русски, но благодаря гувернанткам–иностранкам также по-немецки и по-французски. Она училась в русской школе. В числе любимых занятий девочки было заучивание наизусть и декламация для себя произведений Шекспира, Байрона, Шиллера, Гёте, Корнеля, Гюго, Пушкина и Лермонтова – всегда на языке оригинала.

Позже она вспоминала о своем первом театральном опыте: в десять лет она на Рождество приняла участие в детском представлении «Принцесса и свинопас». После представления один из друзей ее родителей сказал Стелле, что она когда-нибудь обязательно станет великой актрисой...

По окончании гимназии шестнадцатилетняя Стелла отправилась в гости к дяде и тете в южный Уэльс, в замок Лландо. По пути Стелла посетила Лондон и там впервые попала в театр. «После этого для меня уже не существовало ничего кроме театра».³ Она постаралась посмотреть как можно больше театральных постановок и объявила тете, что, как только вернется домой, будет просить у родителей разрешения поступить на сцену.

Незадолго до возвращения в Россию тетя устроила театрально–музыкальное представление и попросила Стеллу принять участие в маленькой юмористической пьеске «Ее новый портной». После представления некоторые из зрителей стали утверждать, что истинное призвание Стеллы – театр: ей следует стать актрисой. Стелла принимает решение развивать данный ей от Бога талант. Однако отец категорически запрещает ей попробовать себя на профессиональной сцене. Положение семьи Вишоу в обществе, по мнению родителей, делало невозможной для дочери карьеру актрисы.

Правда, родители разрешают ей заниматься музыкой. Она берет уроки пения и игры на пианино, изучает итальянский язык и все же участвует в любительских театральных представлениях. Особенно запомнилась ей одна роль – в пьесе «Курьер королевы». Это была первая в ее жизни исполненная глубоких эмоций роль, и актриса с радостью осознала, что может вызывать своей игрой слезы у зрителей.

Прошло еще несколько лет. Стелла знакомится с бароном Павлом Мейендорфом, офицером лейб–гвардии. Их помолвке, возможно, способствовало и то, что в семье жениха также увлекались театром и устраивались любительские спектакли, обычно с благотворительной целью. Незадолго до свадьбы прошло большое представление, в программу

Далее мы излагаем биографию С. Арбениной прежде всего на основе этих воспоминаний. Ссылки на них, как правило, не приводятся, за исключением цитат. В этих случаях ссылки даются сокращенно: *Arbenina S. Op. cit.* Попутно отметим, что писатель и критик Карл Эрик Бечховер–Робертс называл мемуары Арбениной «одним из самых ярких и волнующих свидетельств того, каким кошмаром стала российская жизнь после 1917 года <...>. Читать книгу необыкновенно интересно. Странная смесь силы и слабости русского характера видна на каждой странице» (*The Times Literary Supplement*. 1929. 10. Oct.).

Нами также использована мемуарная статья: Арбенина, Стелла. Как я стала актрисой. - Для Вас (Рига). 1935. 23 февр. № 9. С. 20.

3 *Arbenina S. Op. cit.* P. 61.

которого входили три пьесы на трех разных языках – французском, английском и русском. Стелла играла во всех трех.

Организаторы любительских спектаклей стремились к тому, чтобы их представления были на достаточно высоком художественном уровне. С этой целью для проведения репетиций приглашался кто-либо из режиссеров императорских театров. Один из них, актер и режисер Александринского театра Ю.Э. Озаровский, частным образом стал давать Стелле уроки.

Свадьба Стеллы Вишоу и Павла Мейендорфа состоялась 10 октября 1907 года. Семейство Мейендорфов принадлежало к очень именитому старинному прибалтийско-немецкому дворянскому роду, из которого вышло много генералов, дипломатов, видных государственных деятелей Российской империи. Свекор Стеллы Богдан Теофил Мейендорф был генералом от кавалерии, генерал-адъютантом, близким к Николаю II и его супруге человеком. Мейендорфы часто сочетались браком с представителями русских аристократических фамилий из высшего света столицы; так, Богдан Мейендорф был женат на графине Елене Павловне Шуваловой, сестра Павла была замужем за графом Шереметевым. Все они были православными. Мейендорфам принадлежало имение Кумна (эстонское Кнообусе) близ Кейла под Таллином. Стелла с мужем обычно проводили лето в поместье свекра, конечно, бывала она и в Ревеле (Таллине). Отсюда началось ее знакомство с Эстонией, продолжавшееся до лета 1914 года.

У Павла и Стеллы Мейендорфов было трое детей: Георгий (1908-1930), Елена (род. 1911) и Ирина (род. 1913).⁴ Дети, конечно, отнимали много времени, но Стелла все же не бросала театральные занятия. Муж, по-видимому, ничего не имел против этого и даже соорудил для жены мини-сцену в ее комнате, где баронесса разыгрывала маленькие пьески, сцены из классических драм или упражнялась в пластических греческих танцах, входивших в моду. Она по-прежнему участвовала в любительских спектаклях, самым большим своим успехом на любительской сцене Стелла считала исполнение одной из ведущих ролей в драме А. Сумбатова «Старый закал».

С началом Первой мировой войны Стелла – сестра милосердия в госпитале Красного Креста в Петрограде, содержавшемся на добровольные пожертвования частных лиц. Она проработала в госпитале три года, к моменту Февральской революции была старшей сестрой хирургического отделения, на ее попечении находилось 55 раненых солдат. После Октябрьской революции госпиталь закрылся.

Во время войны Стелла берет уроки пения у примадонны Мариинского театра Марии Александровны Славиной, разучивает с ней партии сопрано в 16 операх Пуччини, Чайковского, Римского-Корсакова, Массне, Гуно, Верди и др. Изредка участвует в любительских представлениях. При подготовке так и не осуществленного из-за революционных событий спектакля по пьесе Э. Ростана «Принцесса Грёза» на одном из приемов в доме друзей она

4 Genealogisches Handbuch der estländischen Ritterschaft. Bd. I. S. 519.

знакомится с В.Э. Мейерхольдом. Она всё чаще думает о том, что всё же надо попробовать свои силы на профессиональной сцене. Раньше это было невозможно из-за положения семьи в обществе. Февральская революция изменила ситуацию и сделала мечту Стеллы реальной. К тому же ее беспокоит будущее семьи. Она говорит мужу, что в новых пореволюционных условиях всем будет необходимо самим зарабатывать себе на жизнь; лучший выход для нее – стать профессиональной актрисой.

Стелле до тех пор приходилось выслушивать лишь похвалы в свой адрес как актрисы, но она все же сомневается в искренности высказываемых комплиментов и спрашивает совета у М.А. Славиной и В.Э. Мейерхольда. Славина рекомендует ей стать оперной певицей, однако Стелла понимает, что еще не готова к оперной сцене. Мейерхольд, просмотрев специально подготовленную ею сцену смерти героини из пьесы О.Э. Скриба и Э. Легуве «Адриенна Лекуврёр», говорит ей: «Если вы будете много работать в течение года, то станете одной из ведущих актрис России».⁵ По характеру своего дарования (сдержанность в актерской игре), как считал Мейерхольд, Стелла более всего подходит МХТ.

В августе 1917 года с рекомендательным письмом Мейерхольда к К.С. Станиславскому она едет в Москву. В мемуарном очерке «Из моих воспоминаний», опубликованном в таллинской газете «Последние известия» (1920. 25 дек. № 114. С. 3), С. Арбенина подробно описала свою встречу со Станиславским.

«Эта встреча останется всегда одним из самых светлых воспоминаний моей жизни, – столько теплого и ободряющего я услышала от этого великана русской сцены, когда он напутствовал мои первые шаги служения любимому искусству.

Я приехала в Москву в августе 1917 года, в момент, когда прием сотрудников в Художественный театр был отменен.

Казалось, и для меня надежды было мало. Какова же была моя радость, когда, прослушав несколько продекламированных мною стихотворений, монологи из «Роза и крест» Ал. Блока и последнего акта «Адриенны Лекуврер», Константин Сергеевич взял меня за руки и сказал два, три коротких слова, в которых заключалась вся моя будущность.

«Ну, что ж, всё есть», – сказал он улыбаясь и прибавил к этим словам столько для меня лестного, что мои щеки запылали от волнения и испуга перед слишком большим счастьем.

«В вас столько природной красоты, что вы не должны ее портить “красивостью”».

– Что это значит? – спросила я, услышав незнакомый термин.

«Вы так красиво произносите хотя бы, например, слово «люблю», что вам не надо стараться выговаривать его как-то особенно красиво, истинная красота – в простоте».

Станиславский просил Арбенину приехать в Москву в сентябре и обещал ввести ее в труппу МХТ. Она была единственной дебютанткой, которой был предложен контракт на

5 *Arbenina S. Op. cit. P. 73.*

новый сезон в театре. К сожалению, из этого плана ничего не вышло: жизнь в отрыве от семьи на мизерную зарплату, необходимость в этом случае расстаться с детьми, а также назревающие революционные события сделали невозможным переезд Стеллы из Петрограда в Москву. Ее дебют в МХТ не состоялся.

«Но, – как пишет С. Арбенина в уже цитированном очерке, – где бы я ни была, какую бы роль ни исполняла, я всегда помню завет великого учителя русской сцены избегать “красивости”, стремиться к настоящей красоте, к правде, ибо, если в правде – сила и смысл жизни, – воплощающие жизнь на сцене должны стремиться к воплощению правды. Только естественностью, только жизненностью, только правдой мы заставим наших зрителей переживать вместе с нами и радость, и горе».

Октябрьская революция изменила жизнь всей страны, и в особенности жизнь того круга людей, к которому принадлежала Стелла. У нее неожиданно открывается возможность попасть в труппу Александринского театра: в числе прочих «революционных» начинаний Александринкой был объявлен открытый конкурс для дебютантов; победителям после трех репетиций предоставлялась возможность принять участие в одном представлении на сцене театра. Стелла незамедлительно воспользовалась этой возможностью и выиграла конкурс.

К этому времени она была уже известна в театральных кругах Питера, привлекла внимание ценителей сценического искусства. Иначе трудно объяснить появление стихотворения Игоря Северянина «Стэлла», позже вошедшего в его сборник «Соловей». Оно посвящено «Баронессе С.Р. Мейендорф» и помечено январем 1918 года. Это отклик на какое-то восхитившее Игоря Северянина концертное выступление Стеллы в Петрограде, на котором она декламировала, пела Грига, исполняла танцы под античность.

Дебют ее в Александринке состоялся 30 апреля 1918 года. Она решила взять себе псевдоним *Арбенина* – по фамилии одной из героинь «Маскарада» М.Ю. Лермонтова, ее любимого поэта. Как она отмечает в воспоминаниях, это было необходимо из соображений безопасности: фамилия *Мейендорф* сразу же бросилась бы в глаза находившимся у власти большевикам как подчеркнуто аристократическая, и это могло иметь печальные последствия. Дебют Арбениной в роли Катерины в «Грозе» А.Н. Островского, где она впервые выступала вместе с профессионалами, к тому же еще с мастерами высшего класса одного из лучших театров России, прошел успешно. Она получает приглашение в труппу Александринского театра.

Между тем положение в красном Петрограде с каждым днем становилось все более и более тяжелым. Летом 1918 года часть актеров Александринки отправилась на гастроли в еще «хлебную» Вологду, где можно было нормально питаться. Режиссер и актер Л.С. Вивьен (будущий художественный руководитель театра и Народный артист СССР) и его жена берут «шефство» над Стеллой. К этому времени ее мать уже умерла, отец был тяжело болен и находился в Финляндии. Детей Стелла отправила к родителям мужа, проживавшим под

Москвой в имении свояченицы, графини Шереметевой. Семья была разбросана по разным краям и весям. Гастроли в Вологде оказались непродолжительными: в связи с введением в городе военного положения театр закрылся.

Пришлось возвращаться в Петроград. В Александринке сезон еще не начинался. Арбениной удалось получить на одну неделю ангажемент в Литейном театре. Мейендорфы решают уехать в Эстонию, где у них еще оставалось родовое имение Кумна, правда, основательно разграбленное и разоренное в 1917 году. Через Балтийский комитет при Германском посольстве, занимавшийся делами немцев из Прибалтики, можно было получить и официальное разрешение на отъезд. Но тут в сентябре 1918 года сначала Павел Мейендорф, а затем и Стелла становятся жертвами повальных арестов в Петрограде, последовавших за убийством Урицкого. Впоследствии она подробно описала в своих воспоминаниях арест, проведенный Чека, обыск, пребывание в заключении, допросы - всё, что выпадало в ту пору на долю тысяч ни в чем неповинных людей в красном Питере. Мейендорфам повезло – их выпустили сравнительно быстро, и, естественно, они постарались как можно скорее уехать в Эстонию, опасаясь нового ареста. Они за бесценок распродают свою ценную коллекцию картин, где были полотна старых голландских мастеров, работы Айвазовского, Боголюбова, Клодта; на вырученные деньги 27 октября 1918 года выезжают в Ригу и 5 ноября того же года оказываются в Таллине. Так начался эстонский период жизни актрисы, продолжавшийся более двух с половиной лет.

Мейендорфы поселяются в Кумна (Кнообусе). Поражение Северо-Западной армии Н.Н. Юденича в конце 1919 года делает для них очевидным, что возвращение в Россию невозможно. В 1920 году Стелла и ее супруг получают эстонское гражданство. В числе прочего это было необходимо для того, чтобы выволить детей из Советской России, где они все еще находились в имении под Москвой. Осенью 1920 года дети наконец приезжают в Эстонию. Стелла благодарит судьбу за то, что успела начать артистическую карьеру: теперь именно она становится кормильцем семьи. Стелла находит работу в театре.

В своих воспоминаниях она относила начало работы в только еще создающемся ревельском Русском театре к самому концу декабря 1918 года, когда она прочитала в местной газете объявление о наборе в труппу актеров-любителей и решила предложить свои услуги молодому театру,⁶ первое представление которого состоялось 26 декабря 1918 года. Сведения о первых неделях деятельности Русского театра в Таллине (Ревеле) обрывочны и неполны, поэтому затруднительно сказать, когда Арбенина дебютировала на ревельской сцене. Документально зафиксировано ее участие в спектакле по пьесе И. В. Шпажинского «Чародейка» 28 февраля 1919 года.⁷ На следующий день она участвует в музыкально-драматическом вечере в Русском театре в пользу Союза инженеров и заслуживает первого развернутого отзыва в местной печати: «При исключительно счастливых внешних данных, молодая артистка отличается тою искренностью и задушевностью тона, а также тою под-

6 *Arbenina S.* Op. cit. P. 242–243.

7 См. объявления (анонсы) о спектакле: Ревельское слово. 1919. 26 февр. № 75. С. 4; 27 февр. № 76. С. 4.

купающей простотою, которые свойственны только натурам, одаренным искрой Божией», – отмечалось в отзыве газеты «Ревельское слово» (1919. 4 марта. № 80. С. 3).

Арбенина очень быстро выдвигается в число ведущих актрис Русского театра, и именно ей поручают все главные роли в его постановках, среди которых преобладают, правда, развлекательные пьесы, рассчитанные на широкую публику. Некоторые из них вошли в излюбленный актрисой репертуар, и в них она выступала с неизменным успехом в течение многих лет: Мари Шарден в «Мечте любви» А.И. Косоротова, Вера Мирцева в одноименной пьесе Л. Урванцова, Трильби О'Ферель в «Трильби» Г.Г. Ге, Маргарита (Рита) Каваллини в «Романе» Э. Шельдона и др. Были и более серьезные роли: Лариса в «Бесприданнице» А.Н. Островского, Екатерина Ивановна в одноименной пьесе Л. Андреева. Почти сразу же Арбенина становится любимицей здешней публики⁸ и остается ею до конца своих выступлений в столице молодой Эстонской Республики. Отзывы театральных рецензентов о ее игре неизменно сугубо положительные, если не сказать хвалебные.⁹

В первые же месяцы ее выступлений в Таллине выявилась и многогранность ее таланта. Она особенно ярко проявлялась на всевозможных театральных вечерах с разнообразной программой, обычно устраиваемых с благотворительной целью. На них Арбенина выступала не только как драматическая актриса, но и как декламатор – с чтением современной поэзии (А. Блок, К. Бальмонт, В. Брюсов, Игорь Северянин и др.), как исполнительница музыкальных и танцевальных номеров – она великолепно пела и танцевала, поражая зрителей удивительной пластичностью.¹⁰

Летом 1919 года Арбенина выступала в Пскове, только недавно освобожденном от красных. Там она играла 19 августа в «Трильби», а 21 августа – в «Мечте любви». Но неожиданное наступление красных заставило актрису срочно прервать гастроли и за пять часов до занятия Пскова большевиками покинуть город вместе с эстонскими войсками. «Мои первые независимые театральные гастроли завершились поистине неожиданным и драматическим образом», – вспоминала позже С. Арбенина.¹¹

К началу следующего сезона – 1919/20 года – труппа ревельского Русского театра сформировалась окончательно: ее ядро составили С. Арбенина, Г. Г. Рахматов (в будущем художественный руководитель Русского театра в Париже), чуть позже вошедший в состав труппы А.Н. Кусковский и некоторые другие. Арбенину с полным основанием можно считать одной из тех, кто закладывал основы Русского театра в Таллине. «Стелла Романовна Арбенина – крупнейшая из местных художественных сил – и не только из местных», – резюмировал автор статьи в газете «Свобода России», посвященной открытию сезона в

8 См., напр., отзыв о спектакле по пьесе Г.Г. Ге «Трильби»: Русский театр. - Ревельское слово. 1919. 26 апр. № 120. С. 4.

9 См., напр.: Н. Каваллини и Трильби. - Новая Россия. 1919. 25 апр. № 35. С. 4.

10 См.: Прощальный вечер С.Р. Арбениной. - Телеграммы ежедневной демократической газеты «Новая Россия». 1919. 7 июня. № 17. С. 2. Ср. более поздние отзывы: *М-н Ксения*. Русский театр. - Свобода России. 1919. 21 сент. № 4. С. 3; *М-ий К*. Концерт С. Р. Арбениной. - Последние известия. 1920. 18 дек. № 109. С. 3.

11 *Arbenina S.* Op. cit. P. 252.

ревельском театре.¹²

Русский театр в Таллине работал в очень тяжелых условиях, не имея своего помещения; спектакли шли в Немецком театре. Русской театральной публики в Таллине было мало, и она была бедна, поэтому спектакли плохо посещались. Отсюда необходимость постоянно менять репертуар, редкие пьесы шли два–три раза в сезон. Каждую неделю актерам приходилось играть в трех новых постановках. Времени на подготовку спектаклей катастрофически не хватало, даже заучить роль было практически невозможно. Арбенину, правда, спасала блестящая память. В труппе театра преобладали молодые неопытные актеры из любителей. Не обходилось и без почти неизбежных в тогдашнем театре внутренних интриг, конфликтов, склок.

Приходится лишь удивляться энергии и работоспособности Арбениной, которая в этих условиях остается исполнительницей почти всех главных женских ролей в спектаклях Русского театра. Более того, теперь она порою выступает и в качестве режиссера–постановщика. В частности именно в ее постановке 3 ноября 1919 года идет «Пигмалион» Б. Шоу, в котором актриса к тому же играет роль Элизы. Среди наиболее удачных ее ролей – Мелиссанда в «Принцессе Грёзе» Э. Ростана и Маргарита Готье в «Даме с камелиями» А. Дюма.

С февраля 1920 года Арбенина, наряду с ревельским Русским театром, выступает и в Новом русском драматическом театре, созданном на базе бежавшей из Петрограда «Студии вольных комедиантов» под директорством Ф. Глазова, ориентировавшимся на новые течения в искусстве – чистую театральность, модернизм. В этом театре она играет в «Огнях Ивановой ночи» Г. Зудермана, в «Мисс Гоббс» Д.К. Джерома и др. Весной из-за внутренних конфликтов Арбенина вообще покидает Русский театр и вместе с Рахматовым и несколькими другими известными актерами переходит в труппу Ф. Глазова, которая в поисках зрителей перебирается в Тарту, где выступает под названием *Русского театра в Юрьеве*.¹³ Естественно, и здесь Арбенина остается «премьершей», играет главные роли в «Уриэле Акоста» К. Гуцкова, «Псише» Ю.Д. Беляева, «Санине» М.П. Арцыбашева, в «Тот, кто получает пощечины» и «Екатерине Ивановне» Л. Андреева и во многих других. Своим прекрасным исполнением она часто спасала от провала ничтожные, художественно слабые пьесы.

Лучший русский театральный критик тех дней в Эстонии Г. Тарасов, вообще предъявлявший очень высокие требования к актерам, подводя итоги сезона 1919/20 года в ревельском Русском театре, сурово отозвался о нем: указал на рутинность в постановке театрального дела, предпочтение коммерческих интересов творческим, на случайный и устаревший репертуар, ориентацию на невзыскательного зрителя и пр. Но все же в качестве

12 М-н Ксения. Цит. соч.

13 К. Б. Театр в Юрьеве. - Свобода России. 1920. 1 мая. № 97. С. 3; С. Р. Русская драматическая труппа в Юрьеве. - Последние известия. 1920. 14 авг. № 2. С. 3.

Тарасов Г. Сезон Русского театра (30 авг. 1919 – 30 мая 1920) - Облака. 1920. 2 июня. № 1. С. 12–13; 19 июня. № 3. С. 14.

положительного момента Г. Тарасов назвал формирование некоего «основного ядра» в театре, которое «вело дело <...> не за страх, а за совесть». Среди тех, кто входил в это ядро, Г. Тарасов первой указал на С. Арбенину, безусловно, талантливую актрису с великолепными внешними данными, «без достаточного, однако, опыта, заменять который ей иногда удавалось врожденной сценической тонкостью». Критик упрекал С. Арбенину и за то, что она берется играть любые роли, в том числе и такие, которые не подходят ее творческой натуре, вроде Катерины в «Грозе» А. Н. Островского.¹⁴ Замечания Г. Тарасова, вероятно, были справедливы, но надо принять во внимание, что сверхзагруженная Арбенина быстро набиралась опыта, ее игра постоянно совершенствовалась.

Осенью 1920 года антрепренером ревельского Русского театра стал опытный театраль- ный деятель А.В. Проников, постаравшийся создать сильный драматический коллектив. Арбенина возвращается в театр. Увы, ей вновь пришлось столкнуться с тем же, что и в предыдущем театральном сезоне: по 2–3 спектакля в неделю, причем обязательно новых. Она играла практически во всех спектаклях и, как и раньше, почти всегда в главных ролях. В ее репертуаре была русская (Островский) и мировая классика (Офелия в «Гамлете», Пор- ция в «Венецианском купце» и Дездемона в «Отелло» Шекспира), мелодрамы, светская французская комедия, психологические драмы, пьесы новейших русских и западноевро- пейских авторов, в том числе Г. Гауптмана, Г. Ибсена. Местные театральные рецензенты, как и прежде, с неизменной похвалой отзываются об игре С. Арбениной, отмечая ее любовь к театру, изящную простоту, умение вжиться в роль, создавать яркие сценические образы, особое лирическое «настроение» в спектакле. Критические замечания в ее адрес редки. Пожалуй, лишь Г. Тарасов, несколько недолюбливавший актрису, считал, что ей не хватает дара перевоплощения.¹⁵ В рецензиях на спектакли, в которых играла актриса, очень часто подчеркивалась любовь к ней публики. Свидетельством этого, в числе прочего, были и адресованные ей стихи местных поэтов, в частности ей посвящено стихотворение Б.В. Правдаина «С. Р. Арбенина»,¹⁶ написанное в стиле Игоря Северянина.

Особое внимание и зрителей, и критики привлекло исполнение Арбениной роли гер- цога Рейхштадтского в бенефисном спектакле 8 января 1921 года по пьесе Э. Ростана «Орле- нок». В этом спектакле ей пришлось играть мужскую роль юного героя. К тому же пьеса Ростана написана в стихах, типично французских, длинных, трудных для декламации, но Арбенина блестяще справилась со всеми трудностями.

«На фоне русского драматического театра в Ревеле, я даже сказал бы – в Эстии, крупным алмазом чистой воды горит талант Арбениной», – писал один из критиков.¹⁷

14 *Тарасов Г.* Сезон Русского театра (30 авг. 1919 – 30 мая 1920) - Облака. 1920. 2 июня. № 1. С. 12–13; 19 июня. № 3. С. 14.

15 Эту мысль он наиболее полно обосновал в статье: *Тарасов Г.* Об С.Р. Арбениной вообще и «Саломее» в частности. - Свободное слово. 1921. 2 авг. № 88. С. 3–4.

16 *Via sacra.* Альманах. Юрьев-Tartu, 1922. С. 75. Первопубликация: Последние известия. 1921. 23 февр. № 43. С. 3.

17 *Нестольцев А.* «А Пиппа пляшет...». - Последние известия. 1921. 15 янв. № 11. С. 3.

Поразительно: Арбенина, казалось, была до пределов загружена в Русском театре, но, тем не менее, она находила время для работы и в ревельском Немецком театре, в спектаклях которого к тому же она не только играла, но и выполняла обязанности постановщика. По-видимому, она принадлежала к тому редкому и зачастую мало ценимому типу людей, которым хочется всё попробовать, всё испытать, познать до конца все возможности своего дарования.

Ревельский Немецкий театр – с богатой, более чем столетней историей¹⁸ – в начале 1920-х гг. был, по существу, любительским,¹⁹ что, конечно, делало работу режиссера–постановщика здесь особенно трудоемкой и сложной.

В январе 1921 года Арбенина впервые выступает на немецкой сцене в пьесе С. Ланге «Месть Майи» в роли главной героини Майи фон Крог, затем, 7 марта, последовал новый спектакль – «Дама с камелиями» А. Дюма–младшего (Маргарита Готье), 4 апреля – «Огни Ивановой ночи» Г. Зудермана (Марикка), 18 мая – «Роман» Э. Шельдона (Маргарита Каваллини) и 20 мая – «Обнаженная» А. Батайля (Лулу). Во всех этих спектаклях С. Арбенина была и постановщиком. Позже некоторые из них были показаны и в Тарту. Несколько облегчало дело то обстоятельство, что Арбенина уже играла в большинстве этих пьес в Русском театре.

Немецкие и русские критики отмечали, что на сцене Немецкого театра она выступала столь же успешно, как и на сцене Русского, вызывая горячие аплодисменты публики.²⁰ Ее немецкий язык был безукоризнен, правда, актриса придерживалась прибалтийско–немецкого произношения, наиболее ей близкого и знакомого.²¹ Критики также дружно подчеркивали заслуги С. Арбениной–постановщика: ей удалось создать ансамбль из актеров–любителей.

Между тем в Русском театре как бы повторились события предыдущего сезона. В феврале 1921 года в труппе произошел очередной раскол: несогласные с линией, проводившейся А. В. Прониковым и в особенности постановщиком А. В. Чарским, чья режиссура выделялась своей рутинностью и провинциализмом, ведущие актеры – С.Р. Арбенина, Г.Г. Рахматов, В.И. Катенев и др. - уходят из театра и создают свою труппу под дирекцией Н.П. Улебова: она стала называться *Новым русским театром*, или *Труппой бывших артистов Русского драматического театра*.

18 Об истории ревельского Немецкого театра см.: *Rosen, Elisabet. Rückblicke auf die Pflege der Schauspielkunst in Reval. S. I., 1910.*

19 См. об этом: *Schwarz, Hugo. Bericht der Liebhabertruppe des Deutschen Theatervereins über ihre bisherige Tätigkeit. - Revaler Bote. 1921. 20. Juni. Nr. 134. S. 1.*

20 См.: *-ar. Deutsche Theateraufführung. - Revaler Bote. 1921. 29. Jan. Nr. 23. S. 3; Мюллер Э. Месть Майи (Немецкий любительский спектакль). - Последние известия. 1921. 1 февр. № 25. С. 3; -ar. Deutsches Theater. -Revaler Bote. 1921. 10. März. Nr. 54. S. 3; 7. Apr. Nr. 74. S. 3; Эсмен. «Дама с камелиями». - Последние известия. 1921. 12 марта. № 58. С. 3; Манский М. «Огни Ивановой ночи». Немецкий любительский спектакль. - Последние известия. 1921. 21 апр. № 92. С. 3; -ar. Deutsches Theater. - Revaler Bote. 1921. 20. Mai. Nr. 108. S. 3.*

21 Все же один из критиков рекомендовал ей придерживаться принятого в Германии литературного произношения, см.: *-ar. Deutsches Theater. - Revaler Bote. 1921. 10. März. Nr. 54. S. 3.*

Поначалу все же разрыв был не полным: 1 марта «протестанты» приняли участие в бенефисе Л. Эберга в Русском театре, когда был поставлен «Маскарад» М. Ю. Лермонтова. В этом спектакле Арбенина исполняла роль Нины. Как писал рецензент, «роль Нины г-жа Арбенина может причислить к лучшим в своем обширном репертуаре. Сцена смерти захватила своей реальностью, проникновенностью исполнения и истинным драматизмом»²². Он же отметил умение Арбениной мастерски декламировать стихи, что удается немногим.

Но все же в дальнейшем она, в основном, выступала только в составе новой труппы с уже знакомым нам репертуаром. Можно отметить постановку 15 апреля 1921 года в Новом русском театре пьесы местного русского автора Ярослава Воинова «Паутина», посвященной С. Р. Арбениной.²³

С мая 1921 года, как и в предыдущем году, труппа перемещается в Тарту, где выступает под уже знакомым нам названием *Русского театра в Юрьеве*. В печати высказывалось мнение, что «труппа, играющая вместе с С.Р. Арбениной, составлена ею самой и за короткий срок благодаря талантливому руководству С. Р. хорошо сыгралась».²⁴ Это утверждение все же нуждается в проверке. В Тарту труппой был осуществлен ряд интересных постановок: выступления театра в Тарту начались спектаклем по пьесе Л. Андреева «Жизнь Человека» (С. Арбенина в роли Жены Человека), причем постановщиком спектакля был, пожалуй, наиболее талантливый и знаменитый эстонский режиссер тех лет Пауль Сепп. Затем последовали инсценировка «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского, которая шла в течение двух вечеров, «А Пиппа танцует» Г. Гауптмана, «Огни Ивановой ночи» Г. Зудермана (в постановке Арбениной) и др. Выступления Арбениной в Тарту завершились в конце июля спектаклем «Саломея» О.Уайльда, вызвавшим огромный интерес у зрителей²⁵, 29 июля 1921 года спектакль был показан и в Таллине. Это было ее прощальное выступление в Эстонии перед отъездом за границу.

За два с половиной года пребывания в Эстонии С. Арбенина, по ее собственному признанию, сыграла более ста самых разных ролей, причем, как правило, это были главные роли в шедших один за другим спектаклях. Актриса очень уставала и не была уверена, выдержит ли она еще один такой сезон, кроме того – и это, быть может, главное – Арбенина чувствовала, что достигла предела профессионального роста в Эстонии, где ей, в сущности, не с кем было соперничать.²⁶

За почти «три года сценической деятельности С.Р. Арбениной в Ревеле перед зрителем прошло великое множество пьес самого разнообразного жанра, – начиная с трагедий, драм и кончая комедийными пустяками, – исполненных русской труппой с постоянно менявшимся составом, но при неизменном участии г-жи Арбениной, – писал театральный

22 Лучинин Л. «Маскарад» (Бенефис г. Эберга). - Последние известия. 1921. 5 марта. № 51. С. 3.

23 Лучинин Л. «Паутина» Яр. Воинова. - Последние известия. 1921. 20 апр. № 91. С. 4.

24 Свободное слово. 1921. 31 мая. № 35. С. 3 [Театральная хроника].

25 См.: Анофриев, Вад. Русский театр в Юрьеве. – «Саломея». - Последние известия. 1921. 17 июля. № 173. С. 3–4.

26 *Arbenina S.* Op. cit. P. 272.

критик «Последних известий», ведущей русской газеты в Эстонии тех лет. – Сколько раз за этот период артистка объединяла вокруг себя всё новые артистические силы, оставаясь средоточием и опорой Русского театра».

Указав на крайне трудные условия работы театра, критик отмечал далее, что «Стелла Романовна всегда не только с честью выходила из испытания, не показывая и признаков утомления, но каждый созданный ею образ отличался большой продуманностью, законченностью и свидетельствовал о крупном таланте, который побеждал все трудности и служил артистке неисчерпаемым источником энергии».²⁷ Критик отметил разнообразие женских типов, женских характеров, представленных Арбениной на сцене русского театра в Таллине и Тарту.

Эстонский период (1919–1921) в творческой биографии С. Арбениной стал своеобразным завершением ее становления как актрисы, периодом подготовки зрелой знаменитой Стеллы Арбениной, пробившей себе путь на немецкую, а затем и английскую сцену. В эти годы был заложен фундамент будущей блистательной актерской карьеры С. Арбениной. В этом значение эстонского периода в ее жизни.

Но не менее важен он для истории русского театра в Эстонии, судьба которого была нелегкой.²⁸ Как мы уже отметили выше, Арбенина была в числе тех, кто закладывал основы профессионального, постоянно действующего русского театра в Эстонии (напоминаем, что такого театра до 1919 года фактически не было, хотя неоднократно предпринимались попытки его создания). Очень характерно признание одного из современников: вспоминая выступления С. Арбениной в Ревеле 1919–1921 гг., он заметил, что «талант этой артистки почти отождествлялся здесь с правдой и высотой русского драматического искусства».²⁹ Спектакли с ее участием охотно посещались и эстонцами, в ту пору в подавляющем большинстве хорошо владевшими русским языком.

С. Арбенина оставила свой след и в истории немецкого театра в Таллине.

В августе 1921 года Арбенина отправилась в Берлин. Сначала она некоторое время играла в постановке пьесы И.Н. Потапенко «Чужие» в берлинском Русском театре (дирекция Мери Бран), выступавшем в помещении «Theater des Westens».³⁰ Ю. Офросимов писал, что это «был один из самых светлых спектаклей в эмиграции»³¹; он, действительно, был признан одной из лучших работ Русского театра в Берлине. Но сам этот театр испытывал финансовые трудности, спектакли в нем шли непостоянно, время от времени, перспективы его были неясными.

Арбенина стремится в немецкий театр и прежде всего в прославленный рейнхардтовский театральный «концерн» в Берлине, включавший «Deutsches Theater», «Kammerspiele»

27 Манский М. К отъезду С. Р. Арбениной. - Последние известия. 1921. 29 июля. № 183. С. 3.

28 См. об этом: Русская сцена в Эстонии. Очерки истории русского театра. Ч. I. Таллин, [1998].

29 Бакструб. К выступлениям Арбениной. - Последние известия. 1922. 2 нояб. № 254. С. 3.

30 Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941 / Hrsg. K. Schlögel, K. Kucher, B. Suchy, G. Thun. Berlin, 1999. S. 73–74.

31 Цит. по: Манский М. С.Р. Арбенина. - Последние известия. 1921. 12 окт. № 247. С. 3–4.

и «Grosses Schauspielhaus». Их художественным руководителем был всемирно знаменитый режиссер Макс Рейнхардт, прокладывавший новые пути в театральном искусстве, директором «концерна» был Феликс Холендер. Попасть в труппу этих театров, представлявших одну из вершин тогдашнего мирового театрального искусства, даже для немецких актеров было делом чрезвычайно трудным, но Стелле Арбениной это удалось: Ф. Холендер заключил с ней контракт на три года. «Это громадное достижение С. Р. Арбениной, кажущееся почти невероятным, – писал один из театральных обозревателей. – Головокружительная быстрота, с которой С. Р. Арбенина прошла самые трудные ступени на пути к настоящему сценическому творчеству, ожидающему ее в серьезных художественных театрах германской столицы, – лучшая похвала нашей талантливой артистке, начавшей свой славный путь на подмостках ревельского театра».³²

Ф. Холендер предложил Арбениной роль в комедии Тристана Бернара «Птичий двор». Дебют С. Арбениной на сцене «Kammerspiele» («Камерного театра») состоялся 3 октября 1921 года. Пьеса Т. Бернара пользовалась успехом у зрителей и продержалась в репертуаре театра до середины зимы. Арбенина получила известность в Берлине как талантливая актриса, ее приглашают сниматься в кино. Уже через месяц после дебюта на берлинской сцене она получила главную роль в фильме известного немецкого кинорежиссера Ф.В. Мурнау «Проклятая земля», позже признанного лучшим фильмом года в Германии. И здесь ярко проявились талант и индивидуальность актрисы. В фильме «Арбенина – та, какою ее знали по сцене Русского театра: изящная, женственная, с прекрасными чертами своего одухотворенного лица и глубокими, горящими глазами, – писал кинообозреватель ревельской газеты „Последние известия“. – Простота, жизненность игры и жеста Арбениной остались такими же и на ленте кинематографической, как и на сцене. Игра Арбениной в фокусе киноаппарата психологично-правдива».³³

Вслед за тем она выступает в том же берлинском Камерном театре в популярной пьесе австрийского драматурга Артура Шницлера «Анатоль». Но актрису не очень устраивают предложенные ей роли, и она находит удовлетворение в кино: за 18 месяцев своего пребывания в Берлине Арбенина сыграла в 8 фильмах.³⁴

В начале следующего театрального сезона выясняется, что в рейнхардтовских театрах для С. Арбениной нет подходящей роли. Она получает зарплату, но не выступает. Актриса расторгает контракт с Холендером и решает на некоторое время вернуться в ставший ей уже родным Ревель, куда она приезжает в последних числах октября и с начала ноября 1922 до конца января 1923 года выступает на местной сцене в Русском и Немецком театрах. Публика встречает ее исключительно тепло. Она играет в семнадцати русских и четырех немецких пьесах (в воспоминаниях она, правда, писала о 14 русских и 3 немецких пьесах). Позже Арбенина вспоминала, какую радость испытывала от возможности играть по-русски:

32 *Манский М.* С. Р. Арбенина. - Последние известия. 1921. 12 окт. № 247. С. 3–4.

33 *Пассаж Л. А.* – «Проклятая земля». - Последние известия. 1922. 4 окт. № 229. С. 3.

34 *Arbenina S.* Op. cit. P. 282.

«Я с наслаждением заучивала наизусть фразы на русском языке – самом красивом из всех сценических языков мира».³⁵ Помимо любимых публикой пьес из ее прежнего репертуара Арбенина играла в «Я так хочу» С. Моэма, в «Осенних скрипках» И. Сургучева (Варвара Васильевна), во «Второй молодости» П. Неvejeина (Татьяна), «Живом труппе» Л. Н. Толстого (цыганка Маша) и др. Особенный успех имело исполнение актрисой заглавной роли в бенефисном спектакле 4 января 1923 года по пьесе Т. А. Щепкиной–Куперник «Флавия Тессини».

«Это был спектакль подлинного вдохновения, – писал Л. Лучинин. – Арбенина здесь достигла той силы художественного переживания, какая дается актеру только тогда, когда облик, зачерченный автором, затронул, захватил, впитался в душу. Ум и творчество, стихийное, всепобедное, делают остальное <...>. Такой естественности и такого горячего дыхания жизни, какие были у Арбениной в этой роли, не сделаешь никакой, самой блестящей техникой. Тут еще нужен пульс, нужно биение собственного сердца. Не было ни одного момента, позы, интонации, штриха, которым не поверишь. От начала до конца всё – полно, правдиво и искренно».³⁶

Тот же Леонид Лучинин попытался в другой публикации ответить на вопрос, что же привлекает зрителей в игре Стеллы Арбениной, в чем причина ее огромного успеха у публики:

«Арбенина, помимо своего дара, тонкого ума, чеканки ролей, обладает еще особым, каким-то своеобразным *charm*'ом. В чем он? Это не поддается учету. В голосе, глазах, манере игры, жесте... В этом отношении она близка В. Ф. Комиссаржевской. Та тоже захватывала, чаровала, проникала чем-то своим, присущим только ей одной. Савину ставили выше. Перед ней преклонялись, чтили. Комиссаржевскую – любили. Тот же путь у Арбениной. Ее любили. Безотчетно, безоговорочно, искренно. Спектакли с ее участием переполняют театр; ее слушают, плачут ее слезами. В особенности – плачут. Есть в душе какая-то струна, которая звенит, натягивается, издает стон. Арбенина умеет коснуться этой струны. Трогательно, печально, тепло».³⁷

В Немецком театре С. Арбенина выступала в «Веере леди Уиндермир» О. Уайльда (в роли Эрлинн), в поставленной ею самой драме Г. Зудермана «Хорошая репутация», в «Норе» Г. Ибсена (в заглавной роли) и в «Анатоле» А. Шницлера. О «Веере леди Уиндермир» немецкий театральный рецензент писал, что такого накала эмоций зрительный зал Немецкого театра давно не переживал³⁸, а ибсеновская «Нора» с ее участием «стала вершинным пунктом в нынешнем сезоне Немецкого театра».³⁹

В феврале 1923 года Арбенина возвращается в Берлин, где играет в «Deutsches The-

35 *Arbenina S.* Op. cit. P. 282.

36 *Лучинин Л.* «Флавия Тессини» (Бенефис С. Р. Арбениной). - Последние известия. 1923. 6 янв. № 5. С. 3.

37 *Лучинин Л.* Арбенина. - Последние известия. 1923. 4 янв. № 3. С. 3.

38 -rr. Deutsches Theater. - Revaler Bote. 1922. 24. Nov. Nr. 265. S. 3.

39 -rr. Deutsches Theater. - Revaler Bote. 1922. 5. Dez. Nr. 274. S. 3.

ater» («Немецкий театр») в пьесе Ю. Уолтера «Самый легкий путь». Любопытно, что ей была дана роль, которую надо было исполнять на английском языке. Затем в «Renaissance Theater» («Ренессансный театр») она выступает в роли графини в инсценировке «Гобсека» О. Бальзака и в некоторых других спектаклях. Если верить воспоминаниям актрисы, тогда же она получает предложение сыграть в «Марии Стюарт» Фр. Шиллера в «Staatstheater» («Государственном театре»)⁴⁰, но ей хочется чего-то более определенного, устойчивого.

В июне 1923 года Арбенина отправляется в Лондон. Там она знакомится с актером и драматургом Деннисом Иди, который предлагает ей роль Антуанетты де Мобан в пьесе «Пленник Зенды», готовящейся к постановке в «Haymarket Theatre». Она должна была играть в компании звезд английского театра Фэй Комптон и Роберта Лорейна. Дебют Арбениной на английской сцене состоялся 23 августа 1923 года. Выступление русской актрисы было доброжелательно встречено прессой: противопоставляя недостатки игры ведущих актеров мастерству дебютантки, газета «Дейли Телеграф» отмечала, что в манере игры Арбениной наблюдается «глубина во всем – во взгляде, шепоте, движениях; ее метод – это необычайно эффективное спокойствие и много силы, которая может быть задействована с еще большим эффектом, когда того требует ситуация. Мисс Арбенина дебютировала в компании выдающихся актеров на знаменитых подмостках, она выдержала испытание с триумфом и обогатила своим вступлением лондонскую сцену».⁴¹

Так в творческой биографии С. Арбениной начался многолетний английский период, который заслуживает специального рассмотрения. В рамках нашей небольшой статьи мы лишь отметим, что она играла на сценах многих лондонских театров, гастролировала с ними за границей, выступала в кино, как английском, так и французском. Она быстро завоевала известность в театральных кругах Лондона, любовь и популярность у публики. Когда в конце следующего, 1924, года Арбенина вновь приехала в Таллин, в местной печати отмечали, что в Лондоне она «выступала в театрах St. Martin и Haymarket. Пьесы с ее участием выдержали на этих сценах одна свыше двухсот, другая – около полутора ста представлений. Отзывы лондонской печати об Арбениной полны похвал, отмечающих тонкую и изящную манеру игры талантливой русской артистки, признанной и в Англии своею».⁴² В 1925 году в Everyman Theatre Арбенина выступала в роли Валентины в пьесе «Лишний человек», специально для нее написанной, – успех был шумный.⁴³

Известно, что в первой половине XX века в Лондоне, как это ни странно, почти не было постоянных «репертуарных» театров – существовало около тридцати театральных площадок, где играли разные труппы, обычно заключавшие контракты с актерами лишь на одну конкретную постановку, шедшую до тех пор, пока находились для нее зрители. Арбенина играла, кроме перечисленных выше, в Arts Theatre, Criterion Theatre, Regent Theatre, Globe

40 *Arbenina S.* Op. cit. P. 283–284.

41 *The Daily Telegraph.* 1923. 24. Aug. P. 10.

42 *Последние известия.* 1924. 21 дек. № 325. С. 3 [Театральная хроника].

43 *Бакструб А.* У Арбениной. – *Последние известия.* 1925. 5 дек. № 281. С. 3.

Theatre, Scala Theatre, Royal Court Theatre, Little Theatre, New Theatre, His Majesty's Theatre, Apollo Theatre, Duke of York's Theatre, Playhouse, Prince's Theatre, "Q" Theatre и др. Среди множества исполненных ею ролей – Регана в «Короле Лире» и Клеопатра в «Антонии и Клеопатре» Шекспира, Эльмира в «Тартюфе» Мольера, Настасья Филипповна в инсценировке «Идиота» Достоевского и др. Из поездок за рубеж Арбениной особенно запомнились двухмесячные гастролы в 1929 году в Египте – в Каире и Александрии, где она играла Клеопатру в «Антонии и Клеопатре» и Розалинду в «Как вам это понравится» Шекспира.⁴⁴

Осталось рассказать о позднейших выступлениях С. Арбениной в Эстонии, куда актриса довольно часто приезжала к семье. Известно, что в 1926–1929 гг. ее дочери Елена и Ирина учились в Таллине в немецкой школе для девочек.⁴⁵ Нередко свои приезды к семье Стелла Романовна сочетала с гастрольными выступлениями на сценах таллинских Русского и Немецкого театров. Ее влекла к себе русская сцена, русская речь, по которой она соскучилась в Лондоне, даже природа Эстонии, так напоминавшая русскую...

В одном из интервью во время очередного приезда в Таллин она признавалась, что «сильно стосковалась по Эстонии»:

« – Какая для меня радость была <...> вновь увидеть Ревель, покрытый пеленой девственно-чистого снега. Куда ни помотришь – везде снег и снег... Запахло милой, дорогой Россией–матушкой...

На ресницах заблестели слезы. Вздохнула...

– Когда я здесь, среди этого снега, так близко напоминающего Россию, ехала на санях, мне больно кольнуло в сердце: я думала о Родине, и почему-то мне казалось, что уже никогда больше не увижу ее». ⁴⁶

Аналогичные чувства испытывали многие русские эмигранты, так охотно посещавшие Эстонию в 1920–1930-е гг.

Во время этих гастрольных представлений Арбенина главным образом выступала в легких салонных комедиях французских и английских авторов, которые преобладали в репертуаре местных театров и пользовались наибольшим успехом у широкой публики; главные женские роли в такого рода комедиях, кстати, всегда особенно удавались актрисе. К тому же, как справедливо заметил один из театральных критиков, «было очевидно: какую бы пьесу ни избрали для гастролы С. Арбениной, публика все равно пришла бы не „на пьесу“, а ради гастролерши».⁴⁷

Впервые после того, как Арбенина окончательно обосновалась в Лондоне, она гастролеровала в Эстонии в конце декабря 1924 – начале января 1925 года; на сцене Русского театра она выступала в драме Г. Зудермана «Родина» (в роли Магды), в своей коронной

44 Stella Arbenina über ihre ägyptische Tournee. - Revaler Bote. 1929. 18. Jan. Nr. 15. Beilage.

45 Album der Howenschen und Elisen-Schule. Reval, 1930. S. 270. Приносим благодарность Э. Кампусу за указание на этот источник.

46 Бакструб А. У Арбениной. - Последние известия. 1925. 5 дек. № 281. С. 3.

47 М. Спектакль С. Арбениной и Юр. Юровского. - Вести дня. 1935. 18 марта. № 66. С. 2.

роли итальянской певицы Каваллини в пьесе Э. Шельдона «Роман» и в других постановках при полном зале и неизменно с большим успехом.⁴⁸

Арбенина вновь побывала в Эстонии в декабре 1925 – январе 1926 года. На этот раз она выступала в Таллине и Тарту в восьми постановках Русского театра («Вера Мирцева» и «Благодать» Л. Урванцова, «Мечта любви» А. Косоротова, «Балерина короля» Л. Штейна и Р. Преслера и др.) и в одной – Немецкого театра («Пигмалион» Бернарда Шоу; постановщик и исполнитель роли Элизы). Автором отзывов на эти спектакли в русской прессе был тот самый Г. Тарасов, который еще несколько лет тому назад относился к Арбениной с известным предубеждением. Теперь критик в полной мере признал талант актрисы, ее мастерство и особый шарм. Ключевыми словами в его отзывах о выступлениях Стеллы Арбениной были – «т о н к о, у м н о и п р е к р а с н о».⁴⁹ О спектакле по пьесе Л. Урванцова «Вера Мирцева» Г. Тарасов писал: «Арбенина – превосходная Мирцева <...>. Ее можно представить и по-иному, но то, что дает нам г-жа Арбенина, очень хорошо и интересно. Зрительно – всё выше похвалы: на редкость прекрасная наружность, благородная эlegantность (редкое совпадение этих двух не очень-то родственных качеств), своеобразный *charme* <...>. В ее движениях нет ни одного «пустого места», ничто не сделано «так себе». Возможно, что эта прекрасная подробность – результат работы в кино <...>. По внутреннему содержанию у Арбениной–Мирцевой преобладают тона мягкого лиризма, душевной нежности, нервной утомленности».⁵⁰ В отзыве о представлении «Благодати» Л. Урванцова тот же Г. Тарасов отметил, что роль Варвары Михайловны в спектакле «самая яркая и значительная. В ней артистка использовала лучшие стороны отпущенной ей Господом Богом благодати: подкупающий *charme* всей своей артистической личности, способность бисерно и умно отделывать детали и, конечно, присущий ей в большой степени комедийный талант».⁵¹ Наконец, в отзыве о спектакле «Балерина короля» Г. Тарасов утверждал: «Арбенина дала публике то, чего, главным образом, ждет от сцены истинный театрал: к р а с и в о е з р е л и щ е, п а р а д н о с т ь, о ч а р о в а н и е <...>. Она как умная, интеллигентная артистка умеет избегать подводных камней и всегда выходила победительницей».⁵²

Театральный рецензент немецкой газеты «Revaler Bote» отметил, что Арбенина – всеобщая любимица таллинской публики, вне зависимости от национальности или сословной принадлежности зрителей.⁵³ В *pendant* этому можно отметить, что Арбенина с успехом играла героинь разных национальностей, представительниц разных национальных культур и разных социальных прослоек общества.

48 См. отзывы критики: *Алексеев М.* «Родина». - Последние известия. 1924. 23 дек. № 326. С. 3; *Т-ов С.* Арбенина. - Там же. 1924. 29 дек. № 328. С. 4; *Владимиров Я.* С. Р. Арбенина. - Там же. 1925. 4 янв. № 3. С. 4; *Воинов Яр.* «Роман». - Там же. 1925. 7 янв. № 4. С. 4. См. также отзывы немецкой прессы: *Russisches Theater.* - *Revaler Bote.* 1924. 30. Dez. Nr. 295; 1925. 7. Jan. Nr. 4. Beilage.

49 *Т<арас>-ов Г.* С.Р. Арбенина. Ее бенефис. - Последние известия. 1926. 5 янв. № 2. С. 3.

50 *Тарасов Г.* «Вера Мирцева». 1-ая гастроль С.Р. Арбениной. - Последние известия. 1925. 8 дек. № 283. С. 3.

51 *Т<арас>-ов Г.* «Благодать». 3-я гастроль С.Р. Арбениной. - Последние известия. 1925. 15 дек. № 289. С. 3.

52 *Т<арас>-ов Г.* С.Р. Арбенина. Ее бенефис. - Последние известия. 1926. 5 янв. № 2. С. 3.

53 *Russisches Theater.* - *Revaler Bote.* 1925. 7. Dez. Nr. 279. 1. Beilage.

В мае 1927 года она приезжала в Таллин на очень короткий срок, но все же успела выступить в одном представлении Русского театра («Вторая м-с Тэнкерей» А. Пинеро) и в одном – Немецкого («Конец м-с Ченей» Ф. Лонсдаля).

Следующие более длительные гастроли Арбениной в Эстонии падают на декабрь 1927 – январь 1928 года. Без сомнения, пиком, кульминационным пунктом их была осуществленная Паулем Сеппом 15 декабря 1927 года постановка инсценировки романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», признанная «одной из самых замечательных постановок Русского театра»⁵⁴ 1920-х гг. вообще. Ее украшали прекрасные декорации О. Обольяниновой и музыка местного композитора И. Васильева. В спектакле были превосходные массовые сцены, в которых участвовало 60 человек, среди них учащиеся эстонской Драматической студии, руководимой П. Сеппом. На роль Квазимодо был приглашен один из самых крупных эстонских актеров XX в. Хуго Лаур; в постановке участвовали и другие эстонские артисты. Арбенина с блеском исполнила в спектакле роль Эсмеральды. О большом успехе постановки свидетельствовал тот факт, что спектакль «Собор Парижской Богоматери» с ее участием был повторен еще дважды (редкость на сцене Русского театра!) и оставался в репертуаре театра после отъезда артистки, причем на роль Эсмеральды была приглашена одна из лучших эстонских актрис тех лет Эрна Вильмер.

Арбенина успешно выступала и в других постановках Русского театра – большей частью салонного комедийного плана («Танец полуночи» Ш. Мерэ; «Маска и лицо» С. Фернальда, где С. Арбенина играла Сабину, а известный эстонский актер, в будущем Народный артист СССР Антс Лаутер – Марио; «Ты на мне женишься» Л. Вернейля). Пожалуй, лишь в одном спектакле удача ей изменила – в рисующей современный советский быт пьесе А. Толстого «Чудеса в решете», где она играла роль Любы Кругловой. Как отмечали рецензенты, в этой роли актриса чувствовала себя «не в своей тарелке», мешал ее «сценический европеизм».⁵⁵ Играла она и в Немецком театре (в «Дешевой добродетели» Н. Коварда).

В январе 1929 года гастроли Арбениной в Русском театре не состоялись, хотя переговоры об этом велись.⁵⁶ Единственное выступление актрисы имело место в Немецком театре, где она сыграла роль Глэдис О'Хеллорен и выступила в роли постановщика в комедии Юлиуса Берстля «Дувр – Кале».

Последнее известное нам выступление Арбениной на эстонской сцене относится к марту 1935 года. Стелла Романовна по-прежнему стремилась хотя бы изредка играть по-русски, однако к середине 1930-х гг. такого рода возможности на театральных подмостках Европы были сведены к минимуму. В 1934/35 году она продолжительное время выступала в Риге в Театре русской драмы, пожалуй, лучшем русском театральном коллективе тех лет за рубежом. Оттуда, из Риги, актриса и приехала в марте 1935 года в Эстонию, чтобы дать

54 М. «Собор Парижской Богоматери». - Вести дня. 1927. 17 дек. № 342. С. 2.

55 В<оин>-ов Яр. «Чудеса в решете». - Наша газета. 1927. 30 дек. № 235. С. 4. Ср.: М. «Чудеса в решете». - Вести дня. 1927. 30 дек. № 353. С. 2.

56 Русские спектакли С. Арбениной не состоятся. - Вести дня. 1929. 10 янв. № 9. С. 2.

вместе со своим партнером по рижскому театру Юр.Юровским в Тарту и Таллине по одному спектаклю – «Во имя любви» Ю. Уолтера. «Своей вчерашней гастролью Стелла Арбенина доказала, что ее популярность у таллинской публики не только осталась прежней, но даже, как будто, возросла, – писал театральный критик таллинской газеты „Вести дня” – Одно из наиболее ценных достоинств С. Арбениной – удивительная музыкальность ее речи. Это захватывает слушателя с первых же ее реплик. В интонациях, мягких, ласкающих слух модуляциях голоса артистки какая-то неувядающая свежесть, молодость, искренность <...>. Впечатление получилось яркое и цельное <...>.

Публика принимала лондонскую гостью и ее рижского партнера бурными и восторженными аплодисментами, и С. Арбенина, вызванная за занавес, обратилась к ней со словами благодарности: сердечный прием ее глубоко тронул, и нигде она себя не чувствует так „дома”, как в Таллине».⁵⁷

И это неудивительно: в Великобритании незаурядный талант Арбениной все же оказался не вполне востребованным. В отличие от Эстонии на английских подмостках она выступала в эти годы главным образом в ролях второго плана, в британском кино чаще всего играла саму себя: аристократическую даму с изысканными манерами, свободно говорящую на нескольких европейских языках, или добропорядочную мать хорошо обеспеченного семейства.

Насколько можно судить по печатным источникам, последним выступлением Арбениной на профессиональной сцене стала роль императрицы Елизаветы в мюзикле Э. Машвица, Ф. Томпсона и Г. Болтона «Венгерская мелодия» (1939), о которой рецензент газеты «Таймс» писал: «Трудно вообразить кого-нибудь еще, кто мог бы сыграть эту роль более грациозно. И, действительно, в исполнении г-жи Арбениной доброжелательное вмешательство императрицы производит самый значительный драматический эффект на протяжении всего представления».⁵⁸

Последним фильмом, в котором сыграла Арбенина, был выпущенный в прокат в августе 1939 года «Аутсайдер» – история костоправа без квалификации, который вылечивает парализованную дочь одного врача.

Завершение профессиональной карьеры С. Арбениной совпало по времени с началом Второй мировой войны. Вероятно, в новой обстановке, когда количество театральных и кино постановок резко сократилось, ей стало намного труднее находить ангажемент. Не исключено, впрочем, что она вполне сознательно сама решила уйти на покой...

С. Р. Арбенина умерла 26 апреля 1976 года. Хотя между уходом со сцены и кончиной актрисы прошло около тридцати пяти лет, она не была забыта. В некрологе в газете «Таймс» говорилось: «Стеллой много восхищались как актрисой – красивой, элегантной, с чарующим голосом. Ее любили и как человека: ее яркой и щедрой индивидуальности будет очень не хватать».⁵⁹

57 М. Спектакль С. Арбениной и Юр. Юровского. - Вести дня. 1935. 18 марта. № 66. С. 2.

58 The Times. 1939. 21. Jan. P. 10.

59 The Times. 1976. 5. May. P. 18.

Стелла Арбенина. Лондон, 1924 г.

Славист Сергей Штейн и Тартуский университет (1919–1928)

Галина Пономарева (Таллин), Татьяна Шор (Тарту)

В течение XIX века Дерптский, а затем Юрьевский университет, в отношении постановки славистического курса, конечно, нельзя было сопоставить со столичными университетами России. Все же и в это время здесь работали такие известные слависты, как А.С. Кайсаров¹ (о нем см. Лотман 1958), А.А. Котляревский², И.А. Бодуэн де Куртенэ³, П.А. Висковатов⁴ и Е.В. Петухов.⁵ По вполне справедливому замечанию С. Г. Исакова, в первой национальной высшей эстонской школе, созданной на базе бывшего Юрьевско-Дерптского университета, славистика в составе отделения индоевропейских языков философского факультета занимала довольно скромное место.⁶ Тем не менее, преподавание русского и других славянских языков, а также чтение курсов по русской и славянской литературам не прекратилось. Наряду с доцентом Виллемом Эрнитсом⁷ и лектором русского языка Борисом Правдиным⁸ свой вклад в преподавание этих дисциплин в Тартуском университете внес приват-доцент С.В. Штейн.

Литератор, переводчик и мемуарист Сергей Владимирович Штейн (1882–1955) родился в Петербурге в семье служащего Петербургской Академии наук Владимира Ивановича Штейна. Штейны, несмотря на немецкие корни, по прадеду Францу Штейну были католиками и принадлежали к польскому дворянству, отсюда, по-видимому, и особый интерес С.В. Штейна к польской литературе⁹. Дед, Иван Францевич Штейн, дослужился до полковника российской армии, а отец, В.И. Штейн, предпочел военной карьере гражданскую. В образованных петербургских кругах он был известен как автор книг об итальянском поэте Леопарди и немецком философе Шопенгауэре. Сергей Штейн получил хорошее образова-

-
- 1 Лотман Ю.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. – Уч. Зап. ТГУ. Вып.63. Тарту, 1958.
 - 2 Issakov, Sergei, Smirnov, Savvati. Vene ja slaavi filoloogia Tartu Ülikoolis. - Keel ja Kirjandus, 1982. №9, lk.476–477.
 - 3 Дуличенко А.Д. Славянское языкознание в Тарту в XIX-XX веках. *200 лет русско-славянской филологии в Тарту* / Ред. А. Дуличенко. Тарту, 2003. С.37-43.
- Лаптева А.П. Российский филолог-славист Е. В. Петухов и его деятельность в Юрьевском университете. - *200 лет русско-славянской филологии в Тарту* / Ред. А. Дуличенко. Тарту, 2003. С.325–335.
 - 4 Лаптева А.П. Российский филолог-славист Е. В. Петухов и его деятельность в Юрьевском университете. - *200 лет русско-славянской филологии в Тарту* / Ред. А. Дуличенко. Тарту, 2003. С.325–335.
 - 5 Лаптева А.П. Российский филолог-славист Е. В. Петухов и его деятельность в Юрьевском университете. - *200 лет русско-славянской филологии в Тарту* / Ред. А. Дуличенко. Тарту, 2003. С.325–335.
 - 6 Исаков С.Г. Основные этапы развития русского литературоведения в Тартуском университете. - *200 лет русско-славянской филологии в Тарту* / Ред. А. Дуличенко. Тарту, 2003. С.25-26.
 - 7 Пономарева Г., Шор Т. Славянская филология в Тартуском университете в 1941–1944 гг. – *Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение*, Новая серия. 2008. №. 6. С.289–291.
 - 8 Исаков С.Г. Русские в Эстонии: 1918-1940: историко-культурные очерки. Тарту, 1996.
 - 9 ОР ПД 541–1–1: 18

ние. Он обучался в престижной Петербургской гимназии Мая, а затем в Петербургском университете. В то время там учился и Александр Блок, с которым молодой С.В. Штейн, разумеется, был знаком, хотя и не входил в круг друзей поэта.¹⁰ Уже в начале 1900-х гг. Штейн активно занялся публицистикой, сотрудничая в известных русских журналах - «Историческом вестнике», «Библиофиле», «Славянских известиях», а кроме того, он редактировал газету «Слово». В 1908 году вышла его книга «Славянские поэты. Характеристики и переводы», в которой он зарекомендовал себя подающим надежды переводчиком со славянских языков.

Революция разрушила творческие планы Штейна в России. В эмиграции он сначала с 1919 по 1928 год жил в Эстонии, где наряду с активной научно-преподавательской и общественной деятельностью работал в различных повременных изданиях того времени. С конца 1926 по май 1927 год он редактировал таллинскую газету «Последние известия». После неудачной попытки защитить докторскую диссертацию в Тарту Штейн короткое время пребывал в Латвии, откуда в 1931 году переселился в Югославию. Югославский период и последние годы жизни Штейна в Германии освещены в работе хорватской исследовательницы Ирены Лукшич «*Ruski emigranti u Jugoslaviji između dva rata*».¹¹

Литературно-публицистическая сторона деятельности С.В. Штейна в русской прессе Эстонии, вкпе со скандальной историей защиты его докторской диссертации, известна из наших работ.¹² Остановимся более подробно на курсе славянских литератур, читанном С.В. Штейном в Тартуском университете, история преподавания в котором русской и славянской филологии в 1920–1930-х гг. до сих пор относится к числу малоизученных вопросов. В статье Б.В. Правдина «Русская филология в Тартуском университете» эта проблема рассматривается мимоходом и освещена тенденциозно в силу ряда объективных и субъективных причин.¹³ Настоящая работа представляет собой попытку реконструкции университетского курса по славистике приват-доцента Штейна на содержательном и методологическом уровнях на основе сохранившихся в архиве университета планов и отчетов, опубликованных трудов и других источников.

В 1920–1930-х гг. в Тартуском университете не было самостоятельной кафедры русского языка и литературы. На философском факультете существовали две профессуры славянского и индо-европейских языков, в рамках которых изучались славянские языки

10 *Тименчик Р.* Анна Ахматова и Сергей Штейн. – *Балтийско-русский сборник*. Кн. 1 / Под ред. Б. Равдина и Л. Флейшмана. Stanford. (Stanford slavic studies, 27). 2004. С.102, 107.

11 *Lukšič Irena.* Ruski emigranti u Jugoslaviji između dva rata. *Književna Smotra*, 1987, XX, 63.

12 *Пономарева Г.М.* Воспоминания С. В. Штейна о поэтах-царскоселах (И. Ф. Анненский, Н. С. Гумилев, А.А. Ахматова). *Slavica Helsingiensia*, 11. Helsinki. 1992. С. 83–91; *Пономарева Г., Шор Т.* Тартуский университет в публицистике приват-доцента Сергея Штейна. *Радуга*. 1998. №2. С. 66–74; *Пономарева Г., Шор Т.* Сергей Штейн: миф и реальность. *Труды по рус. и слав. филологии. Литературоведение*. III. Тарту, 1999. С.317–331.

13 *Правдин Б.В.* Русская филология в Тартуском университете. *Уч. Зап. ТГУ*. Вып. 35. Тарту, 1954. С.162–163; *Пономарева Г., Шор Т.* Сергей Штейн: миф и реальность. *Труды по рус. и слав. филологии. Литературоведение*. III. Тарту, 1999. С.326–328.

и литература. Кроме первых профессоров М. Фасмера¹⁴ и Г.Л. Мазинга¹⁵, в Тартуском университете в период между двумя мировыми войнами работали такие именитые слависты, как Адольф Стендер-Петерсен¹⁶ и Пеэтер Арумаа.¹⁷ С.В. Штейн попал в Эстонию в конце ноября 1919 года вместе с отступающей Северо-Западной армией Н.Н. Юденича. Как выпускник и магистрант Петербургского университета, имея рекомендации таких именитых профессоров-славистов, как М. Фасмер и Г.Л. Мазинг, он уже в декабре 1919 года был принят в число преподавателей философского факультета Тартуского университета.¹⁸ Получив место приват-доцента, Штейн с первого семестра 1920 года начал чтение лекций по славянским литературам.

Последователь петербургской славистической школы, С.В. Штейн считал себя учеником таких известных русских славяноведов-позитивистов культурно-исторической школы, как П.А. Лавров, И.А. Шляпкин, И.Н. Жданов, А.И. Соболевский и А.А. Шахматов. Разумеется, ему были известны труды представителей и других академических школ: психологической (А. А. Потебня, Д.Н. Овсянко-Куликовский) и компаративистской (А.Н. Веселовский). Например, при обсуждении доклада Б.Д. Дюшена о футуристической поэзии Маяковского в собрании Ревельского литературного кружка в 1921 году Штейн выдвинул тезис о значении теории психологического направления в литературоведении для понимания новейших явлений в поэзии.¹⁹ Интересовался Штейн и новейшими русскими формалистами.²⁰ Тем не менее, анализ его трудов склоняет нас к мысли, что в 1920-х гг. он выступал как эпигон академической культурно-исторической школы русского литературоведения, хотя в его диссертации можно обнаружить элементы психологического (интуитивистского) и сравнительного анализа.

Первый семестр 1920 года С. Штейн начал с вводной лекции по методологии «Современные пути изучения истории русской литературы и значение интуиции в этом изу-

14 Фасмер, Макс (Vasmer, Max, 1886–1962) - русский и немецкий языковед. Изучал сравнительное языкознание и славянскую филологию в Петербургском университете, где преподавали бывшие профессора Тартуского (Юрьевского) университета И.А. Бодуэн де Куртенэ и Г.А. Ильинский. В 1915–1917 профессор индогерманского языкознания и славянской филологии в Саратове, с 1918 – в Тарту, с 1921 – в Лейпциге, с 1925 – в Берлине. Автор знаменитого четырехтомного Этимологического словаря русского языка.

15 Мазинг Готхильд Леонхард (Masing Gotthild Leonhard, 1845–1936) - славист, воспитанник Тартуского и Петербургского университетов, профессор ТУ в 1902 по 1926 гг.

16 Стендер-Петерсен Адольф (Stender-Petersen, 1893–1963) - выпускник Петербургского университета, профессор ТУ в 1927–1931 гг. Автор всемирно известной истории русской литературы.

17 Арумаа (Блаубрюкк) Петер (1900–1982), славист, профессор ТУ в 1934–1944 гг. См. о нем: *Issakov, Sergei, Smirnov, Savvati*. Vene ja slaavi filoloogia Tartu Ülikoolis. - *Keel ja Kirjandus*, 1982. №9, lk.476–477; *Шор Татьяна*. Профессор Пеэтер Арумаа и русская литература в Тартуском университете. – *Радуга*. 1998. № 3. С. 62–66.

18 ИАЭ 2100–2–1137: 3, 92об–93.

19 Хроника. В русском литературном кружке. - *Свобода России*. 1920. 3 янв. № 2. С.3; *Пономарева Г.М.* Воспоминания С. В. Штейна о поэтах-царскоселах (И. Ф. Анненский, Н. С. Гумилев, А.А. Ахматова). *Slavica Helsingiensia*, 11. Helsinki. 1992. С. 83–91.

20 РО КМЭ 174 М2:20, 1; ИАЭ 2100–2–1137: 3; *Štein S.V.* Njegov rad u koristi jugoslavensko-ruskog zblizevanja o 35-godišnjici njegove naučno književne djelatnosti (1900–1935). Dubrovnik, 1935.

чении». В дальнейшем несколько часов отводилось на рассмотрение достижений русской текстологии, наконец, Штейном был подготовлен цикл культурно-исторических лекций, связанных с историей Тартуского университета: «Характеристика эпохи Александра I, основателя Дерптского университета», «Судьба высшего образования и литературы в России в первую четверть XIX в.», «Дерптский университет и его главнейшие деятели. Паррот и Клиндер» и т.д. Эта программа, представленная в совет факультета, была одобрена, а некоторые из лекций были затем опубликованы Штейном в местной русской прессе.²¹ В этот период начинающего приват-доцента занимает тема «Русская литература и Тарту». Он даже задумывает написать монографию «Жуковский и Дерпт», о чем свидетельствует его обращение в редакцию журнала «Новая русская книга» с просьбой прислать или указать местонахождение материалов, касающихся пребывания В.А. Жуковского в Тарту.²²

Лекционный курс Штейна 1921 года был построен по следующему академическому образцу: для всех филологов читался общий курс истории русской литературы XIX в. и спецкурс по творчеству М. Ю. Лермонтова. (Отметим, что Тартуский (Дерптско-Юрьевский) университет, благодаря работам профессора П. А. Висковатова, уже в конце XIX в стал колыбелью лермонтоведения.) Лермонтовым Штейн начал заниматься еще до эмиграции. К столетию поэта у него вышла статья «Война в жизни и творчестве Лермонтова», в 1916 году была опубликована работа «Любовь мертвеца у Лермонтова и Альфонса Карра».²³ Кроме основного университетского курса, в том же году Штейн прочел две лекции, посвященные 100-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского²⁴ и памяти известного русского филолога, уроженца Нарвы, А.А. Шахматова. С последним он был лично знаком и считал его своим учителем.²⁵

С конца апреля 1921 года Штейн просил у совета факультета разрешения читать лекции в качестве приват-доцента в течение 1922 года и пользоваться книгами из научной библиотеки для работы над диссертацией. Диссертация была ему крайне необходима: не имея научной степени, он не мог претендовать на место профессора славянской филологии, которое в то время занимал уже престарелый профессор Г.Л. Мазинг. Просьбы Штейна были удовлетворены, к тому же министерство просвещения утвердило ходатайство университета разрешить читать эти курсы на русском языке. В письме на имя декана Штейн предлагал в духе времени прочитать вступительную лекцию методологического характера «История литературы и история как науки и их задачи». Кроме того, на 1922 год им были заявлены

21 ИАЭ 2100–2–1137: 3, 9206–93.

22 Штейн С. Письмо в редакцию. - *Новая русская книга*. 1922. №8. С.34.

23 Штейн С. Война в жизни и творчестве Лермонтова. - *Исторический Вестник*. 1914. №10. С.135–151; Штейн С. Любовь мертвеца у Лермонтова и Альфонса Карра. - *Известия Отделения русского языка Российской Академии Наук*. Вып. 21. Кн. 1. М., 1916. С.38–47; ИАЭ 2100–26–88: 11 об.

24 Штейн С. Новое о Достоевском. - *Последние известия*. 1921. 15 нояб. № 275; 19 нояб. № 279.

Штейн С. Некрасов и Достоевский. - *Последние известия*. 1921. 9 дек. № 296.

25 ИАЭ 2100–26–88; Штейн С. Памяти академика А.А. Шахматова. Лекция, прочитанная по поводу первой годовщины его смерти 8 октября с.г. в Юрьевском университете. - *Последние известия*. 1921. 18 окт. № 252; 20 окт. № 254.

темы «Общее введение в изучение литературы по западноевропейским источникам» и «Обзор историко-литературных изучений со времен античности до наших дней», которые по первоначальному замыслу должны были лечь в основу его докторской диссертации.²⁶

Поскольку кафедра была славянская, а читались, в основном, курсы по русской литературе, остро встал вопрос о необходимости введения собственно славянских штудий, и Штейн не без основания предложил свои услуги. Известно, что он начал заниматься славянской литературой еще в студенчестве. В 1902 году в «Научно-литературном сборнике Галицко-русской Матицы» появилась его публикация «Карл Гавличек Боровский и его „Тирольские элегии“», затем был выпущен упомянутый выше сборник «Славянские поэты», заслуживший высокую оценку рецензентов и входивший в личные библиотеки А.А. Блока и Л.Н. Толстого. Штейн постоянно сотрудничал в известном до революции журнале «Славянские известия», где помещал переводы из славянских поэтов, рецензии на книги о славянстве. Он довольно хорошо знал славянскую литературу и сожалел о том, что русское образованное общество не знает ни истории, ни литературы славянских стран. Штейн писал: «А мы, равнодушные, несправедливо чуждые кровно близким нам славянам, не пытаемся пополнить свои донельзя примитивные и сбивчивые сведения о них, об их прошлом и настоящем. Русская научно-популярная литература по многим отраслям славяноведения бедна и отрывочна».²⁷ Отметим, что проблема взаимоотношений славянства и России понималась Штейном неоднозначно: с одной стороны, он подчеркивал патриотизм и свободолобие западных и южных славян, а с другой стороны – продолжал традицию русского панславизма, широко распространенного в среде столичной русской интеллигенции, относившейся к «братьям-славянам» как к «братьям меньшим».

Штейн интересовался различными аспектами славяно-русских литератур. Как переводчика его привлекали переводы русских и славянских авторов. В конфликтах славян с другими народами или между собой Штейн, прежде всего, стремился к объективному освещению ситуации. В рецензии на журнал «Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества» за октябрь-ноябрь 1902 года он писал: «Особенно подкупает своей искренностью „Письмо из Загреба“ вождя младохорватской партии С.А. Радича, который с исключительным беспристрастием разбирает причины и значение сербо-хорватского спора».²⁸

Для начала Штейн предложил философскому факультету Тартуского университета с весеннего семестра 1922 года читать обзор истории польской литературы XVIII в. и болгарскую литературу XIX в., а позже – представил развернутый проект университетского курса преподавания истории болгарской литературы. Отдельными курсами предлагались лекции «Древние и нынешние болгары в политическом, народном, историческом и религиозном

26 ИАЭ 2100–26–88: 24, 25об.

27 Штейн С. Славянские поэты. Переводы и характеристики. – Спб., 1908. С.VIII.

28 Штейн С. [Рец.] Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. Октябрь и ноябрь. Спб., 1902. - *Исторический вестник*. 1902. №12. т. 93. С.1162.

их отношении к россиянам», «Грамматика нынешнего болгарского наречия», «Рукопись» и др.²⁹

На рассмотрение факультета был представлен также обширный план спецкурса по польской литературе, предусматривавший лекции по истории польского народа от возникновения до наших дней параллельно с развитием польской литературы с древнейших времен до XVI в. Самые ранние литературные произведения на польской почве носили религиозный характер и писались преимущественно на латинском, реже на польском языке. В рамках этого курса Штейн монографически рассматривал «золотой век» Сигизмундов в творчестве «отца польской письменности» М. Рейя (1505–1569), поэтов Я. Кохановского (1530–1584), Ш. Шимановича (Бендонского, 1558–1629), С. Клёновича (1545–1602) и ректора Виленской академии, иезуита П. Скарги (1536–1612). Следующий семестр был посвящен обзору польской литературы XVIII – начала XIX вв. и изучению деятельности и трудов К. Бродзинского, Б. Залесского и творчества А. Мицкевича до его ссылки в 1823 году. Отметим, что план курса польской литературы Штейна очень близок к программе лекций по польской литературе, разработанной в Варшавском университете в 1878/1879 гг. проф. В.В. Макушевым и положенной в основу этого курса в других российских университетах.³⁰ Сомнительно, что сам Штейн видел эту программу, но многие лекции Макушева, впоследствии опубликованные в различных повременных изданиях, были доступны для студентов Петербургского университета. Кроме того, конечно же, Штейн использовал курс польской литературы В. Д. Спасовича из известного двухтомного труда «История славянских литератур», имевшегося в библиотеке университета.

К чтению лекций по славянским литературам Штейн приступил с весеннего семестра 1922 года. Для этого ему приходилось несколько раз в неделю приезжать в Тарту из Таллина, где он преподавал в гимназиях и народном университете, а также активно сотрудничал в русской прессе. Без этих заработков средств к жизни явно не хватало. Желая окончательно поселиться в Тарту, Штейн решил просить факультет о предоставлении ему возможности вести платный курс по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам под общим названием «Анализ памятников письменности», мотивируя свое предложение тем, что в свое время прослушал курс в Санкт-Петербургском Археологическом институте, имел возможность работать с документами в архиве государственного совета Академии Наук и был председателем комиссии библиотеки Министерства финансов. Штейн предполагал давать обзор палеографических исследований, читать лекции по археографии, дипломатии, сфрагистике, современному архивоведению и библиотековедению.³¹ Этот план не был утвержден советом факультета, но было разрешено *gratis* (так! – Г. П., Т. Ш.) в дополнение к основным курсам по славяноведению вести в рамках темы «Введение в

29 ИАЭ 2100–26–88: 38–38 об.

30 Макушев В.В. Программа лекций, читанных орд. проф. В. В. Макушевым в 1878 /79 уч. году. - *Варшавские университетские известия*. 1879. №2. С.3.

31 ИАЭ 2100–26–88: 34об

изучение литературы» практикум по методологии изучения творчества Достоевского до «Преступления и наказания».³²

Надо отдать должное Штейну как преподавателю - курсов он никогда не повторял и на каждый учебный год предлагал нечто совершенно новое, что за время его непродолжительной преподавательской карьеры в Тарту обеспечило ему приличную репутацию среди студентов и преподавателей. Так, историк культуры и мемуаристка Эльзбет Парек, будучи студенткой философского факультета Тартуского университета, прослушала теоретический и практический курсы Штейна «Введение в изучение литературы», историю польской литературы (1922) и спецкурс «Творчество Л.Н. Толстого» (1923).³³ До этого еще в Таллине она посетила несколько лекций Штейна, и его умение говорить («retooriline ilutulestik» – «риторический фейерверк») произвело на нее сильное впечатление. По словам Э. Парек, Штейн был «высокорослый русский немецкого происхождения, носивший французскую бородку и обладавший европейскими манерами».³⁴ Впрочем, позже Парек относилась к нему уже более критически, лекции Штейна стали казаться ей, по-видимому, не без основания, поверхностными по сравнению с серьезными и глубокими лекциями профессора и эстонского поэта-классика Густава Суйтса. Известный эстонский поэт и преподаватель Тартуского университета Вальмар Адамс также посещал все курсы Штейна, хотя впоследствии даже упоминание о нем приводило Адамса в ярость.³⁵

На 1923/24 академический год, помимо продолжения лекций по истории польской литературы второй половины XIX в. (поздние произведения А. Мицкевича с чтением избранных мест из его произведений, творчество польских классиков Ю. Словацкого, С. Красинского, Б. Залесского), Штейн планировал в курсе общего обзора славянских литератур изучение сербо-хорватской литературы XIX в. В связи с последним курсом был сделан обзор сербского эпоса и рассмотрены основные литературные явления сербо-хорватской литературы XIX в. Штейн предлагал студентам разбор произведений и биографии С. Милутиновича, П. Негоша, Б. Радичевича, З. Иовановича, Н. Черногорского, семьи Иличей, И. Дучича, А. Шантича.³⁶ Как видим, собственно хорватских авторов в плане лекций нет, возможно, о них шла речь в ходе описания литературного процесса в целом, но похоже, что четкой дифференциации между сербской и хорватской литературой у Штейна в тот период не было. В целом о курсе можно сказать следующее: в русской науке изучение сербской литературы имело уже свою традицию. В свое время творчеством, например, С. Милутиновича-Сарайлии занимался В.И. Григорович, высоко ставивший его талант наряду с А. Мицкевичем, Я. Колларом и Ф. Прешерном.³⁷ Существовала определенная традиция в изучении черногор-

32 ИАЭ 2100–26–88: 38

33 ИАЭ 2100–1–8708: 20 об.

34 *Parek E. Tartu – minu ülikoolilinn 1922–1926. Tartu, 1998. (Eesti Kirjandusmuuseum. Litteraria. Eesti kirjandusloo allikmaterjale. Vih. 14. Lk.18.)*

35 ИАЭ 2100–1– 51: 1–57.

36 ИАЭ 2100–26–88: 43–44, 49.

37 *Григорович В.И. Опыт изложения славянских литератур в ее главнейших эпохах, часть 1 второй эпохи. Казань, 1843. С.24, 26.*

ских поэтов Петра II Негоша (П.А. Лавров, П.А. Ровинский), Н. Черногорского и т.д. Но поэзию И. и В. Иличей, боснийца И. Дучича и сотрудника его по журналу «Заря» поэта А. Шантича Штейн давал в собственной интерпретации.³⁸ Исходная позиция при этом была следующей: «В творчестве славянских писателей находится верный ключ к уразумению и степени культурности, и своеобразных отличительных черт национального их характера. Природа, быт, история, духовные запросы и стремления - все это ярко и выпукло отражается в их безыскусственных и порою вдохновенных стихах. Эта способность наглядно и живо отражать в поэзии себя и все свое объясняется большою непосредственностью славянской природы и ее врожденной сердечностью».³⁹ При этом Штейн видел в творчестве Дучича и Шантича черты влияния, с одной стороны, западно-европейской поэзии, с другой – русской, в частности, останавливался на лермонтовских мотивах, типичных для Дучича, например, на сравнении пустыни и моря с человеческой душой и др.

От первоначального плана включения один раз в неделю часового пропедевтического курса «Введение в славяноведение», который представлял бы собой историю, этнографию, географию и обзор славянских штудий, часть из которых покрывались лекциями проф. Л. Мазинга, Штейн впоследствии отказался. Зато в течение двух семестров он бесплатно вел спецкурсы по творчеству Достоевского («Преступление и наказание», «Братья Карамазовы») и Льва Толстого (биография, проза до «Войны и мира», «Севастопольские рассказы»).

В весеннем семестре 1924 года Штейн продолжил курс новой польской и начал обзор чехословацкой литературы. В отчете о прочитанных лекциях он представил краткий абрис своего видения истории новой польской литературы. По Штейну, главным стержнем новой польской литературы было стремление к освобождению личности, эта линия раскрывается в творчестве Б. Пруса, Э. Ожешко, А. Асныка, В. Серашевского, К. Тетмайера, М. Конопницкой, А. Немаевского и С. Пшибышевского. Именно с этой точки зрения обозревалась поэзия К. Тетмайера, которого Штейн хорошо знал и особо значимые его произведения – «Ангел жизни» и «Ангел смерти» рассматривал монографически. В свое время он переводил стихотворения Тетмайера, опубликованные затем в сборнике «Славянские поэты». Знаменательно, что по этому поводу Н. Гумилев в своей рецензии на книгу Штейна отмечал: «Неудачным кажется включение в эту книгу прекрасного польского поэта Казимира Тетмайера. Нельзя же серьезно поставить глубокую польскую литературу с молодыми культурами южных славян. Ведь тогда следовало бы включить в книгу и русских».⁴⁰ В творчестве «сверхиндивидуалистов» «Молодой Польши» Штейн видел реакцию на господство толпы (роман «Ното sapiens» С. Пшибышевского) и поиски синтеза народной души («Заколдованный круг» Люциана Рыделя). В отдельную лекцию выделялся «народнический неороман-

38 Штейн С. Из прошлого славянской поэзии. - *Последние известия*. 1923. 25 окт. № 265.

39 Штейн С. Славянские поэты. Переводы и характеристики. – Спб., 1908. С.IX.

40 Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. Соч.: в 3-х томах. – Москва, 1991. Т. 1. С.221.

тизм» с подробным рассмотрением особенностей литературной манеры С. Выспянского, чью «Свадьбу» он считал итогом достижений «Молодой Польши».⁴¹

В 1926/27 учебном году Штейн усовершенствовал свой курс польской литературы для студентов Тартуского университета, начав его с обзора историографии и периодизации истории польской литературы по работам П. Лукашевича, А. Мицкевича, В. Спасовича, П. Хмелевского, С. Тарновского, А. Брюкнера и др. Студентам предлагалось изучать латинский период польской письменной литературы (летописи, житийную литературу, религиозно-церковные гимны), период древней польской письменности (переводы книг святого писания, молитвы, песнопения, проповеди, жития), наконец, рассматривался процесс зарождения элементов светской литературы в поэзии и драме. Особо подчеркивалось значение исторических трудов Я. Длугоша в анализе генезиса польского гуманистического направления в литературе. Обзор творчества Гжегожа из Санока-Каллимаха (жизнеописание кардинала З. Олесницкого), Я. Остророга, А. Галки из Добчина, поэтов польского ренессансного латинизма К. Яницкого, С. Ожеховского, питомца Краковского и Виттембергского университетов А.Ф. Моджевского и Н. Рейа из Нагловиц завершил лекции Штейна по польской литературе в Тартуском университете, хотя, по его замыслу, они должны были стать началом нового переработанного учебного курса.⁴²

Помимо польской, болгарской, сербо-хорватской литератур в течение трех семестров в 1924/25 гг. Штейном был прочитан курс чехословацкой литературы. Он также строился по культурно-исторической схеме, предусматривая очерк истории Чехии, рассмотрение древнего периода письменности, церковной, рыцарской и дидактической поэзии не без учета немецкого влияния. В отдельных лекциях анализировалась деятельность Смиля из Пардубице, церковная драма и летописи. Много внимания уделялось гуситскому движению, в том числе предшественникам этого периода Ф. Штитному, Я. Миличу, М. Яновскому. Несколько лекций Штейн посвящал литературным занятиям самого Я. Гуса, а также деятельности его последователей и таборитов. Их влияние на религиозную мысль позднейшего времени вылилось в отдельную лекцию. Не остался без внимания Пражский университет, чье значение в истории чешской и славянской культуры в целом трудно переоценить. Далее обзревались главнейшие литературные события так называемого «золотого века» чешской литературы. Штейн знакомил студентов с «Историей Чехии» магистра Даниэля Адама из Велеславина, изданной в XVI в., и подробно анализировал деятельность Я. Коменского. Отдельно рассматривалась чешская литература до эпохи возрождения чешской национальности, выделялся период Иосифа II. Много места уделялось историкам и текстологам XVIII в. Г. Добнеру, Ф.М. Пельцэу, М.А. Фойгту и Дуриху. Жизни, научной и литературной деятельности ведущего деятеля чешской культуры этого периода языковеда И. Добровского посвящалась отдельная лекция.

41 ИАЭ 2100–26–88: 62.

42 ИАЭ 2100–26–88: 107об.

История чешского возрождения переходила на осенний семестр 1924 года, в котором читались монографические лекции о В. Ганке, Й. Юнгмане, П. Й. Шафарике, Ф. Палацком, Ф.Л. Челаковском, К. Гавличке-Боровском. Интересно отметить, что одна из лекций Штейна была посвящена словацкому классику Я. Коллару и разбору его произведения «Дочь Славы»⁴³, как известно, оказавшего влияние на хорватского поэта-романтика С. Врза в его сборнике «Джулабие». К «периоду обновления» были отнесены такие авторы, как Я. Эрбен, Б. Немцова, Г. Моравский, К. Сабина, Я. Неруда и Я. Гейдук. Главнейшие явления в истории чешской и словацкой литературы второй половины XIX – начала XX в. определялись как «эпоха расцвета» (С. Чех, Зейер, Я. Врхлицкий и его последователи) и «модернизм». Число слушателей первых двух курсов колебалось от 20 до 25, на третьем курсе доходило до 60-80 студентов.⁴⁴

Мы кратко обрисовали содержание обязательных курсов лекций Штейна по славянским литературам. Кроме того, в течение почти десяти лет он по своей инициативе вел дополнительные занятия со студентами. Например, на занятиях по творчеству Л.Н. Толстого разбирались исторические и литературные источники «Войны и мира», историческое, автобиографическое, философское и художественное значение романа с параллелями из западноевропейских литератур. Под руководством Штейна в 1924 г. студентка славянской филологии А. Шмидт защитила магистерскую диссертацию «Толстой и пацифизм».⁴⁵

В 1927 году Штейн вел также семинарий по истории славянских литератур, где было подготовлено десять рефератов, среди них наиболее значительные об А. Мицкевиче (студентки германской филологии польского происхождения Е. Аудовой) и С. Пшибышевском (поэта Бориса Тагго (Новосадова)). По русской литературе XIX-XX вв. прозвучали доклады об А.И. Герцене (студентка естественного факультета Н. Мадиссон), И.А. Гончарове (славянский филолог К. Неддер), А.Н. Островском (славянский филолог М. Карамщикова - «Островский как психолог женской души»). Доклады о В.М. Гаршине прочитали английский филолог М.Х.Э. Кенгсеп (в 1940-х гг. работала на кафедре балтийско-славянской и позже русской филологии Тартуского университета) и славянский филолог А. Чернов, позже преподаватель Таллинского художественного института. А.П. Чехову посвятил свое сообщение слушатель философского факультета А. Жуков, работу о Л.Н. Толстом - «Путь исканий истины Львом Толстым» - представили английский филолог М. Фогель (с 1931 по 1936 гг. жена поэта Б. Нарциссова) и Д. Цветков. Семинарские занятия в 1927 году, посвященные А. Блоку, пробудили интерес студентов к творчеству А. Ахматовой. Доклад филолога Е. Роос, посвященный русской поэтессе, стал основой ее магистерской работы «Творчество Анны Ахматовой» (Тарту 1930).⁴⁶

43 Бокаш М. К проблеме периодизации межлитературных связей. - *Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. Конец XVIII-начало XX века.* М., 1968.

44 ИАЭ 2100–26–88: 53–55, 58–59.

45 Album Academicum Universitatis Tartuensis 1918-1944. II. Tartu, 1994. Lk.90.

46 ИАЭ 2100–26–88: 82; Пономарева Г., Шор Т. Фрагмент магистерской работы Елизаветы Роос об Анне Ахматовой. - *Балтийско-русский сборник.*

В последний год своего пребывания в Тарту Штейн должен был по поручению философского факультета в осеннем семестре 1927 и весеннем семестре 1928 гг. приступить к чтению лекций по староболгарской литературе, продолжать польскую литературу и вести семинар по славянским литературам. В этот период избранный Тартуским университетом профессором славяноведения А. Стендер-Петерсен сосредоточил свой интерес на языковых штудиях, славист доцент В. Эрнитс находился в научной командировке за границей и учебной работы не вел. В октябре 1927 года в совет факультета поступило предложение от руководителя дидактико-методического семинара П. Пылда открыть в 1928 году особый семинар по методике преподавания русского языка как иностранного для будущих учителей. На места в этой группе претендовали девять кандидатов, из них были отобраны четверо, и для руководства их занятиями была предусмотрена кандидатура С. Штейна. Помимо курса и семинария по истории славянских литератур, планировался спецкурс «Жизнь и творчество Гоголя». Всем этим планам не суждено было осуществиться, так как Штейн в связи с неудачей, постигшей его при защите докторской диссертации, и полным своим финансовым банкротством на журналистском поприще срочно покинул пределы Эстонской Республики и никогда более туда не возвращался.

Список сокращений

ОР ПД – Отдел рукописей Института русского языка и литературы (Пушкинский дом, Санкт-Петербург).

ИАЭ – Исторический архив Эстонии.

РО КМЭ – Эстонский литературный музей (Eesti Kirjandusmuuseum).

Белый пастырь¹ (Судьба протоиерея о. Владимира Быстрякова)

Павел Лилленурм (Москва)

Наследие Русского Зарубежья велико и обширно: заметный след в истории оставили военные и общественные деятели эмиграции, писатели и поэты, художники и философы. Гораздо меньше мы знаем о лицах духовного сана – православных священниках, покинувших отчизну в лихолетье революции и гражданской войны и оказавшихся в рассеянии на чужбине. Между тем именно они своим тихим подвижничеством хранили в сердцах и душах претерпевших безмерные страдания соотечественников веру в спасение и возрождение Святой Руси.

Одним из таких Пастырей с большой буквы, с честью пронесшим на эстонской земле имя Русского Человека, был митрофорный протоиерей о. Владимир Быстряков.

* * *

Родился Владимир Петрович Быстряков 16 июля 1871 года в семье священника Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии. 29 октября 1893 года, по окончании Петербургской духовной семинарии, он был рукоположен во пресвитера с назначением священником церкви Преображения Господня в с.Заболотье (Усадище) Новоладожского уезда Петербургской епархии. Его супругой стала Татьяна Викторовна Пустынская, дочь петербургского священника о.Виктора Пустынского. За время совместной (к сожалению, недолгой) жизни семья Быстряковых пополнилась четырьмя детьми. К 1913 году протоиерей о. Владимир уже известен как настоятель храма Спаса Нерукотворного образа в с. Глобицы Петергофского уезда, что в 10 верстах к востоку от Копорья, «столицы» древней Ижорской земли.

Там же, в Глобичах, Владимира Быстрякова застала революция и гражданская война. Он был настолько уважаемым и почитаемым человеком в округе, что даже новая власть, не только не решилась на упразднение прихода, но иные ее представители сами посещали церковные службы.

20 мая 1919 года, во время первого наступления белогвардейского Северного Корпуса (так в тот период называлась Северо-Западная армия) на Петроград, село освободил 2-й стрелковый Островский полк под командованием полковника М.В. Ярославцева.² В течение

1 Автор приносит глубокую признательность внучке о. Владимира Л.А.Никифоровой (г.Таллин), предоставившей ценные воспоминания о своем деде и возможность воспользоваться документами из семейного архива. Фото из собраний Л.А.Никифоровой и П.П.Лилленурма.

2 Много позже, уже в эмиграции, генерал-майор М.В. Ярославцев, один из выдающихся военачальников СЗА, сам станет священником и примет монашеский постриг под именем Митрофана. Свой земной путь архимандрит Митрофан завершит в 1954 г. в должности настоятеля Свято-Троицкого храма в Рабате (Марокко).

последующих двух летних месяцев этот район стал ареной упорнейших боев, когда фронт стремительно перемещался, как маятник, с запада на восток и с востока на запад, а населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки. В самом конце июня красные в очередной раз заняли село, а о. Владимира, причащавшего умирающего, арестовали как «попа» и «шпиона» и уже повели на казнь. По пути расстрельной команде встретился Иван Глотов, известный в Глобичах коммунист. Он поручился за своего батюшку и тем самым спас его от мученической смерти.

Вскоре после этого случая, видя, что привычная жизнь и служение Богу стали совсем невозможными, о. Владимир получил у Митрополита Петроградского и Гдовского о. Вениамина (Казанского) разрешение на отъезд с семьей на территорию, занятую белыми.

Обстоятельства и время поступления о.Владимира в Северо-Западную армию недостаточно ясны, однако известно, что 6 августа 1919 года он был назначен в 1-й (Либавский) стрелковый полк дивизии Светлейшего Князя А.П. Ливена, только что развернутой на основе прибывшего из Латвии добровольческого отряда. В СЗА, являвшейся наследницей традиций Российской Императорской Армии, был возрожден институт полковых и дивизионных (в артиллерии) священников. В соответствии со штатным расписанием соответствующих частей и служб, утвержденным командованием армии, полковой батюшка занимал довольно высокий статус и был приравнен к командиру батальона и старшему врачу части.

На месте своей новой службы о. Владимир отправлял, насколько это было возможно, практически все религиозные обряды и требы. Чаще всего, увы, ему приходилось служить панихиды. Командир полка генерал-майор Фердинанд Владимирович фон Раден³ буквально боготворил свою часть и старался быть отцом солдатам и офицерам, но в делах службы проявлял требовательность и принципиальность. Особое внимание он уделял душевному состоянию подчиненных, многие из которых были ожесточены братоубийственной войной. Так, поздравляя соратников 12 сентября 1919 года с полковым праздником - днем Св.Александра Невского - он одновременно сетовал, «что утром и вечером в моих частях полка не всегда поются молитвы. Требую, чтобы в полку наравне с боевой готовностью сознательно пробуждалось бы заглохшее за время большевизма религиозное чувство, а посему всем частям молиться, как положено уставом, если боевая обстановка это позволяет...».

3 Ф.В.Раден родился 3 июля 1863 г. в г.Ревеле в семье вице-губернатора Эстляндии. Окончил Морской корпус в 1886 г. и длительное время служил на кораблях Сибирской флотилии и Тихоокеанской эскадры. За отличие, проявленное при защите российского посольства в Пекине во время «Боксерского восстания» (1900 г.), награжден орденом Св.Георгия 4-й степени. Участник Русско-японской и Великой (Первой мировой) войн. Последний чин и должность в Российской Императорской Армии – полковник, командующий 82-м пехотным Дагестанским полком. В начале 1919 г. вступил в Лифляндское земское ополчение (Балтийский Ландесвер), в начале июня того же года перешел в Либавский добровольческий отряд Светл. Кн. А.П. Ливена. 31 июля 1919 за боевые отличия был произведен в генерал-майоры. 8 августа 1919 назначен командующим 1-м (Либавским) полком Ливенской дивизии. Смертельно ранен в бою под с.Русское Капорское (Петроградская губ.) 24 октября 1919 г. Предположительно похоронен на Военном кладбище в Красном Селе.

Либавский полк, по праву своей доблести считавшийся гвардией Северо-Западной армии, всегда был на острие удара. В Октябрьском походе на Петроград он ближе всех подошел к Северной Пальмире, именно его солдаты видели с красносельских высот манящий купол Исаакиевского собора... Немало ливенцев, павших в ожесточенных сражениях конца октября 1919 года под Стрельной и Лиговом, пришлось отпевать о. Владимиру. Особо много скорбного труда ему выпало, когда 24 октября 1919 г. генерал Раден повел ливавцев в роковую атаку из Русского Капорского на Петергоф. Более ста верных сынов России навсегда упокоилось на Военном (ныне «Нижнем») кладбище Красного Села.

Вместе со своим полком о. Владимир проделал крестный путь отступления Северо-Западной армии к эстонской границе, окормлял и ободрял офицеров и рядовых стрелков в тяжелое время зимних боев в Принаровье.

18 декабря 1919 года Ливенскую дивизию отвели с фронта в район Свято-Успенского Пюхтицкого монастыря. Там она была переформирована в бригаду и включена в состав 3-й дивизии под командованием генерал-майора М.В. Ярославцева. Полковым священником Либавского стрелкового полка (сводного из 1-го и 2-го Ливенских полков) стал о. Александр Вончаков, а о. Владимир, оставшийся без должности, с 15 января 1920 года некоторое время состоял при штабе дивизии и числился священником Запасного батальона.

Здесь, на востоке Эстонии, в местах расположения интернированных частей СЗА и гражданских беженцев в конце декабря 1919 года разразилась эпидемия тифа, продолжавшаяся несколько месяцев и унесшая тысячи жизней. Умерла от коварной болезни матушка Татьяна Викторовна⁴, переболели тифом все дети о. Владимира. Ближе к весне 1920 года В.П.Быстряков с семьей перебрался в с. Сонда (уезд Ида-Вирумаа), где устроился на лесозаготовках в составе одной из артелей бывших чинов Северо-Западной армии, а затем переехал в Кунда, где основал домовую церковь.

В 1922 году в районе современного г. Кивиыли началось освоение сланца. Тогда это место называлось «Романовский рудник» по имени предпринимателя Романа Федоровича Зиверта – первого разработчика месторождения. На предприятии были трудоустроены преимущественно русские беженцы и бывшие воины-северозападники. Спустя год в Кивиыли открылась домовая церковь, первое время службы в нем вел священник о. Николай Беляев.

В 1925 году настоятелем Покровского храма в Кивиыли назначили о. Владимира. Он вложил много труда в организацию самой церкви и преподавание Закона Божьего в местной эмигрантской школе. Здесь его самыми верными помощниками в церковных и мирских делах стала чета Карамзиных – Василий Александрович и Мария Владимировна, люди удивительной и трагической судьбы.⁵ В 1932 году о. Владимира перевели настоятелем храма

4 По одним данным, она скончалась от тифа в Нарве зимой 1919/1920 г., по другим - умерла также от болезни, но 19 июня (или июля) 1920 г.

5 Ветеран Великой (Первой мировой) и гражданской войн штабс-ротмистр В.А. Карамзин (потомок Н.М. Карамзина, автора «Истории Государства Российского») был близким другом полковника СЗА В.В. Якобса, в 1924 г. он стал крестным отцом его сына Вячеслава - нынешнего Митрополита Таллин-

Богоявления в Лохусуу, в Причудье, где он прослужил почти 20 лет.

Статный, коренастый, скорее даже исполинского роста, с суровым, будто из дерева высеченным лицом, он был, по описаниям близко знавших его людей, невероятно честен, добр и человеколюбив, всегда делился с ближним своим чем мог... Никогда не снимал рясу. Он воистину был из породы тех, кого называют «бессребрениками».

Пожалуй, лучше всего народную любовь к о. Владимиру можно почувствовать в посланиях к нему прихожан православной общины Кивиили. Эти адреса простых русских эмигрантов настолько полны эмоциональной силы, веры в Бога и безмерного уважения к своему наставнику, что стоит процитировать хотя бы одно из них (датированное 1932 годом, когда о. Владимир получил назначение в Лохусуу) полностью:

«Протоиерею о. Владимиру Быстрякову.

Глубокоуважаемый и дорогой Батюшка!

Прихожане молитвенного дома на Романовском Руднике – Ваша паства, Ваши духовные дети, искренне и сердечно Вас любящие – не находят слов, чтобы высказать Вам глубокую печаль, охватившую их при внезапной разлуке с Вами.

На глазах у всех нас, русских людей, лишенных в годы лихолетья Родины и закинутых судьбою в чужую страну на тяжелую работу, Вы Вашим горячим рвением и Вашими пастырскими трудами, создали здесь домовую церковь, привлекли к ней верующих и с тех пор неизменно, многие годы, совершали в ней Богослужения, облегчая наши душевные и духовные тяготы.

Ваши поучения, преподаваемые нам в церкви, всегда крепили сердца наши на доброе, призывали их к стойкому исполнению христианского долга и поднимали их от мелкого и суетного к великому и вечному.

За годы Вашего пастырского водительства мы сроднились с Вами как с нашим отцом духовным. К Вам несли мы на исповеди свои прегрешения, с Вами молились в радости и печали. Вами совершены здесь многие браки, крещены наши дети, многих из близких нам Вы проводили в могилу. Ваши занятия в школе, исполненные усердия и любви к детям, закладывали в их сердца доброе семя. Всюду, во всякое время дня и ночи, Вы спешили на зов верующих, невзирая на их лица и положение.

Светлый образ Вашего самоотверженного и бескорыстного пастырского служения навсегда останется в памяти нашей. Ныне, расставаясь с Вами, дорогой Батюшка, мы, скорбные сердцем, приносим Вам нашу глубокую за все благодарность, просим простить нам все наши вольные и невольные перед Вами прегрешения, испрашиваем Вашего пастырского благословения и Ваших святых молитв и возносим за Вас наши грешные молитвы

ского и всея Эстонии Корнилия. В 1929 г. в Кивиили о. Владимир сочетал В.А. Карамзина браком с М.В. Максимовой (Карамзиной), талантливой поэтессой, издавшей сборник стихов «Ковчег» (1939 г.). Как и В.В. Якобс, В.А. Карамзин пал жертвой советских репрессий. Он был арестован органами НКВД СССР в марте 1941 г. и спустя три месяца расстрелян в Таллинской городской тюрьме, а его супруга и двое малолетних детей отправлены в административную ссылку в Западную Сибирь. Мария Владимировна умерла в с. Новый Васюган 18 мая 1942 г.

Господу Богу».

Под адресом – десятки подписей...

В 1945 году Святейшим Патриархом Русской Православной Церкви Алексием (Симанским) о. Владимир в воздаяние своих заслуг был удостоен права ношения митры. В 1951 году он, однако, был вынужден по состоянию здоровья уйти на покой и переехал к дочери в Таллин. При этом В.П. Быстряков продолжал служить сверхштатным священником в столичном храме Рождества Пресвятой Богородицы (Казанской церкви).

Скончался митрофорный протоиерей Владимир Быстряков 19 июля 1954 года. Похороны о. Владимира состоялись на Александро-Невском кладбище г.Таллина при большом стечении народа, в последний путь его провожало местное православное духовенство. Честь нести гроб с прахом усопшего выпала Святейшему Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию II (А.М. Ридигеру) и Предстоятелю Эстонской Православной Церкви Московского патриархата Митрополиту Корнилию (В.В. Якобсу).

О.Владимир Быстряков (Лохусуу, Причудье, 1930-е гг.)

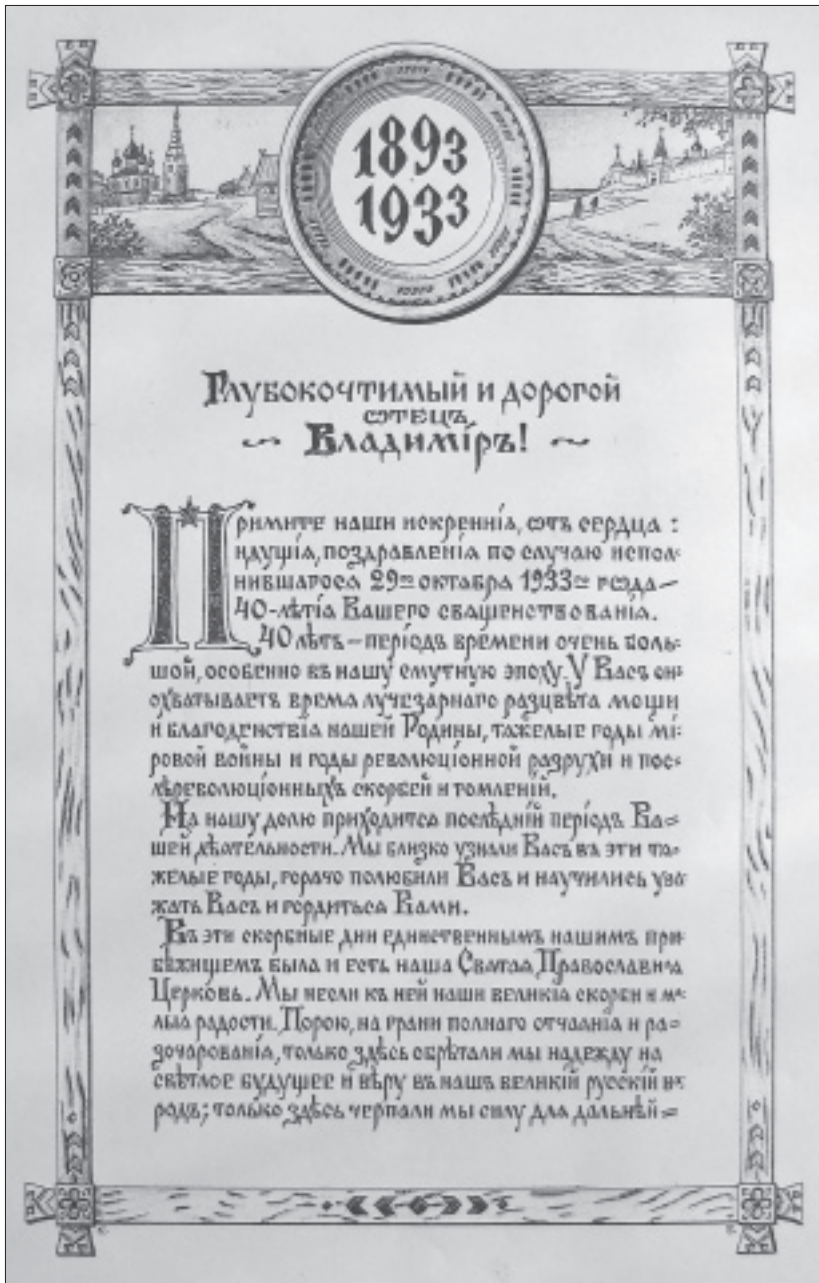
О. Владимир с руководством и инженерами «Романовского рудника», ок. 1925 г.
(первый справа – Р. Ф. Зиверт).

С членами церковной общины Кивиыли, 1920-е гг.

В Покровской (домовой) церкви в Кивийли, конец 1920-х- начало 1930-х гг.
Авторы-оформители иконостаса и убранства – супруги В.А.и М.В.Карамзины.

Титульный лист поздравления с 40-летием священства Кививили, 1933 г.

Похороны, 1954 г. Несут гроб священники: второй слева – А.М.Ридигер (будущий Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II) и третий справа – В.В.Якобс (ныне Митрополит ЭПЦ МП Корнилий)

Могила о.Владимира на Александро-Невском кладбище, Таллин (2008 г.)

Рожденная русской

Ольга Гречишкина (Таллин)

...Не говори с тоской: их нет,

Но с благодарностью: были.

В.А.Жуковский

Помню, приближалось 8 Марта. Ко мне подошел наш профсоюзный «босс», симпатичный Матти Ормиссон, и попросил принять участие в подготовке праздничного кофепития в Клубе интересных встреч. Я охотно согласилась. Лишь недавно меня приняли на работу в издательство «Ээсти раамат», и было приятно, что уже считают членом коллектива.

Срок подходил, и я поинтересовалась, в чем будет состоять моя помощь в устройстве праздничного стола. «У вас такая необычная судьба, вы столько лет прожили в Китае, и нам будет интересно услышать ваш рассказ», - сказал Матти. Оказывается, мы друг друга не поняли: речь шла не о сервировке кофе, а о моем выступлении. Я растерялась. Что я могу рассказать об огромной стране журналистам, среди которых немало авторитетных комментаторов по тому же Китаю? «У меня нет никаких серьезных знаний, лишь впечатления собственной жизни человека, волею судьбы родившегося за тридевять земель от родины». – «Так вот, как раз нам и интересны ваши личные впечатления, казалось бы, незначительные мелочи, ваше восприятие, а не серьезные статьи, которые действительно можно найти в прессе», - услышала я в ответ.

Отступать было некуда... И я задумалась.

Родилась я в Шанхае - городе удивительном и для своей эпохи неповторимом, где существовали рядом самые различные европейские и восточные культуры. В этом мегаполисе, городе небоскребов, огромного богатства и нищеты, как пишет один исследователь, «были представлены нравы, стили и особенности всех народов и частей земного шара». И суждено мне именно здесь было родиться, поскольку матушка моя была приглашена воспитателем детей мистера Брэдли - комиссара таможенной службы США в Китае: он хотел, чтобы сын и дочь хорошо изучили русский язык и литературу. Вместе с семьей Брэдли мама пропутешествовала в течение нескольких лет из Шанхая в Чифу и затем в Циндао, красивейший город на Шаньдунском полуострове, где прошло мое с братом детство. В «китайскую Ривьеру» во время курортного сезона съезжались наряду с состоятельными отдыхающими очень интересные люди, здесь, например, гастролировали Федор Шаляпин, Александр Вертинский. И здесь же - уже после Второй мировой войны - была вновь открыта американская школа, куда был приглашен преподавателем мой отец и где учились я и брат.

А до этого была жестокая оккупация Китая японцами. Квантунская армия начала захват Маньчжурии осенью 1931 года и на оккупированной земле создала марионеточное государство Маньчжоу-Го. Японские власти немедленно ввели жестокий карательный режим и проводили последовательную политику японизации всего населения. Конечно же, это не могло не сказаться и на русских.

В Циндаоской Российской Гимназии, где инспектором (т.е. завучем) в то время был наш отец, однажды (шел 1943 год) было предписано после традиционной православной молитвы (как то было принято во всех гимназиях России) отныне совершать глубокий поклон в сторону японского императора. Мать наша кланяться не стала. За что тут же приказом была «освобождена» от занимаемой должности. Заодно рассчитались и с отцом, припомнив, что до войны он являлся преподавателем американской школы и, стало быть, сотрудничал с врагом... Оставшись без заработка да еще с двумя малолетними детьми на руках, родители, конечно, оказались в бедственном положении. Отец с трудом устроился через какое-то время на табачную фабрику, расположенную за городом, «вочменом» (сторожем) за мизерное жалованье. Ездил он на велосипеде мимо жандармерии, и одному Богу известно, сколько пережила наша мать во время ночных дежурств отца - японская жандармерия была похлеще немецкого гестапо, а попасть в ее застенки, естественно, никакого труда не составляло. Однако в тот день, когда родителей рассчитали из гимназии, мы, дети, были счастливы. Все объяснялось просто: и я, и брат очень скучали без родителей, всегда так много работавших. Мы были, как шутил отец, беспризорные дети педагогов. И, услышав от соседей, что мама и папа в необычное время вернулись из гимназии и что это связано с каким-то непонятным словом «уволили», мы помчались домой и спросили у родителей, что значит это слово. Получили ответ, что завтра они не пойдут на работу. А послезавтра? «И послезавтра тоже», - улыбаясь, ответил отец. Мы пришли в восторг и побежали делиться своей радостью с приятелями во дворе: «Как здорово, наших родителей уволили, они теперь всегда будут дома».

Но ...все вперемешку. Рождение в гоминьдановском Китае, затем Харбин - русский город; выстроенный немцами и при них же существовавший красавец Циндао; американский образ жизни; наконец окончание школы при Генеральном консульстве СССР в городах Порт-Артур и Дальний... Сколько самых разнородных влияний, порою прямо противоположных режимов на протяжении только одной короткой человеческой жизни - мгновение в сравнении с историей народа! Необычной такая судьба может показаться лишь несведущим, на самом деле она вполне типична для людей русского рассеяния. «Нас аист не занес в Россию, он сбился где-то по пути», - писала моя одноклассница Наташа Грачева. Мы потомки поколения тех «страшных лет России», которое «забыть не в силах ничего». И если наши родители, пройдя через горнило гражданской войны и эмиграции, смогли передать и привить нам чувство собственного достоинства и русскость, то этим в том числе мы обязаны и русскому языку, на котором «песни пела нам мать». Впрочем, в малолетнем возрасте мне на ночь пел русские и цыганские романсы под гитару мой

дедушка-латыш (упоминаю его национальность, поскольку это сейчас принято так же, как в советское время вопрос о классовом происхождении).

Мама, увлекаясь поэзией, любила вслух читать стихи. Через столько лет я до сих пор слышу ее звонкий голос. Не понимая еще всей тонкости иронии Пушкина, я, тем не менее, ощущала всю прелесть строк «Мой дядя самых честных правил...» Иногда я просила маму прочитать апухтинского «Сумасшедшего». И мама говорила: «Только не плачь». А я неизменно рыдала, когда доходило до описания васильков. «Слышишь, смеются они... Боже, за что эти муки? Маша, спаси, отгони. Крепче сожми мои руки!» И так жаль было героя: «Довольно вам держать меня в плену, в тюрьме! Для этого меня безумным вы признали...». Чтобы я успокоилась, мама снова начинала читать Пушкина. Конечно же, я слышала и Северянина, и романсы Вертинского, которым все тогда увлекались. У меня есть несколько альбомов, где маминым каллиграфическим почерком записаны ноты и слова почти всех его романсов. Кстати, одно лето в Харбине в первые тяжелые годы беженства отец с Александром Николаевичем снимали какой-то сарай, питаюсь лишь помидорами, - в то лето выдался необычайный их урожай и они стоили очень дешево.

Когда я приехала в Эстонию, мне посчастливилось еще застать в живых замечательного литератора и, как бы мы сейчас выразились, деятеля русской культуры Юрия Дмитриевича Шумакова. Многие считают своим долгом, отдавая дань памяти, посещать его могилу на кладбище Александра Невского. Окончив в свое время юридический факультет Тартуского университета, Юрий Дмитриевич посвятил себя гуманитарной и переводческой деятельности, был талантливым рассказчиком и остроумнейшим собеседником. Эрудиция его была необычайной. Излишне говорить, что литературу - как русскую, так и эстонскую - он знал великолепно, общался со многими писателями, в свое время встречался с Буниным, Бердяевым, Северянином. Как раз в поездке по северянинским местам в Тойла мне и довелось впервые слушать стихи в мастерском исполнении этого старого русского интеллигента. И вдруг я услышала строки из далекого детства, никогда после мне не встречавшиеся: «В парке плакала девочка: “Посмотри-ка ты, папочка, у хорошенькой ласточки переломана лапочка...”». Могла ли я в те детские годы знать, что когда-нибудь окажусь в городе, где жил и похоронен поэт! Милый Юрий Дмитриевич вернул меня к воспоминаниям о маме, читавшей мне это стихотворение! Впоследствии он собственноручно записал мне в альбом эти северянинские строки - один из бесценных его автографов...

«Дом, в котором нет книг, подобен телу, лишенному души», - сказано Цицероном. О душе брата и моей родители заботились всегда. Несмотря на переезды по странам и весям, каким-то чудом сохранилась у меня книга издательства Сытина 1904 года «Оборона Севастополя». В эпитафии вынесены слова императора Александра II: «...Имя Севастополя, столь многими страданиями купившего себе бессмертную славу, и имена его защитников пребудут в памяти и в сердцах всех русских». Мы с братом зачитывались рассказами о подвигах матроса Кошки, нашими кумирами были адмиралы Нахимов, Корнилов. А вот книга стихов Надсона с дарственной отца. И вспоминается: «Только утро любви хорошо,

хороши только первые робкие встречи...». Конечно, не обошлось и без увлечения романами Лидии Чарской. Нам не мешали читать все, что мы хотели. Известно, что прочитанное в 5-8-летнем возрасте действует на воображение сильнее и запоминается лучше, чем читанное во взрослом состоянии. Прочитав Достоевского в сборнике «Достоевский для детей», я до сих пор отчетливо представляю сцены из «Неточки Незвановой» - и своенравную княжну Катю, и Фальстафа; Колю Красоткина, смерть Илюшечки из «Братьев Карамазовых»... Как тут не вспомнить пушкинское – «чтение - вот лучшее учение». А еще я всегда вспоминаю нашего замечательного учителя в дайренской школе Павла Алексеевича Дьякова. Когда он читал нам стихи Пушкина или просто рассказывал о нем, весь класс - от впечатлительных девочек до мальчишек-шалобаев - сидел не шелохнувшись. Отраднo, что у нас в Эстонии 10 лет существует Пушкинское общество, налажены контакты с Всероссийским музеем поэта и Пушкинским Домом в Петербурге, по инициативе таллинских пушкинистов в гостях побывали прямые потомки поэта, проводятся поездки по пушкинским местам России. Приятно сознавать свою причастность к Обществу любимого поэта.

Сын моего брата, повстречав свою судьбу в виде прибывшей по студенческому обмену в Тверь американской студентки, живет теперь в Штатах. Родились две девочки - Алекса и Софья. И как мило маленькие девчушки с равным успехом лепечут на английском и русском. С одобрения жены Керри Алексей заботится о том, чтобы его дети знали русский. С уважением относиться к чужой культуре и не забывать ничего своего русского – так учили нас с детства. Видимо, это передалось и моему племяннику от деда, хотя он родился, когда тот уже давно ушел из жизни.

Вспоминаю собственное свое приобщение к английскому языку. После окончания войны, когда японские войска были изгнаны из страны, американская армия вошла в восточную часть Китая. Циндао, где мы тогда жили, он использовался американцами в качестве военно-морской базы – ведь город был основан немцами в конце XIX века именно как первоклассная морская крепость. Для своих, приехавших из США, детей открыли школу. Меня и брата также определили туда учиться. Но мне поначалу совсем не пришлось по душе идея общаться со сверстниками, которые говорят на непонятном мне языке. «А ты попробуй сходить в эту школу один раз, ты ведь не знаешь, что это такое. Посмотри. Не понравится – никто тебя не будет заставлять там учиться», - сказал отец. Очевидно, мне понравилось, и я решила «удостоить» родителей своим согласием. Дети учатся языкам легко и быстро, и настал день, когда я с гордостью дома заявила: «Меня за чисто американское произношение даже миссис Адамс (учительница) похвалила, теперь я настоящая американка». Мое хвастовство отца разочаровало. «И миссис Адамс, и твои друзья во главе с Пэтси и Марджори, и вообще американцы славные люди, - однако: ты русская. И никогда не должна этого забывать и всегда можешь этим гордиться».

Дети моих соотечественников, живущих в Австралии и великолепно владеющих английским, уже родившиеся на пятом континенте, грамотно говорят по-русски. Они посмеиваются над нашими приезжими из так называемого постсоветского пространства. Иной

провел за границей года два и уже бравировать чуждыми интонациями: «Знаете, я совсем разучился говорить по-русски...»

Кстати, к вопросу об эмиграции. Как-то однажды, повстречавшись в кафе за чашкой кофе, мы разговорились с поэтом Светланом Семеновым. Рассуждая о том, о сем, вспомнили и отъезжающих в дальние края знакомых. Под рукой не оказалось листка бумаги, и тогда Светлан сделал запись в моей телефонной книжке: «Знакомый мотив! Эмигрировать или оставаться. Мотив, правда, с недавних пор потерявший остроту. Нынче эмиграция не доблесть, а личное дело любого человека».

В России после гражданской войны эмиграция для русских была большой трагедией. Но и в тех местах, где вынуждены были искать приюта русские, они все равно сохраняли свою веру, свой язык, свои традиции. И был один особый центр эмиграции, где в силу исторических обстоятельств до 1945 года сохранялась жизнь, какой она была в бывшей Российской империи, - это долгое время замалчивавшийся, но затем «открытый» русский Харбин. Осколок России, где почти 30 лет после 1917 года общественная жизнь протекала по укладу старой дореволюционной России, с тщательным соблюдением всех традиций, православных праздников и обычаев. Такого не было ни в одном пункте Русского зарубежья.

Харбин был чисто русский город, возведенный в 1898 году на северо-востоке Китая при строительстве знаменитой Китайской Восточной железной дороги. Дорога в рекордные сроки, каких еще не знала мировая практика, прошла через Сибирь, Дальний Восток и Маньчжурию. По договору между Поднебесной и Российской империями, общество КВЖД получило зону отчуждения для строительства городов вдоль магистрали. Концессия предоставлялась на 80 лет Русско-Китайскому банку, и в начале столетия управление КВЖД было смешанное, русско-китайское. Сохраняя свой русский облик, Харбин развивался как европейский центр: процветали меценатство и благотворительность, достигли небывалого расцвета высшие учебные заведения, балет, театр, архитектура, медицина, выходили русские газеты и журналы, издавались книги, и всюду слышалась русская речь. Как всегда, духовным стержнем русских за границей оставалось православие. В короткий срок в Харбине было возведено более 20 православных церквей, построенных, как правило, не за счет казны, а на пожертвования. Но ... «нет ни эллина, ни иудея». Оставаясь русским, европейским городом, Харбин был по-настоящему интернациональным. Город населяли люди различных вероисповеданий, храмы всех конфессий содержались в большом благолепии. В Харбине имелось три католических костела, две синагоги, три лютеранские кирхи, церковь старообрядцев, несколько мечетей, армянская церковь, азиатские храмы. Было множество национальных объединений, и разные национальные группы в эмигрантской среде великолепно уживались друг с другом. «Жили мы очень дружно, - вспоминает известный синолог Эдгар Каттай. - Меня никто тогда не спрашивал, латыш я или русский».

В 1920-е гг., когда красные «на Тихом океане свой закончили поход», в Харбин хлынули беженцы из Сибири и Урала. Как раз в 1919 году отец окончил Хабаровский кадетский корпус, затем приказом адмирала Колчака был направлен в Омское артиллерийское училище,

по окончании которого первый раз попал в Харбин. С остатками Белой армии перешел границу Маньчжурии с Китаем в 1920-м, поступив во Владивостоке в Государственный Дальневосточный институт, но в 1922 году приказом коменданта города был отправлен в Белую армию на Хабаровский фронт. В первом же бою в составе каппелевской армии был ранен, эвакуирован во Владивосток и в 1922 году оказался в Харбине. Приходилось заниматься частными уроками и случайными заработками: был сторожем, швейцаром, истопником, посудником, разносчиком газет. С 1925 года отец стал работать преподавателем в городских и частных харбинских школах, одновременно учась на Юридическом факультете, который и окончил в 1929 году.

Особое место в педагогической деятельности отца заняла одна из самых популярных гимназий в Харбине - Гимназия имени Ф.М. Достоевского. Состав учащихся был смешанный; воспитание велось в православном русском духе. В гимназии были организованы разные кружки - литературно-драматический, музыкальный, спортивный. Летом на хорошо устроенной площадке во дворе дети играли, зимой она превращалась в большой каток, катались на нем на больших переменах и после уроков. При гимназии имелся ученический оркестр под управлением опытного музыканта Д.И. Таирова. Директор гимназии популярный педагог В.С.Фролов был большим знатоком русской литературы. Воспитанников Гимназии имени Ф.М. Достоевского, как и выпускников знаменитого ХПИ - Харбинского Политехнического Института, - можно встретить почти во всех уголках земного шара. Однажды я получила письмо с приглашением из Квинсленда (район Большого Барьерного рифа): «Я хочу сделать что-нибудь для дочери своего преподавателя Михаила Федоровича, который в годы бедствия в далеком Харбине безвозмездно давал мне уроки».

Возвращаясь к ранению отца (возможно, после того боя он был награжден Георгием?), вспоминаю рассказ матери: хирург, чтобы спасти отцу жизнь, во время операции собрался ампутировать ногу. Отец выхватил пистолет и пригрозил застрелить доктора, если тот «осмелится», хотя бы и во благо, лишит его ноги. Вопреки предсказанию врача, отец остался жить и до конца своих дней продолжал заниматься спортом. Еще на гражданской он был инструктором гимнастики при взводе юнкеров, в харбинские годы заведовал детскими площадками, лагерями, давал уроки физкультуры в китайской, французской, американской школах, был неизменным участником городских сборных по футболу, великолепно играл в теннис и почти до последних лет жизни, к вящему удовольствию ребятни, нырял с десятиметровой вышки. Однажды, уже в советское время в харбинской школе, отцу достался класс мальчишек, с которым никто из педагогов не мог справиться. Через некоторое время ребята добились невероятных успехов в математике. «Михаил Федорович, - рассказал мне его бывший ученик Саша Мельников, - пообещал: если будем хорошо заниматься, то в конце каждого урока можно будет говорить о футболе. А по воскресеньям мы увлеченно тренировались под его руководством».

Две вещи сохранились в память об отце: серебряный кубок - приз за победу в теннисном турнире и значок выпускника Хабаровского кадетского корпуса с двумя погонями и

миниатюрной скульптуркой графа Муравьева-Амурского, чье имя носил корпус. По этому значку меня «опознал» в 1991 году на Конгрессе соотечественников Пол Шебалин - Павел Львович, отец которого, как и мой, окончил Хабаровский корпус. От него же - сама я ни разу, как это ни грустно, не была в Хабаровске - узнала, что сохранился дом генерал-губернатора Муравьева, получившего почетный титул Амурского от Российского правительства за заслуги перед отечеством. Шебалин также поведал, что пережило все катаклизмы XX века и здание кадетского корпуса, в котором учились наши отцы. Кадеты отмечают свой праздник 19 декабря. Во время пребывания в 1991 году в Австралии мне посчастливилось встретиться еще с одним кадетом - выпускником Хабаровского корпуса Петром Федоровичем Качиным. В его 90 лет память сохранила многое. Поразительно, что, взглянув на меня, он тут же вспомнил «...Мишу, который учился на одно отделение старше. Вы на него похожи».

Наш отец стал воспитанником корпуса как сын офицера, который, будучи крестьянином Саратовской губернии, отбывая воинскую повинность, в русско-японскую войну был произведен в офицеры за боевые отличия.

Из родных отца мне и брату довелось знать только удочеренную девочку Асю - Вассу Федоровну Андерсон (уже по мужу), глубоко любившую отца. Родную сестру отца Надю так и не удалось разыскать. По рассказам отца, Надя обладала незаурядными музыкальными способностями, окончила Ленинградскую консерваторию, до этого - знаменитые Бестужевские курсы. Но эмиграция разлучила близких людей навсегда. Живущая в Советской России Надежда Федоровна была замужем за известным ученым и не только не могла поддерживать отношения с братом, бывшим белогвардейцем, но даже упоминать его в анкетах. Как умерли его отец и мать и каковы были их последние дни - отец тоже не знал. Кто-то сумел передать, что скончались они во время эпидемии тифа. Кто знает? Опустили их кто-нибудь в «мертвый покой», как сказано у Вертинского в его трагической песне на смерть юнкеров. «Я не знаю, кому и зачем это нужно, кто послал их на смерть недождавшей рукой...». Ничего нет страшнее братоубийственной гражданской войны, в которой не может быть победителей. И поэтому наши родители ничего по существу не рассказывали нам о прошлом, слишком это было им тяжело.

Приехав в Союз, я и брат как привычную воспринимали лексику о классовых врагах, предателях белых, героях красных. Сейчас открыты многие архивы, и маятник качнулся в другую сторону, но снова идет идеализация одних и полное неприятие других. А как показала Великая Отечественная война, большая часть русских в эмиграции была не за белых и не за красных, а - за Россию. Вот почему для моих родителей при возможности после войны из Циндао выехать на родину колебаний не было - только в СССР. И это при том, что имелись верные и влиятельные друзья в Штатах, а мама - шутка ли сказать! - на каком-то из приемов привлекла внимание главнокомандующего союзников маршала Макартура. Друг отца полковник Коггэнс с горечью предостерегал: «Сын за отца не отвечает - лишь пропаганда. При поездке в Советский Союз вас и жену сразу же посадят как якобы аме-

риканских агентов, дети останутся сиротами». Возможно, так бы оно и произошло, если бы мы попали на теплоход «Гоголь», вывозивший русских репатриантов. Однако - вот роль случая! - родителей уговорили уступить свою очередь одной бедствующей семье - до следующего рейса. Но следующего не оказалось. И так мы попали в Советский Союз уже только в хрущевские времена.

Драматичное и смешное идут по жизни рядом. В связи с размежеванием эмигрантского русского общества, когда люди разделились на стремившихся уехать в СССР и на тех, кто собирался уехать дальше от Совдепии в Австралию, Бразилию и другие страны, возникли горячие споры по поводу того, брать ли советское гражданство (для первых) или оставаться эмигрантами (для вторых). У нас была любимая собака. Появилась она во время японского правления. Коллега моих родителей Клавдия Сафроновна Матюхинская (Боже, еще одна сложная судьба талантливого русского человека в эмиграции!) как-то привела веселого бездомного щенка, уговаривая нас его приютить. «Самим есть нечего, куда же еще собаку заводите», - запротестовали родители. И папа добавил: «Получается, ты эмигрант, как и мы». На что пес в ответ радостно залаял, почувствовав, что судьба его решена. Так и закрепилась за ним кличка «Эмигрант». Вопреки предположениям, небольшой щенок вымахал в большую грозную собаку - помесь овчарки, вероятно, с боксером или доберманом. Это был преданнейший защитник, не раз выручавший в трудную минуту. Если иногда повторяют по телевидению старый фильм «Белый клык» с Олегом Жаковым - а Джек Лондон любимейший писатель юности моей и брата, - неизменно хватает за душу кадр, когда Белый клык, преодолев все препятствия, прибегает на причал за любимым хозяином к отходящему пароходу. И я вспоминаю Эмигранта, который бросился в окно со второго этажа, разбив стекло, и с окровавленной мордой прибежал за нами вслед: мы перевозили вещи на очередную съемную квартиру, и в какой-то момент пес вообразил, будто его оставили.

Так вот, однажды наш Эмигрант, а было это в разгар страстей по гражданству, выбежал вслед за гостем родителей на улицу и мы не могли дозваться его домой. Что называется, на всю Ивановскую брат и я кричали: «Эмигрант! Эмигрант!» Знакомый милый старичок недоуменно оглянулся и, как передавали потом, был поражен невоспитанностью детей Гречишкиных, поскольку все принял на свой счет. После этого случая родители объяснили, что надо дать Эмигранту другую кличку. И стал он у нас в честь персонажа Саши Черного Мигрошкой.

И все-таки, несмотря на все перипетии жизни в эмиграции, сколько прекрасных воспоминаний осталось у всех живших в Китае соотечественников! Уникальное русское сообщество просуществовало до 1950-1960-х гг., когда опустели русские города. Сейчас есть даже такой термин - харбинистика, изучение уникального опыта жизни русских на чужбине. Во Владивостоке выходит журнал «Рубеж», восприимчик знаменитого издания, выходившего в Харбине с 1927 года. Издается Антология русской литературы Дальнего Востока. Устраиваются научные конференции, посвященные видным деятелям науки Маньчжурии.

Наиболее предприимчивые даже защищают диссертации. Хотя в самих городах по линии отчуждения КВЖД уже не слышна русская речь. С предвидением поэта писал в годы расцвета Харбина Арсений Несмелов:

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой...

Уже в 1994 году ностальгически писала о городе детства одноклассница Ирина Попова:

Харбин, Харбин, Харбин,
Последний град Руси,
Ты предан всеми был.
Прости ты нас, прости!

Немало бывших харбинцев посещает нынче знакомые - а иногда до неузнаваемости изменившиеся - места Китая. Мне же понятно то настроение, которое выразила в своих стихах живущая в Австралии поэтесса Наталья Грачева-Мельникова:

Не возвращайтесь в милый город,
Где юность светлая цвела,
И не ищите нежным взором
Резного храма купола...

Лишь пепел... да остались стены
С фасадом новым у былых:
Забьется боль, как от измены,
В сердцах и без того больных.

И не ищите лиц знакомых
И русских песен или слов...

.....

А переключка сохранится
Через границы многих стран,
Пока в живых еще харбинцы -
Последние из могикан.

Все же нельзя жить только прошлым. Не в характере русского человека унывать, культивировать перенесенные страдания свои или всего народа. Недаром в православии уныние считается самым тяжким грехом. Наши родители, пройдя через горькие испытания гражданской войны, смогли не потерять свою православную веру, жизнестойкость, оптимизм, доброту. Другое дело, что в молодости человек слишком занят собой и мало интересуется жизнью своих предков. А теперь, когда уже не осталось в живых многих близких, остается сожаление о непоправимом. О многом бы хотелось узнать, но спросить уже не у кого. «Уважение к минувшему - вот черта, отделяющая образованность от дикости». И если не всегда бываем мы ленивы, то очень часто все же нелюбопытны.

Уже когда нашей матери не было в живых, в 1995 году я сделала запрос в Государственный архив Риги (а почему бы не заняться этим раньше?). Интересно было узнать, как зарегистрировано ее рождение в Латвии. Как обыденно выглядело и сколько радости принесло это официальное сообщение: «В реестре рожденных и крещенных Рижской православной Вознесенской церкви за 1903 год имеется запись № 225 о том, что 21 октября 1903 года (по ст. стилю) в семье крестьянина Якова Яновича Кекса и его супруги Евдокии Ивановны родилась дочь Ольга Кекс. Основание (следовало перечисление пунктов и подписи ответственных лиц)». Я неоднократно бывала в Риге, но о таком храме не слышала. Естественно, задалась целью побывать на том месте, где стояла эта церковь в начале века. Что там теперь - современная застройка? Поле? Парк? Поиски решила начать с наведения справок в рижском соборе. Каково же было мое изумление, когда услышала: «Вознесенская церковь? Сегодня она закрыта. Служба состоится только в воскресенье». Стало быть, церковь существует и поныне! С трепетом поехала я в указанный район. Дверь в храм почему-то оказалась открытой. Навстречу вышел молодой батюшка. Рассказал о том, что купель стоит на том же месте, что и век назад. Сейчас приход принадлежит православным латышам и окормляется Московской патриархией. Еще одна удивительная подробность: оказалось, что имя священника - Ростислав, именно так зовут моего брата.

Брат со своей семьей живет сейчас в славном городе на Волге - Твери, когда-то соперничавшей с Московским княжеством. Современные тверитяне не преминут отпустить шуточки на этот счет. Являясь профессором Тверского государственного университета и известным специалистом в области физики магнитных явлений, брат научные статьи (при публикации в зарубежных изданиях) пишет сразу на английском. Конечно же, и при выступлениях на международных симпозиумах ему не требуется переводчик. Он занесен по разделу физики в одно из изданий *Who's Who in the World* и сейчас активно задействован в программе Академии наук Франции. И при всем при этом он вовсе не намерен куда-то «утекать мозгами» (иногда создается впечатление о некотором преувеличении ситуации в России на этот счет), а, наоборот, много сил отдает выращиванию молодых научных кадров, его аспиранты успешно защищают кандидатские диссертации.

В архиве Свердловского телевидения (если таковой еще существует!) можно было бы

найти фильм «Белый снег», посвященный джаз-оркестру Клуба железнодорожников, где брат играл на рояле. К нему проявлял в свое время интерес оркестр Олега Лундстрема. (Как известно, коллектив этот также сформировался в Китае.) Именно брату передалась музыкальная одаренность моих родителей. Однако основной специальностью он все-таки выбрал физику. Кстати, еще раз к вопросу о языке. Родители в детстве зорко следили за нашей речью. Никаких «ложить», «извиняюсь», «междугородний», «в церквях», «полът», «ихний» и пр. Как-то мой коллега заметил Ростиславу (тогда молодому человеку): «Вот я в технике плохо разбираюсь, в отличие от тебя, зато грамотен, не наделаю в тексте ошибок, как ты; каждый - специалист в своей области». Братец мой, человек, в общем-то, покладистый, вдруг возмутился, предложив на спор написать диктант. Ошибок не обнаружилось ни одной, пари «гуманитарий» проиграл. (С этих позиций меня не перестает изумлять вопиющая безграмотность в общем-то способных ребят на конкурсах русского языка в передаче «Умники и умницы». Что ж, таковы плоды нынешней системы гуманитарного образования в современной России.)

Наш отец, несмотря на трудную жизнь, был очень энергичным, веселым, компанейским человеком, что называется, душа компании. Понятия дружбы для его поколения офицеров были святы. Я хорошо помню одного из близких ему людей - Игоря Александровича Мирандова. В прошлом полковник царской армии, в Харбине, а затем в Советском Союзе он прославился как блестящий лектор и знаток литературы и русской истории; его глубокие знания, оригинальность мышления оказали сильное влияние на многих и многих его учеников и коллег. Неизменно во все годы в Китае соблюдались пасхальные обычаи. Я еще застала время, когда даже незнакомые, случайно встретившись на улице, приветствовали: «Христос Воскресе!» Любили праздновать с русскими и многочисленные иностранцы. На первый день Пасхи, после заутрени, мужчины должны были нанести визит и поздравить всех знакомых. Запомнился мне рассказ, как Игорь Александрович и отец достигли «высокой степени искусства» в своем тандеме. Сложность была в том, чтобы, начав обход с утра, не «сломаться» где-нибудь к середине дня от пасхальных яств и выпивки и правильно рассчитать свои силы до вечера. «Среднестатистическое» количество визитов доходило до сорока. Безусловно, помогало и хорошее знание обычаев гостеприимства в разных домах. А что касается алкоголя - я вообще ни разу за всю свою жизнь не видела отца опьяневшим, потерявшим контроль над собой. Когда мы повзрослели, нам было сказано: «Никто вам не запрещает пить. Но вы должны хорошо знать свою меру». В русском офицерском обществе недопустимо было выглядеть пьяным. А если кто-то вдруг чувствовал, что сдает, то, по свидетельству отца, обращался к присутствующим со следующими словами: «Простите, господа, я вынужден вас покинуть. Я сегодня, кажется, немного устал».

Однажды писатель Арво Валтон, со свойственной ему иронией, вспомнил слова одного из собратьев по перу: «Ты вот в Сибири побывал, опыт приобрел, кругозор у тебя огромный». Как тут не обратиться опять к нашему поэту-мыслителю: «Говорят, что несчастье хорошая школа: может быть. Но счастье есть лучший университет. Оно довершает вос-

питание души, способной к доброму и прекрасному». Конечно, любой опыт полезен. Но старшему поколению всегда хочется надеяться, что молодежь избежит тех испытаний, которые выпали на долю родителей. Молодым тоже нелегко, им выпало жить в эпоху больших социальных и политических перемен. И трудно сохранять самостоятельность мышления в условиях массовой культуры, зомбирования электронными СМИ, насаждаемых стереотипов поведения. Остаться самим собой - задача нелегкая во все времена, и в эмиграции особенно. Об этом свидетельствуют судьбы и отдельных людей, и народов.

Юный воспитанник Хабаровского графа Муравьева-Амурского
кадетского корпуса Михаил Гречишкин
Надпись от руки: "Х.К.К. 2 рота"

Юный кадет М. Гречишкин с семьей

М.Ф. Гречишкин

Ожившая скульптура.

Красивая постановка I Харбинской Частной гимназии.

Занятия спортом в большинстве харбинских учебных заведений стоят на должной высоте. Спортм занимаются и мальчики и девочки. Но преподаватели гимнастики знают мѣру возможнаго и чередуют занятия с ученицами спортом в его чистом видѣ с занятиями пластической.

На спортивном вечерѣ I Харб. Русской Частной гимназии, в «День Русскаго Ребенка», ученицы этой гимназии продемонстрировали публикѣ очень красивую и интересную по замыслу пластическую постановку.

Скульптор закончил послѣднюю из своих больших работ в духу античнаго мѣра и, усталый, отдыхает, любуясь

своими творениями. И вдруг ему кажется, что статуи его ожили... Онѣ подходят к нему, окружают его, и статуя Сладки вѣнчает голову его вѣнком.

Вся картина проходит под удачно подобранную музыку и декламацию стихов, написанных автором и режиссером постановки, преподавателем гимнастики М. Ф. Гречишкиным.

«Живая скульптура» очень понравилась публикѣ. Юные исполнители очаровали всѣх своей граціей и пластичностью движеній.

Здѣсь мы даем зарисовку постановки, сдѣланную талантливейшей молодой художницей Вѣрой Чураковской.

Автор и режиссер постановки
преподаватель гимнастики М.Ф. Гречишкин

Русский бал

Русские за границей следовали любимой традиции: устраивали балы, чаще всего с благотворительными целями. В тот год мама получила первый приз за платье в виде веера, ею же сшитое

Театр – непроходящая любовь и взрослых и детей. Циндао

Федор Иванович Шаляпин по выходе из знаменитого циндаоского кафе
Снимок сделан в Циндао с помощью старого фотоаппарата-коробочки
"Агфа" 5 марта 1936 года

На международном кладбище Циндао, где каждый год совершалась панихида у братской могилы русских моряков. (По требованию японских властей белоэмигранты обязаны были носить белые повязки.)

Именно в немецкую крепость Цингтау на Шаньдунском полуострове в июле 1904 года удалось после тяжелых боев прорваться броненосцу «Цесаревич». На памятнике надпись: «Доблестным защитникам Порт-Артура, скончавшимся в Цингтау. От эскадренного броненосца «Цесаревич». Памятник, как и международное кладбище, был уничтожен в 60-х годах. Об этом акте вандализма времен «культурной революции» сожалеют теперь и сами китайцы.

С братом Ростиславом

В саду циндаоской православной церкви
В русских гимназиях учащиеся носили школьную форму. Девочки по праздникам надевали белые пелерины и фартуки.
Вторая слева - Софья Брусиенко (Игнатьева), живущая сейчас в Челябинске и много сделавшая для восстановления истории русской эмиграции в Китае и, в частности, в Циндао

Передача Свердловского телевидения «Гости Московского международного кинофестиваля» (эфир 24 июля 1969 года)
Ведущая - редактор программы О.Гречишкина и три сестры Марины Влади (Поляковой) – актрисы Одиль Версуа (Татьяна Полякова), Элен Валлье (Милица Полякова-Байдарова), Ольга Варрон (Полякова)

Архипелаг ГУЛАГ – эстонский остров

Наталья Ликвинцева (Москва)

Такая рубрика появилась в 1994 году в первом же номере одного из лучших русскоязычных журналов, издаваемых в Эстонии, — «Вышгороде». Его редактор, Людмила Францевна Глушковская, справедливо считает, что культура неотделима от истории, ее настоящее связано с осмыслением прошлого. Созданный Солженицыным грандиозный образ архипелага ГУЛАГ, как раковая опухоль, разрастающегося и покрывающего собой пространство бывшего СССР, не мог не коснуться Эстонии, которая стала еще одним островом этого зловещего архипелага. Расстрелянными, арестованными, высланными, как и повсюду, оказывались лучшие, — как эстонцы, так и русские. Их голоса звучат со страниц журнала.

Первым таким голосом стало свидетельство о своем времени Тамары Павловны Милютиной (1911 – 2004), еще до выхода книги ее воспоминаний опубликованное в первом номере «Вышгорода»: «Сыновьям. Люди моей жизни». В названии книги, изданной в Тарту в 1997 («Люди моей жизни»), исчезнет это обращение к сыновьям с оттенком завещания. С фотографии смотрит красивое лицо с открытым взглядом. Внутренний свет и доброжелательное приятие мира — то, что больше всего поражает в ее воспоминаниях. Свой рассказ об аресте, лагерях, расстрелянном первом муже Тамара Павловна начинает нотой счастья: «Несмотря на все утраты и потрясения, я воспринимаю прожитую мною жизнь как счастливую». Эта нота счастливой благодарности за прожитую жизнь и встреченных в ней людей делает мемуары Милютиной потрясающим документом эпохи. Перед читателем встает сначала жизнь русской диаспоры в довоенной независимой Эстонии, ставшая частью культурного ренессанса русского послереволюционного зарубежья.

В 1930 году Тамара Бежаницкая, студентка филологического факультета Тартуского университета и активный член Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Эстонии, вышла замуж за удивительного человека - И.А. Лаговского, преподавателя Свято-Сергиевского богословского института в Париже, редактора журнала «Вестник РСХД». Три года - 1930-1933 - супруги проводят в Париже, и со страниц воспоминаний Тамары Павловны предстают философы и профессора богословского института, живая атмосфера РСХД, и главное — люди: мать Мария (Скобцова), отец Сергей (Булгаков), Борис Вильде, многие другие. В 1933 году Лаговская вернулась с мужем в Эстонию, принимала здесь участие в издании «Вестника». В 1940, после установления советской власти, оба были арестованы: Иван Аркадьевич расстрелян, а Тамара Павловна начала долгий путь по кругам гулаговского ада. Четырнадцать месяцев провела она в Александровском центральном лагере, затем была направлена в Тайшетлаг (Иркутская область) и в Мариинские лагеря (Кемеровская область). В 1946 году была освобождена, а в 1949 повторно арестована. Работала на лесоповале в Красноярском крае, где вышла замуж за Ивана Корнильевича Милютина, родила

двоих сыновей, в 1957 году вернулась в Эстонию. Ее лагерные воспоминания («Одна из пятьдесят восьмых») — удивительный документ эпохи, свидетельство о том, как можно остаться человеком в нечеловеческих условиях.

В 2004 году Тамары Павловны не стало. Уходят из жизни люди, которые сами стали эпохой, которые вынесли на себе всю тяжесть времени и претворили эту тяжесть в глубину мысли или проникновенность культуры. Чтобы успеть услышать голоса тех, кто еще жив, передать их взгляд, тембр голоса, неповторимое течение речи, мы с Людмилой Францевной (я с кинокамерой, она с диктофоном) отправляемся в гости к бывшим зекам и ссыльным. Съемка делается для видеоархива московской библиотеки-фонда «Русское Зарубежье», само создание которой тесно связано с инициативой А.И. Солженицына по собиранию мемуарной библиотеки, по сбору свидетельств людей, еще хранящих память о недавнем прошлом. Первый наш визит — к удивительному человеку, Наталии Николаевне Паульсен, художнику-акварелисту, на картинах которой предстают мирные виды таллинских улочек, красочные цветы и эстонские пейзажи. Дочь известного архитектора Николая Паульсена, выпускница Ревельской гимназии, 13 июня 1941 года Наташа вернулась в родной Кивиыли после выпускного вечера и не успела еще распаковать чемодан с выпускным платьем, как той же ночью за их семьей пришли. В тесных, до отказа набитых теплушках вывозили в Сибирь цвет эстонской и русской интеллигенции. Всю дорогу она держала на руках двухлетнюю сестренку Настеньку — у девочки была высокая температура. Сдержанно рассказывает Наталья Николаевна о пережитом: о душных вагонах и зловонной барже, мимо которой плыли человеческие трупы, о спецпоселке на Васюгане, о невыносимых нормах, которые нужно было выполнять, чтобы получить пайку хлеба для родных, об отце, встреченном в дороге и канувшем после этого в неизвестность (она до сих пор не знает ни даты, ни места его гибели), о смерти брата Коли, болезни мамы и Настеньки.

Странно скрещиваются человеческие судьбы: именно восемнадцатилетняя ссыльная Наташа Паульсен хоронила Марию Владимировну Карамзину — может быть, лучшего поэта русской диаспоры в Эстонии, корреспондентку Ивана Бунина, высоко ценившего ее стихи. В 2008 году в Таллине, стараниями Л.Ф. Глушковской, вышла книга Марии Карамзиной «Ковчег», — в ней собраны ее стихи и письма и воспоминания о ней. Типичная талантливая представительница русскоязычной интеллигенции в Эстонии, Мария Владимировна жила насыщенной творческой жизнью, освещенной стихами, исканиями, встречами с удивительными людьми, рождением сыновей, ощущением хрупкого счастья. Вадим Макшеев такой вспоминает Марию Карамзину в ссылке: «Помню Марию Владимировну в ту последнюю в ее жизни весну. Исхудавшую, отчаявшуюся, с обреченным взглядом. Она понимала, что не увидит ни мужа, ни старшего сына, понимала, что не в силах спасти двух младших... Бунин, поэзия, прошлая жизнь — все ушло, исчезло, как сон, впереди была смерть». Наташа Паульсен, пришедшая в Новый Васюган похоронить умершего накануне в больнице брата Колю, нашла в бревенчатом сарае, служившем мертвецкой, и тело Марии Владимировны.

Наталья Николаевна вспоминает: «Я подняла ее — невесомая, одна кожа да кости, и бритая... Было очень ясное майское утро, не холодное. Я вынесла и положила ее просто на землю. Отошла, оглядываюсь: у нее голова светится. Думаю, Господи, она, наверное, — святая... Первое, что я подумала, — святая... Понимаете?.. Я тогда тоже еще совсем девчонкой была, почти ребенком... Подошла поближе, смотрю, это вши... вот как шапка... Они на солнце прозрачные стали, а я подумала, что это сияние...».

В декабре 2008 года в московской библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» пройдет выставка «Архипелаг ГУЛАГ – эстонский остров», организованная БФРЗ совместно с журналом «Вышгород». На ней были представлены книги, картины, документы, фотографии, свидетельства о жертвах сталинских репрессий, их судьбах, их вкладе в эстонскую и русскую культуру, вкладе, ставшем нашим наследием.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И РУССКИХ В ЭСТОНИИ

Знать и помнить

Олег Тез (Таллин)

Переживать тревожные явления современной жизни и решать насущные проблемы легче коллективно. И в 1997 году собрались несколько бывших советских офицеров, живущих в городе Таллине, решили приложить силы к уходу за воинскими захоронениями и взять под опеку ветеранов Второй мировой войны Ласнамяэ, одного из районов эстонской столицы. На тот момент в районе проживало более 400 ветеранов, бывших узников концлагерей и тех, кто пережил блокаду Ленинграда.

В Эстонии в целом и во многих городах страны в 1990-е гг. создавались общественные организации республиканского и местного значения. Изначально многие энтузиасты направляли свои силы в наиболее активные республиканские организации, так и ласнамяэская группа начала активную работу в составе Республиканского Союза ветеранских организаций, вместе с деятельными участниками Второй мировой войны. Однако через некоторое время городские районы получили в составе Республиканского Союза самостоятельный статус, и в марте 2001 года было зарегистрировано Ласнамяэское объединение военных ветеранов «Рубин», одним из приоритетных направлений деятельности которого стала военно-мемориальная работа по уходу, в начальной стадии, всего за несколькими братскими могилами на военном кладбище Таллина.

«Рубин» объединил стремящихся сделать что-то полезное для общества, сохранить то, что памятно, что, как хочется верить, временно передается забвению и непониманию – это солдатские памятники, надгробия, монументы. Убеждение, что свидетельства печальной мировой истории имеют исключительную важность для потомков, стало определяющим в жизни каждого члена общества «Рубин», тем более что воинские захоронения не получили до сих пор определенного статуса в межгосударственных соглашениях России и Эстонии. После вывода войск Советской Армии из Эстонии многие документы по воинским захоронениям осели в архивах Министерства обороны Эстонской Республики, другие отошли российским архивам. Отсутствие полного и четкого учета позволяет тревожить память героев, поступая вольно с памятниками и монументами. Некоторые мемориальные плиты исчезли бесследно, некоторые претерпели изменения надписей, например, русский язык текста на памятнике может быть транслитерирован на эстонский, английский или иврит. В некоторых случаях формулировка заменяется вообще.

В истории Эстонии есть удивительные наглядные примеры другого рода, например, в поселке Коце на фасаде старинной церкви XV века, близ которой упокоился знаменитый русский путешественник и писатель Отто Евстафьевич Коцебу (1787—1846), сто с лишним лет хранится надпись на эстонском и русском языках, рассказывающая об этой церкви. Жаль, что такие примеры единичны.

Подготовка и празднование 60-летия победы во Второй мировой войне вызвало бурный рост вандализма по отношению к памятникам на захоронениях воинов Советской Армии в Эстонии.

Этому способствовали два момента: отсутствие российско-эстонского соглашения по уходу за воинскими захоронениями и однобокая работа СМИ, способствующих созданию в обществе мнения о заброшенности захоронений с предложениями какие-то памятники убрать вовсе, перенести, заменить, объединить и так далее. Исходя из сложившейся ситуации общество «Рубин» взяло под контроль максимальное количество воинских захоронений в Харьюском уезде города Таллина, обозначив основной целью – приведение и поддержание их в приличном состоянии, с посадкой цветов, с установкой зажженных свеч по возможности к релевантным датам и событиям.

Опубликованный в январе 2006 года указ президента Российской Федерации конкретизировал «Вопросы увековечивания памяти погибших при защите Отечества». Это решение расширило возможности в организации военно-мемориальной работы за рубежом, в том числе и в Эстонии, в эту работу включилось и общество «Рубин». К сожалению, эстонские военные архивы, вывезенные в 1993 году в Подольск, не доступны, существует даже версия об их утрате, потому воинские захоронения группе пришлось самостоятельно искать, исследовать, фотографировать и просто приводить в порядок. За год, объединив усилия с историческим обществом «Монумент», группе удалось объехать всю территорию Эстонии, инспектируя и картографируя воинские памятники и их состояние, по результатам осмотров создавая реестр воинских захоронений. Основой для работы послужили сводные данные о братских захоронениях советских воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны на территории Эстонской республики. По состоянию на 1993 год в Эстонии – 229 братских могил, 42 памятных знака и мемориала.

В некоторых городах и районах Эстонии местные власти сами по собственной инициативе сохраняют и поддерживают в надлежащем виде памятные места. Однако за прошедшие 15 лет ситуация меняется в худшую сторону: на монументах, выполненных из доломита, стираются фамилии павших воинов, некоторые исчезают безвозвратно. Природные факторы и действия вандалов также способствуют этому. Департамент охраны памятников старины придерживается позиции «сами не сделаем и другим не дадим», не разрешая проводить общественные работы по восстановлению и реставрации памятников, например, обелиска на братской могиле в Марьямаа (Раплацкий уезд). Взамен предлагается установить новый обелиск. Замена старых памятников на новые зачастую приводит к полной потере их исторического значения, исчезновению слоя культуры. На братском кладбище в г.Кейла, где в разное время захоронено около 200 погибших, установлен новый общий памятник взамен именных плит с фамилиями павших воинов. «Рубину» удалось отыскать часть архивных документов из школьных музеев, фотоматериалов прошлых лет, переписку родственников погибших с музеями Эстонии. На этой основе восстановлен весь список всех похороненных в Кейла. Несомненной удачей можно назвать находку в частном

архиве архитектурного плана, утвержденного государственными структурами Эстонии, и фотографии безвозвратно исчезнувшего памятника узникам концлагерей. Живы до сих пор некоторые русские и эстонцы, которые прошли немецкий плен, вернулись, участвовали в создании и установке этого памятника и теперь его потеряли. На братской могиле в местечке Руйла Харьбюского уезда в начале 1990-х гг. памятная доска с фамилиями была полностью разрушена и считалась утраченной, идет работа над ее восстановлением и есть надежда на возвращение на первоначальное место.

В ходе работы деятельность общества «Рубин» по поддержанию воинских захоронений в достойном виде дополнилась поисковой работой: члены группы начали собирать и уже собрали приличную библиотеку военно-исторических изданий 1940-1990-х гг., изучают судьбы героев. Исследования приводят к новым находкам, систематизации событий военных лет, будь то по крупицам воссоздаваемая ситуация боев во время героической обороны Моонзундского архипелага или гибели каждого из павших защитников острова Осмуссаар - за каждой фамилией на обелиске стоит героический подвиг.

Находки бывают совершенно неожиданные: в одном из путеводителей 1970-х гг. упоминается памятник на месте захоронения пограничника Петра Родионова, погибшего 22 июня 1941 года. Информация удивила и озадачила несоответствием. Начался поиск, удалось провести ряд встреч и бесед с ветеранами-пограничниками, служившими в Эстонии, исследовать ряд документов. Из воспоминаний одного из участников событий на хуторе, недалеко от литовского города Таураге, стало известно, что застава приняла первый бой уже в двадцать минут четвертого 22 июня 1941 года, и в первые же минуты боя погиб начальник заставы; командование заставой принял на себя Родионов. Пограничники не отступили ни на шаг, в живых остались единицы, прошли ужасы плена, сохранили и донесли до нас истории героев-однопольчан и их подвигов. А в августе 1963 года одной из пограничных застав в Эстонии было присвоено почетное имя «Застава имени Родионова», фамилия героя была высечена на памятном камне символической могилы у заставы, что ввело в заблуждение якобы он похоронен в Эстонии. Удалось уточнить и обосновать информацию о гибели и захоронении Петра Родионова в Литве, и об установлении в его честь памятного, а не надгробного памятника в Эстонии.

Кроме Харьбюского уезда, инициативная группа периодически выезжает для контрольных осмотров захоронений в соседние уезды, где, в случае необходимости, оперативно принимаются конкретные меры по достойному содержанию памятников. В 2008 году удалось привести в порядок два больших захоронения под Пыльтсамаа и под Йыгева. На очереди многие остальные.

Возвращаясь к отсутствию договора между Эстонией и Россией о воинских захоронениях, нужно отметить, что косметический уход за ними не противоречит законам Эстонии, однако не разрешены строительные и крупные реставрационные работы, поэтому «Рубин» на современном этапе видит свою задачу в сохранении и сбережении того, что есть. На братской могиле в Сиймусти в 1967 году был установлен монумент высотой семь

метров, выполненный из сааремааского доломита: две незавершенные колонны символизируют оборвавшуюся жизнь, воин с поднятой рукой предостерегает от ужасов войны. Перед монументом установлены 23 именные плиты с воинскими званиями и фамилиями воинов Советской Армии. Плиты со временем покрылись мхом, почернели, надписи стали недоступны для чтения. Общество решило по возможности восстановить имена павших. Удивительны эмоции, которые пробуждает деятельность «Рубина»: во время восстановительных работ, помимо слов поддержки и благодарности, местные жители присоединялись к членам группы, помогали, как могли. Смерть в бою вызывает неизменное уважение, невзирая на смутные времена.

Хотелось бы, чтобы история учила не только агрессии, которая уже принесла плачевные результаты: в 1939-1940 гг. были уничтожены все памятники военной истории Эстонии, в 1960-е гг. исчезло старинное историческое военное немецкое кладбище в Таллине в районе Копли с уникальными надгробными скульптурами, фамильными склепами, часовнями. Столь же странные перипетии проживает сегодня военное кладбище Александра Невского. Зачем повторять негативный опыт? Погибшие ничего не могут сказать, потому с ними легче управляться? На военном кладбище Александра Невского сначала упокоились воины Эстонии, так называемые антибольшевики, затем могилы сровняли. На этой суровой и скорбной равнине стали хоронить воинов Советской Армии. Здесь же сохранились несколько памятников воинам царской армии, шведским и английским солдатам, теперь появились новые захоронения воинов второй Эстонской Республики. Эти солдаты воевали в разные времена и порой друг против друга. В апреле 2007 года на это кладбище перенесли памятник Бронзового солдату. История этого кладбища – история войн. Жаль только, что из-за уничтожения захоронений, на этом историческом пространстве много белых пятен.

Старинные русские поселения в давние времена начинались с закладывания места для будущих захоронений, затем вокруг строилось само городище. Только человеку присуще заботиться об ушедших предках. Живые, прежде всего, думали о защите своих некрополей. После переноса Бронзового солдата на военное кладбище многое изменилось в сознании людей: возникли инициативные группы, считающие своим долгом оказать помощь в поддержании порядка на военном кладбище. Эти устремления абсолютно осознанны и бескорыстны. Почти каждое воскресенье приезжают на военное кладбище люди и, избегая какой бы то ни было рекламы, убирают территорию, ухаживают за могилами сотен молодых парней, погибших в годы войны. Такие энтузиасты появились в последние годы и в других городах Эстонии, а значит, есть надежда на формирование в обществе терпимости, взаимоуважения.

Во время работ по сохранению захоронений расширяется список адресатов, а соответственно, и задачи общества «Рубин»: на историческом кладбище Метсакальмисту в Таллине, где упокоились два президента Эстонии, знаменитые люди страны, в том числе всемирно известный певец Георг Отс и шахматист Пауль Керес, в 1968 году был захоронен герой СССР и народный герой Югославии военный летчик Павел Никитович Якимов. В

Эстонии не осталось его родственников, да и сами страны Югославия и СССР сохранились только в анналах истории. Раньше ответственность за память героя, как миссию, осуществляли бывшие югославские партизаны, живущие в Эстонии. В 2006 году они, будучи уже в преклонном возрасте, обратились к обществу «Рубин» с просьбой принять эстафету памяти. Такая же просьба к НО «Рубин» поступила от вдовы воина-афганца Веры Куровской – взять под опеку несколько захоронений молодых таллинских ребят, погибших в Афганистане, родственники которых не живут более в Эстонии, речь шла об Андрее Живилове, Юрии Гореликове и других. Кому нужна была эта война? Во имя чего погибли мальчишки, которым не было и 20 лет, когда их жизнь оборвалась в очередном военном конфликте?

Однажды в книге воспоминаний ветерана войны удивила информация о фронтовом враче, работавшем в блокадном Ленинграде, затем прошедшем другие фронтовые медицинские пути и далее оказавшемся в Таллине. Поиски позволили обнаружить его заброшенную могилу, выяснилось отсутствие родственников у врача; обществом «Рубин» восстановлена несправедливость, захоронение содержится в порядке. На историческом кладбище Метскальмисту на могильной плите два имени, одно – капитана Михаила Федоровича Пастернака, погибшего в августе 1941 года в районе хутора Лоопери. Два воина – это уже братская могила, и «Рубин» включил в свой список еще один адрес. Сколько еще не охваченных? В силу занятости на основной работе члены общества охватили уходом и заботой пока еще не все массовые захоронения в местах казней, где установлены памятники жертвам фашизма. Главное, что практически все они учтены, памятники, установленные в этих местах, в основном зарегистрированы, работа продолжается. Кроме всего прочего общество «Рубин» работает над сохранением исторических фактов, учитывая новые тенденции – замену на памятниках пояснительных надписей, приводящих к искажению событий. К примеру, на кладбище Метскальмисту в Таллине памятник, установленный на месте массовых казней в августе 1944 года, совсем недавно заменен на новую плиту с надписью о расстрелянных на этом месте евреях.

Достаточно прочитать воспоминания прошедшей через фашистские застенки тюрем и лагерей Меты Ваннас, заключенной Центральной («Батарейной») тюрьмы, описывающей, как за одни сутки была проведена расправа над ее товарищами, среди которых имена и фамилии людей разных национальностей. Сохранились также немецкие архивы и списки расстрелянных. Закономерно было бы поставить рядом с прежней новую мемориальную плиту, как это сделано на месте бывших «исправительно-трудовых» лагерей в Пыллкюла, Эреда, Вайвара, Сомпа и других. А лучше всего сохранять памятник или мемориал в первоизданном виде – историческую память о том или ином событии, срез культуры и уровень духовности страны.

Невольно напрашиваются вопросы: нужны ли современному человеку знания истории или достаточно менеджмента и экономики? Историю учат или у истории учатся? Конечно, нужны знания истории, формирование культурных, духовных и иных ценностей, для чего необходимо, говоря об историческом процессе, придерживаться объективного взгляда, не

искажая и не отрицая исторических реалий. К чему повторять ошибки истории? В наше парадоксальное время, когда формирование нравственных ценностей в основном возложено не на школу (раньше это была общегосударственная задача), а на политический ресурс, необходимо знать и помнить историю, предлагать молодому поколению информацию к размышлению, вместо уже неудачного опыта из нашей же недавней истории ликвидации фактов под девизами «кто был никем, тот станет всем», «мы наш, мы новый мир построим» – разрушение памятников, взрывы церквей, уничтожение исторических кладбищ с уникальными скульптурными комплексами над фамильными склепами и так далее. В наше время во многих городах мира некрополи становятся частью городских достопримечательностей и объектами изучения ученых.

Эстония – страна пограничная между Западом и Востоком, веками располагавшаяся на пересечении разнородных экономических и политических интересов, а значит, и войн. С Эстонией связано множество судеб мореплавателей, деятелей науки и культуры, художников, писателей и военных.

Общество «Рубин» стремится в своей деятельности к сохранению страниц истории. С приближением очередного выходного уже готов новый маршрут поездки по местам боев – это может быть дальний адрес, а может быть место боев в августе 1941 года при обороне Таллина; каждый раз предстоит обследовать пять – шесть объектов. Перед поездкой обязательно освежается память – с помощью книг, документов, рассказов очевидцев. Бывают случаи, когда «Рубин» становится первооткрывателем фамилий и новых эпизодов упорных боев. История не терпит несправедливости, она дает шанс оценить, выбрать, понять, что-то сделать. А иногда что-то предпринять, чтоб не допустить очередной несправедливости. В Раквере на улице Кастани на братской могиле установлен величественный монумент из доломита, каких в Эстонии насчитываются единицы. Время делает свое дело, и фамилии девятнадцати погибших воинов сегодня прочитываются с трудом. В парке построили детскую площадку, тут же появился повод поставить вопрос о переносе братской могилы на городское кладбище, где уже есть «неучтенный», а потому и ветшающий монумент с надписью «Не забудем. Не простим». Сценарий неудачного спектакля столицы Эстонии с Бронзовым солдатом повторяется? Во всяком случае, официальные объяснения аналогичны: реставрация, благоустройство, троллейбусная остановка, перенос захоронения на военное кладбище. Не навредить – главное условие в сохранении гармонии в обществе.

По данным на 1993 год на территории Эстонии захоронен 48 191 погибший в боях воин. Этот список может быть продолжен – именами расстрелянных, умерших от ран, неизвестных. В течение последних 15 лет поисковые группы Ида-Вирумаа (Северо-Востока Эстонии) и города Маарду нашли и перезахоронили останки более 300 воинов Советской Армии. С каждым годом все труднее идентифицировать останки, очень мало документов о павших в 1941 году. Вопросов больше, чем ответов. Так, один из участников героического прорыва 31-го отдельного стрелкового батальона численностью около 500 человек вспоминал о передвижении на восток по тылам вражеских войск, с попаданием в засаду.

Вырвались из смертельного кольца после штыковой атаки единицы. В строю остался 41 человек. А в лесах Ида-Вирумаа осталась братская могила. Где она? Неизвестно. Таких примеров еще много, еще не все солдаты преданы земле.

... На историческом кладбище в Турции лежат солдаты разных стран, разных периодов лихолетий. Смотритель однажды удивился вопросу иностранцев: «Кто лежит на этом кладбище? Ваши враги или земляки?» Пожилой турок ответил: «Это живые люди могут классифицироваться в категории – друзей, врагов, родных, земляков. А когда упокоятся, то они – сыны той земли, которая их приняла... Это сыны Турции, и мы должны заботиться об их памяти». А мы как помним? Как заботимся?..

Братская могила в Марьямаа

Братская могила в Кейла

Братская могила на острове Осмуссаар

Братская могила в Сиймусти

Монумент (Бронзовый солдат) в Таллине

Захоронение воина-афганца Юрия Гореликова, Таллин

Мемориал на городском кладбище Метсакальмисту, Таллин

Медийная дискуссия вокруг «Бронзового солдата»: попытка диалога¹

Аида Хачатурян (Таллин)

Ни один из спорящих не должен отказываться от своих убеждений, но, непреднамеренно совершая что-то, они приходят к чему-то, называемому союзом, вступают в царство, где закон убеждений не имеет силы.

Мартин Бубер

В настоящей статье предпринята попытка выявить основные аспекты и тенденции дискуссии, развернувшейся вокруг памятника Неизвестному солдату (именуемому после описываемых событий «Бронзовым солдатом»²) на страницах периодической печати Эстонии в преддверии и после 9 мая 2006 года. В связи с остро обозначившейся в современную эпоху проблемой культурного диалога, без которого немислимо благоприятное развитие межнациональных отношений в любом обществе, автор данного исследования счел возможным взглянуть на медийную полемику вокруг монумента как на попытку диалога и задаться вопросом – насколько он состоялся или не состоялся, способствует ли он дальнейшему движению полемизирующих сторон навстречу друг другу или удалению друг от друга на еще большее расстояние? Ибо, по замечанию Ю.М. Лотмана, «диалог культур сопровождается нарастанием неприязни принимающего к тому, кто над ним доминирует, и острой борьбой за духовную независимость <...>».³

Выборку исследования составили проблемные статьи представителей русской и эстонской интеллигенции Эстонии, опубликованные в центральных газетах «Eesti Päevaleht», «Postimees» (в том числе и в выпуске на русском языке), «Eesti Ekspress», «Молодежь Эстонии» и «Вести дня»⁴ в период своеобразного «взрыва» дискурса – с мая по октябрь 2006 года.⁵ В статье предпринимается попытка реконструировать диалог между разными периодическими изданиями⁶.

- 1 Первичная публикация данной статьи состоялась в сборнике «Диалог культур II» (Издательство Таллинского университета, 2007). В настоящем сборнике статья публикуется под другим названием, отражающим смещение точки зрения на проблему и с соответствующими изменениями в содержании.
- 2 Речь идет о монументе павшим в Великой Отечественной войне бывшим воинам СССР, созданном скульптором Э. Роосом и архитектором А. Аласом и установленном в 1947 г. на горке Тынисмяги в Таллине. В дальнейшем в тексте статьи (за исключением цитат) используется аббревиатура *БС*.
- 3 *Лотман Ю.М.* Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении. – Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-х т. Т.1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С.123.
- 4 Согласно данным статистики, тиражи газет в 2006 г. в разные месяцы составили: «Postimees» – 63,0–66,7 тыс. экз.; «Eesti Ekspress» – 45,2–50,8; «Eesti Päevaleht» – 32,0–36,3; «Postimees» (на русском языке) – 16,1–25,2; «Вести дня» – 9,2–10,1; «Молодежь Эстонии» – 7,1–8,0 (см.: <http://www.eall.ee/tiraazhid/index.html>).
- 5 В дальнейшем авторские статьи в печати появлялись, однако бурная медийная полемика постепенно начала утихать.
- 6 За рамками исследования оставлены хроника событий, письма и мнения читателей преимущественно эмоционального характера.

Несмотря на то, что освещали интересующую нас тему все упомянутые газеты, особенно жаркая дискуссия развернулась на страницах «Eesti Päevaleht», «Postimees», «Вестей дня» и «Молодежи Эстонии»: авторы публикаций из одного периодического издания ссылаются на публикации из другого, поддерживая или оспаривая предлагаемые в той или иной газете методы решения проблемы. В целом эстонский медийный дискурс вокруг *БС* представляет широкий спектр суждений – от протеста (памятник идентифицируется как символ оккупационного советского режима, символ зла) или сакрализации (памятник воспринимается как священный атрибут почитания погибших в войне с нацизмом) до игнорирования проблемы его существования. Высказывания дискуссионщиков условно можно разделить на крайние, компромиссные и либеральные. Проблема памятника обсуждается многоаспектно – с точки зрения социально-политической (*БС* как объект межпартийных, межнациональных и межгосударственных разногласий), нравственно-этической (*БС* – монумент, посвященный жертвам войны) и культурологической (проблема символической двойственности памятника, неоднозначности его посыла в постсоветском культурном пространстве)⁷.

Обсуждение вопроса о демонтаже *БС* как символа тоталитарной эпохи, напоминающего о массовых депортациях эстонского народа в 1940-е гг., началось в эстонской периодике еще в первые годы восстановленной независимости и продолжалось позже, однако без особого накала и остроты – это были единичные публикации, в которых разные авторы в разные годы высказывали свое мнение по поводу проблемы. Обострение полемики вокруг памятника в средствах массовой информации было инициировано конфликтом между двумя группами эстонской общественности, произошедшим возле монумента 9 мая 2006 года: для одних этот памятник и дата 9 мая являются символом оккупации, для других – символом победы над фашизмом⁸. Монумент на Тынисмяги как естественная составляющая

7 Необходимо заметить, что подобные *БС* монументы были неотъемлемой частью советского градостроительства. Российские исследователи Н. Конрадова и А. Рылеева в своей статье «Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной», посвященной анализу советского послевоенного мемориального опыта, приводят сведения об основных этапах государственной мемориальной политики СССР. Впервые о сборе материалов Великой Отечественной войны было указано в обращении «Ко всем работникам музеев» от 15 июля 1941 г. В связи с этим исследователи задаются риторическим вопросом: «Можно ли интерпретировать эту заинтересованность в сохранении памяти как молниеносную оценку идеологического потенциала войны?» Первые выставки, посвященные войне, появляются в краеведческих музеях СССР уже во второй половине 1942 г.; скульптурные памятники (традиционно это была фигура солдата в плаще с оружием в руках) стали устанавливать в 1940–1950-е гг. С конца 1950-х и в 1960-е гг. в административных центрах стали появляться мемориальные комплексы; с конца 1980-х и до начала 1990-х гг. начинается новый этап мемориальной культуры – к установленным ранее памятникам добавляются новые элементы (церкви и часовни) (См.: Конрадова Н., Рылеева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной. – Неприкосновенный запас. 2005. №2-3 <http://nz-online.ru/index.phtml?aid=30011389>)

8 Примечательно, что руководители и представители всех крупных медийных изданий Эстонии сочли необходимым обсудить сложившуюся ситуацию. И уже 7 июня 2006 г. в Национальной библиотеке (Таллина) прошел «круглый стол» для журналистов на тему «“Бронзовый солдат” вызвал медиа-кризис?». Главным и единодушно принятым эстонскими и русскими журналистами тезисом «круглого стола» была необходимость освещения темы памятника, но исключительно профессионального, взвешенного и корректного. Участники встречи пришли к единогласному решению предоставлять в своих изданиях «площадку» не для провокативных мнений, а для адекватного анализа проблемы.

советского антуража, казалось, врос и в новое, постсоветское, пространство, но выяснилось, что амбивалентности символического наполнения для части эстонского общества он не утратил.

Как известно, памятники – важнейшая часть мемориальной культуры и атрибут политики памяти в любом обществе. В единстве формы и содержания, художественной интерпретации памятника, по справедливому замечанию А. Святославского, находит воплощение понимание образа мемориализуемого лица или события автором или заказчиком. Однако «типологически определяющей для объекта мемориальной культуры видится не эстетическая, но мемориальная функция, то есть функция напоминания».⁹ Военный мемориал воплощает в себе некий символ или текст, который апеллирует к общей исторической памяти и претендует, в сущности, на единое его прочтение, интерпретацию. Исследователи указывают на специфику памятника как явления культуры, заключающуюся в том, что он является «одним из самых прямолинейных и “наивных” знаков идентичности, как вещь, служащая для коллективного воспоминания».¹⁰ Дискуссия в СМИ, развернувшаяся в 2006 году, вокруг *БС*, однако, обнажила и подчеркнула существующее в эстонском обществе различие взглядов на историю, разные пласты его коллективной памяти, отсылающие не только к эстонскому и русскому национальному прошлому, но и к общему советскому. Память о войне в советском обществе передавалась нескольким поколениям не только через рассказы живых участников и свидетелей войны, но, прежде всего, через школьные учебники истории (институционально закрепленный официальный нарратив), художественную и мемуарную литературу, визуальное искусство. Современные российские исследователи отмечают, что сформированная при активном участии господствовавшей в советскую эпоху идеологии мемориальная культура в целом обусловила коллективные представления о войне в нынешнем российском обществе.¹¹ Так, культурологи Конрадова и Рылеева считают, что «Россия прямо наследует от СССР сознание “страны-победителя, спасшей

9 Святославский А.В. Культурное наследие и мемориальная культура. – Материалы интернет-конференции «Историческая культурология: Предмет и метод». 01.11-30.12.2002. Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса); Российский институт культурологии http://www.auditorium.ru/aud/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&Counterthesis=1&id_thesis=1870

10 Конрадова Н., Рылеева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной.

11 Ср., например, результаты исследований коллективной памяти о войне и роли представлений о войне в формировании национальной идентичности нынешних россиян, проведенных российскими социологами Борисом Дубиным и Львом Гудковым (Дубин Б.В. «Кровавая» война и «великая» победа. – Отечественные записки. 2004. №5 (20) <http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=937>; Дубин Б. Бремя победы. Борис Дубин о политическом употреблении символов. – Критическая масса. 2005. №2 «Журнальный зал» в «Русском журнале». Электронная библиотека современных литературных журналов в России <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/du6.html2005>; Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян. – Неприкосновенный запас. 2005. №2-3 <http://www.nzonline.ru/index.phtml?aid=30011370>). Об эстонском опыте сохранения нарративов о событиях, связанных с вводом советских войск в страну в 1940-е гг., как неотъемлемых составляющих коллективной памяти см., например: Tulviste, P., Wertsch, J.V. Official and unofficial histories: The case of Estonia. – *Journal of Narrative and Life History*, 1994, 4(4): 311–329.

мир от нацизма»», в связи с чем «структура памяти о Великой Отечественной войне, как единственный на сегодняшний момент “непротиворечивый” исторический сюжет, почти без изменений наследуется из советского публичного дискурса и занимает центральное место в сегодняшнем российском представлении о собственной истории». ¹² В то же время историки, культурные антропологи и социологи говорят о том, что этот процесс ¹³исключает возможность рационализации памяти о войне, «вытесняя» из массового сознания «ряд неприятных фактов», связанных с войной: агрессивную природу советского (сталинского) режима, коммунистический экспансионизм (в частности, союзнические действия Германии и СССР, направленные против Польши в конце 1930-х гг.) и т.д. ¹⁴ Отсюда происходит отмеченная исследователями амбивалентная природа российской коллективной памяти о войне (несмотря на доминирующий «патриотический» дискурс) и «трагическая двойственность» опыта войны в Советском Союзе: с одной стороны, победа в ней означала освобождение СССР и Европы от фашизма, с другой стороны – триумф сталинизма. ¹⁵ Эта трагическая двойственность войны, о которой говорят исследователи, отразилась в эстонском медийном пространстве, где акцент ставится на милитаристскую политику страны-победителя во Второй мировой войне. Хотя в целом проблема противоречивости символического значения памятника на Тынисмяги представляется большинству участников дискуссии предметом для дальнейших договоренностей:

<...> нужна четкая позиция в отношении Второй мировой войны: Эстония в той войне стала жертвой двух оккупаций – германской и советской <...> Символ – это важно, и если Бронзовый солдат является символом русского народа, я не против, но если он является символом советской империи – для меня это неприемлемо (*Вести дня*, 23 мая, № 98 (573)).

Это область, где до сих пор нет договоренностей, и поэтому возникают конфликты (*Eesti Päevaleht*, 27 мая, № 122) ¹⁶.

Некоторые современные исследователи интерпретируют конфликт, актуализировав-

12 *Конрадова Н., Рылеева А.* Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной.

13 Б. Дубин, в частности, называет его «меморизацией» коллективной идентичности, которая сопровождается педализацией значимости символов прошлого (в частности, символического значения победы в войне) и редуцированием «фрустрирующих моментов политических репрессий, антропологической катастрофы, исторической вины», что в целом приводит к примирению с советским (см.: *Дубин Б.* Бремя победы.).

14 См.: *Гудков Л.* «Память» о войне и массовая идентичность россиян. *Дубин Б.* Бремя победы. Борис Дубин о политическом употреблении символов; *Феретти М.* Непримиримая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему. - *Неприкосновенный запас*. 2005. №2-3 <http://www.nzonline.ru/index.phtml?aid=30011376>; *Щербакова И.* Над картой памяти. – *Неприкосновенный запас*. 2005. №2-3 <http://www.nzonline.ru/index.phtml?aid=30011383> и др.

15 *Феретти М.* Непримиримая память: Россия и война.

16 Все цитаты из эстонских газет, задействованных в исследовании, приводятся на русском языке в переводе автора статьи.

шийся в эстонском обществе в канун 61-й годовщины со дня окончания Второй мировой войны, как след посткоммунистической культурной травмы конца 1980-х–начала 1990-х гг.,¹⁷ которая не исчезает полностью, но проявляется в обществе в кризисные моменты,¹⁸ актуализируя вопрос о самоидентификации. Результаты анализа биографических интервью, взятых у представителей русскоязычного сообщества Эстонии в 2002–2004 гг., показывают довольно быструю адаптацию русскоязычного населения к существенно изменившимся календарным традициям и ритуалам (как следствие кардинальных изменений ценностных ориентаций, смыслов и значений в обществе, сопутствовавших коллапсу СССР) и постепенное «включение» их в эстонский национальный и европейский (светский и церковный) праздничный календарь.¹⁹ Достаточно быстро утрачивается инерция празднования «красных дней» советского календаря, за исключением Международного женского дня (8 марта)²⁰ и Дня Победы (9 мая).²¹

Для существенной части русскоязычного общества и в нынешнее время дата 9 мая сопровождается традиционными (выработанными в советское время) атрибутами празднования: поздравлением ветеранов-участников войны, актом почитания памяти погибших в войне минутой молчания, торжественным митингом, возложением венков и цветов к памятнику. Официальные концепты *война, герой, патриотизм* также не утратили своей значимости. Этот праздник можно рассматривать и как день ностальгирования по ушедшей советской эпохе, связанной с юностью, молодостью, ибо здесь находит проявление та же тенденция, о которой пишут исследователи: в российском сознании «образ выигранной войны плотно сосуществует с травмой распада Советского Союза».²² Подобной точки зрения придерживаются и некоторые авторы более ранних публикаций о таллинском бронзовом монументе:

Снос или перенос памятника раздражает местных русских, для которых монумент символизирует исчезнувший СССР и коммунистический государственный строй (*Eesti Päevaleht*, 8 июня, 1999).

Однако в данном случае следует, очевидно, говорить о коллективной и личной травме одновременно, поскольку этот день памятен, прежде всего, для тех, кто сам воевал и кто потерял в ту войну близких родственников или друзей. Джеймс Верч в своей книге «Голоса

17 См., например: *Аарелайд-Тарт А.* Теория культурной травмы: опыт Эстонии. – Социологические исследования (СоцИс). 2004. №10. С.63-72; *Аарелайд-Тарт А., Хачатурян А.* Дискурс культурной травмы в русскоязычной среде Эстонии. – Социологические исследования (СоцИс). 2006. №10. С.57-65.

18 О культурной травме см.: *Штомпка П.с.* Социальное изменение как травма. – Социологические исследования (СоцИс). 2001. №1, 2. С. 6–16; 3–12.

19 *Аарелайд-Тарт А., Хачатурян А.* Дискурс культурной травмы в русскоязычной среде Эстонии.

20 С 2001 г. 8 марта как *День женщин (Naistepäev)* в Эстонии является знаменательной календарной датой.

21 9 мая в праздничном календаре Эстонии отмечен как День Европы (*Euroopa päev*).

22 *Конрадова Н., Рылеева А.* Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной.

коллективной памяти» отмечает следующее: «Коллективная память – не нейтральное хранилище событий, она всплывает в ответ на необходимость создания “приемлемого” прошлого».²³ Подтверждение этой мысли можно найти и в статье «История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы» Харальда Вельцера, который пишет о том, что «память абсолютно оппортунистична: она берет то, что ей полезно, и отбрасывает то, что представляется ей лишним или неприятным».²⁴ Исследователь отмечает, что история и память имеют разные функции: историография ориентируется на факты и интерпретацию источников, память же связана с конкретной идентичностью человека: «<...> человек вспоминает то, что важно ему самому, что помогает ему справиться с сегодняшней жизнью» (там же). Попутно заметим, что в эстонской медийной полемике неоднократно звучала мысль о том, что памятник погибшим во Второй мировой войне является одной из важных составляющих самоидентификации местных русских, связующим звеном в цепи памяти поколений.

Принимая во внимание тезис Ю.М. Лотмана о том, что пространство общей памяти, в пределах которого сохраняются и актуализируются некие общие тексты, обеспечивается единством кодов, их инвариантностью или закономерной трансформацией²⁵, и учитывая отмеченную исследователями сепаратность культурного пространства русских и эстонцев, их «социальное нежелание подходить друг к другу близко»,²⁶ можно взглянуть на дискуссию вокруг *БС* как на попытку выйти из замкнутого круга и найти решение проблемы. Как замечает В. Миронов, «именно познание области несовпадения (изначального непонимания) культур обогащает их новыми смыслами и ценностями, хотя и затрудняет сам факт общения».²⁷ Основным препятствием к диалогу русских и эстонцев является не что иное как «память о советской оккупации» «*põukogude okupatsioon*»,²⁸ она-то и составляет основную область несовпадения. На протяжении 2006 года эстонское медийное пространство оказалось дискуссионным полем для познания этой «области несовпадения»: периодические издания Эстонии после 9 мая 2006 года ежедневно освещали хронику событий вокруг памятника, став открытой ареной для публичных дискуссий. В обсуждение проблемы активно включилось большое число дискуссионщиков: известные социологи, политологи, филологи, историки, писатели, деятели культуры, политики, журналисты и рядовые читатели газет.

В настоящий момент, когда перенос памятника уже состоялся, целесообразно проана-

23 Цит. по: *Аарелайд-Тарт А., Хачатурян А.* Дискурс культурной травмы в русскоязычной среде Эстонии.

24 *Вельцер Х.* История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы. – *Неприкосновенный запас*. 2005. №2–3 <http://www.nz-online.ru/index.phtml?aid=30011367>.

25 *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении. – Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3-х томах. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С.200.

26 *Аарелайд А., Белобровцева И.* О (не)возможности эстонско-русского культурного диалога. – На перекрестке культур: Русские в Балтийском регионе, 2. Калининград: КГУ, 2004. С.149–165.

27 *Миронов В.В.* Информационное пространство: Вызов культуре. – Информационное общество. 2005., 1: 14–18. <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA?OpenView&ExpandView>

28 *Зибницкий Э.* Русский след. Эстонское отсутствие. – Новый мир. 2006. №8.

лизировать высказанные в то время в периодической печати предложения и мнения относительно реконструкции памятника. Сделать это наиболее адекватным образом можно, сосредоточившись на конструктивной полемике мыслящей интеллигенции, традиционно формирующей общественное мнение, являющейся не только проводником идей, концептов, но анализирующей возникающие в обществе проблемы многопланово, в комплексе. Для решения поставленной задачи был применен метод тематического дискурс-анализа медийных высказываний, имеющих отношение к исследуемой теме, с опорой на наиболее релевантный в данном случае либерально-демократический подход.

Одной из доминирующих тенденций полемики следует назвать подвиги к компромиссу, кроющиеся за конкретными предложениями относительно дальнейшей судьбы памятника и открывающие возможность диалога. Большинство участников полемики предлагало выработать консенсус в отношении содержащегося в памятнике смысла: переосмыслить его так, чтобы он стал символизировать некий устраивающий обе стороны аспект прошлого. Не случайно лейтмотивом полемики была мысль о том, что монумент ни в коем случае не должен являться местом для разжигания политической и национальной розни. Так, в качестве одного из возможных решений проблемы предлагалось перенести памятник и останки погибших с Тынисмяги на Военное кладбище в Таллине, что и было осуществлено в конце апреля 2007 года. Это, по мнению авторов высказанного тогда предложения, было бы уместно не только с позиций восстановления мира и спокойствия в стране, но и с точки зрения нравственно-этической, ибо никто не сможет потревожить прах погибших воинов там, где ему положено находиться. Попутно заметим, что при этом высказывались и опасения по поводу того, что в результате переноса или преобразования памятника *БС* мог обрести иной смысловой оттенок и стать символом маргинализации русского национального меньшинства Эстонии. Это, очевидно, и вызвало протесты против бурной полемики вокруг памятника, подобные следующему высказыванию одного из представителей молодого поколения русскоязычной интеллигенции:

Я не хочу быть частью войны, которая давно окончена и остается лишь в умах определенных людей. И я не хочу слышать разговоров о противостоянии эстонцев и русских, которые используют против эстонского государства. Мне все равно, кто истребляет зеленые насаждения на Тынисмяги, и я не хочу больше быть заложницей (*Eesti Päevaleht*, 25 мая, № 120).

Автор высказывания, не обнаружив условий и возможности для договоренностей в обществе в отношении памятника на Тынисмяги, нашел выход в отстранении от проблемы, с одной стороны, а с другой – в дистанцировании от одного из центральных сюжетов коллективной памяти русского народа, к которому сам принадлежит, тем самым обозначив разделительную полосу и в преемственности поколений.

В качестве другого – более радикального – решения проблемы предлагалось вместо (и на месте) бронзового монумента построить некое государственное учреждение, решающее проблемы межкультурной интеграции в стране. Или компенсирующее культурные и духовные нужды той группы эстонского общества, для которой БС является одним из важных звеньев национальной и культурной принадлежности. Однако предложение построить «Центр культуры» для «инородцев» («чужестранцев») в ходе дискуссии было расценено как маргинальное:

<...> ибо бывший Дом офицеров <в настоящее время в здании находится Русский культурный центр> не справляется с этой задачей. Пусть они там устраивают даже *красный уголок*. В любом случае это более культурное решение, чем буйнить на Тынисмяги и размахивать красным флагом (*Eesti Päevaleht*, 22 мая, № 117).

Иная идентичность рассматривается здесь как «чужая», в высказывании явственно присутствует противопоставление *мы – они*, прослеживается риторика культурного и властного превосходства титульной группы над «инородцами»-меньшинством. Не случайно проблему предлагалось решить путем использования пространственных дисциплинарных техник: переместить активность из открытого пространства в пространство огороженное, в котором представителям меньшинства разрешалось бы исполнение любых, в том числе ортодоксально советских, ритуалов.

Идея, которую высказывали многие участники обсуждения, заключалась в том, что памятник, по первоначальному замыслу посвященный освобождению (от оков войны), должен стать для обеих сторон монументом в честь освобождения от всех тоталитарных режимов и войн:

Историю нельзя изменить или переписать, но разные ценности и символы (в том числе и те, которые нам мешают) можно было бы на примере Латвии и Литвы собрать и экспонировать в парке недавней истории, который могли бы посещать не только наш собственный народ, но и туристы. <...> А на Тынисмяги можно было бы оставить памятную плиту – без единого символа конкретного оккупационного режима, просто в память обо всех погибших на войне (*Eesti Päevaleht*, 29 мая, № 123).

Автор высказывания предлагал, по сути, эгалитарную модель решения проблемы – представить все точки зрения в одном, лишенном иерархии, пространстве: парк памятников, связанных с историей Эстонии (не только эстонцев или русских, но с историей страны), может быть спланирован и обустроен как пространство, представляющее разные точки зрения и свободное от иерархии исторических версий. Таким образом, предлагалось возвести границу между прошлым, настоящим и будущим и вывести памятники из пространства политической полемики в пространство культурного наследия страны (очевидна и прагматическая сторона

этого подхода – отсылка к области туризма).

Дискутанты предлагали и иное – концептуальное – решение: представить памятник как некий символический скульптурный сплав, основным смысловым наполнением которого является «война»:

<...> дополнить существующий монумент скульптурами, которые символизировали бы и других жертв войны – погибших немцев, лесных братьев. Война ведь никому не принесла ничего хорошего. Треугольник сквера позволяет осуществить эту идею (*Молодежь Эстонии*, 27 мая, № 101 (540)).

Здесь также прослеживается тенденция подведения символического значения монумента к общему знаменателю – к единой истории Эстонии, где произошло, в сущности, столкновение трех противоборствующих сторон. Символизирующие каждую из сторон скульптуры призваны были бы напомнить обществу об общечеловеческой трагедии той войны, несмотря на то, что каждый солдат защищал интересы своего народа. Один из выходов в создавшейся ситуации участники полемики видели в расширении смыслового поля монумента:

<...> единственное разумное решение – это расширить пространство значимости памятника, превратив его в символ памяти воевавших и павших во Второй мировой войне. А в противовес ему установить как можно скорее свой памятник в честь свободы Эстонии (*Postimees*, 12 февраля).

В предложенном компромиссе очевидна ориентированность на стирание советской интерпретации памятника, символов советского прошлого («чужого») и увековечение символа независимого настоящего («своего»).

Для части высказываний, которые могут быть классифицированы как прагматично-либеральные, характерна европейская перспектива: их авторы предлагали выйти за рамки национального исторического дискурса и переосмыслить памятник как символ событий общеевропейской истории:

Объявим его <памятник> монументом освобождения Европы от войн. Местом, где станем собираться 9 мая, чтобы отметить День Европы. Единая Европа родилась на крови и руинах Второй мировой войны. <...> монумент Европы напомнит обо всех погибших во Второй мировой войне. <...> Если расширить значение бронзового монумента, что-то изменится <...>. Можно нанести на памятник надпись, что он знаменует освобождение от тоталитаризма <...> (*Eesti Päevaleht*, 24 мая, № 119).

В этой интерпретации негативное отношение к советскости и русскости уходит из ряда смыслов монумента – автор данного высказывания не называет территориальную принадлежность тоталитаризма (немецкий, советский), а говорит о тоталитаризме вообще, который здесь

выступает экстерриториальным врагом единой либеральной Европы.

Для многих высказываний характерно выведение дискуссии из национально-этнической плоскости в общечеловеческую:

Большая часть жертв войны были жертвами зла, это относится к обеим противоборствующим сторонам. В особенности к Эстонии времен последней мировой войны. Все погибшие равны, ибо все равны в смерти. Такое понимание могло бы стать первым шагом к примирению. <...> Подумать о зле, которое было совершено, раскаяться перед жертвами, которые зачастую были неизбежны, поскольку иного выбора не предоставлялось – либо сдаться, либо погибнуть. Убийство противника на войне – то же преступление, что и в мирное время, единственным оправданием солдата служит то, что у него нет выбора при исполнении приказа (Eesti Päevaleht, 12 мая, № 109).

Здесь очевидна тенденция к примирению позиций через апелляцию к универсальным философским категориям и абстрактному гуманизму. Памятник предлагается рассматривать в рамках универсальных дихотомий *добро и зло, жизнь и смерть, война и мир*, с тенденцией универсализации смысла таллинского монумента.

Таким образом, анализ газетных публикаций, касающихся проблемы *БС*, показал, что медийный дискурс, с одной стороны, конструирующий реальность, предвосхитил последующее развитие событий вокруг памятника, с другой стороны, он предстал как сложное многоуровневое пространство, в котором оказался возможным диалог (полилог) на заданную тему. Проблема памятника на Тынисмяги в дискуссии обнажила «болевые точки» межкультурного взаимодействия в эстонском обществе, в то же время ее анализ позволяет проследить те тенденции, которые лежали на поверхности, были очевидны, поскольку в СМИ превалировал голос рефлексирющей интеллигенции, политиков, мыслящей элиты общества.

Дискуссия, развернувшаяся вокруг *БС* в СМИ, отразила один из препятствующих успешному диалогу двух культур в Эстонии факторов – различное понимание исторических событий прошлого, неоднозначную интерпретацию истории. Коллективная память о войне оказывается травматичной – и эта травма переживается и осмысливается по-разному в различных сегментах общества. Острая полемика, связанная с *БС*, выявила необходимость выработки некоего общего дискурса, который устраивал бы полемизирующие стороны, не провоцируя крайних суждений; нужна общая концепция истории, которая объединила бы обе части эстонского общества. В то же время выдвинутые в печати многочисленные предложения по трансформации монумента и расширению его символического значения предоставляли благодатную почву если не для полного разрешения проблемы, то, возможно, для договоренностей в ближайшем будущем по спорным вопросам, связанным с прошлым. К сожалению, они не были реализованы.

«Помолчим по-русски»

Николай Кормашов (Таллин)

Как русский художник и гражданин Эстонии я, конечно же, имею свое представление и свой опыт о форме так называемой интеграции. Слово «интеграция» мне кажется странным - понимание и приближение к формам культуры вчерашнего и сегодняшнего времени более понятное состояние, которое, по моему понятию, представляет хорошую перспективу для любого государства.

Несколько лет назад в Эстонии проходила конференция «Тютчевские чтения. Поговорим на русском», посвященная 200-летию Ф.И. Тютчева, на которой я имел честь выступать, и свое выступление я назвал «Тютчевские чтения. Помолчим на русском». Мне как представителю среды художников, занимающихся формами культуры и искусства, выражающих себя в формах без слов, в отличие от той части культуры, для которой главное – «слово», мне помечталась конференция, которая называлась бы «Помолчим по-русски».

Почему по-русски нужно молчать? Потому что существует очень большой, весомый пласт культуры, который никогда не озвучивается, нигде не дискутируется, потому что ему чужда специфика разговорных форм, его природа иная - это природа цвета, линии, объемов. И эти формы не требуют слов, им необходимо молчаливое созерцание, но от этого их участие в жизни не менее важно, чем слово. Известна и оправдана поговорка: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», однако о том же самом говорят и по-другому: «Из-за кустов не видно леса». Кусты здесь можно понять как мусорную информацию, которая обрушивается ежеминутно и ежечасно на всех.

Под ее напором человек не может углубиться в истоки культур, которые существовали и существуют до сих пор. Взять, к примеру, Эстонию, где уже более пяти лет существует Русский музей, под эгидой которого проведено несколько проектов. Один из них представляет новые возможности в искусстве, второй - новые поступления, третий представляет Печорский край, край льда. На основе этих проектов явственно видно, как глубоки корни культуры. Некоторые выставочные экспонаты созданы в наше время, но учитывают традиции четырехтысячелетней давности. Близ Печор находится село Мыльниково, где производилась и производится керамика по тем же технологиям, с повторением форм и образцов, методики обжига, известных за две тысячи лет до нашей эры.

Пракультура того периода... Мы встретились с одной из форм культуры, которая присутствовала на протяжении всей территории от Балтики до Урала. И в Эстонии, и на Муромской и Вологодской землях, потому что такие памятники искусства встречаются во всех этих землях. Безусловно, моментов, нас разделяющих, очень много, но подобная информация свидетельствует о том, что моментов, соединяющих нас, в жизни и культуре еще больше. Все мы вышли из одного источника - из таких пракультур. Память о них, вер-

нее, последствия того времени, когда нации стали «разбегаться», остались и существуют поныне в равных степенях в культуре эстонской, в культуре русской и скандинавской. Сейчас важно остановить это «разбегание», сказать о том, как оно губительно, обратить внимание на те стороны культур, которые нас всех объединяют.

Здесь можно привести несколько примеров.

На протяжении всей истории в технике плетения из корней сосны делают так называемые «корнепухи» – это корзины, которые плетут в Эстонии, в Архангельской и Вологодской области, во многих других местах. На протяжении тысячелетий сохраняются все те же техники, те же формы, традиции, те же технологии. То же можно сказать и об искусстве производства льна и изделий из него: и обработка, и технология, и форма выражения в материале – все это существует веками на одних и тех же территориях у эстонцев и русских.

Другие, не менее, а может быть, и более важные, особенно для Эстонии, – истоки культуры, пришедшие с христианством. Исторические источники повествуют о первых храмах в Эстонии еще в 1371 году, другие документы свидетельствуют о еще более раннем существовании подобных построек. Нельзя исключить, что уже в XI веке Ярослав Мудрый поставил храм во имя Николая – чудотворца, и история существования этого храма говорит об удивительной древности образцов культуры, бытовавших в Эстонии, в частности в Ревеле-Таллине. В нашем распоряжении, в наших фондах имеются памятники XV–XVI вв. Все мы знаем, что гордость Эстонии составляют два шедевра западноевропейской живописи – алтарь XVI в. и знаменитая «Пляска смерти» Берда Нотке. На них молятся, их считают вершинами мирового творчества.

Но в Таллине сохранилось и несколько икон, которые по силе духа, по своим техническим, живописным качествам не уступают этим шедеврам, просто они располагаются в иной плоскости, созданы в другой духовной категории, потому что иконы – это Богословие. Таллин украшают шедевры и XVII века, например, редкостный ансамбль Никольской церкви, поставленный царями – Иваном Алексеевичем и Петром Алексеевичем с сестрой его Софьей Алексеевной. Иконостас в храме церкви сооружен первоклассными, европейского уровня, мастерами оружейной палаты. Кто знает об этом иконостасе? Почти никто. Хотя это уникальное творение, один из трех шедевров Ивана Зарудного. Эти и многие другие ценные произведения искусства – достояние русской культуры города Таллина. Русских, или как принято сейчас говорить, русскоязычных в Эстонии чуть меньше 400 000, это большая русская диаспора. И если донести до каждого второго, просветить, особенно молодежь, показать им, наследниками какой богатой культуры они являются, то вряд ли кто-то из них будет считать себя человеком второго сорта. И дело не только в русских, эстонцы тоже не знают этого богатства русской культуры в Эстонии.

Существует удивительный клад народного искусства в северных районах, на Северо-Востоке Эстонии, где особенного внимания заслуживают Пюхтицкий монастырь и пласт культуры старообрядцев, живущих на эстонской земле более 300 лет. Старообрядцы интегрировались, но не потеряли при этом своей культуры, себя, – они остались русскими и вовсе

не считают себя людьми второго сорта. Много ли мы знаем о своих же соотечественниках? Столь же много людей, интегрированных в эстонскую культуру, есть в Печорском крае, особенно в окрестностях Печорского монастыря, с тех самых пор как преподобный Корнилий окрестил в православие местное население, в основном представителей народов сету, которые с крещением, естественно, обогатили и православную культуру. В этом интегрированном обществе соседи живут без каких-либо противоречий, потому что их видение жизни совершенно одинаково. И так же одинаково до сих пор плетут они лапти из льна, доят коров и выращивают хлеб, шьют одинаковые рубашки, и даже вышивки на полотенцах у них похожи.

И вовсе не потому у эстонцев и русских в этом районе все одинаково, что принадлежат они Православной церкви, уходящей истоками к Греческой церкви, ведущей начало от Спаса Нерукотворного. Сначала и русские, и сету использовали в быту языческие символы, перекладывали их на шитье, на полотенца, а затем появились символы общие христианские. Существует очень много образцов перехода от чисто русской эстетики к чисто эстонской сетуской, и наоборот. Подтверждением тому служат сохранившиеся предметы быта – расшитые полотенца, ковры, народные костюмы, выражающие чисто этническую суть того или иного народа, в действительности основанную на смешении, переплетении и объединении лучшего. И земледельческая культура, эстонская и русская, вполне идентичны, понимаемы русскими и эстонскими крестьянами и в понимании просты и доступны.

Это и есть лучшие формы интеграции, сближение культур и народов столь заметное в видении и осознании, но совершенно не интересное «верхушкам» эстонцев и русских.

Еще более непонятно отсутствие интереса к периоду 1920-1930 гг. – времени становления первой Эстонской Республики, когда через страну хлынула большая волна эмиграции, оставив в наследие прекрасные произведения искусства и сыграв выдающуюся роль в деле формирования эстонского искусства. Одно только перечисление имен впечатляет: академик Кольцов, Егоров, Кульков, Крилев, Хайгомуттов, Фролов, Сафронов, Круг. Произведения этих авторов равны классике эстонского искусства.

Вот я и предлагаю: давайте «помолчим по-русски» - то есть, задумаемся о своей собственной культуре в Эстонии, о ее прошлом и будущем.

Мы работаем на культуру Эстонии

Игорь Ермаков (Таллин)

Период восстановления независимости Эстонской Республики ознаменовал собой возникновение новых подходов к организации работы учреждений культуры и отдельных творческих коллективов в стране. В годы горбачевской перестройки в строго структурированной работе сферы культуры возникли новые веяния. Еще сохранялись Дома культуры – муниципальные, республиканские, а также при разных предприятиях, Дома офицеров при расквартированных в Эстонии воинских частях Советской Армии. Между тем с 1988 года стали появляться новые коллективы: в Таллине при Центре Молодежной инициативы был создан Центр Детского и Молодежного творчества, позже переименованный в творческий центр «Аплаус». Появился человек, сумевший объединить многие русские общества и коллективы – Николай Васильевич Соловей, создавший Таллинское общество Славянской культуры.

С 1991 года в Эстонии один за другим прекращали свое существование заводы и предприятия союзного значения, соответственно, закрывались и принадлежавшие им крупные центры культуры – Дом культуры «Маяк» при военном заводе «Двигатель», Клуб строителей при «Таллинстрое», Таллинский Клуб моряков («Merekubi») Таллинского порта, Морской клуб, принадлежавший военным морякам и т.д. Во всех этих учреждениях культуры работали кружки художественной самодеятельности, народные театры, руководители получали фиксированную государственную зарплату, приобретались за счет государства костюмы и музыкальные инструменты, обеспечивались поездки на гастроли и повышение квалификации. «Лес рубят, щепки летят» - так можно охарактеризовать события того периода и с горечью констатировать ряд ошибок при ликвидации отдельных учреждений культуры. Один из самых лучших Домов культуры города Таллина - «Маяк» - было предложено взять на баланс Ласнамяэской части города Таллина (Морской район). На его содержание необходимо было выделить из бюджета один миллион крон в год. В 1992 году этот дом уже работал в коммерческом направлении и во многом окупался деятельностью кружков, арендой залов, проведением платных мероприятий. У местных властей на тот момент не хватило воли принять решение и сохранить развивающийся Дом культуры в качественном здании, расположенном в удобном месте, и - он был пущен с молотка, куплен впоследствии обанкротившимся Промстройбанком, затем банком Eeva. Позже рассматривался вопрос о приобретении этого дома городом за семь миллионов крон, но к тому времени началась реконструкция расположенного в том же районе города кинотеатра «Линдакиви» и переоборудование его в Дом культуры. А на месте Дома культуры «Маяк» на сегодняшний день образовался пустырь.

Несмотря на тяжелое экономическое положение и исчезновение в 1990-х гг. многих

учреждений культуры, стали появляться новые творческие коллективы разных жанров, причем многие из них сумели не только выжить в период перемен, но и достичь весомых результатов: хор православной музыки «Ortodox» под управлением Валерия Петрова; детский хор духовной музыки «Радуга» под управлением Натальи Кузиной; ансамбль старинной музыки Григория Малтцова «Barokimaailm»; русские народные хоры – «Сударушки» под управлением Вячеслава Тулубьева; «Родные напевы» под руководством Юрия Басакова; ансамбль народной музыки «Златые горы» и шоу-группа «Iris» - руководитель Игорь Ермаков; ансамбль Ирины Взварцевой «Былица»; хореографические коллективы – «Непоседы» Натальи Барановой, «Рада» Анжелы Макаровой, «Терпсихора» Виктора Ларионова, «Визави» Жанны Нефедьевой; Русский молодежный театр под руководством Александра Пуолокайнена, детский театр «Юность» Нины Поповой и многие-многие другие.

Со времени «поющей революции», после обретения Эстонией независимости в августе 1991 года, рост самосознания эстонского народа послужил толчком к осознанию себя русскими, проживающими в республике, именно «русскими», а не «советскими», что дало мощный импульс к созданию общественных организаций, творческих коллективов, союзов, опирающихся на русскую культуру.

Для координации, объединения усилий различных творческих коллективов и общественных организаций при реализации крупных совместных проектов и масштабных праздников по инициативе Н.В. Соловья создается Союз славянских просветительных и благотворительных организаций Эстонии (ССПиБОЭ). За 15 с лишним лет активной и плодотворной деятельности Союз привлек внимание и заслужил доверие большинства русских и славянских общественных организаций и коллективов. Однако постепенно он остановился в развитии из-за пассивности рядовых членов, отступления руководства от демократических и уставных принципов управления, авторитарного стиля управления. Изначально в организационной структуре ССПиБОЭ предполагались и какое-то время работали Президиум, Правление, Художественный совет, но, в конце концов, вся власть, все управленческие структуры сконцентрировались в руках председателя.

В 2004 году в качестве заместителя председателя я попытался и внутри союза, и на страницах газеты поделиться своей тревогой за будущее русской культуры, представить перспективы развития ССПиБОЭ и предложил открытое обсуждение путей реконструкции Союза, выхода его из кризиса.

Тогда назрела необходимость изменения самого названия Союз Славянских Просветительных и благотворительных обществ в Эстонии, хотя и традиционного, ведущего свое начало с 1923 года, но уже не отвечающего требованиям сегодняшнего дня, целям и задачам организации. Белорусские, польские, украинские и другие славянские объединения не являлись членами ССПиБОЭ и имели в Эстонии свои ассоциации. Да и благотворительностью стали заниматься уже совершенно другие структуры и фонды. Просветительство – изначально позитивное направление, особенно в XIX-XX вв. Кроме государственной системы образования и просветительства, появились новые инфотехнологии, и в первую очередь

- Интернет. Система просветительства в ее первоначальном виде отошла в далекое прошлое. Ключевым в названии являлось и должно было оставаться слово «Союз». Общества культуры, творческие коллективы, клубы по интересам и другие неформальные организации, связанные с культурой, могли бы быть объединены под названием, например, Союз русских организаций культуры.

Корректировки требовал и Устав ССПиБОЭ, в котором необходимо было с «ювелирной» точностью прописать структуризацию организации – периодичность и открытость съездов, квоты представительств от организаций-членов Союза, количественный состав Правления или Совета Союза. Съезд должен был избирать председателя и заместителей председателя Союза, утверждать художественный совет.

Время требовало определить приоритеты и концепцию деятельности. Денег, выделяемых на культуру, всегда мало и всегда будет не хватать – это аксиома. В таких условиях организации, входящие в ССПиБОЭ и имеющие, кстати, каждая полную финансовую самостоятельность, должны быть не пассивными членами Союза, а объединять свои усилия для достижения общих перспектив.

Союзы и другие крупные общественные организации должны нести ответственность и препятствовать культивированию и поддержке дилетантизма, размножению «полочных» организаций и коллективов, проведению и финансированию мелких проектов, интересных узкому кругу лиц, которые чаще всего являются и авторами этих проектов. Целесообразнее сконцентрировать средства на поддержку высокохудожественных, профессиональных проектов, для которых возможностей в Эстонии более чем достаточно. Трудно конкурировать с гастрольными проектами из России, но формировать культурные интересы русских в Эстонии мы и можем, и обязаны, причем постоянно повышая свой культурный и профессиональный уровень, сотрудничая и помогая друг другу. Теплилась надежда, что ССПиБОЭ возобновит системное повышение квалификации специалистов через семинары и мастер-классы, а также активное сотрудничество с местными учебными заведениями культуры. Союзу необходимы грамотные менеджеры социально-культурной деятельности, чье обучение можно осуществлять по тем же каналам, по которым обучались во МХАТе актеры Русского драматического театра Эстонии.

Финансирование культуры реально в сотрудничестве с Министерством культуры Эстонии, Бюро министра народонаселения Эстонии, муниципальными структурами, различными фондами в Эстонии и за рубежом, меценатами и спонсорами. Совершенно реально и зарабатывать, обслуживая культурные заказы – концерты, спектакли, картины, книги, изделия народного творчества. Для этого в первую очередь на пике творческого успеха и одновременно кризиса ССПиБОЭ в 2004-2006 гг. назрела необходимость создать материально-техническую базу ССПиБОЭ, инфоцентр с базой, в первую очередь в Интернете, на русском, эстонском, английском языках, с данными о каждой организации Союза. ССПиБОЭ должен иметь свой автобус для концертных гастролей, который можно также сдавать в аренду. Региональные коллективы приобрели бы прекрасную возможность перестать

быть периферией и ощутить истинную заботу Союза.

При Союзе должен быть фонд стипендий наиболее отличившимся организациям. Нужно изучить варианты создания центра пошива костюмов, грамотного концертного агенства. Необходимо больше работы вести с регионами, а не концентрироваться на столице.

За эти годы русская культура в Эстонии доказала свое право на существование. Но мы еще, к сожалению, не освоили этики сотрудничества. Если бы в одно мгновение все деятели культуры собрались все вместе, то это был бы целый город. Так можем ли мы жить в одном городе? И в то же время нельзя забывать, что город этот в Евросоюзе, а потому следует помнить о необходимости интеграции культуры, не на словах, а на деле, в эстонское общество с сохранением своей идентичности.

Таковы были чаяния в 2004-2006 гг. Однако курс на обновление не был принят, все осталось по-прежнему. На съезде ССПиБОЭ в 2004 году я принял решение выйти из состава правления и из Союза. Следствием этого шага стало возникшее в феврале 2005 года новое объединение – Ассоциация русских национально-культурных обществ в Эстонии.

Политика в области культуры, скорее всего отсутствие таковой в 1990-е гг. способствовала появлению многих десятков недоходных обществ, деятельность которых в уставах каким-то образом увязывалась с культурой. Во благо проходила реконструкция творческих коллективов и объединение их в союзы, национально-культурные общества. Однако появилась массовая тенденция: работая на уровне плохой школьной самодеятельности, а порой даже при полном отсутствии какой бы то ни было культурной работы получать деньги и рекламировать деятельность при полной бездеятельности. Благие намерения и все та же дорога в никуда: европейская практика развития третьего сектора в Эстонии предоставила возможность определить взаимоотношения общественных инициатив с государством, но несовершенство новой системы оставило лазейку для тунеядцев и аферистов. В отношениях между третьим сектором и официальными структурами наступает период уравниловки, вседозволенности, безответственности, некомпетентности и дилетантизма. Политики берут на себя смелость решать, кто есть кто в культуре, кто достоин и кто не достоин финансирования, не имея для этого нужной профессиональной компетенции. Любой желающий может заплатить за аренду и получить лучшие концертные площадки, продать билеты на бездарные программы, сеять дурновкусие, понижая культурный уровень зрителей.

Эстония небольшая страна, возможностей вершить культурную политику на грани совершенства ничего не стоит, стоит только захотеть. Кому? Лидерам в культуре? Возможно, но, в первую очередь в государственных структурах должны появиться энтузиасты – радетели за общественную и самодеятельную культуру страны.

Русских политиков и русские политические партии, успешно канувшие в лету, абсолютно не интересовали вопросы развития и сохранения русской культуры в Эстонии. Исключение составляет мэр города Маарду Георгий Быстров: используя административный ресурс, он поддерживает творческие коллективы и организацию больших праздников,

значимость которых вышла за пределы этого небольшого города, «Масленицу», «Сорочинскую ярмарку».

С начала XXI в. резко возросло количество национально-культурных обществ, творческих коллективов, потому что облегчились формы и расширились возможности обращения за финансовой поддержкой в Министерство культуры Эстонии, Бюро министра народонаселения, фонд Kultuurkapital. Из бюджета одного из фондов неожиданно выдаются огромные суммы, до миллиона крон, в поддержку проектов неэстонских – гастролей и фестивалей из других стран. Государство развивается, работа с третьим сектором, в поиске разумных решений пробуются различные варианты, общественные организации выступают в роли участников эксперимента. С целью облегчения работы министерств принято решение о поддержке общественных организаций, входящих в «зонтичные» объединения, в настоящее время насчитывается уже около 30 лидерствующих обществ. Хорошая идея хоть как-то объединить многочисленные неодоходные общества, однако общая четкая система никак не складывается. Изначально общественные организации замыкались на Министерство культуры Эстонии, в котором не было ни одного отдела по русской культуре, сейчас появился отдел многообразия культур. Но полномочия работы с национальными обществами перешли к Бюро министра народонаселения, которое перекладывает свои полномочия в области финансирования национальных культурных обществ на плечи забюрократизированного, неповоротливого Интеграционного фонда.

Одна из существующих проблем в отношениях между государственными структурами и фондами, с одной стороны, и неэстонскими обществами культуры, с другой, кроется в том, что чиновники не хотят разделять неодоходные общества на национально-культурные объединения и творческие коллективы, что особенно затрагивает интересы русских организаций, доля которых наиболее велика среди организаций неэстонских. Если при Дагестанском или Узбекском обществе культуры есть небольшой вокальный ансамбль, то финансированием общества поддерживается и деятельность этого коллектива. Между тем у русских в Эстонии масса зарегистрированных самостоятельных творческих коллективов, не состоящих ни при каких обществах культуры, а претендовать, как это было в 1990-е гг., на базовое финансирование каким-либо государственным фондом они не имеют права. Опять же вопрос оценки творчества, сертификации.

Еще одна проблема интеграции культуры: все эстонские коллективы песни и танца перед Певческим праздником проходят тарификацию и делятся на три категории: высшую, первую и вторую. Некоторые русские коллективы участвуют в Певческом празднике и в тарификации, поют эстонские песни, танцуют эстонские танцы. Насколько ярче, богаче и разнообразнее была бы программа Певческих праздников, если бы в их программе был небольшой русский блок песен и танцев местных коллективов.

Еще несколько лет назад я лично с гордостью заявлял коллегам из России, Украины, стран Европы, комиссии Совета Европы, что государственный Центр русской культуры Таллина, а затем и центр культуры Линдакиви получают серьезную базовую поддержку

в виде предоставления залов для репетиций, льготных цен на аренду залов для сольных концертов и фестивалей. На сегодняшний день все это исчезает на глазах. Для творческих коллективов наступили новые испытания при новых условиях введения арендной платы, а это означает, что в развитии культуры в целом и русской в частности неизбежно возникнут пессимизм и апатия. Это может привести к люмпенизации общества.

Эстонский народ заслуживает огромного уважения за формирование общественных тенденций в области культуры: каждый второй эстонец, независимо от возраста и профессии, прошел курсы танцев, обучался рисованию, народному творчеству, чему содействовали кружки, курсы, ансамбли, Певческие и другие общенациональные праздники. После 1990-х гг. эстонцы, а следом за ними и русские в Эстонии стали создавать в новых условиях новый формат общественной культуры. Не пострадает ли от коммерциализации самая хрупкая, массовая и полезная, с точки зрения развития общества, воспитания интеллигенции и молодого поколения, общественная культура? Конечно, траурные ленты готовить пока что рано: в Эстонии работают Русский театр, Центр русской культуры, при Государственном художественном музее „Kumu” есть прекрасный фонд русских коллекций, на государственном финансировании находится Нарвский симфонический оркестр и многие другие адресаты государственной заботы. Однако надо всегда помнить и беспокоиться о том, что культура держится на энтузиастах и благодаря этим энтузиастам тормозятся процессы ассимиляции и маргинализации. Нам необходимо заботиться о культуре своей страны, и все проекты из других стран рассматривать с точки зрения пользы от них для развития культуры Эстонии в целом и русской культуры в республике в частности - как составляющей общей культуры.

«Русский дом» - русское слово, русская мысль, русская душа

Марина Тэе (Таллин)

В начале XX в. русские эмигранты были отрезаны от исторической родины, прервались связи с родственниками и соотечественниками в России, многие уехали без права возвращения и даже без права посещения родных мест. Россия отказалась от своих русских. Однако сами русские не смогли поступить в ответ так же - почти 70 лет они хранили Россию вне России; хранили русскую культуру, русское слово, русскую мысль. За рубежом открывались учебные учреждения, строились православные церкви, театры, создавались общественные организации, вписывались имена в мировую историю. Период белой эмиграции можно назвать золотым веком рождения «Русских домов» в Китае, Канаде, Франции, Австралии, Германии, Эстонии, Латвии.

Русские вне России не в изгнании, в – послании. Осталось богатое наследие, неопцененный вклад русской эмиграции в мировую культуру, культуру слова, театра, танца и многого другого.

Девяностые годы пробудили новые инициативы на основе открытия границ, движения новой волны эмиграции. Интернет, в том числе и на русском языке, расширил информационное пространство общения русских всех стран. Российский институт власти активизировал интерес к соотечественникам и русской истории вне России: на федеральном и муниципальном уровне открылись целые направления работы с соотечественниками через посольства России за рубежом.

«Русские дома» вне России и другие общественные организации Русского зарубежья – это желание созидать на основе опыта предшественников, это стремление к самоопределению, это деятельность как соотечественников, так и иностранцев, полюбивших русскую культуру и русский язык. Во Франции, в Ницце, французы зарегистрировали общество «Русский дом», объединив любителей русского языка, в Австралии «Русский дом» как дом культуры берегут и развивают потомки белых эмигрантов, многие из которых даже не знают русского языка, зато помнят и чтут своих предков.

Первые русские эмигранты начала XX в., спасаясь от революции, шли в Европу через Эстонию. Многие русские осели в Эстонии, их связь с родиной прервалась. Европа вяло обсуждала вопросы правовой и физической защиты беженцев. В результате русская эмиграция еле выживала без работы, не доедая, имея ограниченные права. В условиях лихолетья русские стали сплачиваться на основе сохранения русского языка, православия, образования и культуры. Создавались общества, воскресные школы, издательства, приюты, театры. У инициаторов создания «Русского дома» появилось желание построить дом, где могли бы собираться и заниматься и русские, и их дети. И.С. Шмелев призывал соотечественников в

Европе поддержать инициативу русских в Эстонии. Издательство «Русский дом» выпускало сувениры и открытки, издало листок-газету с одноименным названием. В пользу строительства «Русского дома» проводили культурные и общественные мероприятия. Однако мечта не сбылась, а в 1939 году все общественные организации были закрыты.

Спустя почти 60 лет родилась инициатива зарегистрировать юридически самостоятельное некоммерческое общество «Русский дом» в Эстонии - объединение общественных организаций, совместно реализующих проекты по сохранению и развитию духовных ценностей, этнической самобытности, русского языка, русской культуры для расширения возможностей диалога с исторической родиной, а также для диалога соотечественников в самой Эстонии и на международном пространстве. По-видимому, связь времен снова установилась, общество родилось в память о первом «Русском доме» в Эстонии, а само название «Русский дом» стало востребованным во всем мире, чем-то вроде народной дипломатии.

Долгосрочные соглашения о сотрудничестве объединяют современный «Русский дом» с обществами и организациями, работающими в Эстонии в области культуры, науки, образования, благотворительности, среди которых «Русский молодежный театр», «Другой театр», «Эстонское общество Давида Самойлова», «Объединение студентов Ида-Вирумаа», молодежное общество «Маа Värvid» («Краски земли»), художественная студия «Эксклюзив», общество ветеранов «Рубин», Благотворительное общество «Доброе Дело», «Таллинская Филармония», музыкальный центр «8 ВІТ», «Нарвский симфонический оркестр», «Академия детства», «Эстонско-Российская палата предпринимателей», музыкальный молодежный портал «Zion Club»

«Русский дом» в Эстонии - зачем он нужен и чем известен? Известен он своей деятельностью и ее результатами: примерно по 20 проектов ежегодно. Начиналось все с осуществления выставочной программы: «Русские в Эстонии» (в ЦДХ Москвы были организованы и проведены выставки художественного, прикладного, детского и ювелирного творчества русских жителей Эстонии); выставка портрета князя Горчакова кисти Й.Кёлера из ГИМ России в Эстонском художественном музее; выставка «Друзья и Боги» в Пушкинском музее (Санкт-Петербург); выставки современной живописи Андрея Поздеева в ГИМ ЭР и выставка «Таллин – Санкт-Петербург»; выставка работ Михаила Шемякина, современных художников Эстонии и России, Швеции, Германии и многие др.

Скорее всего, «Русский дом» - это точка на пути созидания в области культуры и общественной деятельности, о чем можно судить по преемственности проектов: от выставок к благотворительности, далее, к молодежным и детским проектам, затем к издательской деятельности и т.д. Пенсионеры Таллина часто приходили на выставки, предлагали свою помощь – так появились благотворительные проекты для старшего поколения, ветеранов ВОВ, пенсионеров и социально незащищенных слоев населения разного возраста. Особенно удачными проектами можно назвать спектакли и концерты ансамбля древнерусской музыки «Русичи», Брасс-ансамбля солистов оркестра Большого театра России «Каприз»,

Нарвского симфонического оркестра, Русского молодежного театра Таллина.

Общественная организация в Эстонии может решать свои экономические проблемы лишь при поддержке фондов и благотворителей, и «Русский дом» здесь не исключение. Заявок на финансирование пишется много, положительных ответов мало. В основном бюджет организации формируется за счет спонсоров. Несколько крупных проектов удалось осуществить при содействии российских фондов – департаментов поддержки соотечественников МИД РФ и Правительства Москвы. Некоторые проекты поддержали эстонские учреждения – Интеграционный фонд, Министерство культуры, Департамент культуры города Таллина. Интересно работать с европейскими, четко структурированными источниками финансирования. При поддержке европейского фонда «Молодежь» с 2004 по 2008 год «Русский дом» совместно со студенческими общественными объединениями города Тарту провели международный проект «Лицо России глазами молодых европейцев»: 60 студентов из восьми стран Евросоюза десять дней фотографировали, интервьюировали, собирали видеоматериалы о России в Москве и Петербурге. А затем в Петербурге и Таллине прошла фотовыставка юных фотографов по результатам проекта, был создан документальный фильм молодого кинорежиссера «Однажды в России» и подарочный альбом молодых авторов «Москва. Fotoproof».

Работа общественной организации зиждется на амбициях и противостоянии этим амбициям. Появление в работе «Русского дома» молодежных тем и самих представителей молодого поколения задвинули амбиции на дальний план. Можно проводить множество мероприятий, оторванных от действительности и с минимальным результатом воздействия на тех, кому предназначен проект, но «Русский дом» решил, что в основе успеха должны лежать работа в диалоге с государственными структурами страны и исследования востребованности проекта. В 1990-х гг. в Эстонии выросло новое поколение – смелые, инициативные ребята со знанием нескольких языков. Эти юные граждане страны - не эмигранты, они родились и выросли в Эстонской Республике и при этом не стесняются быть русскими, интересуются своей культурой и историей. Благодаря им родился проект проведения ежегодного исторического «Русского бала в Таллине», с участием творческих русских молодежных коллективов Эстонии, в лучших традициях благотворительности, когда сбор от русского бала шел на пошив костюмов детскому танцевальному коллективу, поддерживались и поддерживаются выпускники Таллинского детского дома, собираются пожертвования на строительство православного храма. Балы проходят по темам, с погружением в исторический период – времена Петра Первого, Екатерины Второй, Русский купеческий бал в стиле конца XIX века или Пушкинский бал. Погрузиться в эпоху помогают оркестровая музыка и танцевальные коллективы исторического танца. Проект бала оказался настолько успешным, что идея «экспортировалась» в близлежащие страны. Далеко за пределы Эстонии вышел еще один проект «Русского дома» - ежегодный конкурс юных художников «Краски земли»

Деятельность «Русского дома» немислима без издательских проектов. Идеи изданий

приходят сами, предлагаются и осуществляются один-два раза в год. С 2004 года в библиотеки, школы, подарочные фонды общественных организаций Эстонии и России поступили издания «Русского дома» - книга стихов Тютчева на эстонском и русском языках; альбом, посвященный Пюхтицкому Успенскому Ставропигиальному женскому монастырю; книга фронтового кинооператора С. Школьников «Сквозь огонь и стужу»; музыкальные диски, в том числе «Метель» А. Пушкина и Г. Свиридова; документальный фильм – «Чашу непролитой донести» - об истории православия в Эстонии.

Как бы ни работала общественная организация, рано или поздно наступает необходимость проанализировать собственную деятельность, мысли, ответственность. В таких случаях большим подспорьем служат конференции и семинары, посвященные русской культуре за рубежом. Удалось провести два молодежных семинара – «Русской культуры в Эстонии нет! Или есть?» и «Зачем мы нужны в Эстонии?», а также две конференции - «Тютчевские чтения. Говорим по-русски» и «Русские дома» в мире - культурное наследие Русского зарубежья 1917-2007 годов» (к 80-летию регистрации первого «Русского дома» в Эстонии).

Вот таков, на первый взгляд, краткий отчет о деятельности «Русского дома в Эстонии», за строками которого стоят самопроверка и самоанализ. Эта краткая презентация «Русского дома» перекликается с актуальным в наши дни признанием авторов редакционной статьи в сборнике «Русский дом» в начале прошлого века:

«Мы прежде не придавали никакого особого значения принадлежности своей к русской национальности и культуре и вследствие этого оказались не сплоченными для национальной общественной жизни и разобщенными в своих национально-общественных идеалах и чаяниях. Переход на положение меньшинства в государстве обязывает нас с особой чуткостью относиться к сохранению своей национальности и родной культуры и ограждению детей наших от денационализации. Мы должны таким образом старательно вершить свое русское дело и особенно внимательно относиться к исполнению своих национальных обязанностей».

Эти соображения послужили духовным источником идеи создания «Русского дома» в Таллине (Ревеле) 22 ноября 1927 года, эти же чаяния актуальны и спустя 80 лет для современного «Русского дома».

Жюри международного конкурса «Краски Земли» – художники Николай Кормашов, Вячеслав Семериков, Олев Субби и главный искусствовед, главный специалист Художественного музея Эстонии отбирают работы на призовые места

Победительница конкурса «Краски Земли-2008» на фоне своего рисунка

Ансамбль древнерусской музыки «Русичи» в гостях у «Русского Дома»

Российский режиссер Никита Михалков в гостях у «Русского Дома»

Ежегодный «Русский бал в Таллине» - проект «Русского Дома» в сотрудничестве с молодежными творческими коллективами Эстонии

Приложения.
Русский дом.
След в истории

Гобтарко

**ОБЩЕСТВО
„РУССКІЙ ДОМЪ“**

Эстонія. Ревель,
Никольская ул. 15.

Для организаціи русскаго общественнаго справочнаго бюро комитетъ о-ва „Русскій Домъ“ покорнѣйше проситъ Васъ сообщить 1) точное наименованіе (о-ва, церкви, школы, органа печати и пр.) 2) цѣли, 3) адресъ, 4) годъ возникновенія 5) число членовъ, учениковъ, прихожанъ и пр. 6) составъ лицъ, стоящихъ во главѣ и принимающихъ дѣятельное участіе въ жизни учрежденія съ ихъ адресами, 7) часы приемовъ и 8) все, что найдете нужнымъ сообщить для справочнаго бюро.

Объ открытіи справочнаго бюро будетъ сообщено при посредствѣ русской печати.

Справки будутъ даваться безвозмездно всѣмъ обращающимся въ бюро лично, а также и по почтѣ

Комитетъ о-ва „Русскій Домъ“
Членъ Комитета

Г. Гобтарко

Русские дома вне России

Татьяна Суродина (Санкт-Петербург)

Словосочетание «Русский дом» сейчас довольно-таки распространено. Есть газета с таким названием, журнал, детектив, благотворительный фонд, издательство, развлекательный портал, ресторан, книжный магазин, различные фирмы...

Но мне хочется вспомнить «Русские дома» за пределами России, которые помогли и помогают до сих пор нашим соотечественникам адаптироваться в новой среде, сохранив для себя и своих близких русскую культуру и язык, а многим провести последние годы жизни. Несмотря на то, что историей Русского Зарубежья сейчас занимаются многие историки и уже выпущено много книг по истории эмиграции, к сожалению, основоположного исследования о «Русских домах», коих насчитывалось более 40, до сих пор нет. При сборе материала по этой теме я нашла в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге несколько брошюр - «Отчет по устройству и созданию Русского дома и Русской православной церкви в г. Ментоне» (Париж, 1983), два «Отчета о состоянии Русского дома и русской церкви в Ментоне» за 1892-1893 гг. и 1893-1894 гг. (Киев, 1893, 1895) и за 1895-1896 гг. (Ницца, 1896), книгу А.Плетнева «Русский дом в Париже (Maison Russe)» (СПБ, 1902) и ксерокопию юбилейного альбома-сборника «Русского дома» в Харбине (Харбин, 1934) в Российской государственной библиотеке в Москве.

На мой взгляд, «Русские дома» можно классифицировать как культурные центры, приюты, дома для престарелых. Еще одна особая, сугубо русская, совершенно не исследованная тема и не написанная страница в истории русской эмиграции - дом для престарелых эмигрантов, «Русский дом». Практически литературы о русских старческих домах нет, по крайней мере на русском языке, предполагаю, что и на других – тоже. В книгах, посвященных русской эмиграции, о старческих домах практически ничего не сказано, за исключением разве что многотомного издания «Незабытые могилы», где есть перечисления эмигрантов, окончивших свою жизнь в том или ином таком доме. Между тем старческих русских домов в Европе было довольно много, в одной только Франции не менее 15, ведь наших соотечественников в эмиграции оказалось несколько миллионов. И все они рано или поздно старели.

В таких домах жили, вернее, доживали свой век русские эмигранты, у которых не было другого выбора. Возможно, у многих этих стариков были родственники, но не могли помочь, так как сами были вынуждены бороться за выживание. Русский человек иначе воспринимает старческий дом, чем европеец, который может принять сложившуюся ситуацию прагматично, без лишних страданий. Для большинства русских старческий дом воспринимается как что-то ужасное и неприличное, ведь даже хорошо устроенный старческий дом будет лишен для его обитателей главного – близких, семьи, друзей.

XIX век

Вильфранш-Сюр-Мэр (Франция)

Наверное, впервые название «Русский дом» появилось в 1888 году. Так стала именоваться Русская зоологическая станция Вилла Франка на средиземноморском побережье во французском городе Вильфранш-сюр-Мэр (деп. Приморские Альпы), созданная русским зоологом, выпускником Московского университета (1876), доктором наук, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук (1903), профессором и директором зоологического музея Киевского университета Алексеем Алексеевичем Коротнёвым (15(27).02.1854, Москва – 14(27).06.1915, Одесса), проработавшим на этой станции 30 лет.

Ментона (Франция)

Следующий Русский дом появился в 1892 году на западном курорте Лазурного берега в Ментоне (деп. Приморские Альпы).

Ментона – самый западный курорт Лазурного берега с мягким климатом, расположенный недалеко от итальянской границы. До 1914 года он был популярным местом зимнего отдыха для богатых французов, иностранцев, русских аристократов.

В апреле 1880 года проживавшие в Ментоне русские образовали общество, которое поставило своей целью прийти на помощь нуждающимся соотечественникам и устроить для них особый дом и церковь. Основатели общества – князь Эспер Ухтомский, доктор Михаил Федорович Кубе, Петр Александрович Стахович, барон Гревениц, а также Августейшая покровительница общества Её Императорское Высочество Великая Герцогиня Анастасия Михайловна Мекленбург-Шверинская, урожденная Романова, начали сбор средств. До 1890 года им руководили председатель общества П.А. Стахович и его почетный попечитель М.Ф. Кубе, продолживший дело после смерти Стаховича в 1890 году.

В январе 1892 года многие русские в Ментоне особенно заинтересовались этими проектами и решили для скорейшего осуществления его целей образовать из своей среды, по примеру других наций, «Гражданское Общество» (Societe Civile), представляющее (по французским законам) единственную форму, при которой благотворители имеют право приобретать недвижимость и владеть ею. Членами Общества в 1892 году были кн. А.В. Мещерский, гр. Е.П. Клейнмихель, кн. О.А. Шаховская, маркиза Н.Г. Сомми (ур. Базилевская), А.И. Гончаров, М.А. Гончарова (ур. Озероса), д-р М.А. Кубе, русский вице-консул в Ницце Н.И. Юрасов. К 1892 году было собрано более 50 тыс. франков.

Одну часть собранных денег было решено употребить на покупку дома, другую - обратиться в запасной капитал. Церковь должна была быть возведена на пожертвования, которые еще предстояло собрать. Для исполнения проекта был создан комитет в составе председателя русского общества Ментоны Гончарова, доктора Кубе, русского вице-консула в

Ницце Юрасова.

Дом был куплен на выгодных условиях за 60 тысяч франков, причем 35 тысяч из этой суммы переводились на Земельный банк (Credit Foncier) с взносом 5% в год и погашением. Почти новое четырехэтажное здание с 32 меблированными комнатами в красивом месте и с большим садом нуждалось лишь в небольшом ремонте. Покупка была осуществлена в Благовещенье 25 марта (по ст.стилю) 1892 года и в тот же день дом был освящен в присутствии русского консула и представителей русской колонии Ментоны. Затем начался сбор средств на строительство церкви.

К январю 1893 года собрали 23 тысячи франков, из которых 7 тысяч пожертвовала Великая герцогиня Анастасия Михайловна Мекленбург-Шверинская. Для постройки церкви был приглашен датский архитектор Ганс Терслинг, выпускник Академии Художеств в Копенгагене, построивший русскую церковь в столице Дании, а также много строивший на юге Франции, в т.ч. Дворец Европы в Ментоне, Гранд Отель в Рокебрюн-Кап-Марте н (1891), виллу Кирнос для экс-императрицы Евгении (1892). По договору с архитектором треть условленной суммы за строительство церкви ему следовало выплатить по окончании работ, остальные две трети – в рассрочку на 3 года с платой по 5%. По смете Терслинга сооружение церкви обходилось всего лишь в 27 тысяч франков, ремонт дома – в 5 тысяч. Разумным планированием архитектор сэкономил 1 тысячу франков. Срок окончания работ был намечен на 1 ноября 1893 года.

23 ноября (по ст. стилю) 1893 года в храме была отслужена панихида по умершим благодетелям и русским, похороненным на Ментонском кладбище. На следующий день православная церковь в честь иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость» и св. Николая Чудотворца была освящена. Русский дом был торжественно открыт в присутствии Его Императорского Высочества герцога Георгия Максимилиановича Лейхтенбергского.

Августейшая покровительница Русского дома Великая Герцогиня Анастасия Михайловна Мекленбург-Шверинская по болезни не смогла участвовать в этом торжественном для русской Ментоны событии, но прислала из Канн поздравительную депешу: «Я еще больна. Глубоко сожалею, что не смогу присутствовать при торжестве. Бог да благословит Дом и соучастников этого доброго дела, которое я так близко приняла к сердцу. Анастасия».

Церковь примыкала к самому Русскому дому, имела 3 свода, иконостас, выполненный из каррарского мрамора. Иконы кисти К.П. Брюллова были переданы из походной церкви князя Лопухина. Запрестольный образ Воскресения Христа был написан русским вице-консулом Н.И. Юрасовым.

Освящение было совершено настоятелем церкви в Ницце, протоиереем Любимовым при участии священнослужителей этой же церкви - 2-го священника (бывшего при Санкт-Петербургском Исаакиевском соборе сверх штата), кандидата богословия Иоанна Херсонского, псаломщика, кандидата Санкт-Петербургской духовной академии В. Островского, диакона А. Селиванова, а также священника герцогини Мекленбург-Шверинской Григория

Остроумова (проживавшего в Каннах) и священника Ораниенбауманской церкви, брата настоятеля, Дмитрия Любимова.

Церковный хор под руководством выпускника Пражской Консерватории Соляра состоял из четверых чехов и троих итальянцев.

После водосвятия участники церемонии крестным ходом прошли через Русский дом и сад. Толпы иностранцев смотрели на это зрелище через ворота и ограду Русского дома.

Цель Русского дома и Русского благотворительного общества Ментоны состояла:

1. в сближении русских подданных, живущих в Ментоне, Бордигиеро, Сан-Ремо, дабы приходить им на помощь;
2. в оказании помощи русским больным и их семьям (лечение, денежные пособия, возвращение домой, похороны и пр.).

После открытия в Русском доме было 14 кроватей, в нем было размещено 8 больных, с семьями проживали священнослужители И. Херсонский и В. Островский.

Русский дом в Ментоне был не больницей, не богадельней и не гостиницей, а Русским домом, т.е. домом русских, в широком смысле этого слова, где соотечественники жили как у себя дома. Там повсюду слышалась русская речь, была церковь, русская библиотека.

Срок пребывания в Доме был разный – от 3 дней («говельщики») до 5 месяцев. Сюда принимались не только «одинокие больные», как это было изначально задумано. В течение 1893–1894 гг. среди его постояльцев были следующие персоны: одинокий юноша; небогатый одинокий человек, не говорящий по-французски; муж с нервнобольной женой, не переносящей гостиницу и одиночество; больной скиталец; семья, состоявшая из больной матери с дочерьми без отцовской опоры; тяжелобольной одинокий офицер; семья с больным отцом; лица, желающие гостить, говеть, провести праздники.

Русский дом оказывал нуждающимся русским денежную помощь, помощь в виде заботы в других гостиницах, пансионатах и частных домах Ментоны, сотрудничал с содержателями гостиниц, пансионатов, домовладельцами, агентами по недвижимости. Персонал дома помогал многим русским, прибывавшим и проживавшим в Ментоне, в поисках прислуги и адресов родственников, в выборе врача, приобретении книг и пр. Русское благотворительное общество Ментоны также оказывало помощь нуждающимся русским. Несмотря на то, что оно не оплачивало проигрыши соотечественников в казино Монте-Карло, тем не менее, молодому человеку из хорошей семьи дали средства на дорогу в Россию, другого проигравшегося бесплатно устроили на 10 дней в недорогом пансионе, третьему дали займы.

В 1895-1896 гг. в Русском доме проживало 50 человек, его возглавляла гр. А. Растопчина, священником был С. Орлов. В доме была библиотека и музыкальный зал. Постояльцев и больных регулярно посещал священник, дважды в неделю осматривал доктор Кубе. Операции бесплатно проводил известный французский хирург Пуарье, по предложению герцогини Мекленбург-Шверинской выбранный почетным членом Русского благотвори-

тельного общества Ментоны. В саду был построен шестикомнатный флигель для заразных и тяжелобольных, решался вопрос об устройстве при Русском доме кладбища.

Каждый жилец платил в день от 1 до 5 франков (в зависимости от условий) за проживание (оплата комнаты, еда, уборка и пр.). Обедали все в столовой за общим столом. С 8 до 10 часов был завтрак, в час по полудню – обед из 4 блюд с десертом, в 18.30 – ужин из 2 блюд.

Русский дом и церковь стали средоточием и центром русской колонии Ментоны. Прихожане собирались в церкви на праздники, затем торжественно ужинали в Русском доме за его счет.

В 1902 году наследник скончавшегося в Ницце русского подданного, предпринимателя В.В. Фидлера барон Альфонс Ротшильд выделил Русскому дому и церкви в Ментоне по 25 тысяч франков. Покровительница Русского дома в Ментоне Герцогиня Мекленбург-Шверинская, тронутая щедрым пожертвованием барона Ротшильда, послала благодарственную телеграмму на его имя.

В декабре 1915 года генеральный консул России во Франции обратился к французскому правительству с просьбой организовать в Русском доме Ментоны госпиталь для раненых русских воинов. После 1917 года в нем жили русские эмигранты. В 1920-х гг. приходская жизнь в Ментоне осложнилась из-за ссор и недоразумений между прихожанами и священниками Цветаевым и Аквилоновым. В 1925 году из Будапешта в Ментону был переведен протоиерей Григорий Ломако. Старый и опытный священник, он сумел взять в руки церковь и состоящий в ведении Братства св. Анастасии Русский дом, который был отдан в аренду Красному Кресту для осуществления его благотворительных целей. Церковь обслуживала преимущественно обитателей Русского дома. В письмах баронессы Анны Петровны Фальц-Фейн, прожившей в 1950-е гг. прошлого века 8 лет со своей сестрой Екатериной Петровной Достоевской в Русском доме, есть интересные описания жизни его пансионеров – быт, еда, праздники, нравы и пр.

Сейчас в Русском доме располагается дом для престарелых Св.Анастасии.

Мерано (Италия)

Русских людей, как и других европейцев, Тироль, в особенности итальянский город Мерано, привлекал своим мягким климатом, пейзажами, Альпами. С середины XIX века город стал элитным курортом, где отдыхали представители царствующих домов Пруссии, Бельгии, России.

Начиная с зимнего сезона 1884-1885 гг. по количеству отдыхающих русские вышли на первое место после австрийцев и немцев. В 1875 году было учреждено частное благотворительное общество русских жителей Мерано (Русский комитет), задачей которого стала помощь больным и нуждающимся соотечественникам, желающим пройти курс лечения

в Южном Тироле. Огромную роль в создании Русского дома сыграла москвичка Надежда Ивановна Бородина, дочь надворного советника. В 1880-х гг. она приехала в Мерано вместе с матерью лечиться от чахотки. 16 апреля 1889 года, в возрасте 37 лет, она умерла в Ницце (похоронена в Москве), завещав Меранскому Русскому комитету крупную сумму на строительство пансионата для русских.

На общем собрании Русского комитета 8 апреля 1896 года была поставлена задача построить Русский дом с церковью. Для распоряжения капиталом учредили Благотворительное общество помощи больным, признанное юридическим лицом (в соответствии с 6 и 9 статьями австрийского закона об Обществах от 1867 г.). Капитал, оставленный Н.И. Бородиной, был передан Обществу 4 июля 1895 года через её душеприказчика И. Белавина. Было решено приобрести у муниципалитета участок земли в Майя-Басса в 974 квадратных «клафтера» (старая тирольская мера длины, соответствующая 1,62 м), где уже велось строительство двух вилл. Обществу предстояло их достроить, возвести храм и разбить сад.

Строительством занимались итальянский архитектор Тобиас Бренер и инженер Хубер, избравшие стиль, характерный для тогдашней Европы, – эклектику и изящество, с несомненным влиянием венских и северо-итальянских традиций.

Сооружение Русского дома им. Н.И. Бородиной началось в 1895 и закончилось в 1897 году.

Первые гости появились в Русском доме 27 сентября 1897 года и сразу же любовно «окрестили» его Бородино. Постояльцы прибывали на зимний период: сезон начинался 16 сентября и продолжался до 15 июня. Общество помогало малоимущим больным - в подавляющем большинстве жильцами Дома были разночинцы: студенты, гувернантки, инженеры и даже крестьяне из разных уголков России, много больных детей и подростков. Но гостями Мерано в разное время были и представители многих знатных семейств России: граф А. Канкрин, князь А. Гагарин, сенатор В. Ратьков-Рожнов, а также графы Клейнмихили, княгини О. Урусова и А. Шаховская, баронесса Врангель, фрейлина и воспитательница одной из дочерей Александра II – А.Ф. Тютчева и другие. Администрация настаивала на православном характере заведения – полякам и евреям в праве пользования Домом отказывали, всем прибывающим следовало представить справку о крещении.

Правила проживания были достаточно строги. Вилла насчитывала 19 комнат и около 30 спальных мест. Комнаты отапливались с ноября по март, но лишь в том случае, если температура в них не превышала 11°C. Впрочем, жильцам позволялось самим отапливать свои комнаты, оплачивая все связанные с этим расходы. Постельное белье меняли два раза в месяц, четыре полотенца выдавали каждую неделю по субботам. Трижды в день постояльцам предлагалось принимать ванны. В комнатах запрещалось готовить еду, перемещать мебель, ковры, вбивать гвозди в стены, держать собак и музыкальные инструменты.

В Доме была укомплектована отличная библиотека с книгами на русском, французском и немецком языках. Работали читальный и игровой (шахматы и т.п.) залы. Кормили жильцов по-русски: борщами, щами из свежей капусты, гречневой кашей, пирогами, варе-

никами, колтунами, киселем, блинами. Электричество, проведенное в конце 1899 года, в общих помещениях отключали в десять часов вечера.

Администрация заботилась и о душевном состоянии своих подопечных. В Русском доме были запрещены всякого рода политические или религиозные дискуссии. Большое значение придавалось возможности удовлетворять духовные запросы.

Медицинские консультации доктор Михаил фон Мессинг, происходивший из русских немцев, проводил в самом Доме, для бедных – бесплатно.

Первая русская православная церковь была организована в Мерано в наемном доме еще в 1884 году и освящена в честь Николая Чудотворца. Почетной попечительницей храма стала Великая княгиня Екатерина Михайловна, настоятелем церкви был о. Феофил Кардаевич. После получения благотворительным обществом капитала, завещанного Н.И. Бородиной, и в связи с тем, что небольшая комната в частном доме не вмещала всех прихожан, решено было построить новый храм.

Торжественное освящение новой церкви в память св. Николая состоялось 3 (15) декабря 1897 года. Никольскую церковь разместили в верхнем этаже двухэтажного флигеля, увенчав ее куполом русской формы и «русским» крестом. Храм имеет интересное убранство, созданное итальянскими ремесленниками. Картины, иконы, церковная утварь были заказаны в Москве. Церковь украшена картинами неизвестного московского художника «Проповедь Христа перед народом» и «Тайная вечеря», двумя витражами тирольских мастеров, изображающими евангелистов. Клирос оформлен киотами св. Николая Чудотворца и св. Пантелеймона.

С середины ноября до середины мая в церкви Русского дома в каждое воскресенье и праздничные дни совершалось православное богослужение. По решению Синода служить в новом храме стали приезжавшие на зимний период монахи Александро-Невской лавры. Отлаженная система – приезд из Петербурга священника с псаломщиком - сохранялась до Первой мировой войны. Из управления Санкт-Петербургской епархии, к которой была приписана церковь, ежегодно высылались метрические книги. В них священники аккуратно заносили сведения о крещениях, венчаниях, смертях; велись записи о том, кто получил святое причастие. Русский комитет раз в год публиковал - на немецком языке - отчеты о полученных и потраченных средствах (несмотря на различные перипетии Русского дома в Мерано, эти отчеты, вместе с метрическими книгами, сохранились в его архиве).

В годы Первой мировой войны в Мерано осталось двое русских – брат и сестра фон Мессинги. Они приняли на себя заботу о сохранении санатория. После войны он оказался на итальянской территории, после 1917 года вообще был отрезан от России. Теперь Русский дом принимал не больных, а беженцев, не имевших возможности платить за проживание. Это заставило управлявшую Русским Домом Фаину фон Мессинг до предела снизить плату за проживание и питание: в 1922 году она составляла от 90 до 250 лир (вместе с бельем и освещением) и 14 лир – суточная плата за трехразовое питание. Финансовое положение Дома было тяжелым. Количество постояльцев «Бородина» в 1920-х гг. неуклонно сокраща-

лось (в 1924 году здесь жили 64 человека, в начале 1930-х гг. их осталось пять или шесть). В 1930-х гг. Русский комитет практически прекратил свое существование. Стремясь спасти «русский уголок», Ф. фон Мессинг предприняла поиск частных благотворителей. К сожалению, он не принес успеха. Русский дом просуществовал до 1935 года, затем администрация г. Мерано назначила комиссара Луиджи Росси его временным управляющим. Вилла была сдана на 5 лет в аренду Веронике Аблер. Материальная сторона дела улучшилась, дом стал приносить доход, но льготы для русских жильцов были аннулированы.

В 1960-х гг. некий спекулянт незаконно купил Русский дом с церковью, переселив туда немногочисленных русских эмигрантов, и открыл пансион «Царский колодец». Через некоторое время он объявил себя банкротом. В итоге Русский дом стал собственностью меранского муниципалитета. После ремонта там устроили городскую богадельню.

В конце 1990-х гг. прошлого века инициативная группа во главе с сеньорой Бьянкой Марабини-Цеггелер создала в Мерано ассоциацию «Русь». (Отец, дед и прадед Б. Марабини-Цеггелер были антифашистами, им пришлось бежать из фашистской Италии во Францию, затем в Бельгию и в СССР. Отец женился на москвичке, после Второй мировой войны он с русской женой вернулся в Италию, где и родилась Бьянка.) По разрешению муниципалитета ассоциация привела в порядок церковь и библиотеку бывшего Русского дома. Сейчас там проводят концерты, выставки, лекции. Ассоциация «Русь» начала издавать книги о живших в Мерано русских: в 1997 году увидела свет книга «Русская колония в Мерано», посвященная 100-летию бывшего центра этой колонии - Русского Дома имени Бородиной, в 1999 году - сборник статей о Любви Федоровне Достоевской, дочери писателя, умершей в итальянском Тироле.

В планах ассоциации – устройство научного центра по истории русской эмиграции, она уже провела ряд семинаров по этой теме. Местные жители, в особенности немецкоязычные, активно интересуются ее деятельностью.

Русский дом в Стокгольме

В 1891 году русская миссия в Стокгольме получила разрешение от Министерства иностранных дел России заключить контракт со шведским инженером Р.И. Санкдгреном, двадцать лет прожившим в России, на строительство доходного дома на углу Odengatan и Valhallavagen. Проект пятиэтажного здания, сохранившегося до наших дней, представил архитектор Г. Фристетт. Церковный флигель на Odengatan венчала небольшая позолоченная главка со стеклянным крестом, сам храм находился на третьем этаже, над квартирой псаломщика. Отделкой церковного интерьера руководил известный архитектор Фердинанд Буберг. По стенам храма шла высокая панель тёмного дерева, а стены были разделены на квадраты, выкрашенные светло-жёлтой и розовой краской. Пять больших окон храма были цветного и полированного стекла, потолок небесно-голубого цвета, украшенный золотыми

звёздами, в центре потолка - витраж в форме звезды из матового стекла. Освящение храма последовало 26 ноября 1892 года, в день рождения императрицы Марии Фёдоровны.

Отец Пётр (в миру Румянцев) обратился к русскому посланнику с просьбой выписать из Петербурга новый иконостас, так как старый не соответствовал размерам помещения. Вскоре в Стокгольм доставили белый резной иконостас в русском стиле, созданный с учётом пожеланий о. Петра, а вместе с ним две большие клиросные иконы и набор месячных иконок-святков. Этот иконостас, который стоит в Свято-Преображенском храме и поныне, освятили в праздник Преображения Господня - 18 августа 1893 года. Барочный иконостас XVIII века в 1901 году был послан русской церкви в Гамбурге.

Через десять лет со дня освящения храма на Odengatan новый хозяин дома решил разорвать отношения с миссией. В конце 1905 года удалось заключить контракт с архитектором В. Дэном, который по собственному проекту заложил доходный дом на Birger Jarlsgatan 98. Владелец обязался пристроить со двора церковный зал и предоставить квартиры для настоятеля и псаломщиков. Не завершив работ, В. Дэн продал недостроенное здание, поэтому освящение храма задержалось до Пасхи 1907 года - 27 апреля.

XX век

Париж (Франция)

В Российской национальной библиотеке мне попала брошюра некоего петербуржца, Алексея Петровича Плетнева, изданная в 1902 году в Петербурге, где содержался призыв создать в Париже, в Люксембургском саду, Русский дом. В брошюре представлена концепция и смета будущего дома. Так что еще в начале прошлого века витала идея создания Русского дома в столице Франции. Но жизнь распорядилась иначе. Наступил 1917 год, и новые Русские дома стали появляться в местах проживания русской эмиграции.

Харбин (Китай)

В 1922 году Иверским братством при участии священника Демидова был основан Русский дом в Харбине. Он являлся единственным в Харбине закрытым учебным заведением наподобие Русских кадетских корпусов, состоял из двух школ (народной и повышенной народной) и содержался на благотворительные средства. Сначала он располагался в частном помещении, затем для него был построен особняк в русском стиле. В 1945 году была проведена его реорганизация, и он стал именоваться лицеем Александра Невского, который просуществовал до 1952 года.

Сент-Женевьев-де-Буа (Париж, Франция)

В 1927 году в усадьбе Коссонри в Сент-Женевьев-де-Буа, на 32-м километре юго-восточного предместья Парижа, был создан Русский дом.

Изначально усадьба Коссонри принадлежала семье местных землевладельцев Бертье де Совиньи, затем барону Луи-Арману Фэну, брату секретаря Наполеона I и известного издателя Агатона Фэна, который построил в ней элегантный особняк. В XIX веке усадьба Коссонри сменила еще нескольких владельцев.

Первая директриса Русского дома в Сент-Женевьев-де-Буа, княгиня Вера Кирилловна Мещерская, урожденная Струве, в эмиграции в Париже устроила пансион для благородных девиц. Среди ее воспитанниц была Марина Греческая, будущая герцогиня Кентская; падчерица германского императора Вильгельма и др. Самой благодарной из ее учениц оказалась молодая богатая англичанка Дороти Пейдж. На ее деньги в 1927 году была приобретена вилла Коссонри, и вплоть до Второй мировой войны она оказывала Русскому дому материальную помощь. После смерти княгини Мещерской Дом возглавила ее ныне здравствующая невестка Антонина Львовна Мещерская (ур. Антуанетта де Геенёк де Буаю). Достигнув преклонного возраста, она практически передала в 1989 году управление Домом жене сына, г-же Элизабет де Буаю.

Благодаря помощи департамента Эссоны, на территории которого находится Русский дом, с 1993 по 1995 гг. к старому зданию был пристроен новый комфортабельный трехэтажный жилой корпус с комнатами, оснащенными по последнему слову медицины. Помимо комнат с туалетными помещениями и душем, в новом корпусе находятся библиотека, столовая, лечебница. В старом остались домашняя церковь и комнаты, не пригодные для жилья. Старинная гостиная-столовая украшена портретами и бюстами российских императоров, в центре, под портретом императрицы Марии Федоровны, стоит походный трон Николая II. Все эти реликвии попали сюда из русского посольства на улице Гренель. Посол Временного правительства Василий Алексеевич Маклаков, в честь которого названа одна из парижских площадей, уступая в 1925 году место дипломатическому представительству признанной Францией Советской власти, не дожидаясь приезда полпреда Красина, вывез в Русский дом всё посольское имущество – иконы, книги, мебель, картины.

На мраморной плите в парадном салоне надпись: «В память княгини Веры Кирилловны Мещерской, основательницы Русского Дома 7-го апреля 1927 года. Княгиня открыла Русский Дом на щедрый дар honorable Dorothy Pager, создав убежище для престарелых русских. Её же трудами сооружена в доме русская церковь. Самоотверженно посвящая себя заботам о Русском Доме, княгиня управляла им с твердостью и любовью в продолжении 12 лет. Она почилла в этом доме 17-го декабря 1940 года. Кто не имел счастья лично знать и любить покойную княгиню, пусть, прочтя эти строки, вознесет молитву к Господу о вечном покое её души».

В помещении, примыкающем к гостиной (где пансионеры играли в бридж), генерал Вильчаковский и князь Путятин устроили прекрасный храм в древнерусском стиле в честь святителя Николая Мирликийского Чудотворца. Первым настоятелем церкви был протоиерей Д. Троицкий. При домово́й церкви был хороший церковный хор.

Среди пансионеров довоенного времени – вдовы министра Столыпина, генерала Колчака, адмирала князя Путятина, члены семей князей Голицыных, Васильчиковых, графов Мусиных-Пушкиных и Толстых. После окончательного оформления Русского дома как общерусского в 1945 году появляются представители семьи графов Остен-Сакенов, Унгерн-Штернберг. Сейчас бесплатно в Доме проживает лишь неимущая часть его обитателей.

После открытия Русского дома в нем проживало около 150 русских, сейчас получение субсидий от разных общественных учреждений и организаций повлекло за собой обязательство давать приют в Русском доме не только выходцам из России и их детям, но также нуждающимся в нем выходцам из других стран, так что там проживает, помимо пятидесяти наших соотечественников, около сорока французов, испанцев, поляков, эстонцев.

В Доме можно содержать животных, в библиотеке много русских книг и журналов, которые пансионерам читают вслух русские женщины (аниматрисы). В домово́й церкви проводятся богослужения, в религиозные праздники проводят праздничные службы, затем дают торжественные обеды.

Рядом с Русским домом находится кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, ставшее местом захоронения многих русских эмигрантов после 1917 года. В 1930-е гг. на этом местном кладбище стали хоронить обитателей Русского дома, затем – русских, проживавших в Париже и других французских городах. Незадолго до войны русские предусмотрительно купили участок земли примерно в тысячу квадратных метров и по проекту Альберта Бенуа (родственника Александра Бенуа) построили Успенскую церковь в новгородском стиле. 14 октября 1939 года церковь была освящена, и таким образом погост, получивший название Русское кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа, вполне сложился. Кладбище считается преимущественно русским и православным, хотя там есть могилы представителей других конфессий и национальностей. Регулярно русских начали хоронить в этом месте с 1929 года. В 2008 году правительство России выделило 692 тысячи евро на содержание 648 могил. На кладбище похоронены русские эмигранты: писатели, поэты, драматурги – Бунин, Газданов, Галич, Гиппиус, Зайцев, Мережковский, Некрасов, Оцуп, Ремизов, Тэффи; художники – Коровин, Маковский, Серебрякова, Сомов; танцовщики, балетмейстеры, актеры, режиссеры, певцы – Дмитриевич, Кшесинская, Лифарь, Мозжухин, Нуриев, Тарковский; ученые, военные, члены известных дворянских родов России.

Белград (Югославия)

В 1933 году в Белграде был создан Дом русской культуры имени императора Николая II. Он находится на улице Краљице Наталии в специально построенном для него русским архитектором Баумгартеном здании с великолепным театральным-концертным залом. В его стенах разместились русско-сербская мужская и женская гимназии, ряд обществ, организаций, в т.ч. хорошая библиотека с коллекцией дореволюционной русской литературы.

На сцене театральном-концертного зала шли спектакли Русского общенародного театра Черепова и Дуван-Торцова, выступали Федор Шаляпин и Надежда Плевицкая. В 1933 году там с большим успехом прошли гастролы замечательной русской актрисы Елены Полевицкой. Сейчас там находится Российский центр культуры и искусства.

Монтаржи (Франция)

В 1930-х гг. недалеко от Парижа, в городке Монтаржи, на предприятиях резинового производства работало много русских рабочих.

В 1934 году русская община купила кусок земли, где возвели просторную светлую церковь с колокольней, вокруг нее разбили цветник. Рядом построили дом, в котором расположились школа, зал для общественных собраний, библиотека. Таким образом в Монтаржи появился Русский дом.

Нуази-ле-Гран (Франция)

В 1935 году Мать Мария (Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева) совместно с Ф.Т. Пьяновым и священником Михаилом Чертковым арендовала помещение «Дома отдыха» для выздоравливающих русских туберкулезных больных в пригороде Парижа Нуази-ле-Гран, он получил название – приют «Русский дом». Торжественное открытие, на котором присутствовал митрополит Евлогий, состоялось в мае 1936 года. Иконостас для домового церкви Русского дома в Нуази-ле-Гран создал художник-иконописец монах Григорий (Круг Георгий Иванович). Последние годы своей жизни в доме жил русский поэт Константин Бальмонт (умер в 1942 году, похоронен на местном кладбище).

Кормей-ан-Паризи (Франция)

В 1949 году председатель Земгора в Париже основал Русский дом в Кормей-ан-Паризи, существующий до сих пор.

Русский дом в Нью-Йорке

В 1951 году на средства председателя Русско-Американского союза защиты и помощи русским вне СССР (под омофором РПЦЗ) князя Сергея Сергеевича Белосельского-Белозерского (1895 – 1978) и его супруги Флоренс (в крещ. Светлана, ум. в 1969) в центре Нью-Йорка, на 86-й-линии, 349, был приобретен пятиэтажный дом, получивший название «Дом свободной России». Помимо Русско-Американского союза и его учреждений, в нем расположился ряд эмигрантских организаций: Общество офицеров российского императорского флота, Русский корпус, редакция журнала «Наши вести», Общество русских инженеров, Организация русских разведчиков и др. Был в нем небольшой зал для концертов и балов.

Монморанси (Франция)

Русский дом для престарелых в парижском пригороде Монморанси был создан Союзом русских военных инвалидов во Франции в 1954 году. У его истоков стоял капитан лейб-гвардии императорского полка Курдюмов. Первым директором был капитан лейб-гвардии Измайловского полка Владимир Александрович Рагимов (1894–1984). При Доме был построен храм в память Государя Императора Николая Второго на средства казначея Союза русских военных инвалидов во Франции А.А. Костанда. Не так давно директором этого Дома был Г.А.Будниченко.

Афины (Греция)

В 1955 году по инициативе великой княжны Елены Владимировны, внучки Александра II, главы общества «Святая Русь», в Афинах, в районе Аргируполи, был открыт Русский дом. Княжна передала под его строительство большой земельный участок и обеспечила его финансирование через ООН.

После смерти Елены Владимировны Русским домом стал руководить архимандрит Тимофей Саккас. Его усилиями в доме создана большая библиотека, музей, построены новые корпуса. В 1962 году на территории Русского дома был воздвигнут небольшой храм в честь преподобного Серафима Саровского.

Сейчас в бывшем Русском доме располагается афинская богадельня, правда, с русским музеем.

В 1920-1930-х гг. Русские дома были созданы в Безансоне, Варне, Варшаве, Салониках, Каракасе.

В это же время стали появляться русские старческие и инвалидные дома, приюты Бол-

гари – в с. Шипка (приют увечных и престарелых воинов Российского Общества Красного Креста при храме-памятнике Шипка, там же есть Русское кладбище); во Франции в Ганьи (Дом русских военных инвалидов), Каннах, Ницце (Русский инвалидный дом, зав. - Виктор Славинский), Нуази-ле-Гранд (приют для русских больных, основанный Матерью Марией), Розэ-ан-Бри (основательница – монахиня-подвижница, игуменья Мелания), Руане, Сан-Рафаэле (в 1961 году при доме открыт храм во имя св. Архангела Рафаила, сооруженный по проекту архитектора Н.И. Цветкова, внутреннее убранство выполнено М. Бер и Т. Ельчаниновой, иконы – Д.С. Стелецкого), Шелле (Дом русского Красного Креста для русских престарелых); в США - Нью-Джерси (дом для престарелых им. Пушкина при Ферме русского объединенного Общества в Америке), Фривуд Эйкрсе (дом пенсионеров Казачьего комитета) и др.

Идея создать благотворительное общество возникла в группе добросердечных русских женщин, стремившихся помочь одиноким и бедным русским старикам. Вначале они помогали из своих личных средств или из пожертвований, собранных у знакомых: носили продукты и лекарства. Затем решили создать официальную организацию.

В 1946 году была получена официальная регистрация в органах власти. Активистками общества были А.Д. Сумарокова-Теллье, А.В. Родер и А.М. Нащекина. С 1949 года они организовывали «благотворительные базары», продавая, главным образом, собственное рукоделие. В 1951 году купили дом, освященный после ремонта архиепископом Феодосием. Туда вселились первые 15 стариков. Первой управляющей дома была И.А. Мишаткина, первым врачом – доктор В. Дорожинский, с 1959 года врач - В.В. Пронин. В 1955 года издательство им. Чехова пожертвовало дому 150 книг. М.П. Порохина начала формировать библиотеку, которая выросла в собрание из нескольких тысяч томов. В 1958 году председателем Общества был избран А.В. Битингоф, в 1961 – Н.Н. Доленга-Пискорский, в 1971 – его вдова М.В. Доленга-Пискорская. В 1962 году переехали в новое помещение. В 1965, благодаря денежной помощи Комиссариата по делам беженцев, приобретен второй дом на соседней улице. Строительные планы и руководство постройкой осуществлены безвозмездно русским архитектором А.Н. Даниловичем. При доме есть русская церковь, работает русский врач.

Сейчас в мире действуют примерно 72 Русских дома. Их можно разделить на 3 категории – неправительственные организации (союзы, ассоциации и пр.), старческие русские дома и государственные учреждения – подразделения Росзарубежцентра.

Среди неправительственных (общественных) организаций можно выделить:

1. «Русский дом – Вашингтон» - коммуникационное агентство, осуществляющее политическое, деловое, научное, культурное сотрудничество между Россией и США (президент Э.Д. Лозанский);
2. Неправительственная организация «Русский гуманитарный дом в Монреале» (Канада), создан в 2003 году (председатель – Александр Копылов);

3. Русские дома в Австралии (Аделаида, Мельбурн, Сидней), созданные в середине XX века, занимаются воспитанием детей в русских традициях, издают книги на русском языке, проводят фестивали;
4. Русские Дома в Дании (Копенгаген, д-р Валерий Лихачев), Голландии (Роттердам, д-р Татьяна Левинская), Бельгии (Льеж), Италии (Палермо, президент Дзиммарди Андреа), в Норвегии (Берген), Португалии (Лиссабон, рук. Игорь Хашин), во Франции (Ницца, президент Элен Метлов) занимаются сохранением русского языка, русской культуры и традиций;
5. Русские дома в бывших республиках Советского Союза – в Лиепе и Даугавпилсе (Латвия), Полтаве (Украина), Таллине (Эстония).

Подразделения Росзарубежцентра, в прошлом Дома российской культуры и науки, именуемые сейчас Русскими домами, действуют сейчас практически во всех столицах мира. При некоторых из них, например в Вене, работают Русские клубы.

Старинная открытка с видом «Русского дома» в Сент-Женевьев-де-Буа

Современный вид «Русского дома»
в Сент-Женевьев-де-Буа

Чай в «Русском доме». Чакао

Михаил Владимирович Тархов
(6.08.1913—11.05.1977).
Последний председатель
«Русского дома» в Венесуэле

В центре княгиня
Вера Кирилловна Мещерская, хозяйка
«Русского дома» в Сент-Женевьев-
де-Буа в начале XX века

Мать Мария –
основательница
«Русского дома»
в Нуази-ле-Гран

«Русский дом». Чакао

Как я захотела учить русский язык, и что из этого получилось

Элен Метлов (Ницца)

Родилась я в марте 1946 года в семье потомственных музыкантов. Никто не мог предполагать тогда, что я увлекусь русской культурой, русским языком так, что стану их преподавать, и еще меньше - что я когда-нибудь выйду замуж за русского и проведу в Москве 21 год своей жизни.

Конечно, на то были веские причины: во-первых, хотя родители и были эмигрантами, они вовсе не были русскими эмигрантами. Дед-поляк ненавидел одинаково и русских, и немцев. Женился он в молодости на румынке из Турции, у нее или у него, – точно не знаю – была прабабушка армянка, и все между собой объяснялись по-французски, правда, буква «р» у них звучала не на французский манер, а звонко перекатывалась. Эмигрировали они во Францию в 1926 году, моей маме как раз исполнилось 20 лет, и из-за отъезда она не смогла уже получить диплом в консерватории.

Вторая веская причина – в доме многие поколения были профессиональными музыкантами, так что я получила прекрасное домашнее музыкальное образование (фортепьяно и вокал) и с детства мечтала о сцене. Но первому поколению эмигрантов туго жилось в послевоенной Франции, и все в один голос советовали выбрать другой путь. При этом я была свидетельницей вечных забот о завтрашнем дне: «как прокормить ребенка», «как свести концы с концами до следующей зарплаты» - тогда-то я и решила, что профессия у меня должна быть востребованная, со стабильной зарплатой, чтобы обеспечить всю семью - маму, бабушку, теток. Мне было в ту пору около пяти лет, и я твердо решила, что стану воспитательницей детского сада. Поступив в начальную школу, я объявила, что буду учительницей, и, дожив до лица, выбрала преподавание истории.

К этому времени мы с мамой переехали из Парижа к тете в Ниццу. Муж у тети был очень интересным человеком: воспитывался он у иезуитов, и это оттолкнуло его от веры. Увлекался философией, через Спинозу пришел к Гегелю, а там и до Маркса недалеко. Окончил он Сорбонну со свободным дипломом.

Тогда, наверно, судьба моя и приняла новый курс. В нашем доме с большой симпатией говорили о Советском Союзе, телевизора у нас не было, мама каждый вечер читала вслух произведения великих писателей, среди них оказалось много русских. Помню, мне было лет 10, я с нетерпением ждала каждый вечер продолжения «Преступления и наказания» Достоевского. А еще раньше – так же читались Горький, Федин... И вновь судьба – я сама прочитала «Тараса Бульбу». Как раз тогда надо было решить, какой второй иностранный язык учить. У меня первый – немецкий. Семья советовала изучать английский язык, но решающую роль в выборе сыграла моя лучшая подруга, она выбрала русский. Вот таким

образом я попала в класс с латинским, немецким и русским языками.

Шел 1958 год, русский язык был в моде, но мало кто его изучал. В классе нас было 13 человек. Нам очень повезло с преподавательницей - из первой эмиграции, пионерка внедрения в школу преподавания русского языка. Должна сказать, что мне вообще везло с преподавателями русского языка: не помню ни одного, который не был увлечен своим предметом до такой степени, что мы сами не могли не полюбить его. Наша преподавательница заболела почти сразу после начала учебного года, но мы успели так привязаться к ней, что решили подготовить сюрприз к ее возвращению на рабочее место. В нашем учебнике были ноты двух песен «Эй, ухнем...» и «Вниз по матушке по Волге». Тут мои музыкальные способности помогли: я переложила песни на три голоса, и мы стали их разучивать. Так родился первый хор русской песни с французами под моим руководством!

А дальше все пошло как бы само собой. Конечно, помог музыкальный слух и, конечно, родительская забота - они к Рождеству подарили мне две пластинки с записями русского академического хора под руководством Свешникова. Записи мне очень понравились, и я решила учить песни со словами. Прodelала огромную работу: часами сидела и записывала подряд звуки, именно звуки, а не слова. Через два месяца после начала учебного года словарный запас у меня был еще очень скромный. Где начинаются и где кончаются слова внутри стиха, я не знала, но пела все песни наизусть, и вроде так, как должно было быть. Однако самое интересное было впереди: по мере изучения языка я вдруг открывала слова, которые давно были мне знакомы из песен. Я всегда радовалась им как старым знакомым. Видимо, именно так ребенок постепенно учит свой родной язык, точнее, входит в него. Такой метод работы над языком – я совершенно не осознавала ее, эту работу – дал прекрасные плоды: у меня было очень хорошее произношение, никто не верил, что родители не говорят по-русски и что я никогда раньше не слышала русскую речь.

Кроме того, у меня были две подруги, жили мы рядом и часто вместе ходили в школу. С первых же дней мы стали «общаться» на улице по-русски. Ясно, что общение состояло на самом деле в повторении уроков. Но в результате мы знали наизусть весь учебник, хотя никто нас не заставлял, и очень быстро у нас укрепились навыки устной речи. Почему мы так усердно занимались? Когда я сейчас вспоминаю то время, мне кажется, что разные были причины. Тут и любовь к преподавателям, и к языку, но еще и сильное желание в этом возрасте привлекать к себе внимание взрослых. Сегодня никого не удивишь русской речью на улицах Ниццы, но тогда на нас оборачивались и нам это ужасно нравилось!

Когда я окончила лицей, встал вопрос, куда идти дальше. Я знала, что буду преподавательницей, но колебалась, какой предмет выбрать. История по-прежнему нравилась, но еще больше привлекала биология. К сожалению, математика у меня хромала, и туда путь был закрыт. Может быть, философия? или языки? Короче, я решила попробовать свои силы и выбрать занятие по результатам учебы. И тут я получила ответ: лучше всего несомненно заниматься русским языком.

В Ницце в ту пору – в 1965 году - не было университета, и я поехала в Экс-ан-Прованс.

У нас в университете были лучшие преподаватели Франции. По крайней мере, мы так считали, и действительно многие лекции проходили у нас на русском языке, что было в то время не типично. Кроме того, у нас работали профессора из Петербурга и из Москвы. Они приезжали на 2 года, и очень многому научили нас. Настало время писать дипломную работу. Еще в лицее я увлеклась народным творчеством, собирала записи, учила песни... А в университете полюбила Пушкина. Тема работы определилась сама собой: «Фольклорные элементы в стихотворных сказках Пушкина». Мне страшно повезло - диплом я писала в Ленинграде, куда получила стажировку на десять месяцев (1969-70). Там моей работой руководили такие профессора, как Макагоненко и В. Пропп. И русский язык становился мне все ближе и роднее.

Не обойтись без анекдота: приехала я в Ленинград 15 сентября, жила в аспирантском общежитии, моя соседка по комнате не знала ни слова по-французски, у нас вечно работал репродуктор, засыпали мы и просыпались под гимн Советского Союза. А перед Новым годом захотелось мне побаловать друзей. Я пошла в «березку» покупать «дефицитные» книги. В магазине двое несчастных французов никак не могли объясниться с продавцами. Я подошла, помогла, и они стали удивляться, как я хорошо говорю по-французски. «Еще бы! Я же француженка. – Не может быть, у вас небольшой акцент». Дальше – лучше. Вернувшись во Францию и став преподавателем русского языка (1970), я поставила целью своей жизни заразить своей любовью к нему всех учеников. Не стану вдаваться в подробности, но кажется, в какой-то мере это удалось. Несколько моих студентов – с 1971 я начала работать в университете в Лионе, а потом в Ницце, где открылась в 1972 году кафедра русского языка – последовали моему примеру и женились на русских!

В 1972 году я встретила в Ницце со своим будущим мужем, русским стажером по философии. Через два года в рамках культурного обмена я приехала в Москву преподавать французский язык в МГУ, но главным образом я приехала к любимому человеку. Вот тут уж умер бы от удара мой дедушка, не скончался он еще еще в 1949 году! Наша личная эпопея здесь не интересна, она не вносит в тему о русском языке ничего нового. Но факт то, что результатом моего увлечения русским языком и русской культурой стали приезд в СССР и брак с гражданином этой страны. Там я прожила 21 год, там родились и учились наши дети, и я очень благодарна судьбе: ведь нигде в мире они не получили бы такого хорошего образования. Таким образом, «русская душой, сама не зная почему», я уже сознательно стала воспринимать Россию как свою вторую родину, вторую культуру.

Вот, наверно, почему, приехав обратно во Францию в 1995 году (не было другого выхода, надо было зарабатывать деньги и получать нормальную зарплату), я сразу же создала ассоциацию «Перспектив интернациональ» («Международная перспектива»), а потом и Русский дом в Ницце, чтобы французы узнали хоть немножко о России, полюбили ее и оценили ее культуру.

Значение русского языка на Лазурном берегу

Краткий исторический обзор

Исторически сложилось так, что интерес русских к Средиземному морю появился еще при Екатерине Второй: в конце XVIII в. братьями Орловыми были отмечены удобство и стратегические качества прекрасной бухты Вильфранша. О ней вспомнили после Крымской войны в середине XIX в., и в этом месте русский флот получил от герцога Савойского право иметь свою базу. Сюда впервые приплыла Александра Федоровна, и отсюда она отправилась в Ниццу, а за ней потянулись аристократы, их прислуга, писатели, художники, композиторы, революционеры. Они стали покупать земли, строить дома, церкви и дворцы. Повсюду от Ментоны до Канн появились русские пансионы. После Октябрьской революции здесь обосновалась большая русская диаспора, которую по численности во Франции можно сравнить только с Парижем. В этом легко убедиться: стоит только открыть телефонный справочник и прочесть списки фамилий.

Русские появлялись на Лазурном берегу и после Второй мировой войны: деятели культуры, ученые, артисты на гастролях, а во время президентства генерала де Голля (конец 1950-х–1960-е гг.) стали развиваться контакты во всех областях, обмена студентами и специалистами, появились даже группы туристов.

В наши дни наплыв русских туристов несколько лет назад спас туристический бизнес на Лазурном берегу. Об этом во всеуслышание говорилось в СМИ. К тому же самые дорогие виллы, квартиры в лучших районах Лазурного берега куплены «новыми русскими».

В результате на Лазурном берегу сейчас постоянно живет очень большая и разнообразная русскоязычная публика: от беженцев из разных республик бывшего СССР, детей, усыновленных в российских детдомах, молодых женщин, вышедших замуж за французов, до художников, медиков, музыкантов, писателей, ищущих место под солнцем или уже нашедших его. С ними появились издания газет и журналов на русском языке, магазины с русскими продуктами, книгами, дисками....

Изучение русского языка в средней школе и высших учебных заведениях

Казалось бы, налицо все предпосылки для того, чтобы изучение русского языка расцвело. В действительности же все наоборот: русский язык в школах на Лазурном берегу начали изучать в Ницце в конце 1940-х - начале 1950-х гг. прошлого века. Начинали его учить с 12-13 лет, как второй иностранный. В середине 1960-х последовало бурное развитие: можно было изучать русский как первый, второй или третий иностранный, причем не в одной школе. В самой Ницце изучение русского языка велось в трех крупнейших лицеях города, а в 1971 году в университете (кстати, открывшемся в Ницце только в 1967 году) появилась кафедра русского языка. Правда, существовали только два первых курса, дальше студентам

приходилось ехать в Экс-ан-Прованс, в Гренобль или же в Париж. В то же время в средних школах региона открылись классы с русским языком (в Ментоне, в Монако, в Антибах, в Валбонне, в Каннах, в Сен-Рафаэле).

Спад начался после очередной реформы средней школы, когда колледжи отделили от лицеев. Поскольку изучение второго иностранного языка начиналось в колледже и продолжалось в лицее, а здания располагались иногда достаточно далеко друг от друга, не всегда находились преподаватели для колледжей, и как бы само собой исчезали желающие изучать русский язык в лицеях, он остался там только как третий иностранный. После последней реформы, касающейся иностранных и региональных языков, ниссарский язык занял место русского, притом изучение т.н. редких языков – таких как китайский, русский, арабский, иврит – стало возможным только в одном лицее «Парк империял». Еще несколько лет продержалось изучение русского как первого иностранного, чуть дольше – как второго, сейчас вымирает его изучение как третьего иностранного языка.

Благодаря усилиям некоторых преподавателей и директоров русский язык изучается почти подпольно, как третий иностранный или как факультатив, в одном из центральных лицеев Ниццы, а 7 лет назад его начали изучать в лицее по гостиничному делу и туризму. Кстати, там он пока, хотя с трудом, но прижился.

Параллельно с этим русский язык исчез из учебных заведений Ментоны, Монако, Антиб, Сен-Рафаэля. Он остался в Каннах и в международном лицее Валбонна, где сейчас учатся около сорока русскоязычных детей и, соответственно, появился стимул к развитию преподавания языка.

В университете же после ухода на пенсию последнего преподавателя и назначения нового преподавание русского языка сошло на нет.

Любопытно отметить два факта. Во-первых, с наплывом туристов, мигрантов, бизнесменов, русский язык стал представлять социально-экономический интерес. К 2000 году возник острый дефицит в специалистах, владеющих обоими (французским и русским) языками. За повышением языковой квалификации кинулись в частные заведения, в общественные организации, которые предлагали курсы русского языка, к сожалению, не всегда на нужном уровне.

Во-вторых, университет Ниццы в рамках европейских программ стал заключать договоры с университетами РФ и стран СНГ, особенно в области экономики, управления и права. Несколько попыток внедрения на соответствующих факультетах изучения русского языка не привели ни к чему. Если его изучение и предусматривалось европейскими программами, а с русской стороны все было сделано для того, чтобы студенты изучали французский, то с французской стороны вышли из положения таким образом: посылали студентов на стажировку в соответствующие русскоязычные университеты. Попытки преподавать русский в университете Ниццы периодически возобновляются, но пока безуспешно, несмотря на официальные речи и высказывания о его необходимости.

Употребляя современные рыночные понятия - на создавшийся повышенный спрос

нет соответствующего предложения со стороны государственных, региональных, муниципальных и даже частных структур. Последние, если что-то и пытаются организовать, то не более чем минимальное утилитарное усвоение навыков речи и письма. Но ведь язык к этому не сводится. Язык любого народа включает в себя историю этого народа. Он, как живое существо, рождается, растет и меняется, стареет и даже иногда умирает. Ограничение голой грамматикой, переводом слов и выражений на более или менее соответствующие иностранные никогда и никому не позволит понимать живого носителя языка. И это верно для любого уровня общения.

Начиная с 1995 года наша ассоциация «Перспектив Интернациональ» и я лично всячески пытались обратить внимание властей и методических кабинетов на целесообразность для нашего региона и Франции в целом правильного подхода к этому вопросу и развития интереса к русской культуре и языку. Если в свое время Петровская Россия сумела почерпнуть все лучшее из Европы, то не пора ли нам, европейцам, в свою очередь обратиться к тому лучшему, что есть в России, и тем самым дать ему новую жизнь? Ведь не случайно французский стал родным для русской аристократии и интеллигенции, не помешав при этом Пушкину создать современный русский литературный язык!

Об уровне и богатстве русской культуры, о значении ее для всех народов мира никто не спорит. Поэтому в 2002 году мы создали Русский дом в Ницце и продолжаем наш кропотливый труд, постоянно предлагая новые курсы русского языка, организуя при этом обмены, мастер-классы, лекции, конференции, концерты, выставки, уличные анимации... У нас существует камерный хор русской духовной музыки, в котором поют в основном французы, ансамбль русского народного танца. В этом году мы открываем курсы для детей от 7 лет, желающих изучать русский язык, причем уроки языка чередуются с уроками пения, рисования, ритмики на русском языке.

Наш замысел еще более амбициозен: мы хотим открыть настоящую школу, где от детского сада до 11-го класса дети смогут учиться параллельно по двум программам – русской и французской и по окончании учебы получают одновременно и аттестат зрелости, и степень бакалавра. Там же им будут предложены школа искусств (музыка, живопись, театр) и спортивные занятия. Но на это нужны огромные деньги, которых у нас нет. Чтобы они появились, необходимо убедить и власти, и инвесторов в экономической перспективности такой школы. Именно это и будет нашей задачей на ближайшие годы, помимо, конечно, обычной повседневной работы.

Русский исход в Китае

Олег Карпунин (Москва)

XX век вошел в историю России как столетие невиданных испытаний и потрясений, приведших к гибели или массовому рассеянию по всему миру лучших национальных сил. Численность русских эмигрантов, проживавших вне пределов России, превышала размеры населения некоторых суверенных государств.

Из трех великих исходов – еврейской диаспоры, выезда протестантов из Франции и русской эмиграции – последнюю называли самой крупной и с культурно-исторической точки зрения наиболее своеобразной. Оказавшись в изгнании и перенеся огромные лишения, большая часть русской интеллигенции, к чести своей, не только не озлобилась и не потеряла связи с отечественной культурой, но и во многом обогатила ее.

Возможно, для них, как в свое время для А.С. Пушкина и Ф.И. Тютчева, стоял вопрос: «Как войти в Европу и остаться Россией?». Каждый решал этот вопрос для себя, по-разному приспособляясь к нелегкой эмигрантской судьбе. Для основного большинства беженцев страна изгнания была иноязычной, но не инокультурной средой. И все-таки они были чужестранцами. Это положение было особенно тягостным для литераторов, которые утратили своего читателя. Как сказал один из них, приходится «говорить в пустоте».

В то же время у многих наших соотечественников было твердое убеждение, которое так хорошо выразил Георгий Федотов: «Быть может, никогда ни одна эмиграция не получила от нации столь повелительного наказа – нести наследие культуры». А потому: «Мы не в изгнании, мы в послании» – таким было их кредо.

Самый плодоносный русский культурный слой образовался в Париже, где, по словам Ю.К. Терапиано, в 1920-е гг. состоялась встреча разных поколений русских литераторов и возникла преемственность, органическая связь между дореволюционной поэзией конца «серебряного века» и поэзией пореволюционных поколений, прошедших во время гражданской войны через крушение не только материальных, но и многих духовных ценностей прежнего мира.

Центрами культуры русского зарубежья были Прага, Белград, Рига, Таллин, Нью-Йорк. Огромным ареалом русского рассеяния был Китай, который вобрал в себя цвет провинциальной российской интеллигенции, бежавшей из Сибири, Поволжья, Дальнего Востока.

Свыше миллиона их жило на территории этой страны: эмигранты-русские, эмигранты-евреи, эмигранты-кавказцы. Процветала русская жизнь и в «колониях» этой огромной, как называет американский исследователь Э. Штейн, эмигрантской империи – в Японии и Корее, где жило русское печатное слово, издавались многочисленные газеты, почти двести журналов. Сейчас из миллиона беженцев из России остались считанные единицы. Я убедился в этом, когда побывал в конце 1990-х гг. в Харбине и Шанхае – местах их наиболее

компактного проживания, встречался с некоторыми из них, слушал воспоминания старожилов, посещал библиотеки, храмы, кладбища... Ощущение затонувшей в океане времени Атлантиды не покидало меня.

Перед поездкой в Китай я сделал для себя массу выписок из различных эмигрантских газет того времени. Получился своеобразный дайджест, живописующий Китай тех лет и положение русских беженцев.

В конце 1920-х гг. основная часть русской эмиграции осела в Харбине и Шанхае, Тяньцзине и Синьцзяне. В целом местная русскоязычная пресса определяла экономическое и правовое положение русских беженцев в Китае как благоприятное. В начале 1930-х ситуация изменилась в худшую сторону, в Харбине в 1934 году произошло даже избиение русских. С приходом японцев порядок восстановился, но экономическое положение ухудшилось. Японцы методично вытесняли русских из промышленности и торговли, поэтому усилился отток русских из Маньчжурии в Шанхай. Устраивались главным образом на территории французской концессии. Одна из самых красивых улиц Шанхая, авеню Жоффри, стала неофициально называться «Московской», фасады домов здесь пестрели вывесками преимущественно на русском языке. В магазинах и ресторанах изъяснялись в основном по-русски. Правда, жилось нашим соотечественникам неважно, особенно тем, кто вынужден был переселиться из Маньчжурии. Некоторым приходилось работать рикшами-кули, чтобы не умереть с голоду. Во многих ночных клубах работали русские девушки. Их жизнь в Шанхае тоже нельзя было назвать розовым сном беспечной юности.

Здесь существовал единственный на всем Дальнем Востоке русский вооруженный отряд под трехцветным российским флагом. Это был так называемый волонтерский корпус, созданный властями для несения охранной службы. Тридцать серебряных долларов в месяц на всем готовом и привычная служба вполне удовлетворяла бывших чинов белых армий, — отмечает одна из шанхайских русских газет, — и поэтому все вакансии у волонтеров давно заполнены. Англичан приводили в восторг их лихость, добросовестность, выправка и дисциплинированность.

Многие русские нанялись к богатым китайским купцам в качестве телохранителей. Русские занимались торговлей, рыбным, лесным и мелкозаводческим промыслом, столярным, сапожным, портняжным ремеслами, хлебопашеством, скотоводством. Бывшие офицеры и чиновники служили у богатых китайцев конторщиками, приказчиками. Специалисты-строители строили дамбы, автомобильные дороги, дома для местных финансовых тузов в больших городах. Казаки из Семиречья вывели культуры высших сортов табака, что вызвало к жизни три табачные фабрики. Русские врачи, фельдшеры и акушерки поставили в местных условиях дело оказания врачебной помощи населения на европейскую ногу. Русские учителя учили русскому языку в китайских школах и китайских вузах; русские лесопромышленники снабжали города строительным материалом, а русские кузнецы, столяры, слесари и плотники обслуживали нужды горожан.

В Урумчае и Кульдже работали три эмигрантских винокуренных и два пивоваренных

завода. Круским сапожникам, портным и другим мастерам поступали в обучение молодые китайцы. Изделия этих мастерских вывозились даже в СССР. Пекари выпекали русский хлеб, пользовавшийся в магазинах большим спросом. Большинство мельниц Илийского края были в аренде у русских. В хлебопашестве русские заменили допотопную таранчинскую соху плугом, ввели жатвенные машины, сенокосилки. Впервые в крае возникло пчеловодство с образцовыми пасаками.

Число эмигрантов из Советского Союза в 1920-х гг. росло, правда, в начале 1930-х газеты писали уже об обратном процессе - начавшемся возвращении эмиграции на родину. В настроении русских «белогвардейцев» в Маньчжурии (их там насчитывалось около 100 тысяч) произошел перелом: люди, недавно еще готовые выступить с японцами против СССР, начали массами покидать Маньчжурию, направляясь либо в Китай, либо в Советскую Россию.

Даже беглый взгляд, брошенный на некоторые политические, экономические и даже этнографические реалии жизни русских в Китае, позволяет увидеть, что здесь россияне были носителями более прогрессивной культуры, активных форм жизни. Они счастливо избежали ассимиляции. Экзотика Востока не поглотила их, наоборот, высветила своеобразии их культурного потенциала, устремленность к родным истокам. «Мы живем на Востоке. Мы держим направление на Россию», - подчеркивалось в предисловии к литературно-художественному сборнику «Багульник» (Харбин, 1931). Любопытно, что авторы этого сборника представляли свою жизнь в Китае в исключительно романтических тонах с некоторым оттенком «вестерна», выделяя в жизни на Востоке тысячелетнее спокойствие буддийских монастырей, просторы морей, пахнущий медом кэпстен в трубках моряков, океанские пароходы, режущие дали Великого океана, и силуэты китайских кораблей с высоко задранной кормой и с рубиновым фонарем на мачте. Русские в Китае, судя по их описаниям, сражаются и охотятся на тигров, торгуют и борются с жизнью. Здесь так и слышится поступь гумилевских «одиссеев во мгле паровых контор, агамемнонов между трактирных маркеров». И только последняя фраза – «борются с жизнью» - опускает с небес на землю.

Харбин - китайский город с русской судьбой — один из самых молодых городов Китая, его история насчитывает немногим более ста лет. По китайским временным меркам это ничто. Да и собственно своего, «китайского» исторического прошлого у него маловато, зато на каждом шагу ощущаешь богатейший культурный пласт нашей отечественной истории.

По ночам, когда затихает жизнь современного многомиллионного Харбина, не перестают гудеть, переключаясь между собой, локомотивы, как бы напоминая о главном предназначении этого города — быть крупным железнодорожным узлом. Этим «узлом» еще Александр III задумал накрепко связать Дальний Восток, Россию и Китай. Говорят, это было чуть ли не главным свершением его царствования. Не случайно на постаменте поверженного в дни революции памятника Александру III высечены были слова: «строителю большой дороги».

Возникший на пересечении реки Сунгари и магистрали века железнодорожный поселок, а затем и город, Харбин совершенно такой же, как и многие его собратья на Руси: с добротной каменной кладкой домов, силуэтами церквей, просторными торговыми рядами. Изначальная уникальность его положения (и географического, и экономического, и политического) стала притягивать людей неординарных и предприимчивых. Здесь обосновались русские, украинцы, поляки, евреи, татары, армяне, грузины. Один из районов был китайским, назывался Фуцзядяном. За несколько десятков лет город стремительно вырос в многотысячный торговый и образовательный центр Маньчжурии.

Прошли годы, но до сих пор поражают полнота и разнообразие духовной жизни первых насельников на берегах Сунгари, их мужество в борьбе с природными и социальными невзгодами. Наводнения, чума и холера, бесчинства хунхузов, смена властей и режимов, войны и революции — все это в считанные десятилетия в жизни одного поколения харбинцев. Тем не менее, в городе царил дух созидания, не покидала атмосфера типичного провинциально русского домостроя. Даже в том, как застраивался Харбин, ощущается типично русская провинциальная традиция: он начинался с прибрежной части, впоследствии так и названного Пристанью. Улицы по тому же топонимическому принципу именовались: Артиллерийская — поскольку здесь был расквартирован полк, прибывший для подавления боксерского восстания; Казачья и Китайская — по признакам расселения; Полицейская, Аптекарская и Коммерческая — по названиям соответствующих учреждений.

С весны 1899 года Управление КВЖД приступило к застройке центрального района, получившего название Нового города. Именно здесь был заложен Свято-Николаевский собор — некогда один из крупнейших в мире деревянных храмов. Судьба собора трагична, его давно уже нет, а вот стоявший напротив Торговый Дом И.Я. Чурина и К° по-прежнему радует глаз своим откровенно российским обликом. В 1904 году, когда разразилась русско-японская война, Харбин стал военной базой. Здесь активно развивалась индустрия, поскольку фронт находился далеко от центров русской промышленности. Правда, после войны экономический «бум» несколько схлынул, предприниматели, коммерсанты стали разъезжаться.

Но вскоре Харбин был объявлен международным портом, что способствовало появлению здесь уже различных иностранных фирм. Население города стало еще более многонациональным, деловая и культурная жизнь поражали размахом и основательностью. Сбывались заветные планы С.Ю. Витте: Харбин и в самом деле начинал играть выдающуюся роль в упрочении экономического и политического влияния России на жизнь Китая и сопредельных с ним государств.

И кто знает, как сложилась бы в дальнейшем судьба этого грандиозного исторического предприятия, если бы не Октябрьская революция. Как и всюду, деловые страсти и здесь уступили место политическим. Харбин стал прибежищем различных революционных и контрреволюционных сил. Последние преобладали. Именно здесь вызревают планы борьбы «полярного мечтателя» А.В. Колчака за «единую и неделимую», сюда же затем отхлынули

остатки его армии, а вместе с ними и многочисленные обозы беженцев.

Пришли иные времена для Харбина. Уже не государственная имперская воля стала определять вектор его исторического развития, а переменчивые политические обстоятельства, множественность конкретных человеческих судеб. Город определился как центр русской эмиграции на Дальнем Востоке, ему уготовано было сыграть выдающуюся роль не только в истории двух великих держав, но и в жизни многих тысяч людей, которых волны революций и репрессий прибывали к берегам беспокойной Сунгари. Многие из них находили здесь временный или постоянный приют.

О Харбине первых лет эмиграции написано много, и почти все отмечают удивительную особенность этого города: уже в самой России все перевернулось, здесь же словно сохранялся островок, «град Китеж» русской патриархальности с ее разгульно-купеческим размахом, сытостью, соревновательной предприимчивостью и какой-то уверенной, несмотря ни на что, неколебимостью образа жизни.

Жизнь эта шла под знаком неукоснительного следования правилам и обычаям. Например, светлая Седмица проходила под трехдневный благовест малинового звона всех двадцати двух церквей, и каждый харбинец мог подняться на колокольню «поиграть» на колоколах. Непременным было освящение фруктов па Преображение, торжественное празднование Николина дня 19 декабря и 2 мая. Ведь Никола Угодник был покровителем Харбина.

Эмиграционные волны в начале 1920-х гг. всколыхнули жизнь Харбина — забурлили политические страсти, стали создаваться различные партии, организации. Возникло много кружков и объединений — литературных, научных, художественных. Появилась сеть библиотек — общественных, частных — с тысячами томов книг и журналов на разных языках.

Самым большим книгохранилищем города считалась Центральная библиотека КВЖД, директором которой многие годы был известный политический деятель, «сменовеховец» Н.В. Устрялов. И здесь харбинцы не изменили российской традиции, назначив на этот пост одного из самых образованных и известных людей. Увы, сегодня от сказочных богатств этой библиотеки остались лишь воспоминания: книги расположены на полках бессистемно, порой просто свалены кучей на пол и, судя по толстому слою пыли, ими мало кто пользуется.

Конечно, в отличие от берлинской и пражской русских колоний в Харбине все-таки ощущалась провинциальность, не случилось такого количества блистательных имен, зато не так трагично воспринималась оторванность от родины, ее корней: в русском окружении не нужно было приспосабливаться к чужому языку, иным традициям и образу жизни.

В 1920-х гг. в Харбине собираются лучшие артистические силы России, создается балетная школа. Репертуар местной оперы был вполне уместен в любом столичном театре, в разные годы на ее сцене пели Ф. Шаляпин, С. Лемешев, известные оперные певцы Италии. А самым первым музыкальным коллективом Харбина был — ни много, ни мало — целый симфонический оркестр, который появился здесь чуть ли не с момента закладки города и просуществовал до 1946 года.

Образовательный уровень русского населения Харбина был чрезвычайно высок: здесь

насчитывались десятки школ, гимназий, реальных училищ, где, случалось, преподавали приват-доценты и даже профессора. В 1920–1930-х гг. были открыты Харбинский политехнический, юридический и богословский факультеты, медицинский, педагогический и ориентальный институты. Молодежь стремилась учиться, почти не было юношей и девушек, которые бы не имели среднего образования. Особое внимание обращалось на преподавание литературы, истории и русского языка - выпускники харбинских гимназий, как когда-то лицеисты, обязаны были знать теорию стихосложения, учили наизусть множество стихотворений. В коммерческих училищах, гимназии Христианского Союза молодых людей, гимназии им. Ф.М. Достоевского, в Реальном училище под руководством преподавателей старшеклассники издавали литературные журналы.

Высокий уровень гуманитарного образования в школах и вузах Харбина во многом, очевидно, обусловил его богатую и разнообразную литературно-художественную жизнь. Здесь было много талантливых поэтов и журналистов, создавших при Христианском Союзе молодых людей литературное объединение под названием «Молодая Чураевка». Широко известный всем на Дальнем Востоке журнал «Рубеж» охотно предоставлял им свои страницы. Чаше всех публиковались наиболее талантливые из них: Н. Резников, А. Несмелов, который, кроме великолепных стихов, был также автором коротких рассказов. Главным же литературным явлением в Харбине, по воспоминаниям В.П. Петрова, живущего сейчас в Америке, был писатель Н.А. Байков, автор нескольких романов, среди которых особенно известны за рубежом «Черный капитан», «Шу Хай», «Великий Ван».

На сегодняшний день в Китае не осталось русских эмигрантов первой волны. Русские, однако, с деловыми и культурно-гуманитарными миссиями в Харбине появляются. Но где бы ни были сейчас бывшие харбинцы - в самом ли Харбине, в Америке, или в Австралии - для них этот город их единственное и самое дорогое воспоминание, затонув в одночасье, как сказочный град Китеж, остался в памяти «не находящимся уже на земле, но существующим». Единственное русское кладбище несколько лет назад перенесено за черту города, на месте прежнего в годы культурной революции сооружен стадион. Под железобетонными конструкциями, футбольным полем – свыше ста тысяч захоронений. На новое кладбище перенесено около семисот захоронений. Много безымянных и заброшенных могил.

Наши коллеги в Харбине искренне попытались нам помочь в нашем стремлении ознакомиться с местными архивами, имеющими отношение к культурной жизни русских поселений. Но, к сожалению, разрешения на это получено не было, и только в последний день пребывания мы были проинформированы китайской стороной, что часть интересующих нас материалов (архив КВЖД) находится в партархиве провинции Хэйлунцзян, а часть в партархиве Пекина. Все материалы засекречены.

Может быть, возможен обмен «секретами» между архивами России и КНР? Будем надеяться.

В Шанхае заметно ощущается присутствие океана: влажный воздух, ветер, рваные облака на кромке морского горизонта. Это город платанов, их высоченные кроны смы-

каются над закрученными порой в немыслимые эстакады авеню. Знаменитый проспект Нанкин-лу поражает обилием рекламных огней и круглосуточным бурлением жизни. Как и всюду в Китае, в Шанхае, где проживает четырнадцать миллионов, особенно осознаешь себя несколько потерянно в этом человеческом водовороте. Очевидно, те же ощущения были и у моих соотечественников, которым в середине 1930-х гг. пришлось перебраться сюда из Харбина, Мукдена или Чанчуня.

Именно в Шанхай в довоенные годы перемещается центр русской эмиграции в Китае. Тому было много причин, одна из основных – японская оккупация и продажа КВЖД «независимой суверенной Маньчжурской империи», что обусловило значительный отток русского населения на юг. Основная часть осела в Шанхае – свободном городе, где были так называемые сеттльменты – особые кварталы для проживания иностранцев, пользующиеся экстерриториальностью и управляемые, как правило, администрацией соответствующей державы. Вот почему архитектурный образ Шанхая во многом определился национальными стилями его иностранных колоний. И насколько Харбин по своей архитектуре был русским городом, настолько Шанхай – чопорно-европейский.

В начале 1940-х гг. здесь обосновалось свыше двадцати тысяч бывших россиян. Своего сеттльмента у них по понятным причинам не было, но жили компактно, в основном на территории французской колонии. Существовали русское общественное собрание с библиотекой, несколько учебных заведений и литературных кружков, издавались газеты «Шанхайская заря», «Слово» и журналы «Прожектор», «Парус», «Сегодня» и др.

В отличие от Харбина, здесь окружение у наших соотечественников было иностранным, как в Париже или Берлине, и, тем не менее, как отмечает П.Е.Ковалевский, русский Шанхай (и в еще большей степени Харбин) сохранил русский язык и русские традиции в несравненно более чистом виде, чем русские эмигранты, попавшие в Европу и США. Скорее происходил обратный процесс: значительное иностранное присутствие заметно повлияло на внешний и внутренний облик шанхайской интеллигенции, особенно старшего поколения. Например, по манере держаться и изысканности в одежде деятели искусства и культуры заметно отличались от своих пекинских и харбинских коллег, напоминая в чем-то англичан, а раскованностью и непринужденностью общения – французов. Узнав о цели нашего приезда, эти пожилые шанхайские джентльмены были на редкость предупредительны и охотно делились воспоминаниями о совместной работе с эмигрантами из России.

По словам Цао-Ина, заместителя председателя Ассоциации переводчиков Китая, в начале 1940-х гг. Россия, ее язык, великая литература олицетворяли и их собственное человеческое достоинство, внушали исторический оптимизм и надежду в борьбе с японскими захватчиками. Поскольку в то время между СССР и Японией существовали дипломатические отношения, в Шанхае работало представительство ТАСС, получившее право выпускать периодические издания – еженедельник «Эпоха» и ежемесячник «Литература и искусство СССР». Восемнадцатилетний Цао-Ин, выучив русский язык, охотно сотрудничал в этих изданиях, перевел на китайский язык произведения М.Шолохова и так увлекся

этим трудным ремеслом, что и не заметил, как оно стало опасным. В годы культурной революции его заклеямили «агентом Шолохова», «торговцем духовным опиумом». Тяжело пострадала семья, а сам он чуть было не стал инвалидом. Несмотря на испытания, Цао-Ин подготовил к изданию на китайском языке 12-томное собрание сочинений Льва Толстого и 8-томное – Шолохова. На улице Персиковой реки в Шанхае стоит памятник А.С. Пушкину. Известно, что не в традициях Китая ставить кому-либо из литераторов памятник, и тем более иностранному поэту. История памятника вновь возвращает в 1930-е гг. В то далекое время наши соотечественники объявили о сборе средств на увековечение памяти Пушкина. По этому случаю был создан специальный комитет, который добился права воздвигнуть в центре Шанхая, на территории французского сэтльмена, скромное изваяние поэта по случаю столетней годовщины его гибели. Авторами памятника были русские эмигранты – скульптор Петр Горский и архитектор Гэлан. Как рассказывал сам скульптор, за основу памятника он взял известный портрет поэта, созданный Кипренским.

Открытие памятника состоялось 11 февраля 1937 года. Несмотря на холодную погоду, русские эмигранты с раннего утра стали стекаться с разных концов города на улицу Персиковой реки. Тихая шанхайская улица никогда не видела такого скопления людей. Среди присутствовавших звучала русская, а также английская, французская, китайская речь. Сотни людей, представляющие разные национальности, классы, социальные слои, верования, возрасты, собрались вместе, чтобы отдать дань великому поэту, почтить память таланта, олицетворяющего выдающийся вклад русской нации в сокровищницу мировой, общечеловеческой культуры. На торжественной церемонии присутствовали представители китайских, французских, английских общественных организаций, местных властей. Торжество закончилось возложением к памятнику венка из белых лилий.

В тихий уютный скверик, где стоял бюст Пушкина, стали постоянно приходить почитатели поэзии. А шанхайские журналисты так и называли это место - «уголок поэта». Сегодня о достоинствах или недостатках памятника можно судить лишь по смутным любительским снимкам: в 1944 году гранитный пьедестал был разрушен японцами, а бронзовый бюст поэта отправили на переплавку. Лишь в 1947 году, опять-таки благодаря стараниям русских эмигрантов и на их средства, памятник Пушкину был восстановлен, но в августе 1966 года хунвэйбины сломали постамент. Прошло более 20 лет, и китайские скульпторы Ци Цзычунь и Тао Юнь – Лун создали новый памятник. В отличие от прежнего бюста, на котором лик поэта был обращен на восток, теперь он смотрит на юг. По китайской традиции в этом залог неприкосновенности, вечности, проявление уважения и почитания.

С 1947 года начался массовый исход русской эмиграции из Шанхая. Многие вернулись на родину, где их ожидала разная, порой очень неласковая судьба, часть уехала в Австралию, Канаду и Латинскую Америку. Четверть века жизни русских в Шанхае, конечно, миг для истории этого миллионного и разноязычного города, но, как и повсюду в Китае, где они жили, о них сохранилась благодарная память, еще не везде стерт временем и политическими обстоятельствами тот «культурный слой», что оставлен ими.

*Группа студентов и преподавателей Юридического факультета. Май 1928 года
Создание и развитие высших учебных заведений в Харбине - одна из наиболее
замечательных страниц, в жизни русской Маньчжурии. Усилиями русской
общественности были созданы Харбинский политехнический институт,
Педагогический институт, Институт Св. Владимира, Институт ориентальных
и коммерческих наук, Юридический факультет. Последний просуществовал до
1938 года. Через него прошло свыше 3 тысяч студентов разных национальностей.
Многие из окончивших (свыше 300 выпускников) внесли огромный вклад в развитие
культуры и науки в разных странах.*

Четвертый выпуск одного из лучших средних учебных заведений Харбина – Гимназии имени Ф. М. Достоевского, открытой в 1926 году

Свято-Николаевский собор

Храм, посвященный Святителю Николаю Мирликийскому, заложен в центре Харбина весной 1899 года по проекту петербургского архитектора И.В. Подлевского. Конструкция храма была деревянной, в строго выдержанном стиле шатровых церквей русского зодчества. Храм торжественно освящен 18 декабря 1900 года, по указу Святейшего Синода от 29 февраля 1908 года признан собором. В 1933 году приход построил в ограде собора Иверскую часовню по образу московской Иверской часовни.

Традиционные Русские балы и благотворительность

Ольга Косогор (Санкт-Петербург)

Бал пришел в Россию из Европы и приобрел черты, отличающие его от западноевропейской традиции. Основательным источником сведений о бальной культуре России, анализирующим и обобщающим ее тенденции, является недавно вышедшая книга А.В. Колесниковой «Бал в России: XVIII – начало XX века». По мнению ее автора, европейский бал – поликультурен, русский – национально-специфичен.

Традиция обращения к русской народной теме на дворянских увеселительных собраниях имеет долгую историю и уходит корнями в допетровские времена, когда русских царей развлекали женскими хороводами и мужскими плясками.

Переноса ассамблеи в начале XVIII века на русскую почву, Петр I стремился к консолидации общества и приобщению максимального количества людей к ценностям европейской цивилизации. Поэтому посещение ассамблей было обязательным для представителей разных социальных слоев, причем, наблюдалась тенденция к синтезу европейских и русских культурных традиций. Так, исполнение русских народных танцев на светских собраниях поощрялось императором, прижилось на балах в России и стало одной из отличительных черт русских светских собраний.

В царствование Елизаветы Петровны стиль русского танца был облагорожен и окультурен. В 1744 году балетмейстер Ж. Ланде поставил русский народный танец на театральных подмостках. В елизаветинскую эпоху «казачок» и «русская» оформляются как новые салонные бальные танцы. В XIX веке эта тенденция в бальной культуре проявилась в многочисленных костюмированных балах на «русскую тему».

«Русская тема» могла быть стержнем бала, подчиняя себе все его элементы, а могла быть одним из мотивов праздника. Например, 3 сентября 1856 года проводился народный бал, на котором императрица и ее приближенные появились в русских сарафанах; 25 января 1883 года костюмированный русский бал был дан во дворце Великого князя Владимира Александровича. Костюмы представляли допетровскую Русь и «были изготовлены с изяществом и исторической точностью». Во время ужина исполнялись исключительно русские песни.

В 1903 году в Зимнем дворце проводился костюмированный бал, стилизованный под Россию XVII века и даже состоялась репетиция в Эрмитажном театре. Бал имел большой успех и был в деталях повторен через неделю в доме графа А.Д. Шереметева. Широко известные фотографии членов императорской семьи в русских костюмах связаны именно с этим балом.

Примечательно наблюдение М.П. Бок, старшей дочери П.А. Столыпина, о том, что русские старались сохранять и демонстрировать особенности национальной культуры.

После 1917 года М.П. Бок, описывая проводимые в Берлине русские балы, отмечала, что на всех мероприятиях, куда необходимо было являться в придворном платье, русские дамы выглядели особенно эффектно: «Кокошник, фата, богато вышитое исторического покроя русское платье со шлейфом...».

Бал, несомненно, можно рассматривать и как форму светской службы. Петровские ассамблеи ввели в сферу светской жизни женщин и богатых купцов, представителей инженерной и мастеровой элиты. Под одной крышей собирались люди разного социального статуса, но выполнявшие общую миссию – строительство новой России. После смерти Петра ассамблеи претерпели сильные изменения: аристократия изгнала из собраний мастеровой люд и купечество, незнатных дворян, и танцевальный вечер стал инструментом социальной стратификации. Теперь они объединяли людей одного социального круга, способствуя формированию сословной корпоративности. Балы и танцевальные вечера приобретают новую функцию - самоидентификационную, которая давала возможность их участникам ощутить себя среди своих.

С 1730-1740 гг. в Петербурге, а затем и в других городах страны танцевальные вечера могли устраивать представители любых слоев в помещениях, снятых в аренду с разрешения полиции. Цена билета не превышала одного рубля и, вследствие малочисленности женщин в Петербурге, плата взималась исключительно с мужчин. Каждый танцевальный зал собирал свой контингент: чиновников и офицеров, купцов или приказчиков и лакеев. Со времен Екатерины II стали появляться общественные клубы, которые родились от жажды общения по сословному, профессиональному, религиозному признаку, с благотворительной или развлекательной целью. Эти клубы также проводили танцевальные вечера.

Со временем балы разделились на придворные, сословные, публичные и частные. Дворянство могло посещать придворные, публичные и частные балы. Из публичных балов дворяне обычно посещали лишь те, что проводились с благотворительной целью.

С конца XVIII в. по всей России стали возникать Дворянские собрания как органы дворянского самоуправления. Помимо административных, Дворянские собрания выполняли и общественно-культурные функции. Проводились ими и балы.

Купечество устраивало свои сословные балы: в Коммерческом обществе, в Русском купеческом обществе взаимного вспоможения, Купеческом клубе. Танц-клуб, открытый в 1785 году гробовым мастером Уленгугом, предоставлял членство исключительно нечиновным лицам купеческого и мещанского сословия.

В 1863 году открылся Служительский клуб, цель которого заключалась в предоставлении возможности лакеям, горничным и другим слугам совместно проводить досуг.

Постепенно балы стали частью культурной жизни. Сложились правила и традиции проведения балов, определились их социальные функции (возможность внеслужебных контактов, ярмарка невест и т.п.). Бальная культура входила в жизнь человека уже в детские годы в виде уроков танца, этикета и посещения детских балов и становилась частью образа жизни. При большой популярности этой формы досуга появились условия для включения

балов в структуру благотворительной деятельности.

Со второй половины XIX века появляются различные профессиональные общества, которые были призваны оказывать социальную помощь, материальную поддержку нуждающимся членам общества. Примером может служить деятельность Общества Гражданских инженеров, которое проводило балы и маскарады.

Среди балов, устраиваемых профессиональными сообществами, особую роль в праздничной культуре Петербурга играли балы художников, которые устраивались с 1860-х гг. Первоначально они проходили в залах Академии художеств и имели целью собрать средства в помощь «недостаточным» учащимся этого и учебного заведения. В то же время они были и формой общения студентов и преподавателей в часы досуга, и способом развития творческого потенциала учащихся. На пике своей популярности в конце 1880-х – начале 1900-х гг. костюмированные балы, помимо Академии художеств, стали проводиться в лучших залах столицы: в здании Дворянского собрания, в театрах, в Таврическом дворце. Они приобрели такую популярность, что на эти балы съезжался весь цвет Петербурга, в том числе и члены царской семьи.

Стоимость билетов составляла 5-10 рублей, и приобрести их можно было в Академии художеств и в крупных магазинах, а пожертвования за почетные билеты могли составлять 100 рублей. Балы художников стали популярны благодаря особому художественному вкусу, с которым они проводились: создавались специальные балльные комиссии, из преподавателей и студентов. Они разрабатывали программу бала, которая затем утверждалась президентом Академии, петербургским градоначальником, представителем Министерства Двора, Академическим советом.

Обычно в своей основе балы имели определенную тему, согласно которой создавались декорации, киоски, костюмы, пригласительные билеты - на их изготовление объявлялся конкурс среди учащихся Академии - живые картины, художественные процессии. В 1892 году бал назывался «Канун Купала», в 1900 – «Торжество красоты, или Фрина на Элевсинском празднестве», в 1901 – «Бал-Сказка», в 1902 – египетские мотивы, в 1906 – «Бал-Весна», В последующие годы балльные помещения превращались то в афинский Акрополь и греческий рынок, то во Францию времен Людовика XV, причем не только декорации и обстановка, но и музыка и танцы соответствовали традициям XVIII в. В год столетия А. С. Пушкина 22 декабря 1899 года Академия организовала бал памяти поэта «Петербургский листок», тематическое наполнение давали мотивы произведений поэта.

Помимо танцев в программу балов входили живые картины, часто по живописным полотнам присутствующих на балу художников. За лучшие костюмы присуждали призы – это были работы знаменитых художников.

Свои танцевальные вечера проводили немецкая, французская, польская и другие диаспоры. Это была возможность общения с близкими людьми в условиях чужой веры и культуры.

При большой популярности маскарадов существовали специальные магазины, где костюм можно было взять напрокат. Среди развлечений числились лотерея-аллегри, тир, гадалка.

Общение представляло не менее важную сторону бала, чем танцы: балы посещали и пожилые люди, не участвующие в танцах. Бальное помещение включало в себя кроме танцевального зала курительную, буфетную, игровую комнаты. В антрактах между танцами устраивались игры, фанты. В конце танцевального отделения вечера во время мазурки перед ужином дамам раздавали цветы: мимозы, нарциссы или фиалки.

Маскарады имели свои особенности. В России маскированные собрания впервые появились при Петре I - это могли быть многодневные шествия на открытом воздухе, имевшие определенный сценарий и обычно приуроченные к памятным датам или событиям государственного значения. Подобные маскарады были близки театральным представлениям, участники которых разыгрывают спектакль перед зрителями.

Одним из наиболее известных маскарадов петровского времени был пятидневный маскарад в Москве в начале 1722 года по поводу празднования подписания Ништадтского мира. Не все маскарады сопровождалось танцами, но там, где танцы присутствовали, они не являлись «эпицентром» собрания – основным назначением маскарадов был отдых от образа жизни, регламентированного правилами этикета. На придворных маскарадах обыкновенно бывало не более 200 человек, на публичных – до 800.

Особого размаха культура маскарадов достигла в екатерининскую эпоху, отмеченную расцветом «аллегорических» маскарадов. Наиболее известный из них – «Торжествующая Минерва» (Москва, начало 1763 года) по случаю коронации Екатерины II. Его подготовка была поручена актеру Ф.Г. Волкову, а также литераторам А.П. Сумарокову и М.М. Хераскову. В нем приняло участие 4 тысячи человек. Цель маскарада – осмеяние человеческих пороков: распутства, пьянства, мотовства и т. д. – и воспевание добродетелей.

Маскарады 1760-х гг. (3 рубля, у Локателли) начинались концертом, «пока съедутся столько масок, чтобы бал зачать можно было. Без маскарадного платья и подлые люди не впускались. Билеты и маски всякого сорта можно покупать тут же» (*Пыляев*). К началу XIX века сформировался особый маскарадный этикет: не принято было появляться в маскарадах вместе семейной паре; в маскараде обращались друг к другу на «ты», что подчеркивало половое и сословное равенство.

Наиболее популярными публичными увеселительными заведениями считались театральные маскарады Фельетта, которые в 1803 году были переданы в ведение Дирекции Императорских театров. От маскарадов дирекция получала большую выгоду. После окончания наполеоновских войн публичные театральные маскарады стали одним из средств сбора денег в пользу инвалидов войны. Согласно распоряжению 1816 года каждый театр обязан был ежегодно проводить по одному такому маскараду.

6 декабря 1830 года состоялся маскарад в пользу заведений, устроенных для вспоможения страждущим холерой. Цена билета составляла 5 рублей, но желающие могли пожертвовать большую сумму. Шестнадцать человек заплатили сверх установленной платы за вход до 500 рублей. Их имена были занесены в специальную книгу.

Со второй половины XIX в. бальная культура постепенно угасает. Сокращается число

придворных и частных балов, проводившихся с большим размахом. На смену им приходят публичные балы, маскарады и танцевальные вечера благотворительного или коммерческого характера. На самих танцевальных вечерах шло упрощение бального этикета. По мнению современников, театральные залы завоевывает фамильярная распушенность. В это время широкое распространение получили танцклассы – танцевальные залы, в которых танцмейстеры не только обучали основам бальных танцев, но и устраивали собственные публичные вечера. Первый открылся в 1763 году, а в 1862 году в Петербурге их насчитывалось 26.

Весь Петербург затанцевал,
Как девочка, как мальчик;
Здесь что ни улица, то бал;
Здесь что ни бал – скандальчик.
(В. Курочкин)

На один из подобных танцевальных вечеров в романе Достоевского «Преступление и наказание» идет Свидригайлов в поисках легкой интрижки.

На рубеже XIX-XX вв. увеличилось число ресторанов, перенявших некоторые функции танцевальных собраний и обретавших все большую популярность. Рестораны частично заменили балы, здесь можно было не только поесть и посмотреть выступления артистов, но и потанцевать. Последний бал в Зимнем дворце состоялся зимой 1904 года. Последним бальным сезоном в России стала зима 1913-1914 гг.: начавшаяся война поставила официальную точку в истории русских балов, по мнению А. Колесниковой, автора книги «Бал в России».

Однако история танцевальных собраний не закончилась: балы и танцевальные вечера глубоко проникли в культурную память России: в течение почти двух столетий они были неотъемлемой частью общественной жизни страны. После 1917 года социалистическая культура утверждалась, осваивая отдельные элементы дворянской. Появился «демократический бал». На некоторых танцевальных вечерах за старые танцы даже платили: за лучшее исполнение мазурки – 3 фунта хлеба, за лучший тур вальса – фунт сахара. Об одном из «демократических балов» «Красная газета» писала, что на подобных танцевальных вечерах было принято прокладывать себе путь локтями, толкаться, освобождая место для танцев.

В первые годы советской власти широко дебатировался вопрос о вреде дореволюционных танцев. Бальные танцы были провозглашены мещанскими, с выраженным сексуальным уклоном, не соответствующим новой культурной политике. Складывалась традиция советских массовых праздников с живыми пирамидами и спортивными парадами. Постепенно место танцевальных вечеров в сфере досуга стало более скромным.

Изменился и характер самих танцев: большое количество пар и маленькие размеры помещений привели к тому, что сложный рисунок бальных танцев стал упрощаться и в конечном счете стал похож на простое «перетоптывание» на месте, не требующее специального обучения.

Культурная память сохранилась в школьных выпускных балах, где уцелел школьный вальс. Возникла тенденция перед бракосочетанием брать несколько уроков танцев, чтобы включить в торжества свадебный вальс. В Петербурге в последние годы появилось много танцевальных школ и танцевальных клубов.

В последнее десятилетие предпринимаются попытки возрождения балов для предпринимателей, представителей художественной интеллигенции и потомков дворянских родов. Пока они выглядят стилизацией собраний прошлых времен, а игра в этикет приобретает бутафорский характер.

Но наши соотечественники за рубежом традиции сохраняли. В 1938 году вечера Дворянского собрания начала устраивать в США княгиня Оболенская-Трубецкая. В 1972 году в нью-йоркской гостинице «Пьер» графиня Бобринская устроила первый настоящий русский бал, который положил начало ежегодной традиции. Таким образом, можно отметить сохранение традиции восприятия бала как формы демонстрации национальной общности.

Еще более ярко прослеживается традиция использования балов как формы сбора средств на благотворительные цели. По материалам газеты «Русское слово» Михаил Близнюк собрал хронику некоторых событий культурной жизни русской Америки 1935-1963 гг.

По воспоминаниям участников, благотворительный бал в первую очередь был общественным мероприятием, освященным русской традицией благотворительности, верным способом собрать деньги. И одновременно отдушина в нелегкой эмигрантской повседневности.

В октябре сезон начнется –
У имперцев русский бал.
Русский пятого проснется
и заполнит клубный зал.
Ведь жара уже спадает,
Танцевать опять хотят.
Русский человек мечтает...
Развлеченья веселят...
Позабыть свои невзгоды
Каждый хочет хоть на час.
Так явитесь же толпою
В Русском клубе ждем мы Вас.
(газета «Россия», 24 сентября 1957)

Похожая картина наблюдалась и в других странах, давших убежище русским эмигрантам. Так, в 1930 году проводился концерт и бал «Вечер русской сказки» в пользу санатория в Топчидере для заболевших русских воинов-участников мировой войны; в 1936 году Союз русских офицеров, награжденных орденом и оружием Св. Георгия Победоносца в Коро-

левстве Югославия, устроил концерт-бал в пользу кавалеров в тяжелых материальных условиях.

Таким образом, идея бала как формы консолидации сообщества и демонстрации национальной принадлежности оказалась жизнестойкой на протяжении 300 лет и в XX в. особенно ярко прослеживалась в общественной жизни Русского зарубежья.

В этом контексте опыт «Русского дома» в Таллине по освоению и продвижению бальной культуры заслуживает большого уважения. Концептуально идея проведения балов соответствует русской традиции и согласуется с PR-задачами деятельности этой общественной организации. В сложившихся условиях закономерной необходимостью является включение в сценарий обучение бальному этикету и танцевальным элементам, что несет и просветительскую составляющую. По мере освоения бальной культуры мы сможем находить все больше возможностей реализовать через нее разнообразные культурные проекты.

Авторы

Абисогомян Р. – магистр философии. Тарту

Белобровцева И. – профессор Института славянских языков и культур Таллинского университета

Воху Э. – ведущий специалист департамента культурных ценностей г. Таллина

Гречишкина О. – общественный деятель, журналист, редактор, переводчик. Таллин

Ермаков И. – руководитель ансамбля народной музыки «Златые горы» и шоу-группы «Iris». Таллин

Исаков С. – эмерит-профессор Тартуского университета

Карпухин О. – профессор Московского гуманитарного института, заслуженный деятель науки РФ. Москва

Кормашов Н. – художник, реставратор. Таллин

Косогор О. – ведущий аналитик автономной некоммерческой организации культуры «Русский клуб». Санкт-Петербург

Левин М. – искусствовед, главный специалист Художественного музея Эстонии. Таллин

Ликвинцева Н. – старший научный сотрудник Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Москва

Лилленурм П. – руководитель научно-мемориального объединения Светлейшего Князя А.П.Ливена. Москва

Меймре А. – директор Института славянских языков и культур Таллинского университета

Метлов Э. – общественный деятель, преподаватель русского языка, переводчик. Ницца

Мянник С. – член Синода Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Таллин

Пономарева Г. – старший научный сотрудник Таллинского университета

Рогачевский А. – преподаватель Университета города Глазго

Суродина Т. – генеральный директор автономной некоммерческой организации культуры «Русский клуб». Санкт-Петербург

Теэ О.- руководитель объединения ветеранов «Рубин». Таллин

Тэе М. – директор неформального общества «Русский дом» в Эстонии. Таллин

Хачатурян А. – научный сотрудник Центра современных культурных исследований Таллинского университета

Шор Т. – старший научный сотрудник Исторического архива Эстонии. Тарту

